

Консорциум специалистов по спортивному праву

**Юридический анализ докладов
ВАДА против российского спорта
2015–2016 гг.**

**Juridical analysis of the WADA reports against the
Russian sports in 2015–2016**

**Analyse juridique des rapports de l'AMA
contre le sport russe en 2015–2016**

**Москва
2016**

УДК 34:79; 34:61; 341; 343
ББК 67.4; 75.0; 75.7

**Юридический анализ докладов ВАДА против
российского спорта 2015–2016 гг.: Сборник / Сост. д.ю.н., проф.
И.В. Понкин / Консорциум специалистов по спортивному
праву. – М.: Буки-Веди, 2016. – 230 с.**

ISBN 978-5-4465-1318-5

Сборник включает ряд юридических заключений (на русском языке и в переводах), посвященных анализу документов, выполненных по обращению Всемирного антидопингового агентства и порочащих российский спорт, – Доклада Р. Макларена от 16.07.2016 и Итогового отчёта № 1 комиссии Р. Паунда, Р. Макларена и др. от 09.11.2015. Доказывается, что данные доклад и отчёт были сфальсифицированы. В дополнение представлено заключение на один из фильмов немецкого телеканала ARD, поскольку на него содержались ссылки в указанных докладе и отчёте.

ISBN 978-5-4465-1318-5

Содержание

<i>Понкин И.В., Богатырев А.Г., Редькина А.И.</i> Заключение от 27.09.2016 по Докладу Р. Макларена от 16.07.2016 «Расследование ВАДА обвинений российских участников Олимпиады в Сочи в употреблении допинга»	5
<i>Понкин И.В.</i> Текст выступления 27.09.2016 в Совете Федерации ФС РФ	41
<i>Ponkin I.V., Bogatyrev A.G., Redkina A.I.</i> Critical analysis of R. McLaren's Report dated 16.VII.2016	47
<i>Ponkine I.V.</i> Conclusion concernant le Rapport de R. McLaren du 16.07.2016	77
<i>Ponkin I.V.</i> Analyse zum Bericht von R. McLaren vom 16.07.2016	92
<i>Понкин И.В., Гребенников В.В., Кузнецов М.Н.</i> Заключение по Итоговому отчёту «независимой комиссии» Р. Паунда, Р. Макларена и др. № 1 от 09.11.2015	108
<i>Ponkin I.V., Grebennikov V.V., Kouznetsov M.N.</i> Critical analysis of the Final Report by the "Independent Commission" of R. Pound, R. McLaren and others dated 09.XI.2015	123
<i>Ponkine I.V., Grebennikov V.V., Kouznetsov M.N.</i> Conclusion concernant le Rapport de la «Commission indépendante» de R. Pound, R. McLaren, etc. du 09.11.2015	136
<i>Ponkin I.V., Grebennikow W.W., Kuznetsov M.N.</i> Befund über den Abschlussbericht der «unabhängigen Kommission» von R. Pound, R. McLaren u.a. von 09.11.2015	151
<i>Ботнев В.К.</i> Заключение по Докладу Р. Макларена от 16.07.2016 с учётом Итоговому отчёта комиссии Р. Паунда, Р. Макларена и др. № 1 от 09.11.2015	166
<i>Botnev V.K.</i> Critical analysis of R. McLaren's Report dated 16.VII.2016	173

<i>Botnev V.K.</i> Conclusion sur le contenu du Rapport de R. McLaren du 16.07.2016	179
<i>Botnev V.K.</i> Analyse zum Bericht von R. McLaren vom 16.07.2016	186
<i>Слободчиков В.И.</i> Заключение (мнение специалиста) от 14.09.2016 по фильму «Секретное дело Допинг: День X для России» («Geheimsache Doping: Showdown für Russland») немецкого телеканала ARD	193
<i>Slobodtchikov V.I.</i> Critical analysis of the “Doping – Top Secret: Showdown for Russia” (“Geheimsache Doping: Showdown für Russland”) documentary of the German television channel ARD	213

Понкин И.В., Богатырев А.Г., Редькина А.И. Заключение от 27.09.2016 по Докладу Р. Макларена от 16.07.2016 «Расследование ВАДА обвинений российских участников Олимпиады в Сочи в употреблении допинга»

Содержание

Вводная часть

1. Анализ содержания Доклада Р. Макларена
 - 1.1. Оценка «методологии расследования» в Докладе Р. Макларена
 - 1.2. Оценка заявленных задач и предмета «расследования», их соответствия выводам Доклада
 - 1.3. Оценка фактологической и иной источниковой основы Доклада Р. Макларена
 - 1.3.1. Заявления Г. Родченкова как один из источников информации в основе Доклада Р. Макларена
 - 1.3.2. Сведения из газет и из телефильмов как один из источников информации в основе Доклада Р. Макларена
 - 1.3.3. Материалы некоей «электронной переписки»
 - 1.3.4. Прочие источники
 - 1.4. Оценка адекватности сроков производства заявленного «расследования» Р. Макларена и производства по результатам такого расследования доклада
 - 1.5. Оценка обоснованности привлечения к производству Доклада заявляемых в нём иных лиц
 2. Анализ Доклада Р. Макларена по формальным основаниям
 - 2.1. Дефектный порядок выбора Всемирным антидопинговым агентством субъектов проведения «расследования»
 - 2.2. Нарушения Всемирным антидопинговым агентством своей компетенции при наделении Р. Макларена необоснованно и произвольно расширенными «полномочиями» (при признании Агентством таких полномочий за Р. Маклареном через придание его Докладу юридической силы)
 - 2.3. Грубейшие противоречия «следственных» методов, которые использовались при подготовке Доклада Р. Макларена и с помощью которых получены результаты, ставшие основой выводов указанного Доклада, действующим нормативным актам ВАДА
 - 2.4. Доклад Р. Макларена с точки зрения международных публично-правовых актов
 - 2.5. Доклад Р. Макларена с точки зрения нормативных актов Международного паралимпийского комитета
- Выводы

Вводная часть

Предметом настоящего заключения явилось содержание Доклада «Расследование ВАДА обвинений российских участников Олимпиады в Сочи в употреблении допинга» от 16 июля 2016 г., подготовленного Ричардом Маклареном (Richard H. McLaren), именуемым «независимым лицом» (НЛ), (далее – Доклад, Доклад Р. Макларена)¹.

Целью настоящего заключения является оценка юридической возможности и обоснованности использования Доклада «Расследование ВАДА обвинений российских участников Олимпиады в Сочи в употреблении допинга» от 16.07.2016, подготовленного Ричардом Маклареном, выполненного по обращению Всемирного антидопингового агентства (далее – ВАДА) и направленного Президенту ВАДА, в качестве основания и обоснования применения ограничительных и репрессивных мер в отношении российских спортсменов, спортивных организаций и сборных, в том числе в качестве основания и обоснования отстранения российской паралимпийской сборной от участия в Паралимпийских играх в Рио-де-Жанейро 2016 года и отстранения ряда российских спортсменов от участия в Олимпийских играх в Рио-де-Жанейро 2016 года.

Принципиально соглашаясь с позицией Р. Макларена о недопустимости распространения и употребления допинговых средств в спорте, вместе с тем, вынуждены отметить, что исследуемый Доклад обладает множеством критических недостатков, не позволяющих оценивать его как обоснованный и непредвзятый. Поскольку данный Доклад уже нанёс существенный вред всему российскому спорту в целом, сыграл свою роль в усилении идеологически мотивированных попыток отстранить всех российских спортсменов от участия в Олимпийских Играх 2016 года, дополнительно спровоцировал политически и идеологически мотивированные требования отмены проведения в России Чемпионата мира по футболу 2018 года, актуален анализ этого Доклада, оценка степени обоснованности его выводов.

Настоящее заключение выполнено по тексту оригинала, с учётом 2 оказавшихся в доступе автора настоящего заключения переводов на русский язык². Нумерация страниц в отношении приводимых цитат осуществляется по английскому оригиналу документа.

¹ McLaren Independent Investigations Report into Sochi allegations // <<https://www.wada-ama.org/en/resources/doping-control-process/mclaren-independent-investigations-report-into-sochi-allegations>>; <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/20160718_ip_report_final3.pdf>. Дата фиксации информации – 22.07.2016.

² Один из переводов доступен в сети Интернет, см.: <<http://my-files.ru/yhdb0z>>; <<http://www.championat.com/olympic/article-252150-polnaja-versija-doklada-richarda-maklarena-na-russkom-jazyke.html>>. Появившийся на сайте ВАДА русский перевод был принят к сведению.

1. Анализ содержания Доклада Р. Макларена

1.1. Оценка «методологии расследования» в Докладе Р. Макларена

Р. Макларен утверждает, что он *«представляет в настоящем Докладе исключительно результаты, которые соответствуют стандарту отсутствия разумного сомнения»* (с. 4–5).

Однако, в действительности, значительное множество содержащихся в Докладе утверждений как раз вызывает обоснованные, разумные сомнения. И это будет показано ниже.

Прежде всего, обоснованные сомнения вызывает отсутствие в исследуемом Докладе надлежащего описания и обоснования применённой методологии. Согласно заявленному на с. 2 Доклада, *«настоящее Краткое изложение описывает процедуру назначения Независимого лица и Круга его полномочий, а также используемую следственную методологию»*. Но никакого описания «используемой следственной методологии» в Докладе Р. Макларена не представлено, ни в указанном кратком изложении, ни далее.

Главу 2 «Методология проведения расследования НЛ» Доклада обоснованно следует оценивать как сфальсифицированную, поскольку, в действительности, в ней не показана и не обоснована методология расследования. Раздел 2.1 «Введение» посвящен обозрению вышедших в газетах и по телевидению материалов, не имея никакого отношения к описанию собственно заявленной методологии. Раздел 2.2 «Процесс расследования» переполнен благодарностями Р. Макларена неким лицам, которые оказывали ему, согласно его утверждениям, помощь или которых он *«держал в курсе»* (ниже мы еще коснемся этого раздела). Раздел 2.3 «Процедура расследования» (общим объемом в 1 страницу) сводит все описание процедуры к указанию, что были получены показания Г. Родченкова, к голословным заявлениям, что Г. Родченков *«честен»* (с. 21), что он *«является заслуживающим доверия и честным человеком»* (с. 21), к артикулированию мнения об отсутствии смысла и пользы встречаться с лицами, проживающими на территории России (с. 22), и с российскими чиновниками (с. 22), к указанию, что ряд материалов был получен от *«одного важного представителя власти»* (с. 22). Завершается раздел 2.3 текстовым фрагментом, который имеет смысл процитировать полностью: *«Все выдвинутые обвинения были проверены НЛ, и выводы были сделаны наряду с выявлением иных доказательств, обнаруженных в ходе расследования. Утверждения, которые мы считаем доказанными, разрушают принцип чистого спорта и чистых спортсменов, которые находятся в самом центре сути и смысла ВАДА»* (с. 22).

Далее говорится: *«2.3.1 Выводы НЛ. 1. Доктор Родченков, в контексте предмета в рамках полномочий НЛ, был надежным и честным человеком. 2. Все другие свидетели, опрошенные следственной группой НЛ, заслуживали доверия. Их показания принимались только в том случае, если они однозначно отвечали требованиям стандарта отсутствия разумного сомнения»* (с. 23). Раздел 2.4 посвящен описанию рабочей группы Международной ассоциации легкоатлетических

федераций, предоставленная которой Р. Маклареном информация презюмируется как *«однозначно соответствующая самому высокому уровню юридических доказательств»* (с. 24). Далее в этом разделе говорится об опубликовании Р. Маклареном заявления на ресурсе Канадского информационного агентства.

Очевидно, что глава 2 «Методология проведения расследования НЛ» Доклада, в действительности, никакую методологию сбора, оценки и анализа фактов не показывает и не описывает.

Логика и содержание проведенных Р. Маклареном лично или во взаимодействии с третьими лицами исследований, последовательности исследовательских действий и этапы таких исследований, конкретные применявшиеся исследовательские методы в указанной главе Доклада не указываются и, тем более, не описываются. Отсутствуют описания способов проверки и подтверждения утверждений, заявлений, «обвинений», прозвучавших из уст третьих лиц и заложенных в основу Доклада Р. Макларена.

Вообще почти никакой релевантной информации в Докладе не приводится.

А это может означать лишь одно: никакая признаваемая в науке методология объективного исследования и не использовалась, а аргументы Доклада подгонялись под заранее написанные политически и идеологически мотивированные выводы. Ниже мы приведем множество подтверждений сказанному.

В качестве единственного исключения в главе 2, которое формально могло бы быть оценено как излагающее методологию исследования, можно указать следующий текстовый фрагмент: *«Все другие свидетели, опрошенные следственно-оперативной группой НЛ... Их показания принимались только в том случае, если они однозначно отвечали требованиям стандарта отсутствия разумного сомнения»* (с. 23). Но и в данном случае релевантность высказывания стремится к нулю, поскольку известный подход к доказыванию в англо-саксонской системе права, отражаемый лексической конструкцией *«требованиям стандарта отсутствия разумного сомнения»*, в Докладе Р. Макларена превращен в риторическое прикрытие бездоказательности. Не раскрыто самое важное – каким именно образом оценивались вышеозначенные «показания», посредством каких именно инструментов таковые подвергались проверке на достоверность, чтобы соответствие требованиям указанного стандарта.

Еще один более или менее внятный текст встречается в главе 1: *«НЛ провело ряд интервью со свидетелями и рассмотрело тысячи документов, применило киберанализ, провело кибер- и криминалистический анализ жестких дисков, пробирок для отбора образцов мочи и лабораторный анализ образцов отдельных спортсменов»* (с. 5). Но и этой информации недостаточно. Всё это требует детализации, раскрытия. В особенности – что именно явилось предметом «кибер-анализа» (из процитированного текста Доклада невозможно уяснить, собственноручно ли такой анализ производился Р. Маклареном), если в Докладе говорится преимущественно про вскрытия пробирок и подмены их содержимого. Можно допустить, что речь идет о каких-то

сомнительной криминалистической ценности распечатках или скриншотах незаконно полученных или, что нельзя исключать, прямо сфальсифицированных массивов переписки между какими-то лицами. Но такого рода Доклад не должен и не может содержать столько неопределённости.

Судя по Докладу, основным приёмом сбора ключевой информации явился всё же следующий: *«Независимое лицо и его следователи опросили и лично встретились с главным свидетелем, доктором Родченковым... Родченков... передал мне показания, которые являются предметом настоящего Отчёта»* (с. 21).

Следует также отметить, что выполнение заявленной цели и задач Доклада, очевидно, никак не могло избежать выезда на место и производства работ («следственных действий») на месте. Реализованный вопреки сказанному в Докладе подход является ярчайшей новацией в мировой практике расследования правонарушений. Налицо явные недобросовестность и предвзятость.

Впрочем, в Докладе заявлено, что Р. Макларен и его анонимная и непонятного свойства и состава «следственной группа» и не собирались проводить разбирательства на месте: *«НЛ не стремилось опрашивать лиц, проживающих на территории Российской Федерации»* (с. 8, 22).

Р. Макларен заявляет: *«Позтому я, не задумываясь, пришел к выводу, что в контексте предмета, который был моим мандатом, он является заслуживающим доверия и честным человеком. Мне не нужно идти дальше в оценке его добросовестности, так как это выходит за рамки моего расследования»* (с. 21).

Оценка достоверности доказательств является важнейшим и неотъемлемым элементом любого расследования (расследования следственным органом, журналистского расследования и т.д.). Это очевидно любому, но только, судя по Докладу, не Р. Макларену.

Содержащееся в Докладе утверждение: *«не дали возможности собрать данные, чтобы установить факты нарушения антидопинговых правил»* (с. 4), само по себе, уже опровергает выводы Доклада.

Если не были установлены факты, то откуда взялись жёсткие инвективные выводы Доклада?

Такого рода оговорок в Докладе настолько много, что это превращает его набор домыслов, исключает всякую возможность оценить его как серьёзный документ, содержащий убедительные обоснования высказываемых выводов.

Приведем еще утверждения Доклада того же рода:

«необходимо признать, что мы коснулись только поверхностного слоя доступного нам значительного объёма данных» (с. 4);

«Из-за сжатых сроков, в которые, необходимо было составить настоящий Отчет, множество возможных доказательств осталось нерассмотренным» (с. 25);

«Настоящий Отчёт поверхностно рассматривает данные, которые доступны или могут быть доступны» (с. 25–26);

«ввиду сильно сжатых сроков следственной группе НЛ пришлось избирательно изучать» (с. 4);

«Точный метод, который использовали сотрудники ФСБ для открытия бутылочек с пробами во время Олимпийских игр в Сочи, не известен. Экспертами НЛ достоверно установлено, что крышки можно снимать и повторно использовать» (с. 73);

«Следователи НЛ не смогли подтвердить наличие отпечатков пальцев директора Родченкова или его ДНК на бутылочках с пробами В.» (с. 73);

«НЛ не установило фактов обмена информацией между Блохиным и его вышестоящим руководством в структуре ФСБ, но это не удивительно, учитывая, что ФСБ является секретной службой» (с. 59).

Вопрос, а что же тогда удалось установить и доказать Р. Макларену и привлекавшимся им лицам, в этом случае, получается, просто лишен смысла. Вышеприведенные цитаты из Доклада говорят сами за себя. Чтобы читать этот Доклад, действительно, нужно обладать навыками критического мышления.

Большинство «доказательств» изложено в стилистике жёлтой прессы: *«был выявлен простой, но эффективный метод управления и контроля под руководством заместителя министра спорта, в результате которого лабораторию заставляли скрывать любые положительные результаты анализов и выдавать их за отрицательные. Положительные пробы исчезали!» (с. 10); «Московская лаборатория была окончательным безотказным защитным щитом в управляемом государством режиме применения допинга» (с. 41).*

Это «исчезновение» реализовывалось, как утверждается в Докладе посредством следующего: *«лабораторный персонал должен был подтасовать результаты анализа» (с. 11).* На практике, как заявляется в Докладе, это производилось так: *«Благодаря усилиям ФСБ был разработан метод незаметного снятия крышек с пробирок, содействующих мочи российских спортсменов» (с. 12).*

Что это за метод «незаметного снятия крышек с пробирок» (его именуют в Докладе «некоторым методом») имеется в виду, в Докладе не поясняется. Зато заявляется, что наличие такого метода было подтверждено: *«НЛ представило данные криминалистической экспертизы, которые без сомнений подтвердили существование некоторого метода, с помощью которого положительные грязные образцы подменялись во время Игр в Сочи» (с. 12). «Криминалистическая экспертиза этих пробирок показала наличие царепин и меток, подтверждающих, что их вскрывали» (с. 17).*

Что за данные криминалистической экспертизы, какое лицо (какие лица) и какой квалификации (чем подтверждаемой), а главное – на каких основаниях и на каких материалах ее проводило, в Докладе вновь умалчивается.

В этом Докладе практически вся аргументация носит такой характер: *некие лица применяли некоторые методы, которые некоторым образом были подтверждены другими некими лицами, применявшими тоже какие-то иные некоторые методы, о чём нам сообщили некоторые свидетели.*

Заметим, что даже авторы жёлтой прессы пытаются писать более доказательно и убедительно.

В Докладе заявлено: *«Следствие, при содействии судебных экспертов, провело собственные эксперименты и может подтвердить, без всяких сомнений, что колпачки от проб с мочой могут быть удалены без всяких доказательств, видимых невооруженному взгляду»* (с. 12).

Здравый смысл предопределяет, что обнаружение способа удаления колпачков с пробирок с пробами не может автоматически, само по себе, доказывать, что именно это и было совершено практически, конкретно – какими-то российскими должностными лицами. Но в Докладе Р. Макларена требования здравого смысла и логики игнорируются настолько часто, что можно говорить об алогичности как об одном из изначальных принципов подготовки этого Доклада.

В Докладе заявлено: *«ФСБ было искусно вплетено в схему, чтобы дать возможность российским спортсменам принимать участие в соревнованиях под влиянием допинга. ФСБ разработала метод незаметного вскрытия пробирок с мочой с целью подмены образцов»* (с. 13).

Если Р. Макларену показали способ незаметного вскрытия пробирок иные, помимо этих неназываемых сотрудников ФСБ, лица, то очевидно, что этот способ, логически так выходит, является достаточно широко известным.

Далее в Докладе утверждается, что *«пробирки с пробами А и В передавались через “мышиную дыру” в комнате для аликвотирования из защищенного периметра лаборатории в Сочи в примыкающую манипуляционную вне этого периметра»* (с. 14); *«оригинальное решение передавать “грязные” образцы через отверстие, просверленное между комнатой аликвотных проб в защищенной зоне лаборатории и смежной “рабочей” комнате за пределами защищенной зоны»* (с. 64). Впрочем, никаких доказательств этой гипотезы не приводится, всё основано только на голословных утверждениях Г. Родченкова (или, что ближе к истине, на его рассказе о его собственной противоправной деятельности).

В качестве наиболее яркого манипулятивного приёма, употребленного в Докладе Р. Макларена, следует выделить следующий. Перечисляются противоправные действия Г. Родченкова: *«В Отчете уже упоминалась допинговая программа с использованием коктейля спортсмена, разработанного доктором Родченковым»* (с. 62), *«Родченков и сотрудники лаборатории добавляли в чистую мочу соль, разводили водой»* (с. 44); *«Родченков разработал стероидный коктейль, оптимизированный, чтобы избежать обнаружения»* (с. 49). Но далее таковые экстраполируются, переносятся на государство, голословно вменяя все противоправные действия Г. Родченкова в вину именно государству, государственным органам Российской Федерации: *«Из всего вышеизложенного вырисовывается картина переплетенной сети государственного вмешательства в деятельность Московской и Сочинской лабораторий через Минспорта и ФСБ. ФСБ была вплетена в ткань деятельности лаборатории, а Минспорта управляло*

оперативными результатами лабораторий» (с. 60). А собственно Г. Родченков из этой криминальной схемы удивительным образом вчистую выводится, превращаемый в «заслуживающего доверия и честного человека» (с. 21), поскольку, как утверждается, «лаборатория была лишь винтиком в управляемой государством машине, а не группой мошенников, как утверждалось» (с. 35).

Ничем иным, кроме как безответственной и безнравственной манипуляцией, такой приём не является и признан быть не может.

В Докладе утверждается: «**Достоверность** заявлений д-ра Родченкова, сделанных для *The New York Times*, **подкрепляется данными криминалистического анализа НЛ, которые включают лабораторный анализ содержания соли в образцах, отобранных следственной группой»** (с. 15); «В ходе проведенного в лаборатории аналитического анализа установлено, что в некоторых пробах чрезвычайно высокий уровень соли, что аномально для мочи здорового человека, и это подтверждает информацию, полученную во время опроса, о добавлении соли в пробы» (с. 75).

Таким образом, в Докладе Р. Макларена представлены следующие основные аргументы (позиции):

1). На пробирках отыскивались микроцарапины. Обоснованны вопросы относительно того, кто и как может гарантировать, что этих микроцарапин не было на стерильных пробирках перед сбором проб, еще у производителя, что таковые не появились при первичном сборе проб, кто и как это проверял. Но эти вопросы игнорируются в Докладе, а обсуждению царапин посвящены многие страницы Доклада (с. 45–48).

2). В пробах выявилось некое отклонение в содержании соли, что, в действительности, нерелевантно рассматриваемому в Докладе кругу вопросов и ничего не доказывает.

В Докладе Р. Макларена многократно использованы манипулятивные приёмы, существенно обесценивающие как весь этот Доклад в целом, так и его выводы. Сам факт использования таких приёмов в Докладе убедительно доказывает его изначальную предвзятость, заточенность на создание видимости аргументации, в действительности, заранее свёрстанных, политически мотивированных выводов.

В частности, речь идет о переполненности Доклада «отсылками в никуда», реферированием чего-то будто бы имеющегося, но в самом Докладе не указываемого (в стиле – «у нас это есть, но вам мы это не покажем»):

В текстовом фрагменте исследуемого Доклада: «**НЛ может подтвердить общую достоверность опубликованной информации относительно подмены образцов, которая происходила в Сочинской лаборатории во время Игр в Сочи»** (с. 6) – такие обещания, что «**НЛ может подтвердить»**, в действительности, не имеют смысла. Были бы релевантны и представляли бы ценность конкретные доказательства указанной достоверности, но таковые не приводятся.

Чрезмерная избыточность употребления (к месту и не к месту, постоянно, слишком часто) лексических конструкций «*без сомнений*», «*при отсутствии обоснованного сомнения*» (с. 5, 6, 12, 23 и др.), известных по юридическим документам англо-саксонской системы права, в Докладе

Р. Макларена не может заменить собой и подменить ожидаемые релевантные и убедительные доказательства.

И в отсутствие последних всё выглядит лишь как риторическое прикрытие отсутствия реальных фактов и релевантных аргументов. Изобилие в Докладе деклараций, не находящихся в Докладе убедительного и доказательного раскрытия, типа: «*Независимая комиссия разоблачила*» (с. 6), «*доклад Независимой комиссии предоставил более подробные данные*» (с. 6), «*результаты НЛ дают более глубокое понимание*» (с. 6–7), «*Независимая комиссия разоблачила систему, действовавшую в России*» (с. 8) – так же не прибавляет Докладу убедительности.

Р. Макларен утверждает: «*Для того, чтобы продемонстрировать, что у нас есть неопровержимые достоверные доказательства, мы решили опубликовать некоторые части доказательств, которые мы получили*» (с. 26). Но в действительности, далее в Докладе релевантных и убедительных доказательств не приводится.

В отсутствие релевантных аргументов, такого рода самовосхваления, как: «*Однако мы уверены в том, что то, что мы уже выяснили, соответствует самым высоким критериям доказательности*» (с. 26) – выглядят не только не убедительно, но совершенно не серьезно.

Такая принципиальная бездоказательность Доклада выражает грубейшее неуважение к его читателям и также ставит вопрос о сфальсифицированности выводов Доклада.

Из того, что Р. Макларен сам поименовал себя «независимым лицом» и его так называли в ВАДА, совершенно не следует, что каждое его слово должно некритично восприниматься на веру. Даже если предположить, что до сего момента Р. Макларен был образцом кристальной честности и объективности, то и это не избавляло бы его от обязанности доказывать свои выводы и объяснять, каким образом таковые были получены.

1.2. Оценка заявленных задач и предмета «расследования», их соответствия выводам Доклада

Предметом «расследования» Р. Макларена заявлены «заявления» (использовано также слово «показания») Г. Родченкова: «*19 мая 2016 года Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) объявило о назначении Независимого лица (НЛ) в целях проведения расследования по поводу заявлений, сделанных бывшим директором Московской лаборатории, д-ром Григорием Родченковым*» (с. 2); «*Независимое лицо и его следователи опросили и лично встретились с главным свидетелем, доктором Родченковым. Я пришел к выводу, что доктор Родченков достоверно и правдиво передал мне показания, которые являются предметом настоящего Отчета*» (с. 21).

Но по результатам такого «расследования», очевидно, не могут быть сделаны столь масштабные и радикальные выводы.

При этом Доклад называется – «Расследование ВАДА обвинений российских участников Олимпиады в Сочи в употреблении допинга». То

есть его предметом в самом названии Доклада обозначены некие «обвинения» со стороны ВАДА.

Голословные заявления Г. Родченкова и прочих лиц (неназываемых, за исключением В. Степанова) юридически и фактически совершенно необоснованно оцениваются и позиционируются как «выдвинутые обвинения»: **«Все выдвинутые обвинения были проверены НЛ, и выводы были сделаны наряду с выявлением иных доказательств, обнаруженных в ходе расследования»** (с. 22). В каком порядке, кем конкретно, в рамках какой процедуры и на каких основаниях «выдвигались обвинения» – все эти содержательные моменты просто игнорируются в Докладе.

Что конкретно явилось предметом исследования в Докладе Р. Макларена, выяснить по тексту Доклада не представляется возможным, поскольку в нем слишком много разночтений.

Таким образом, обоснованно говорить о неопределенности предмета Доклада Р. Макларена, предопределяющей недостоверность и иные критические недостатки данного Доклада.

Третья задача Доклада («третье полномочие»): **«3. Идентифицировать спортсменов, которые могли выиграть от таких предполагаемых манипуляций, направленных на то, чтобы скрыть положительные результаты проверки на употребление допинга»** (с. 3), в самом же Докладе дезавуирована: **«Третий параграф полномочий НЛ, касающийся идентификации спортсменов, которые могли бы выиграть в связи с такими манипуляциями, не был основной задачей расследования НЛ. Следственная группа НЛ представила доказательства, которые помогли определить имена десятков российских спортсменов, которые, как оказалось, употребляют допинг. Сжатые сроки проведения расследования не дали возможности собрать данные, чтобы установить факты нарушения антидопинговых правил. В связи с ограничениями по времени НЛ определило для этой части расследования более низкий приоритет. НЛ сосредоточилось на других четырех директивах задания»** (с. 4).

Обоснованно говорить о дефектности и других заявленных задач исследуемого Доклада Р. Макларена.

Кроме того, анализ Доклада Р. Макларена позволяет сделать вывод об отсутствии референтности заявленных задач и предмета Доклада выводам Доклада.

1.3. Оценка фактологической и иной источниковой основы Доклада Р. Макларена

1.3.1. Заявления Г. Родченкова как один из источников информации в основе Доклада Р. Макларена

Основным источником информации, заложенным в основу Доклада, заявлены заявления и материалы Г. Родченкова.

При этом в отношении переданных Г. Родченковым материалов всё сводится просто к указанию того, что такие материалы были переданы, в такой-то форме, в таких-то объёмах (всё абстрактно):

«Публичные заявления д-ра Родченкова спровоцировали начало расследования НЛ. Он сотрудничал со следствием, дал согласие на многочисленные интервью и предоставил тысячи документов в электронной или печатной форме» (с. 7).

Никаких выкладок относительно способов отыскания и нахождения подтверждения сказанному Г. Родченковым, проверки и подтверждения достоверности переданных им «документов» в Докладе не приводится.

Просто голословно утверждается об этом лице:

«он был честен с НЛ (см. Главу 2)» (с. 7);

«Родченков предоставил убедительные доказательства...» (с. 14);

«Родченков достоверно и правдиво передал мне показания... в допросах со мной он был честен» (с. 21);

«Родченков, в контексте предмета в рамках мандата НЛ, был надежным и честным человеком» (с. 23);

Р. Макларен заявляет о Г. Родченкове и его заявлениях и материалах: *«Поэтому я, не задумываясь, пришел к выводу, что в контексте предмета, который был моим мандатом, он является заслуживающим доверия и честным человеком» (с. 21).*

Похоже, единственной релевантной информацией в данном высказывании (если не во всем Докладе) является – «не задумываясь» (другой вариант значения – «не колеблясь», что не лучше в данном случае).

Попытки убедить в том, что заявления Родченкова были подтверждены объективными средствами, выглядят совершенно неубедительно:

«Достоверность заявлений д-ра Родченкова, сделанных для The New York Times, подкрепляется данными криминалистического анализа, которые включают лабораторный анализ содержания соли в образцах, отобранных следственной группой» (с. 15). Но ничего иного в Докладе в подтверждение заявлений Г. Родченкова не обнаруживается.

Указанные выше обстоятельства не позволяют считать такие сведения и материалы надлежащими источниками.

1.3.2. Сведения из газет и из телефильмов как один из источников информации в основе Доклада Р. Макларена

Много в Докладе говорится об использовании Р. Маклареном в качестве презюмируемых как истинные и прошедшие верификацию сведений из газет:

«В начале мая американская общественно-политическая программа 60 Minutes (“60 минут”), а после нее и газета The New York Times рассказали...» (с. 2);

«способы сокрытия положительных проб употребления допинга, чем те, **которые были публично описаны в отношении Сочи**» (с. 9);

«подмена по большей части происходила **так, как описано в статье в The New York Times**» (с. 14);

«Достоверность заявлений д-ра Родченкова, сделанных для **The New York Times...**» (с. 15);

«**Первый документальный фильм немецкой телекомпании ARD был показан в начале декабря 2014 года**» (с. 16);

«8 мая 2016 года в американской телепрограмме 60 Minutes (“60 минут”) на канале CBS **был показан сюжет** об обвинении в допинге, имевшем место во время сочинских игр. Во время сюжета программы «60 минут» разоблачитель, Виталий Степанов, бывший сотрудник российского антидопингового агентства (РУСАДА), рассказал... На основании записанных разговоров между Степановым и бывшим директором аккредитованной ВАДА Московской Антидопинговой Лабораторией («Московская Лаборатория»), д-ром Григорием Родченковым (“доктор Родченков”), **в телепрограмме утверждается...**» (с. 18);

«**The New York Times опубликовало статью** “Российский инсайдер говорит, что олимпийское золото было получено благодаря допингу на государственном уровне” 12 мая 2016 года, **утверждая...**» (с. 18);

«**Независимое лицо располагает весомыми свидетельствами, которые подтверждают и подкрепляют значительную часть статьи в Нью-Йорк Таймс**» (с. 61);

«“The New York Times” **сообщила...**» (с. 64).

Такого рода отсылки (да ещё в таком количестве) не только совершенно не убедительны, но превращают весь Доклад Р. Макларена в набор домыслов, компиляцию из газетных вырезок и транскриптов телепередач, не давая никакой возможности оценить этот Доклад как убедительный и основательный аналитический юридический продукт.

И особенно неуместно такие отсылки к газетам и телепередачам выглядят в Главе 2 «Методология проведения расследования НЛ» Доклада.

1.3.3. Материалы некоей «электронной переписки»

Еще одним источником заявлена *«находящаяся в распоряжении НЛ электронная переписка»* (с. 38). Источники этой «электронной переписки» в Докладе умалчиваются. Равно как ничего не сказано о способах проверки и подтверждения достоверности этой переписки. Указанное обстоятельство не позволяет считать такие материалы надлежащими источниками.

1.3.4. Прочие источники

Согласно Докладу, *«полномочия не ограничивались расследованием только опубликованных заявлений. НЛ рассмотрело и другие доказательства того, что происходило в Московской лаборатории, до и после периода проведения Игр в Сочи»* (с. 6).

Что за «другие доказательства», помимо переданных Г. Родченковым, в Докладе не раскрывается. Если считать таковыми описанное в главе 3, то в этой главе всё приводится столь же размыто, неконкретно.

Ещё одно утверждение в Докладе относительно использованных источников: *«Расследование, проведенное НЛ, собрало дополнительные данные в более обширную картину... С помощью новых данных, собранных НЛ, настоящий Доклад представляет факты и доказательства...»* (с. 9). Что за «новые данные», в Докладе, как это в нём принято, умалчивается.

Справка в приложении 1 написана газетным стилем, доказательств представленных в ней утверждений не содержит.

Кроме того, в Докладе заявлено, что был сделан *«обзор предыдущих заявлений»* В. Степанова – *«бывшего сотрудника РУСАДА, не участвовавшего в расследовании»* (с. 7). Что за заявления Степанова обзревались, из каких источников брались такие заявления (заявления в желтой прессе или сделанные под присягой заявления, иные какие-то), в Докладе вновь умалчивается.

Множественно употребляется также слово «свидетели» (с. 5, 7, 21, 23, 27 и др.).

Показания анонимных свидетелей заявлены еще одним источником информации, заложенной в основу Доклада: *«Были и другие свидетели, которые участвовали в расследовании на условиях конфиденциальности. Их показания были важны для работы следствия, потому что они дали очень надежное перекрестное подтверждение устных и документальных доказательств, которые НЛ получило ранее. Я обещал не называть этих людей, однако я хочу поблагодарить их за помощь, мужество и силу духа, за то, что они согласились поделиться информацией и документами с НЛ»* (с. 7–8).

Каков механизм наделения тех или иных лиц статусом свидетелей, оценки, проверки и подтверждения достоверности получаемых от них сведений, в Докладе умалчивается.

Чуть далее говорится о «некоторых других лицах»: *«НЛ опросило некоторых других лиц на конфиденциальной основе. Некоторые из них*

были опрошены по запросу следственной группы независимого лица, а другие явились добровольно» (с. 22).

Давая оценку государству в целом и органам государственной власти, ссылаясь на несуществующих в реальности «анонимных свидетелей», – это типовой прием желтой прессы. С помощью такого приёма можно обвинить вообще в чем угодно. А неуместная для такого рода документа патетика предопределяет еще более низкую убедительность таких сентенций.

Ещё одним источником информации, на основе которой вынесены суждения и инвективные оценки, заявленные как выводы Доклада, обозначен *«один важный представитель власти»: «Я также получил, без предварительного требования, обширное повествование с приложениями от одного важного представителя власти, описанное в настоящем Отчете» (с. 8, 22).*

В Докладе Р. Макларена не приводится никаких пояснений относительно способов отыскания и нахождения подтверждения достоверности сказанного всеми этими неназываемыми лицами и переданных ими сведений.

Просто голословно презюмируется: **«Все другие свидетели, опрошенные следственно-оперативной группой НЛ, заслуживали доверия» (с. 23).**

1.4. Оценка адекватности сроков производства заявленного «расследования» Р. Макларена и производства по результатам такого расследования доклада

19 мая 2016 г., как заявлено в Докладе, Р. Макларен был уполномочен на *«проведение расследования»*, а 16 июля 2016 г. Доклад уже был готов. В Докладе не раз подчеркивается, что на производство Доклада было отведено 57 дней (с. 5, 8, 22).

При этом в Докладе Р. Макларена не раз акцентированно выражено сетование, что времени было недостаточно: *«сжатые сроки проведения расследования не дали возможности» (с. 4), «в связи с ограничениями по времени» (с. 4), «ввиду сильно сжатых сроков следственной группе НЛ пришлось избирательно изучать» (с. 4), «в короткий промежуток времени 57 дней, которые мне были даны для проведения этого расследования» (с. 22); «из-за сжатых сроков, в которые, необходимо было составить настоящий Отчёт» (с. 25).*

И при этом Р. Макларен заявляет, что он за указанный срок рассмотрел *«тысячи документов» (!)*. Что это за документы, каков объём общего их листажа, снова умалчивается. В Докладе отсутствует и информация о природе и мере «рассмотрения» таких документов Р. Маклареном, в смысле – как он их рассматривал и оценивал, подробно ли читал, исследовал ли или же поверхностно просматривал, либо эти документы просматривали за Р. Макларена сторонние лица. Между тем, это весьма важный релевантный для оценки самого Доклада Р. Макларена содержательный вопрос, поскольку исследование Р. Маклареном документов, по своему содержанию для их оценки требующих привлечения специалистов иной, нежели у Р. Макларена, специализации, должно

повлечь выражение сомнения в адекватности понимания и оценки Р. Маклареном таких документов.

Несмотря на явную недостаточность времени для работ и на необходимость рассмотрения «многих тысяч документов», тем не менее, в Докладе утверждается, что *«после начала расследования НЛ быстро обнаружило более масштабные способы сокрытия положительных проб употребления допинга, чем те, которые были публично описаны в отношении Сочи»* (с. 9), то есть, надо полагать, еще не успев ознакомиться со всеми теми «тысячами документов», о которых говорится в Докладе. Несказанно повезло? Или просто выводы писались изначально, а уже под них версталась псевдоаргументация? Полагаем, второе.

И это притом что, по содержащемуся в Докладе утверждению, первый период из заявленных употребленных 57 дней в объеме *«меньше месяца»* (с. 24) – это была *«ранняя стадия расследования»* (с. 24).

Таким образом, заявленные сроки производства заявленного «расследования» Р. Макларена и производства по результатам такого расследования Доклада, учитывая масштабность фактического охвата предметно-объектной области, обоснованно можно оценить как неадекватные, объективно детерминирующие дефектность выводов Доклада.

1.5. Оценка обоснованности привлечения к производству Доклада заявляемых в нём иных лиц

Согласно Докладу Р. Макларена, *«в ходе расследования в рамках своих полномочий НЛ лично рассмотрел все доказательства, собранные его независимой следственной группой. Настоящий Доклад был подготовлен на основе коллективной работы следственной группы НЛ. Процесс проведения расследования описан, и многие существенные аспекты, изученные и проанализированные нами, в конечном итоге подтверждают установленные фактические обстоятельства»* (с. 4).

Что это за «следственная группа», кто ее уполномочил? Факт наделения Р. Макларена какими-то полномочиями не предопределяет и не может автоматически предопределять наделение такими же полномочиями круга иных лиц. Но в Докладе Р. Макларена в большинстве случаев не указывается, кто именно эти лица, какова их профессиональная квалификация, чем таковая может быть верифицируемо подтверждена (опыт работы криминалистом, опыт работы спортивным юристом, обладающим опытом работы именно по такого рода делам – то есть делам, вытекающим из фактов незаконного распространения и незаконного употребления допинга). При этом нет никаких оснований считать, что это сделано неумышленно. Вероятнее всего, это сделано, чтобы скрыть факт отсутствия в действительности таких членов следственной группы, кроме самого Р. Макларена, а равно тех лиц, кто инспирировал этот Доклад и его заранее написанные политически мотивированные выводы Доклада.

Отсутствие возможностей верифицировать утверждение в докладе Р. Макларена о том, что его «следственная группа» действительно была независимой и объективной, так же ставит под вопрос обоснованность Доклада в целом.

Ещё упоминаются в качестве привлеченных к производству «следствия» некие (снова анонимные) «судебные эксперты»: «*Следствие, при содействии судебных экспертов, провело...*» (с. 12). Какие именно привлекались Р. Маклареном «судебные эксперты», на каких основаниях, какова их квалификация, каковы основания им доверять, в Докладе вновь умалчивается.

Далее говорится о том, что был сделан «криминалистический анализ»: «*Достоверность заявлений д-ра Родченкова, сделанных для The New York Times, подкрепляется данными криминалистического анализа...*» (с. 15). Какие именно привлекались Р. Маклареном криминалисты, на каких основаниях, какова их квалификация, каковы основания им доверять, в Докладе вновь умалчивается. Указывается лишь, что это некая «*Лондонская лаборатория, аккредитованная ВАДА*» (с. 15).

Далее сказано: «*Криминалистическая экспертиза этих пробирок показала наличие царпин и меток, подтверждающих, что их вскрывали*» (с. 17). Тут уже автор Доклада не стал заморачиваться на то, чтобы что-то пояснять относительно этой «экспертизы».

На с. 19 Доклада вообще заявляется о существовании и деятельности некоего «*следственного органа независимого лица*» (независимое лицо, напомним, это – сам Р. Макларен).

Но главное, кто и на каких основаниях уполномочил всех этих лиц вмешиваться в рассматриваемые вопросы, самостоятельно и произвольно самоприсваивать себе полномочия?

Лишь на с. 19–20 Доклада Р. Макларен соизволил отчасти перечислить лица, вошедшие в следственную группу (еще одна группа лиц или еще одно наименование привлекавшихся на произвольных основаниях сторонних лиц): «*После этой встречи НЛ быстро собрало следственно-оперативную группу, в которую входили: старший следователь Мартин Дабби (Martin Dubbey), директор антидопинговой лаборатории в Монреале, доктор Кристиан Айотт (Christiane Ayotte), адвокат и помощник независимого лица в понимании русского языка, Диана Тезик (Diana Tesic), Матье Хольц (Mathieu Holz), господин Ричард Янг (Richard Young, Esq.) из следственного отдела ВАДА, две студентки-юристки из Западного Университета Карен Луу (Karen Luu) и Калей Хокинс-Шульц (Kaleigh Hawkins-Schulz)*».

Опять же отметим, что Р. Макларен не утруждает себя в описании профессиональной и экспертной квалификации и опыта работы вышеозначенных лиц. При всем уважении к указанным студенткам (хорошо – не школьницам!), вместе с тем, выразим сомнения в релевантности и достаточности их квалификации и опыта для данной темы. Обучающийся профессии – еще не есть профессионал в этой профессии. Поэтому это просто несерьезно.

Квалификация, специализация и опыт работы прочих (помимо студенток) лиц, объем и содержание произведенных этими лицами работ в обеспечение Доклада Р. Макларена – всё это остается сокрытым. И данное обстоятельство не позволяет считать выводы этой группы релевантными, достоверными, справедливыми и убедительными.

Чуть ниже в Докладе говорится, что также были задействованы специалисты в сфере судебной медицины, кибер-специалисты и проч. (с. 20). Но кто они – вновь умалчивается.

Указывается, что Р. Макларену была предоставлена в пользование некая лаборатория и помощь ее прямого начальника: *«доктор Дэвид Коуэн (David Cowan), директор Центра по контролю над наркотиками и Отдела судебно-медицинских молекулярно-генетических научных и экспертных исследований в Королевском колледже, Лондон («DCC») предоставил в пользование свою лабораторию и провел лабораторные работы по анализу для НЛ»*. Это, пожалуй, единственное внятное указание привлекавшегося лица и его экспертных ресурсов. Но и такого указания недостаточно. Необходимо детализированное описание, какие именно ресурсы этой лаборатории были задействованы, на каких условиях, посредством каких привлеченных лиц с какой профессиональной квалификацией.

Содержащиеся далее по тексту ссылки на какие-то лабораторные исследования практически все характеризуются отсутствием релевантной конкретной информации об этих лабораториях и о производившихся в них в обеспечение Доклада действиях.

Далее Р. Макларен указывает еще одно наименование привлекавшихся сторонних лиц: *«эксперты, участвующие в нашей команде»* (с. 20).

Таким образом, к участию в подготовке Доклада и использованной в нем информации Р. Маклареном привлекались в несанкционированном порядке люди с квалификацией, которая не подтверждалась должным образом. Р. Макларен сам систематически путается с пределами и статусом совокупности таких привлекавшихся лиц, называя их по тексту Доклада самым разным образом.

Чрезмерная вольность лексики и стилистики ставит неудобные вопросы о крайне низкой квалификации Р. Макларена как юриста (невзирая на его регалии) или же о том, что данный Доклад писал кто-то другой, имеющий крайне поверхностные представления о праве и о том, как следует готовить подобного рода документы, а Р. Макларен только дал свое имя этому Докладу.

2. Анализ Доклада Р. Макларена по формальным основаниям

Доклад Р. Макларена, как показано в ранее проведенных исследованиях³ (см. раздел 1), по своему содержанию обладает многочисленными существенными недостатками, включая сфальсифицированные доказательства и недоказанные выводы, в результате чего, при надлежащем соблюдении гарантий прав спортсменов и принципа объективности и непредвзятости при расследовании, этот Доклад (содержащиеся в нём сведения и выводы) не мог рассматриваться

³ Подробнее см.: Сфальсифицированные доклады: Юридический анализ докладов, выполненных по заказу Всемирного антидопингового агентства в 2015–2016 гг. в отношении российского спорта: Сборник / Консорциум специалистов по спортивному праву. – М.: Буки-Веди, 2016. – 66 с.

и признаваться в качестве достаточного основания и обоснования для принятия каких-либо ограничительных и репрессивных мер в отношении российских спортсменов, спортивных организаций и сборных.

Однако, помимо существенных содержательных недостатков, при анализе Доклада Р. Макларена по формальным основаниям выявлены его критические формальные дефекты вследствие допущенных при его подготовке грубейших компетентностных и процессуальных нарушений, в результате чего Доклад Р. Макларена получился юридически ничтожным. Этот Доклад не имел и не мог иметь преюдициального значения при решении вопросов о применении санкций к российским спортсменам, но именно такое значение и было, де-факто, необоснованно приписано (придано) Докладу Р. Макларена целым рядом международных спортивных организаций, придавших этому Докладу, по существу, статус, сходный со статусом судебного документа, содержащего установленные и доказанные факты. Причём заявляемая преюдициальность при использовании Доклада в данном случае выражалась в презюмировании не только отсутствия необходимости доказывать якобы установленные и доказанные в Докладе Р. Макларена обстоятельства и факты, но, по сути дела, и в запрете (искусственном создании условий невозможности) их опровержения в каком-либо легитимном порядке.

Далее будут рассмотрены наиболее существенные компетентностные и процессуальные нарушения, допущенные при подготовке Доклада Р. Макларена, следствием которых является его юридическая ничтожность в плане основания и обоснования применения ограничительных и репрессивных мер в отношении российских спортсменов и спортивных организаций.

2.1. Дефектный порядок выбора Всемирным антидопинговым агентством субъектов проведения «расследования»

Прежде всего, следует отметить наличие веских оснований, ставящих под сомнение утверждение о том, что Р. Макларен является, в терминологии документов ВАДА, «независимым лицом» (систематически употребляемая в Докладе лексическая конструкция), а также о независимости, беспристрастности, объективности в деятельности фактически возглавляемой им «следственной группы» (в докладе многократно указывается на вовлечённость в его производство большого числа иных лиц), ввиду того, что Р. Макларен ранее участвовал в работе так называемой «независимой комиссии», возглавлявшейся Ричардом Паундом, который ранее являлся Президентом Всемирного антидопингового агентства. То есть прослеживается явная длительная связь Р. Макларена с ВАДА в период до подготовки рассматриваемого Доклада. Отчёты комиссии Р. Паунда от 09.11.2015 и от 14.01.2016 характеризовались многочисленными критическими недостатками, лишаящими их надлежащих обоснованности и объективности (в том числе из-за применения манипулятивных приёмов), были основаны на домыслах, недостоверных сведениях, на информации, которая, судя по текстам отчётов, не подвергалась объективными средствами проверки и подтверждения достоверности, не содержали достаточных прямых

релевантных доказательств основных выводов отчётов, как следствие, указанные отчёты обоснованно считать лишёнными объективности и предвзятыми, бездоказательными и, в существенной части, сфальсифицированными⁴. Поэтому участие Р. Макларена в подготовке указанных двух отчетов комиссии Р. Паунда свидетельствует о необоснованности считать Р. Макларена независимым и беспристрастным лицом.

Кроме того, тот факт, что Р. Макларен в течение многих лет (в том числе об этом сказано в самом Докладе) являлся арбитром Международного спортивного арбитражного суда (в г. Лозанна, Швейцария), в частности с 1998 года неоднократно входил в состав палат ad hoc Международного спортивного арбитражного суда для Олимпийских игр⁵, говорит о том, что он не может (не мог) выступать в качестве беспристрастного расследователя и эксперта, так как, по сути, в данном случае образовался конфликт интересов: Р. Макларен является лицом, проводящим расследование, и одновременно является одним из представителей спортивного арбитражного (судебного) сообщества.

Кроме того, неоспоримым критическим формальным недостатком Доклада Р. Макларена, обусловившим формальные несостоятельность и дефектность всего этого Доклада, является привлечение им к подготовке этого документа неопределённого круга посторонних лиц – *«следственной группы независимого лица»* (с. 4, 5, 15, 19, 23, 31, 38, 87 и др.), без соблюдения каких-либо гарантий их беспристрастности, независимости, соответствующей квалификации, а также ответственности в случае возможной фальсификации ими выявляемых доказательств. Не представляется возможным вывести из исследуемого Доклада Р. Макларена, на каких именно основаниях следует признавать всех привлекавшихся к его составлению лиц «независимыми».

В докладе не сообщается состав «следственной группы», не приведены сведения о порядке её формирования, отбора кандидатур, о квалификации входящих в неё лиц и круге их полномочий, сведения о наличии согласования этих лиц с ВАДА. На сайте ВАДА представлена лишь обрывочная и крайне неконкретная информация на этот счёт⁶. Факт наделения Р. Макларена некоторыми полномочиями не предопределяет и не означает права Р. Макларена произвольно наделять частью этих полномочий других лиц без согласования с ВАДА.

Учитывая, что сам Р. Макларен был наделен или фактически неправомочно присвоил себе ряд совершенно незаконных полномочий по проведению расследования, как будет показано далее, юридическая оценка всей этой ситуации свидетельствует о значительных недостатках организации подготовки «расследования» и, по его итогам Доклада

⁴ Подробнее см.: Сфальсифицированные доклады: Юридический анализ докладов, выполненных по заказу Всемирного антидопингового агентства в 2015–2016 гг. в отношении российского спорта: Сборник / Консорциум специалистов по спортивному праву. – М.: Буки-Веди, 2016.

⁵ Prof. Richard H. McLaren (1945) / CAS // <<http://www.tas-cas.org/en/arbitration/list-of-arbitrators-general-list.html?GenSlct=2&AbrSlct=3&MedSlct=4&nmlpt=McLaren>>.

⁶ WADA Names Richard McLaren to Sochi Investigation Team // <<https://www.wada-ama.org/en/media/news/2016-05/wada-names-richard-mclaren-to-sochi-investigation-team>>.

Р. Макларена, а также о фундаментальных дефектах в организации деятельности ВАДА по проведению антидопинговых расследований в целом.

Таким образом, презюмирование Р. Макларена и лиц, заявленных в Докладе как принимавших участие в «расследовании», в качестве «независимых лиц» не имеет под собой убедительных оснований, вследствие чего следует признать наличие нарушений гарантий принципа независимости и беспристрастности при проведении Р. Маклареном «расследования».

2.2. Нарушения Всемирным антидопинговым агентством своей компетенции при наделении Р. Макларена необоснованно и произвольно расширенными «полномочиями» (при признании Агентством таких полномочий за Р. Маклареном через придание его Докладу юридической силы)

Сама форма «расследования», проводившегося (или заявленного как проводившееся) Р. Маклареном, по итогам которого им был подготовлен Доклад, свидетельствует о существенных нарушениях компетенции (существенных выходах за пределы компетенции) ВАДА как Р. Маклареном, назначенным ВАДА для проведения им «расследования», так и самим ВАДА.

Если бы Всемирное антидопинговое агентство передало часть полномочий по расследованию какому-то легитимному межгосударственному органу или обратилось за содействием в расследовании к национальному государственному органу, которые посредством межгосударственного соглашения или законодательно наделены полномочиями по организации следствия или дознания, то вопросов возникало бы намного меньше.

В Докладе Р. Макларена заявляется, что «расследование» распространялось и на *«тысячи документов в электронной или печатной форме»* (с.7), на *«находящуюся в распоряжении независимого лица электронную переписку»* (с. 38). Заявляется, что *«следственная группа независимого лица рассмотрела и проверила данные сотен сообщений электронной почты, цифровых средств коммуникации»* (с. 31), что *«независимое лицо... применило киберанализ, провело кибер- и криминалистический анализ жёстких дисков»* (с. 5), что осуществлялся *«цифровой обзор и анализ данных, включая восстановление удалённых данных»* (с. 20).

Но доступ к чужой электронной переписке и её анализ, изъятие жёстких дисков и их «кибер-анализ», многие другие обозначенные в Докладе Р. Макларена как применявшиеся в его «расследовании» методы могли быть принципиально возможны к применению исключительно лишь с санкции уполномоченного государственного органа в установленном законом порядке, как и обеспечение подтверждения достоверности такой переписки или сведений, предоставленных лицом в добровольном порядке с целью содействия расследованию третьим лицам.

В противном случае, доступ к таким электронным сообщениям (перехваты сообщений цифровых средств коммуникации, вскрытие частной

электронной переписки), произведённый «хакерскими» методами или же добровольно обеспеченный некими третьими лицами, – является противоправным.

Привлечение Р. Маклареном к получению вышеуказанной информации неопределённого круга лиц, о чем сказано в Докладе, является дополнительным обстоятельством, подтверждающим неправомерность его действий при проведении расследования в указанной части.

Статус Всемирного антидопингового агентства обуславливает, что это Агентство принципиально не имеет полномочий и не вправе наделять какой-либо создаваемый им орган (подобный «независимой комиссии» под руководством Р. Паунда, которая представила отчёты от 09.11.2015 и от 14.01.2016, или привлечённому «независимому лицу» Р. Макларену или упомянутой в Докладе «следственной группе») обширными следственными полномочиями, в значительной мере аналогичными по своему содержанию тем, которыми обладают исключительно следственные органы государства в соответствии с законом. В данном случае было явное незаконное, де-факто, присвоение Р. Маклареном себе полномочий, аналогичных некоторым полномочиям государственных следственных органов по проведению расследования. Иначе ничем не объяснить указанные в Докладе действия Р. Макларена с материалами, фиксирующими электронную переписку неких лиц, с компьютерными жёсткими дисками, привлечение им по совершенно произвольным основаниям и на произвольных условиях посторонних лиц для участия в его «расследовании».

Если незаконное фактическое присвоение себе Р. Маклареном полномочий, сходных с полномочиями государственного следственного органа, было осуществлено им самостоятельно по собственной инициативе, то грубым нарушением компетенции ВАДА является придание Всемирным антидопинговым агентством такого юридического (по существу – преюдициального) значения Докладу Р. Макларена (равно как и отчётам комиссии Р. Паунда), с игнорированием указанных грубейших нарушений. В этом случае, ВАДА несёт полную ответственность за свои решения, в качестве обоснования которых использованы выводы Доклада Р. Макларена.

Статья 4 Статута Всемирного антидопингового агентства от 2016 года⁷, устанавливающая нормативные основы деятельности ВАДА (а равно идентичная формулировка этой статьи в редакции названного документа от 2014 года⁸) определяет, что ВАДА вправе *«создавать рабочие органы, комиссии или рабочие группы на постоянной или специальной (казуальной) [kad hoc] – прим. авт.] основе для того, чтобы выполнять свои задачи»*, а также вправе *«поручить выполнение полностью или частично своих функций третьим лицам»*.

⁷ Constitutive instrument of foundation of the World anti-doping agency, April 2016 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/new_statutes_-11_april_2016.pdf>. Publication date August 30, 2016.

⁸ Constitutive instrument of foundation of the World anti-doping agency 2014 // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/WADA-Revised-Statutes-4-July-2014-EN.pdf>>.

Однако вышеуказанная норма может быть корректно и адекватно интерпретирована исключительно в пределах полномочий ВАДА. Причём Всемирное антидопинговое агентство не вправе делегировать какому бы то ни было лицу полномочия в большем объёме, чем оно обладает само. Например, не вправе наделить полномочием проведения обысков, изъятия документов и т.п., в данном случае – полномочием доступа к электронной переписке лиц без их согласия.

Кроме того, ни указанная статья 4, ни другие статьи Статута Всемирного антидопингового агентства от 2016 года не закрепляют и не допускают право проводить антидопинговые расследования любыми методами. В статьях Статута, указывающих на возможности делегирования отдельных полномочий (наделения отдельными полномочиями), речь идёт о содействии борьбе с допингом (в том числе – в сотрудничестве с государствами), о распространении этических принципов и т.д.

Имея возможности сотрудничества с государствами в борьбе с допингом и при этом не обладая необходимыми полномочиями для проведения необходимого полномасштабного расследования, ВАДА не пошло по пути сотрудничества с уполномоченными государственными органами России в расследовании случаев допинга, а сразу предвзято презюмировав недобросовестность российских спортивных чиновников и бездействие Российского государства, но одновременно не обратившись и в правоохранительные органы других государств (например, США – в части расследования противоправной деятельности бывшего руководителя московской антидопинговой лаборатории Г. Родченкова, с января 2016 года пребывавшего в этом государстве), попыталось расследовать ситуацию «обходными» (как результат – незаконными) методами. Это свидетельствует о необъективности и недобросовестности Всемирного антидопингового агентства в случае с Докладом Р. Макларена.

2.3. Грубейшие противоречия «следственных» методов, которые использовались при подготовке Доклада Р. Макларена и с помощью которых получены результаты, ставшие основой выводов указанного Доклада, действующим нормативным актам ВАДА

Поскольку «расследование» Р. Макларена содержит серьёзные, со значительными последствиями обвинения в адрес многих лиц, а также органов государственной власти России, то представляется обоснованным требование о его соответствии в полном объёме фундаментальным стандартам проведения подобных расследований, в первую очередь – международным универсальным стандартам, а не только свойственным правовым системам лишь одной из правовых семей, но не актуальным для правовых систем других правовых семей. Поэтому апелляция авторов Доклада, к примеру, к стандарту отсутствия обоснованного сомнения (притом что в Докладе вообще отсутствуют релевантные доказательства) представляется не более чем удобным для Р. Макларена полемическим приёмом, нежели проявлением добросовестного и ответственного отношения к содержанию Доклада.

Следует отметить, что в «расследовании» Р. Макларена применялись методы, не только не указанные в нормативных документах

Всемирного антидопингового агентства, но и грубо выходящие за пределы возможных, допустимых действий, исходя из компетенции (в том числе – полномочий) ВАДА, установленных в соответствующих нормативных документах.

Статут Всемирного антидопингового агентства от 2016 года⁹, устанавливающий нормативные основы, формы и процессуальные рамки деятельности ВАДА (а равно редакция этого документа от 2014 года¹⁰) не предусматривает и не допускает такой широты усмотрения и свободы выбора «следственных» методов, как это имело место при подготовке Доклада Р. Макларена.

Статья 4 Статута Всемирного антидопингового агентства от 2016 года¹¹ содержит недостаточно чётко определённые формулировки о применяемых для расследования средствах. Согласно этой статье, Всемирное антидопинговое агентство вправе использовать широкий круг средств – как имеющихся в его распоряжении, так и создавать новые, консультироваться с любыми спортивными и иными организациями. Но эту норму следует толковать исключительно в рамках компетенции ВАДА.

Всемирный антидопинговый кодекс 2015 года¹², несмотря на презюмирование его авторами его особой «гибкости» и его особой «универсальности» (вводный раздел «Цели, область применения и структура всемирной антидопинговой программы и Кодекса»), не предусматривает и не допускает при проведении расследований применения такого рода методов, которые, судя по приведённой в Докладе Р. Макларена информации, были применены им и привлечёнными им лицами при «расследовании», в том числе связанные с нарушением тайны переписки и других правовых гарантий охраны конфиденциальной информации.

Проанализируем положения Всемирного антидопингового кодекса 2015 года с целью выявления возможного наличия в нём положений, которые могли бы быть нормативной основой, дающей Р. Макларену и привлечённым им к расследованию лицам право применять способы (методы) расследования, позволяющие получить доступ к конфиденциальной информации, принадлежащей другим лицам, без санкции уполномоченных государственных органов или без разрешения самих лиц, являющихся законными владельцами (адресатами и адресантами) соответствующих сообщений или информации, в том числе

⁹ Constitutive instrument of foundation of the World anti-doping agency, April 2016 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/new_statutes_-11_april_2016.pdf>. Publication date August 30, 2016.

¹⁰ Constitutive instrument of foundation of the World anti-doping agency 2014 // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/WADA-Revised-Statutes-4-July-2014-EN.pdf>>.

¹¹ Constitutive instrument of foundation of the World anti-doping agency, April 2016 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/new_statutes_-11_april_2016.pdf>. Publication date August 30, 2016.

¹² Всемирный антидопинговый кодекс 2015 года // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada-2015-code-ru.pdf>>. World Anti-Doping Code 2015 / The revised 2015 World Anti-Doping Code is effective as of 1 January 2015 // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada-2015-world-anti-doping-code.pdf>>.

содержащейся на соответствующих электронных носителях информации (компьютерных жёстких дисках и др.).

Пункт 2.10.2 и примечание к статье 2.10 Всемирного антидопингового кодекса 2015 года указывают на возможность уголовного расследования и дисциплинарного расследования, но осуществляемых вне рамок юрисдикции ВАДА или национальной антидопинговой организации, то есть реализуемых не ВАДА. Вопрос, на каких основаниях Р. Маклареном и его «следственной группой» фактически были осуществлены многие «следственные» действия, которые могут реализовываться исключительно в рамках юрисдикционного государственного уголовного процесса в порядке, установленном национальным законодательством, остаётся без ответа.

Методы (способы) расследования, которые вправе применять Всемирное антидопинговое агентство или национальная антидопинговая организация указаны в статье 5 «Тестирование и расследования» и пункте 3.2 «Методы установления фактов и презумпций» статьи 3 «Доказательства допинга» и в ряде других статей Всемирного антидопингового кодекса 2015 года:

– производство тестирования методом лабораторного анализа (пункт 5.1.1 и подпункт «а» пункта 5.1.2);

– метод получения признания (пункт 3.2), включая *«признания самого спортсмена»* и *«заслуживающие доверия показания третьих лиц»* (примечание к статье 3.2);

– иной *«любой надёжный способ»* (пункт 3.2).

Словосочетание *«любой надёжный способ»* должно интерпретироваться (толковаться) во взаимосвязи с принципами Всемирного антидопингового кодекса и другими нормами проведения антидопингового расследования, а также общими нормами и принципами проведения расследования правонарушений, включая принцип законности, принцип соблюдения прав человека.

Поэтому объём понятия *«любой надёжный способ»* (т.е. вся совокупность охватываемых этим понятием возможных способов расследования) применительно к антидопинговому расследованию имеет границы, пределы, которые можно относительно чётко и ясно выразить.

Соответственно, уполномоченный ВАДА субъект, осуществляющий антидопинговое расследование, не вправе произвольно, без соблюдения вышеуказанных принципов выбрать и применять какой-либо способ расследования, в т.ч. способ получения информации.

Обоснованно утверждать, что в под *«иными любыми надёжными способами»* в пункте 3.2 Всемирного антидопингового кодекса 2015 года следует понимать способы (методы) расследования, как прямо закреплённые в нормах этого Кодекса, так и иные способы (методы), соответствующие компетенции ВАДА и принципам Всемирного антидопингового кодекса, другим нормам проведения антидопингового расследования, а также общим нормам и принципам проведения расследования правонарушений.

Несмотря на то что, согласно пункту 3.2.1 Всемирного антидопингового кодекса 2015 года, *«презюмируется, что аналитические методы и пороговые значения, утверждённые ВАДА по итогам*

консультаций с членами соответствующего научного сообщества и независимой экспертизы, являются научно обоснованными» (т.е. презюмирована научная обоснованность методов ВАДА), в действительности, аналитические методы, в том числе консультации и экспертизы, могут правомерно применяться только в пределах, соответствующих пределам компетенции ВАДА.

Отметим также, что отдельные вопросы применения способов расследования, связанных с тестированием методами лабораторного анализа, урегулированы в пунктах 3.2.1, 3.2.2 и 3.2.3 Всемирного антидопингового кодекса 2015 года.

Единственный раз возможность преюдициальности, обеспеченной *«решением суда или компетентного профессионального дисциплинарного трибунала»*, указана в пункте 3.2.4. Но из статей Всемирного антидопингового кодекса 2015 года не следует, что такое решение суда или дисциплинарного трибунала, имеющее преюдициальное значение, могло бы быть подменено (замещено) просто частным мнением кого бы то ни было лица, в т.ч. «независимого лица», наделённого по решению ВАДА полномочиями по проведению расследования.

Пункт 3.2.5 Всемирного антидопингового кодекса 2015 года указывает на возможность учёта мнения *«экспертов, проводящих слушания, во время слушаний по нарушениям антидопинговых правил»*, но очевидно, что это положение не распространяется на случай Доклада Р. Макларена.

Пункт 19.2 Всемирного антидопингового кодекса 2015 года указывает, что *«соответствующие антидопинговые исследования могут включать в себя, например, в дополнение к медицинским, аналитическим или физиологическим исследованиям социологические, поведенческие, юридические и этические исследования»*, однако интерпретация процитированного положения во взаимосвязи с пунктом 19.1 и с учётом вводного слова *«соответствующие»* в процитированном фрагменте показывает, что речь идёт не о проведении конкретного расследования, а исключительно только о деятельности в целях обеспечения и развития в целом антидопинговой деятельности, указанной в пункте 19.1: *«антидопинговые научные исследования направлены на разработку и реализацию эффективных программ для целей допинг-контроля, а также информационных и образовательных программ, ориентированных на спорт, свободный от допинга»*.

Следует отметить пункт 5.1.2 Всемирного антидопингового кодекса 2015 года, устанавливающий основания обязательного проведения расследования:

«а) в отношении атипичных результатов анализа и неблагоприятных результатов по паспорту, согласно статьям 7.4 и 7.5, должен быть проведен сбор информации либо доказательств (включая, в частности, доказательства, полученные методом лабораторного анализа) с целью установления факта, имело ли место нарушение антидопинговых правил по статьям 2.1 и (или) 2.2;

(б) в отношении наличия иных оснований предполагать, что имело место нарушение антидопинговых правил, согласно статьям 7.6 и 7.7, должен быть проведен сбор информации либо доказательств

(включая, в частности, доказательства, полученные иными способами помимо метода лабораторного анализа) с целью установления факта, смело ли место нарушение антидопинговых правил по какой-либо из статей 2.2–2.10».

Указанные в пункте 5.1.2 «иные способы» – это не какие угодно способы расследования, выбранные по произвольному усмотрению. Обоснованно утверждать, что речь здесь идёт о совокупности способов, включающей прямо указанные в Всемирном антидопинговом кодексе 2015 года, а также другие способы расследования, соответствующие компетенции ВАДА, а также общим принципам и основным гарантиям антидопингового расследования (в т. ч. гарантиям прав спортсменов на объективное непредвзятое расследование).

Пункт 5.2 «Пределы полномочий в сфере тестирования» Всемирного антидопингового кодекса 2015 года не является референтным для вопроса о нормативных основаниях способов расследования, применённых при подготовке Доклада Р. Макларена, поскольку указанный пункт относится только к тестированию спортсменов.

Пункт 5.8.1 Всемирного антидопингового кодекса 2015 года определяет полномочия ВАДА и национальных антидопинговых организаций ***«получать, оценивать и обрабатывать информацию, имеющую отношение к борьбе с допингом, из всех доступных источников»***, но в привязке к следующей цели: ***«с целью информированного содействия при разработке эффективного, основанного на анализе информации и фактически обоснованного плана отбора проб, при планировании целевого тестирования и (или) в рамках создания базы для расследования случая (ев) возможного нарушения антидопинговых правил»***.

Данное положение нереферентно, то есть не относится к регулированию проведения конкретных расследований, а следовательно – и к «расследованию» Р. Макларена и к действиям привлечённых им посторонних лиц, фактически произвольно присвоивших себе неограниченные и бесконтрольные полномочия по доступу к информации ограниченного пользования (конфиденциальной информации), и не может служить основанием и оправданием таких действий Р. Макларена и указанных лиц.

В пункте 5.8.3 Всемирного антидопингового кодекса 2015 года установлено полномочие ВАДА и национальных антидопинговых организаций ***«проводить расследования в связи с любой иной информацией, относящейся или нет к результатам лабораторных исследований, либо в связи с полученной от третьих лиц информацией, свидетельствующей о факте возможных нарушений антидопинговых правил, согласно статьям 7.6 и 7.7, с целью либо исключить факт возможного нарушения антидопинговых правил, либо получить доказательства, на основании которых возможно будет иницировать процедуры в связи с фактом возможного нарушения антидопинговых правил»***.

Статьи 7.6 и 7.7 Всемирного антидопингового кодекса 2015 года совершенно нереферентны действиям по получению конфиденциальной информации, которые осуществляли Р. Макларен и привлечённые им

посторонние лица в рамках «расследования», и поэтому не могут служить основанием и оправданием таких действий Р. Макларена и указанных лиц.

Пункт 5.8.3 ясно свидетельствует о наличии границ предметной области антидопинговых расследований и возможных методов таких расследований, и следовательно, так же не может служить основанием и оправданием таких действий Р. Макларена и указанных лиц.

Согласно пунктам 20.3.6 и 20.4.4, а также другим положениям Всемирного антидопингового кодекса 2015 года, антидопинговая организация «*обладает правом на проведение расследования*», но это право существенно ограничено – не только определяемым Статутом Всемирного антидопингового агентства от 2016 года статусом (в том числе пределами компетенции) ВАДА или статусом национальной антидопинговой организации (в данном случае важно – что ВАДА), но и совокупностью методов, указанных во Всемирном антидопинговом кодексе 2015 года.

Таким образом, с учётом сказанного выше, обоснованно утверждать, что Р. Макларен совершая в процессе проведения им «расследования» действия, обозначенные, отражённые или частично поверхностно описанные в Докладе, грубейшим образом нарушил пункт 19.4 «Порядок проведения исследований» Всемирного антидопингового кодекса 2015 года, устанавливающий, что *«антидопинговые исследования должны проводиться в соответствии с международно-признанными этическими нормами»*. В частности, оказались грубо нарушены принципы объективности, справедливости, честности.

Пункт 5.5 «Требования к Тестированию» Всемирного антидопингового кодекса 2015 года содержит отсылку к Международному стандарту по тестированию и расследованиям от 2015 года¹³, который, согласно первому абзацу статьи 1 этого документа, составляет неотъемлемую часть Всемирного антидопингового кодекса и является обязательным к применению Международным стандартом, разработанным в рамках Всемирной антидопинговой программы.

Пункты 5.1.1, 5.1.2 и ряд других положений Международного стандарта по тестированию и расследованиям от 2015 года говорят о методе лабораторного анализа. В пункте 7.1 и в ряде других положений Международного стандарта по тестированию и расследованиям от 2015 года говорится о способе отбора допинг-проб. В пункте 9.3.1 названного документа говорится о способе доставки отобранных допинг-проб и сопроводительной документации, обеспечивающем их неприкосновенность, подлинность и безопасность.

Пункт 4.8.4 и комментарий к этому пункту, комментарий к пункту 4.8.3, пункт 5.1.2 Международного стандарта по тестированию и расследованиям от 2015 года предусматривают возможность получения

¹³ International Standard for Testing and Investigations // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/WADA-2015-ISTI-Final-EN.pdf>>. Перевод на русский: Международный стандарт по тестированию и расследованиям, январь 2015 года // <<http://nada.by/img/test.pdf>>. С января 2017 года действует: International Standard for Testing and Investigations // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/2016-09-06_-_isti_-_january_2017_final.pdf>.

доказательств *«иными способами, нежели методом лабораторного анализа»*. Но и в данных случаях речь идёт о способах, относимых к компетенции ВАДА и подлежащим интерпретации во взаимосвязи с общим содержанием данного документа.

Следовательно, положения Всемирного антидопингового кодекса 2015 года и Международного стандарта по тестированию и расследованиям от 2015 года не могут служить нормативным основанием и оправданием действий, совершённых Р. Маклареном и привлечёнными им лицами в рамках проведения ими «расследования».

Таким образом, Р. Макларен и привлечённые им для «расследования» лица были не вправе использовать указанные выше и ряд других методов в своём «расследовании», а полученные с их помощью результаты (заявленные как полученные) являются юридически ничтожными.

2.4. Доклад Р. Макларена с точки зрения международных публично-правовых актов

Вопрос о соотношении (в том числе об иерархии нормативной силы) норм актов собственной нормативной регламентации (*lex sportiva*) международной спортивной организации (например, Всемирного антидопингового кодекса от 2015 года, Статута Всемирного антидопингового агентства от 2016 года и др.) и норм международных актов публично-правового характера (например, Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте от 19.10.2005¹⁴, Конвенции Совета Европы против применения допинга от 16.11.1989¹⁵ и Дополнительного протокола от 12.09.2002 к Конвенции против применения допинга от 16.11.1989¹⁶) имеет непосредственное отношение к рассматриваемому Докладу и проведённому Р. Маклареном расследованию.

В основе конфликта вокруг действий ВАДА сегодня лежит то, что Всемирное антидопинговое агентство де-факто совершает неправомерные действия, направленные на абсолютное доминирование (в сфере борьбы с употреблением допинга в спорте) и на концентрацию в одном центре монопольных, исключительных полномочий по нормативному регулированию, интерпретации нормативных актов в сфере антидопинговой деятельности, проведению антидопинговых расследований, реализации квазисудебных полномочий по принятию

¹⁴ Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте от 19.10.2005 // <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/doping_in_sport.shtml>; <<http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001425/142594m.pdf#page=56>>.

International Convention against Doping in Sport 2005, Paris, 19 October 2005 // <http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=31037&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html>.

¹⁵ Конвенция против применения допинга от 16.11.1989 // <<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000168007b0fb>>. Anti-doping Convention, Strasbourg, 16.11.1989 // <http://www.coe.int/t/dg4/sport/Source/CONV_2009_135_EN.pdf>.

¹⁶ Дополнительный протокол от 12.09.2002 к Конвенции против применения допинга от 16.11.1989 // <<http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090001680081582>>.

решений о виновности спортсменов и иных лиц в нарушениях антидопинговых требований, а также вторгается в область полномочий органов публичной власти государств в части расследований в этой сфере и стремится обеспечить иерархически более высокую позицию своих решений по отношению к юрисдикции государства. Ярким и масштабным проявлением такой неадекватной позиции ВАДА явилось привлечение им в качестве «независимого лица» Р. Макларена для проведения расследования в отношении применения допинга российскими спортсменами и одобрение Агентством Доклада, подготовленного Р. Маклареном.

С точки зрения международного публичного права, вышеуказанная позиция по концентрации полномочий по нормативному регулированию, применению норм, расследованию нарушений и привлечению нарушителей к ответственности в одной организации и конкретные такого рода действия ВАДА по организации антидопингового расследования, в частности в отношении российских спортсменов, представляются необоснованными, содержат предпосылки для злоупотребления ВАДА своими полномочиями, и не могут быть признаны юридически корректными и правомерными.

Причём позиция и действия ВАДА выражаются через действия самого Агентства и привлекаемых им лиц, образующих латентную распределённую систему субъектов. ВАДА заявляет, что оно только расследует нарушения антидопинговых правил и само никого не отстраняет, не дисквалифицирует и не лишает. «Независимые комиссии» и «независимые персоны» при ВАДА или по поручению ВАДА заявляют, что только делают выводы (без всяких рекомендаций и требований), а Международный олимпийский комитет и Международный паралимпийский комитет заявляют, что они только «выносят свои решения» на основании фактического признания (прежде всего – Всемирным антидопинговым агентством) преюдициального значения документов, полученных от указанных «независимых комиссий» и «независимых персон», и содержащихся в них сведений и выводов как достоверных и исчерпывающе доказанных.

Учитывая, что Всемирный антидопинговый кодекс был утвержден Советом учредителей Всемирного антидопингового агентства (ВАДА), являющегося международной неправительственной организацией, при этом в число учредителей ВАДА государства, как правило, не входили, а сторонами, непосредственно подписавшими Всемирный антидопинговый кодекс, государства, как правило, не могут быть¹⁷, то на международном (межгосударственном) уровне сложилась такая система регулирования, деятельности государств в сфере борьбы с допингом, которая включает ряд международных нормативно-правовых актов, действующих

¹⁷ Примечание к статье 22 Всемирного антидопингового кодекса от 2015 года: «Большинство правительств не может быть стороной, подписывающей Кодекс или связанной обязательствами, установленными такими частными неправительственными инструментами, как Кодекс. По этой причине к правительствам не обращаются с просьбой выступать в качестве Подписавших Кодекс сторон, а просят подписать Копенгагенскую декларацию и ратифицировать, принять, утвердить и присоединиться к Конвенции ЮНЕСКО».

одновременно с актами ВАДА и других международных спортивных организаций.

В соответствии с **Международной конвенцией ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте от 19.10.2005**, возложившей на государства-участников целый ряд обязательств в сфере борьбы с употреблением допинговых средств в спорте и устанавливающей обязанность государств-участников придерживаться принципов Всемирного антидопингового кодекса (в частности, статьи 3 и 4), **высшим органом в рамках данной Конвенции является Конференция сторон** (статьи 17, 18, 28–32). Этот орган, как следует из смысла положений этой Конвенции, может выполнять и определённые контрольные функции, способствуя достижению целей данной Конвенции. Всемирное антидопинговое агентство наделено и, соответственно, обладает лишь консультативным статусом при данном органе (Конференции). При этом государства просто поддерживают миссию ВАДА и содействуют ему (статья 14, пункты «а» и «д» статьи 16), в том числе финансово (статья 15, пункт 3 статьи 17), сотрудничают с ним (пункт «с» статьи 3, статья 26).

Конвенцией против применения допинга от 16.11.1989 установлено, что **высшим органом в рамках данной Конвенции является группа по рассмотрению действия** (статьи 10–12). Этой Конвенцией также установлено, что государства-стороны этой Конвенции создают или способствуют созданию на своей территории одной или нескольких лабораторий антидопингового контроля, содействуют спортивным организациям в получении доступа к такой лаборатории на территории другого государства-стороны (пункт 1 статьи 5), сами осуществляют меры по борьбе с употреблением допинговых средств в спорте (ряд статей), содействуют проведению антидопинговых проверок (пункт 3 статьи 7 и др.), «тесно сотрудничают между собой в областях, подпадающих под действие настоящей Конвенции, и поощряют аналогичное сотрудничество между своими спортивными организациями» (пункт 1 статьи 8).

В вышеназванных Конвенциях нет норм, дающих основания и возможности Всемирному антидопинговому агентству или назначенным им либо аффилированным с ним лицам произвольно присваивать себе какие-либо экстра-территориальные юрисдикционные следственные полномочия.

Ряд в этой сфере известных концептуальных (не являющихся обязательными для применения) документов международных организаций (**Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R (84) 19 от 25.09.1984 государствам-членам «Европейская антидопинговая хартия для спорта»**¹⁸ и др.) так же не содержит положений, которые могли бы являться основаниями для присвоения себе Всемирным антидопинговым агентством и назначенными им либо аффилированными с ним лицами

¹⁸ Recommendation № R (84) 19 of the Committee of ministers to member states on the «European Anti-Doping Charter for sport» / Adopted by the Committee of Ministers on 25 September 1984 at the 375th meeting of the Ministers' Deputies // <<https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=603979&SecMode=1&DocId=683378&Usage=2>>.

неограниченных и произвольных полномочий в части организации и проведения антидопинговых расследований.

Следует также отметить, что согласно размещённому на сайте ЮНЕСКО разъяснению, ЮНЕСКО и ВАДА являются партнерами в борьбе с допингом в спорте. ЮНЕСКО несет ответственность за осуществление Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте и в связи с этим сотрудничает главным образом с правительствами. ВАДА работает со спортивными движениями (Международный Олимпийский комитет, Международный Паралимпийский комитет, международные спортивные федерации и т.д.), а также с антидопинговыми организациями для обеспечения соблюдения Всемирного антидопингового кодекса¹⁹.

ВАДА также имеет возможности обращаться к органам государственной власти по вопросам своей деятельности.

То, что Всемирное антидопинговое агентство не обратилось к использованию названных законных международных правовых и организационных механизмов в целях квалифицированного расследования применения допинга, свидетельствует о необъективности и недобросовестности ВАДА в случае с Докладом Р. Макларена, об изначально предвзятом отношении и недобросовестной мотивированности руководства Всемирного антидопингового агентства в выборе инструментов достижения заявленной цели – проверки состояния системы антидопингового обеспечения в России и проверки опубликованных в СМИ сведений о нарушении.

Согласно пункту 3 статьи 1 Дополнительного протокола от 12.09.2002 к Конвенции против применения допинга от 16.11.1989²⁰, государства-стороны **«признают компетенцию Всемирного антидопингового агентства (WADA) и других организаций по допинговому контролю, действующих под его руководством, по осуществлению проверок их спортсменов вне соревнований на их территории или в другом месте... Любые такие проверки осуществляются по согласованию со спортивными организациями, упомянутыми в статье 4.3.с Конвенции²¹, в соответствии с действующими нормами и положениями национального законодательства страны-организатора».**

То есть у конкретного государства есть обязанность содействия в проведении ВАДА проверок в соответствии с действующими положениями своего законодательства. Но никаких произвольных самостоятельных и самостоятельных следственных действий (по существу, уголовно-процессуальными методами предварительного расследования или

¹⁹ ЮНЕСКО и ВАДА // <<http://www.unesco.org/new/ru/social-and-human-sciences/themes/anti-doping/unesco-and-wada/>>. UNESCO and WADA // <<http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/themes/anti-doping/unesco-and-wada/>>.

²⁰ Дополнительный протокол от 12.09.2002 к Конвенции против применения допинга от 16.11.1989 // <<http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list-/conventions/rms/0900001680081582>>.

²¹ Подпункт «с» пункта 3 статьи 4 указанной Конвенции гласит, что государства-стороны «способствуют и в случае необходимости облегчают осуществление своими спортивными организациями антидопингового контроля, требуемого компетентными международными спортивными организациями как в период, так и вне соревнований».

дознания) никакие назначенные ВАДА или аффилированные с ВАДА лица не имели права вести на территории суверенного государства (без специального санкционирования с его стороны), поскольку такие лица не представляют легитимный межгосударственный или национальный государственный орган, который посредством межгосударственного соглашения или законодательно наделен полномочиями по проведению следственных действий.

Напротив, это государства вправе осуществлять правовое регулирование и в случае нарушения национального законодательства вмешиваться в деятельность международных спортивных организаций. К примеру, согласно статье 19 **Конвенции Совета Европы о манипуляции спортивными соревнованиями от 18.09.2014**²², каждая сторона вправе принимать законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для установления юрисдикции в отношении коррупционных преступлений, в том числе, если такое преступление было совершено на территории соответствующего государства или же одним из его граждан, либо лицом, постоянно проживающим на его территории. В соответствии со статьями 22 и 23 названной Конвенции, стороны вправе принимать законодательные и иные меры для наложения на лиц, виновных в совершении соответствующих коррупционных правонарушений, санкций, включающих в себя лишение свободы, которые могут повлечь за собой экстрадицию в соответствии с внутренним законодательством.

Следует также отметить, что пункты 1 и 2 статьи 4 «Связь Конвенции с Кодексом» Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте от 19.10.2005 (с учётом определения в пункте 6 статьи 2) устанавливают особенности соотношения (в том числе нормативной иерархии) положений самой Конвенции и положений Всемирного антидопингового кодекса: *«1. В целях координации действий по борьбе с допингом в спорте на национальном и международном уровнях государства-участники обязуются придерживаться принципов Кодекса в качестве основы для принятия мер, предусмотренных в статье 5 настоящей Конвенции. Ничто в настоящей Конвенции не препятствует принятию государствами-участниками других мер в дополнение к Кодексу. 2. Кодекс и самые последние версии дополнений 2 и 3 приводятся для сведения и не являются неотъемлемыми частями настоящей Конвенции. Дополнения [к Кодексу – примеч. авт.] сами по себе не устанавливаются для государств-участников каких-либо международно-правовых обязательств»*.

Таким образом, закреплено, что «государства-участники обязуются придерживаться принципов Кодекса», но при этом Всемирный антидопинговый кодекс не является неотъемлемой частью Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте от 19.10.2005, а соответственно – не может оцениваться как документ и источник международного публичного права.

²² Council of Europe Convention on the Manipulation of Sports Competitions of 18.09.2014 // <<http://www.coe.int/tu/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900016801cdd7e>>.

То есть согласно самой Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте от 19.10.2005, её нормативный статус выше Всемирного антидопингового кодекса.

С учётом сказанного выше, обоснованно сделать вывод о том, с точки зрения международных публично-правовых актов в рассматриваемой сфере, Доклад Р. Макларена – это частное мнение, юридическое значение которого не превышает юридического значения частного высказывания в СМИ. В качестве обладающего юридическим (тем более – преюдициальным) значением документа Доклад Р. Макларена позиционироваться и оцениваться не может, для этого просто нет никаких юридических и фактических оснований.

2.5. Доклад Р. Макларена с точки зрения нормативных актов Международного паралимпийского комитета

Решение Исполкома Международного Паралимпийского комитета от 07.08.2016 о приостановлении членства Паралимпийского комитета России, немедленно вступившее в силу и автоматически повлёкшее отстранение российских спортсменов-паралимпийцев (всей российской паралимпийской сборной) от участия в Паралимпийских играх 2016 года в Рио-де-Жанейро, было аргументировано Международным Паралимпийским комитетом прямыми ссылками на Доклад Р. Макларена.

Необоснованное приращение Международным паралимпийским комитетом Докладу Р. Макларена, де-факто, преюдициального юридического значения и использование этого Доклада в качестве основания и обоснования ограничительных и репрессивных мер в отношении российских спортсменов, спортивных организаций и сборных явилось грубым нарушением регламентных норм самого Международного паралимпийского комитета. Сказанное обосновывается, прежде всего, тем, что в **Конституции Международного паралимпийского комитета**²³ отсутствуют положения, на основании которых указанный комитет вправе принимать в качестве доказательной основы материалы, подготовленные вне рамок установленных или допустимых процедур не уполномоченными органами и лицами, не подкрепленные надлежащими доказательствами, а также тем, что отсутствует надлежащая регламентация порядка рассмотрения дел по антидопинговому расследованию, содержащая гарантии обеспечения прав спортсменов при рассмотрении указанных дел, и обеспечивающая честность, непредвзятость и объективность при рассмотрении таких дел.

Согласно пункту 9.1.3 Конституции Международного Паралимпийского комитета, членство национального паралимпийского комитета в Международном Паралимпийском комитете может быть прекращено (решением Генеральной Ассамблеи Международного Паралимпийского комитета) по причине того, что член более не отвечает предъявляемым требованиям, закреплённым в пунктах 4.1.1 – 4.1.4 Конституции Международного Паралимпийского комитета.

²³ IPC Constitution, December 2011 // <https://www.paralympic.org/sites/default/files/document/141113141030725_2014_10_01+Sec+i+chapter+1_0_IPC+Constitution.pdf>.

Пунктом 9.1.4 Конституции Международного Паралимпийского комитета, установлено, что решение о прекращении членства **должно быть «основано на уважительной причине, которая... должна быть приведена в случае, если член наносит серьёзный ущерб интересам Организации или нарушает Конституцию, Регламенты, Кодексы, правила и постановления МПК».**

В соответствии с пунктом 9.2.2 Конституции Международного Паралимпийского комитета, членство национального паралимпийского комитета может быть приостановлено по причине невыполнения требований, предъявляемых к членам, и несоответствия требованиям нормативных актов, устанавливающих обязанности членов, как это определено в Конституции Международного Паралимпийского комитета.

Хотя Конституция Международного Паралимпийского комитета не конкретизирует основания для признания (подтверждения) факта такого несоответствия (нарушения) со стороны национального паралимпийского комитета и не содержит положений о должных или допустимых методах расследования, на основе результатов которого можно было бы подтвердить факт такого несоответствия (нарушения), однако общеправовые принципы, подлежащие применению в ситуации оценивания действий конкретного национального паралимпийского комитета на предмет такого несоответствия, определяют невозможность голословного обвинения по надуманным основаниям. В любом случае, указанная в пункте 9.1.4 Конституции Международного Паралимпийского комитета «уважительная причина» должна быть установлена и приведена в обоснование указанного решения.

В силу вышесказанного, Доклад Р. Макларена не может ни при каких обстоятельствах оцениваться и позиционироваться как раскрывающий и доказывающий наличие «уважительных причин» («*good cause*») для принятия решения о прекращении членства российского паралимпийского комитета в Международном Паралимпийском комитете, а также доказывающий наличие факта нанесения членом этого Комитета серьёзного ущерба интересам Организации или нарушения Конституции, Регламентов, Кодексов, правил и постановлений Международного Паралимпийского комитета (по смыслу пункта 9.1.4 Конституции Международного Паралимпийского комитета).

Важно отметить, что Доклад Р. Макларена не содержит вообще никаких доказательств наличия нарушений российскими паралимпийцами антидопинговых правил. Слово «паралимпийский» употреблено в Докладе Р. Макларена всего только два (!) раза. Первый раз – в названии Паралимпийских игр 2014 года в Сочи – в положительном контексте (с. 11). И второй раз – в примечании к диаграмме на с. 41, будто бы отражающей *«количество исчезнувших положительных антидопинговых про российских спортсменов по видам спорта»*, очевидно сфальсифицированной, поскольку никаких релевантных доказательств сведений, отражаемых этой диаграммой и указанным примечанием к ней, в данном Докладе не было представлено, просто голословно было указано число 35 («*Paralympic Sport – 35*»).

То есть всего лишь одно единственное безосновательное упоминание в Докладе Р. Макларена российских паралимпийцев

(неназванных персонально лиц, которым вменены некие 35 проб – без указания, к каким конкретно лицам это число имеет отношение и за какой период) повлекло откровенно дискриминационное в отношении всех российских спортсменов-паралимпийцев, издевательское и уничижительное в отношении достоинства личности российских спортсменов-паралимпийцев решение Исполкома Международного Паралимпийского комитета от 07.08.2016.

В соответствии с **Этическим кодексом Международного Паралимпийского комитета от 2016 года**²⁴, члены паралимпийского движения, включая и Международный Паралимпийский комитет, подчинены этическому императиву независимости и беспристрастности (подпункт IV пункта 2.2), руководители Международного Паралимпийского комитета и его структурных подразделений подчинены этическим императивам беспристрастности (пункт 10.1) и недопустимости личной заинтересованности (пункты 10.3 и 10.4), недопустимости конфликта интересов и недопустимости злоупотреблений (пункты 10.4 и 10.5), императивам честности и добросовестности (пункт 11.3), а также подчинены принципам и идеалам Паралимпийского движения (пункт 10.6). Согласно пункту 13.1 Этического кодекса Международного Паралимпийского комитета от 2016 года, *«все взаимоотношения Международного Паралимпийского комитета с партнерами должны выстраиваться в духе поощрения спортсменов-паралимпийцев и паралимпийских видов спорта в истинном смысле честной игры и в соответствии с паралимпийскими ценностями и идеалами».*

Таким образом, решение Исполкома Международного Паралимпийского комитета от 07.08.2016 о приостановлении членства Паралимпийского комитета России, повлекшее автоматическое отстранение российских спортсменов-паралимпийцев от участия в Паралимпийских играх в Рио, вступило в противоречие с положениями пунктов 2.2.1–2.2.3 Конституции Международного Паралимпийского комитета, а также в противоречие с положениями пунктов 13.1, 2.2, 10.1, 10.3–10.6, 11.3 Этического кодекса Международного Паралимпийского комитета от 2016 года.

С учётом сказанного выше, обоснованно сделать вывод о том, что, с точки зрения нормативных актов Международного Паралимпийского комитета, Доклад Р. Макларена – это частное мнение, по существу, равное по своему юридическому значению частному высказыванию в СМИ. Доклад Р. Макларена не обладал абсолютно никаким преюдициальным и иным юридическим значением при рассмотрении 07.08.2016 Исполкомом Международного Паралимпийского комитета вопроса о приостановлении членства Паралимпийского комитета России.

Выводы

Доклад Р. Макларена «Расследование ВАДА обвинений российских участников Олимпиады в Сочи в употреблении допинга» от 16.07.2016 основан на информации, которая, судя по Докладу, не подвергалась

²⁴ IPC Code of Ethics, April 2016 // <https://www.paralympic.org/sites/default/files/document/160502112749067_Sec+ii+chapter+1_1_IPC+Code+of+Ethics.pdf>.

Р. Маклареном объективными средствами проверке и подтверждению достоверности. Указанный Доклад не содержит никаких прямых однозначных улик и доказательств, обладает множеством нестыковок и натяжек, реализует ряд манипулятивных приемов. Доклад содержит ряд произвольно надуманных и ложных утверждений. Доклад Р. Макларена обоснованно признать предвзятым, бездоказательным и, в существенной его части, сфальсифицированным.

Доклад Ричарда Макларена «Расследование ВАДА обвинений российских участников Олимпиады в Сочи в употреблении допинга» от 16.07.2016 юридически ничтожен, этот Доклад не может юридически и фактически обоснованно использоваться в качестве основания и обоснования применения ограничительных и репрессивных мер в отношении российских спортсменов, спортивных организаций и сборных, в том числе в качестве основания и обоснования отстранения российской паралимпийской сборной от участия в Паралимпийских играх в Рио-де-Жанейро 2016 года и отстранения ряда российских спортсменов от участия в Олимпийских играх в Рио-де-Жанейро 2016 года.

Понкин Игорь Владиславович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор

Богатырев Александр Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела экономико-правовых проблем государственного и муниципального управления Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Редькина Алена Игоревна, кандидат юридических наук, эксперт Консорциума специалистов по спортивному праву

* * * * *

Понкин И.В. Текст выступления 27.09.2016 в Совете Федерации ФС РФ

Оценка юридической возможности и обоснованности использования Доклада «Расследование ВАДА обвинений российских участников Олимпиады в Сочи в употреблении допинга» от 16.07.2016, подготовленного Ричардом Маклареном по обращению ВАДА, в качестве основания и обоснования применения рестриктивных и репрессивных мер в отношении российских спортсменов, спортивных организаций и сборных, в том числе в качестве основания и обоснования отстранения российской паралимпийской сборной от участия в Паралимпийских играх в Рио-де-Жанейро 2016 года и отстранения ряда российских спортсменов от участия в Олимпийских играх в Рио-де-Жанейро 2016 года, дает основания для следующих выводов.

Доклад Р. Макларена, как показано в ранее проведенных исследованиях, по своему содержанию обладает многочисленными существенными недостатками, включая сфальсифицированные доказательства и недоказанные выводы, в результате чего, при надлежащем соблюдении гарантий прав спортсменов, этот Доклад не мог рассматриваться в качестве достаточного основания и обоснования для принятия каких-либо ограничительных и репрессивных мер в отношении российских спортсменов, спортивных организаций и сборных.

Кроме существенных содержательных недостатков, оценка Доклада Р. Макларена по формальным основаниям выявляет его критические формальные дефекты вследствие допущенных при его подготовке грубейших компетентностных и процессуальных нарушений. В результате Доклад Р. Макларена был «рождён» юридически ничтожным. Доклад не имел и не мог иметь преюдициального значения при решении вопросов о применении санкций к российским спортсменам, а именно такое значение и было, по существу, необоснованно приписано (придано) Докладу Р. Макларена целым рядом международных спортивных организаций, придавшими ему, по существу, статус судебного документа. Причем преюдициальность в данном случае выражалась в презюмировании не только отсутствия необходимости доказывать будто бы установленные и доказанные в Докладе Р. Макларена обстоятельства и факты, но, по сути дела, и запрете (искусственном создании условий невозможности) их опровержения.

Грубые компетентностные и процессуальные нарушения, допущенные при подготовке Доклада Р. Макларена, повлекли его юридическую ничтожность в плане основания и обоснования применения ограничительных и репрессивных мер в отношении российских спортсменов и спортивных организаций.

Сомнительны независимость Р. Макларена и фактически возглавляемой им «следственной группы», ввиду того факта, что Р. Макларен ранее участвовал в так называемой «независимой комиссии», возглавлявшейся Ричардом Паундом, который ранее являлся Президентом Всемирного антидопингового агентства. То есть прослеживается явная длительная связь Р. Макларена с ВАДА в период до подготовки рассматриваемого Доклада. Отчеты комиссии Р. Паунда от 09.11.2015 и от

14.01.2016 характеризовались многочисленными критическими недостатками, лишающими их надлежащих основательности, обоснованности и объективности (в том числе из-за применения манипулятивных приёмов), были основаны на домыслах, эти документы обоснованно признать лишёнными объективности и предвзятыми, бездоказательными и, в существенной части, сфальсифицированными. Но тогда участие Р. Макларена в подготовке указанных двух отчетов комиссии Р. Паунда свидетельствуют о необоснованности считать Р. Макларена независимым и беспристрастным лицом.

То, что Р. Макларен в течение многих лет являлся арбитром Международного спортивного арбитражного суда, в частности, с 1998 года неоднократно входил в состав палат ad hoc Международного спортивного арбитражного суда для Олимпийских игр, говорит о том, что он не может (не мог) выступать в качестве беспристрастного расследователя и эксперта, так как, по сути, в данном случае образовался конфликт интересов: Р. Макларен как лицо, проводящее расследование, и он же как один из представителей спортивного арбитражного (судебного) сообщества.

Критическим формальным недостатком Доклада Р. Макларена, обусловившим формальные несостоятельность и дефектность всего этого Доклада, является привлечение им к подготовке этого документа неопределенного круга посторонних лиц – *«следственная группа независимого лица»*. Невозможно вывести из исследуемого Доклада Р. Макларена, на каких именно основаниях следует признавать всех привлекавшихся к его составлению лиц «независимыми».

Выявлены грубые нарушения Всемирным антидопинговым агентством своей компетенции при наделении им Р. Макларена необоснованно и произвольно расширенными «полномочиями» (при признании им таких полномочий за Р. Маклареном через придание его Докладу юридической силы).

Сама форма «расследования», проводившегося (или заявленного как проводившееся) Р. Маклареном в рамках подготовки его Доклада, свидетельствует о существенных нарушениях компетенции (существенных выходах за пределы компетенции) ВАДА как Р. Маклареном, назначенным ВАДА для проведения им «расследования», так и самим ВАДА.

Если бы Всемирное антидопинговое агентство передало часть полномочий по расследованию какому-то легитимному межгосударственному или национальному государственному органу, который посредством межгосударственного соглашения или законодательно наделен полномочиями по организации следствия или дознания, то вопросов возникало бы много меньше.

Доступ к чужой электронной переписке и ее анализ, изъятие «жестких дисков» и их «кибер-анализ», многие другие обозначенные в Докладе Р. Макларена как применявшиеся в его «расследовании» методы могли быть принципиально возможны к применению исключительно лишь с санкции уполномоченного государственного органа в установленном законом порядке, как и обеспечение подтверждения достоверности такой переписки или сведений, умышленно предоставленных лицом в добровольном порядке третьим лицам.

В противном случае, сам доступ к таким электронным коммуникациям (перехваты сообщений цифровых средств коммуникации, вскрытие частной электронной переписки) произведённый «хакерскими» методами или же добровольно обеспеченным некими третьими лицами, – является противоправным. Привлечение Р. Маклареном к получению вышеуказанной информации неопределенного круга лиц, о чем сказано в Докладе, является дополнительным обстоятельством, подтверждающим неправомерность его действий при проведении расследования в указанной части.

ВАДА принципиально не имеет полномочий, т.е. не вправе наделять какой-либо создаваемый им орган обширными следственными полномочиями, аналогичными по своему содержанию и формам реализации тем, которыми обладают исключительно следственные органы государства в установленном законом объёме и порядке. В данном случае налицо очевидно незаконное де-факто присвоение Р. Маклареном себе полномочий, аналогичных некоторым полномочиям государственных следственных органов по проведению расследования. Иначе ничем не объяснить указанные в Докладе манипуляции Р. Макларена с материалами, фиксирующими электронную переписку неких лиц, с компьютерными жесткими дисками и т.д.

Если незаконное фактическое присвоение себе Р. Маклареном полномочий государственного следственного органа было осуществлено им самостоятельно по собственной инициативе, то грубым нарушением компетенции ВАДА является придание ВАДА такого юридического (по существу – преемственного) значения Докладу Р. Макларена, с игнорированием указанных грубейших нарушений. В этом случае ВАДА несёт полную ответственность за принимаемые им решения, в качестве обоснования которых использованы выводы Доклада Р. Макларена.

Статутом ВАДА от 2016 года не предусмотрено и не предполагается право проводить антидопинговые расследования любыми произвольными методами.

Имея возможности сотрудничества с государствами в борьбе с допингом и при этом не обладая необходимыми полномочиями для проведения полномасштабного расследования, ВАДА не пошло по пути сотрудничества с уполномоченными государственными органами России в расследовании случаев допинга, а сразу приняло решение и, предвзято презюмировав недобросовестность российских чиновников и бездействие Российского государства, попыталось расследовать ситуацию «обходными» (как результат – незаконными) методами. Это свидетельствует о необъективности и недобросовестности ВАДА в случае с Докладом Р. Макларена.

Выявлены грубейшие противоречия «следственных» методов, которые использовались при подготовке Доклада Р. Макларена и с помощью которых получены результаты, ставшие основой выводов указанного Доклада, действующим нормативным актам ВАДА.

В «расследовании» Р. Макларена применялись методы, не только не известные нормативным документам Всемирного антидопингового агентства, но и грубо выходящие за пределы возможных, допустимых действий, исходя из компетенции ВАДА, установленных в нормативных документах.

Статут ВАДА от 2016 года (как и редакция от 2014 года), Всемирный антидопинговый кодекс 2015 года и Международный стандарт по тестированию и расследованиям от 2015 года не предусматривают и не допускают такой широты усмотрения и свободы выбора «следственных» методов, как это произошло при подготовке Доклада Р. Макларена, не могут служить нормативным основанием и оправданием действий, совершенных Р. Маклареном.

Р. Макларен посредством действий в процессе проведения им «расследования» грубейшим образом нарушил пункт 19.4 «Порядок проведения исследований» Всемирного антидопингового кодекса 2015 года, устанавливающий, что *«антидопинговые исследования должны проводиться в соответствии с международно-признанными этическими нормами»*. В частности, нарушены принципы объективности, справедливости, честности.

Р. Макларен и привлечённые им для «расследования» лица был не вправе использовать указанные выше и ряд других методов в своем «расследовании», а полученные с их помощью результаты (заявленные как полученные) являются юридически ничтожными.

Доклад Р. Макларена с точки зрения международных публично-правовых актов. Суть конфликта в том, что ВАДА де-факто совершает неправомерные действия, направленные на абсолютное доминирование и концентрацию в одном центре полномочий по нормативному регулированию, интерпретации нормативных актов в сфере антидопинговой деятельности, проведению антидемпинговых расследований, реализации квазисудебных полномочий по принятию решений о виновности спортсменов и иных лиц в нарушениях антидемпинговых требований, а также вторгается в область полномочий органов публичной власти в части расследований в этой сфере и стремится обеспечить иерархически более высокую позицию по отношению к государствам (это, кстати, общая характерная черта самопозиционирования и поведения многих других международных спортивных организаций).

С точки зрения международного публичного права, позиция по концентрации полномочий по нормативному регулированию, применению норм, расследованию нарушений и привлечению нарушителей к ответственности в одной организации по организации антидопингового расследования представляются необоснованными и не могут быть признаны юридически корректными и правомерными.

Позиция и действия ВАДА выражаются через действия самой ВАДА и привлекаемых ею лиц, образующих имплицитную распределённую систему субъектов. ВАДА заявляет, что только расследует нарушения антидопинговых правил и само никого не отстраняет, не дисквалифицирует и не лишает. «Независимые комиссии» и «независимые персоны» при ВАДА заявляют, что только делают выводы (без всяких рекомендаций и требований), а МОК и МПК заявляют, что они тут ни причем, а только выносят свои решения на основании фактического признания преюдициального значения документов, полученных от указанных «комиссий» и «персон», и содержащихся в них сведений и выводов как достоверных и исчерпывающе доказательных.

Согласно **Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте от 19.10.2005**, высшим органом в рамках данной Конвенции является Конференция сторон. Всемирное антидопинговое

агентство наделено и, соответственно, обладает лишь консультативным статусом при данном органе (Конференции).

Конвенцией против применения допинга от 16.11.1989 установлено, что высшим органом в рамках данной Конвенции является группа по рассмотрению действия.

В этих Конвенциях нет норм, дающих основания и возможности произвольно присваивать себе ВАДА или назначенными им либо аффилированными с ним лицами себе каких-либо экстра-территориальных юрисдикционных следственных полномочий.

То, что ВАДА не обратилось к использованию названных законных международно-правовых и организационных механизмов, свидетельствует о необъективности и недобросовестности ВАДА в случае с Докладом Р. Макларена, об изначально предвзятом отношении и скрытой недобросовестной мотивированности руководства Всемирного антидопингового агентства в выборе инструментов достижения заявленной цели – проверки состояния системы антидопингового обеспечения в России и проверки опубликованных в СМИ сведений о нарушениях.

Пункты 1 и 2 статьи 4 Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте устанавливают особенности соотношения (в том числе нормативной иерархии) положений самой Конвенции и положений Всемирного антидопингового кодекса: *«государства-участники обязуются придерживаться принципов Кодекса»*, но при этом Всемирный антидопинговый кодекс не является неотъемлемой частью данной Конвенции ЮНЕСКО, а соответственно – не может оцениваться как документ и источник международного публичного права. То есть согласно самой, ее нормативный статус выше Всемирного антидопингового кодекса.

С точки зрения международных публично-правовых актов в данной сфере, Доклад Р. Макларена – это частное мнение, по существу, равное по своему юридическому значению частному высказыванию в СМИ.

Решение Исполкома Международного Паралимпийского комитета от 07.08.2016 о приостановлении членства Паралимпийского комитета России, немедленно вступившее в силу и автоматически повлекшее отстранение российских спортсменов-паралимпийцев от участия в Паралимпийских играх 2016 года в Рио-де-Жанейро, было обосновано Международным Паралимпийским комитетом прямыми ссылками на Доклад Р. Макларена.

Необоснованное придание МПК Докладу Р. Макларена, де-факто, преюдициального юридического значения и использование этого Доклада в качестве основания и обоснования ограничительных и репрессивных мер в отношении российских спортсменов, спортивных организаций и сборных явилось грубым нарушением регламентных норм самого Международного паралимпийского комитета. В **Конституции Международного паралимпийского комитета** отсутствуют положения, на основании которых указанный комитет вправе принимать в качестве доказательной основы материалы, подготовленные не уполномоченными им органами и лицами и не подкрепленные надлежащими доказательствами, не конкретизированы основания для признания факта нарушения и не содержит положений о методах расследования. Однако общеправовые принципы, подлежащие применению в ситуации оценивания действий

конкретного национального паралимпийского комитета на предмет нарушения, исключают возможность голословного обвинения. Указанная в пункте 9.1.4 Конституции МПК «уважительная причина» должна быть установлена и приведена в обоснование указанного решения.

Доклад Р. Макларена не может ни при каких обстоятельствах оцениваться и позиционироваться как раскрывающий и доказывающий наличие «уважительных причин» для принятия решения о прекращении членства российского паралимпийского комитета в Международном Паралимпийском комитете (по смыслу пункта 9.1.4 Конституции МПК).

Доклад Р. Макларена не содержит доказательств наличия нарушений российскими паралимпийцами антидопинговых правил. Слово «паралимпийский» употреблено в Докладе Р. Макларена всего только два (!) раза: 1) в названии Паралимпийских игр 2014 года в Сочи (с. 11) и 2) в примечании 5 к диаграмме, будто бы отражающей *«количество исчезнувших положительных антидопинговых про российских спортсменов по видам спорта»* (с. 41), очевидно сфальсифицированной, поскольку никаких релевантных доказательств сведений, отражаемых этой диаграммой и указанным примечанием к ней, в данном Докладе не было представлено, просто была указана надуманная цифра 35.

Всего лишь одно единственное голословное упоминание в Докладе Р. Макларена российских паралимпийцев повлекло откровенно дискриминационное в отношении всех российских спортсменов-паралимпийцев решение Исполкома МПК от 07.08.2016.

Решение Исполкома МПК от 07.08.2016 о приостановлении членства Паралимпийского комитета России, повлекшее автоматическое отстранение российских спортсменов-паралимпийцев от участия в Паралимпийских играх в Рио, вступило в противоречие с положениями пунктов 2.2.1–2.2.3 Конституции МПК, а также в противоречие с положениями пунктов 13.1, 2.2, 10.1, 10.3–10.6, 11.3 Этического кодекса МПК от 2016 года.

С точки зрения регламентных документов МПК, Доклад Р. Макларена – это частное мнение, по существу, равное по своему юридическому значению частному высказыванию в СМИ, и он не обладал абсолютно никаким преюдициальным и иным юридическим значением при рассмотрении 07.08.2016 Исполкомом МПК вопроса о приостановлении членства Паралимпийского комитета России.

Вывод. Доклад Р. Макларена от 16.07.2016 юридически ничтожен, не мог и не может юридически и фактически обоснованно использоваться в качестве основания и обоснования применения рестриктивных и репрессивных мер в отношении российских спортсменов, спортивных организаций и сборных.

Ponkin I.V., Bogatyrev A.G., Redkina A.I. Critical analysis of R. McLaren's Report dated 16.VII.2016

Table of Contents

Introduction

Main Part

1. Critical analysis of content of the R. McLaren's Report

1.1. Evaluation of the "investigative methodology" in the Report by R. McLaren

1.2. Evaluation of the stated objectives and the subject of the "investigation", their conformity with the conclusions of the Report

1.3. Evaluation of the factual and other source base of R. McLaren's Report

1.3.1. G. Rodchenkov's statements as one of the sources of information in R. McLaren's Report base

1.3.2. Information from newspapers and television as one of the information sources in the base of R. McLaren's report

1.3.3. Materials from some certain "e-mails"

1.3.4. Other sources

1.4. Assessing the adequacy of the terms of the declared "investigation" by R. McLaren and the proceedings based on the results of such an investigation report

1.5. Evaluation of reasonability of engaging in the Report works of the other individuals

2. Critical analysis (on formal grounds) of the R. McLaren's Report

2.1. Defective procedure of choosing the "investigation" subjects by the World Anti-Doping Agency

2.2. World Anti-Doping Agency competence violation in vesting R. McLaren with unfoundedly and improperly extended "authorities" (in acknowledging such authorities of R. McLaren by the Agency by validating his Report)

2.3. Grave contradictions in "the investigative" techniques used in drawing up R. McLaren's Report and obtaining the results, which formed the backbone of the Report's conclusions, to the current WADA regulatory documents

2.4. R. McLaren's Report from the perspective of international public law acts

2.5. R. McLaren's Report from the point of view of the International Paralympic Committee's regulatory acts

Conclusions

Introduction

The subject of this critical analysis is the content of the Report "WADA Investigation of Sochi allegations", dated July 16, 2016 prepared by Richard McLaren (Richard H. McLaren), referred to as "Independent Person" (IP), (hereinafter – the Report, R. McLaren's Report)²⁵.

The purpose of this critical analysis is to evaluate legal possibility and validity of using the Report "WADA Investigation of Sochi allegations" dated 16.07.2016, drawn up by Richard McLaren, completed at the request of the World Anti-Doping Agency (hereinafter – WADA), and submitted to the President of WADA, as a ground and justification for applying restrictive and repressive measures in respect of Russian athletes, sports organizations, and national teams, including as a ground and reason to ban the Russian Paralympics team from competing at the Rio 2016 Paralympics and a number of Russian athletes' ban from competing at the 2016 Rio de Janeiro Olympics.

Fundamentally agreeing with R. McLaren's viewpoint on the inadmissibility of the distribution and use of doping substances in sports, however, we have to note that the Report under study has a number of critical defects that make it impossible to see it as reasonably sufficient and unprejudiced. As this Report has already inflicted substantial damage to the entire Russian sports in general; as it has played its role in strengthening the ideologically motivated attempts to remove all the Russian athletes from the list of the participants in the Olympic Games 2016; as it has further provoked the politically and ideologically motivated demands on cancellation of World Cup 2018 in Russia, the relevance of the analysis of this Report and the assessment of the validity of its conclusions is obvious.

Page numbering for the quotations is performed according to the original document in English.

Main Part

1. Critical analysis of content of the R. McLaren's Report

1.1. Evaluation of the "investigative methodology" in the Report by R. McLaren

R. McLaren claims that he "*In doing so, the IP has only made Findings in this Report that meet the standard of beyond a reasonable doubt*" (pp. 4–5).

However, in reality, a sufficient number of statements in the Report lead to sound and reasonable doubts. And it will be proved below.

First of all, it is the lack of the proper description and justification of the methodology applied in the Report which causes reasonable doubts. According to the statement on p. 2 of the Report, "*this Executive Summary describes the formation of the IP and sets out the Terms of Reference and a brief summary of*

²⁵ McLaren Independent Investigations Report into Sochi allegations // <<https://www.wada-ama.org/en/resources/doping-control-process/mclaren-independent-investigations-report-into-sochi-allegations>>; <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/20160718_ip_report_final3.pdf>.

the investigative methodology used". However, the description of the "investigative methodology used" in the Report by R. McLaren is not represented, not in the summary or further.

Chapter 2 of the Report, "The IP Investigation Method", on reasonable grounds, is to be characterized as falsified because, in reality, it does not show or explain the investigative methodology. Section 2.1 "Introduction" is dedicated to the survey of the materials released through newspapers and television, having no relation to the actual description of the stated methodology. Section 2.2 "The Investigation Process" is overfull with acknowledgements by R. McLaren to some certain persons who assisted him, according to his statements, or those who he "kept informed" (below we will touch on this section). Section 2.3 "The Investigation Procedure" (1 page in total) brings the whole description of the procedure to the notion that there was evidence obtained from G. Rodchenkov; to empty declarations that G. Rodchenkov is "*truthful*" (p. 21), that he "*is a credible and truthful person*" (p. 21); to articulating the opinion that there is no sense and use in meetings with people residing on the territory of Russia (p. 22), and with Russian government officials (p. 22); to indicating that a number of materials were received from "*one important government representative*" (p. 22). Section 2.3 concludes with the text fragment, which makes sense to quote in full: "*All the allegations that were made have been followed up by the IP and Findings have been made along with revealing other evidence discovered during the course of the investigation. The allegations, which we find to have been established, attack the principle of clean sport and clean athletes which are at the very heart of WADA's raison d'être*" (p. 22).

It further states: "*2.3.1 IP Findings. 1. Dr. Rodchenkov, in the context of the subject matter within the IP mandate, was a credible and truthful person. 2. All other witnesses interviewed by the IP investigative team were credible. Their evidence was only accepted where it met the standard of beyond a reasonable doubt*" (p. 23). Section 2.4 is devoted to the description of the Taskforce of the International Association of Athletics Federations. The information provided to the Taskforce by R. McLaren is presumed as "*met the highest level of legal proof*" (p. 24). The rest of this section refers to the publication of R. McLaren's statement on the Canadian wire service.

It is clear that Chapter 2 of the Report, "The IP Investigation Method", in fact, gives no explanation or description of any methodology of collection, assessment, and analysis of the facts.

The Chapter has no indication and, certainly, no description of the logic and contents of the research activities carried out by R. McLaren personally or in cooperation with other parties, of the sequences of research activities and their stages, of the particular research methods applied. There is no description of the methods for checking and confirming the allegations, claims, and "accusations" made by the third parties and underlying R. McLaren's Report.

In general, almost no relevant information is given in the Report.

And that could only mean the following: there is no scientifically recognized methodology of objective research used, and the arguments of the Report were tailored to the politically and ideologically motivated conclusions written in advance. Further, we provide a lot of evidence to prove that.

As the only exception, in Chapter 2, which could formally be assessed as setting out the investigative methodology, the following text fragment can be

specified: “*All other witnesses interviewed by the IP investigative team ... Their evidence was only accepted where it met the standard of beyond a reasonable doubt*” (p. 23). But even in this case, the relevance of the statement tends to zero, as the well-known approach to proving in the Anglo-Saxon law, reflected in the lexical construction “requirements of the lack of reasonable doubts”, in R. McLaren’s Report turned into a rhetorical cover of unproven facts. This Report leaves not disclosed the most important - how exactly the above mentioned “evidences” were assessed, what instruments were used to verify their accuracy to meet the requirements of this standard.

Another more or less intelligible text is found in Chapter 1, “*The IP conducted a number of witness interviews and reviewed thousands of documents, employed cyber analysis, conducted cyber and forensic analysis of hard drives, urine sample collection bottles and laboratory analysis of individual athlete samples*” (p. 5). But this information is insufficient. All this requires a detail disclosure. In particular – what exactly was the subject of “cyber-analysis” (from the quoted text of the Report it is impossible to understand whether such analysis was carried out by R. McLaren personally), if the Report talks mostly about opening the bottles and replacing their contents. We can assume that we are told about some printouts or screenshots of questionable forensic value, of obtained illegally, or, that can not be excluded, just fully fabricated, files of correspondence between some individuals. But this kind of Report should not and can not contain so many uncertainties.

According to the Report, the primary technique for the collection of key information, in fact, was the following: “*The IP and his investigators interviewed and personally met the principal witness, Dr. Rodchenkov... Dr. Rodchenkov is credible and truthful in relaying to me the testimony he gave which is the subject matter of this Report*” (p. 21).

It should also be noted that the implementation of the stated goals and objectives of the Report, obviously, could not avoid the on-site visit and conducting the works (“investigation”) in place. The approach, realized contrary to what was said in the Report, is the brightest innovation in the offense investigation world practice. The unfairness and prejudice are obvious.

However, the Report stated that R. McLaren and his anonymous “investigative team” of unknown character and composition did not intend to conduct the proceedings on site, “*The IP did not seek to interview persons living within the Russian Federation*” (pp. 8, 22).

R. McLaren said: “*Therefore, I did not hesitate in coming to the conclusion that within the context of the subject matter that was my mandate he is a credible and truthful person. I do not need to go further afield in assessing his credibility as it is beyond the scope of my inquiry*” (p. 21).

Assessment of the evidence reliability is an essential and integral part of any investigation (an investigation conducted by the investigating authority, journalistic investigation, etc.). This is obvious to anyone but, judging by the Report, not to R. McLaren.

The statement found in the Report: “*did not permit compilation of data to establish an antidoping rule violation*” (p. 4), in itself, deflates the findings of the Report.

If the facts had not been established, then, where did the rough invective conclusions of the Report come from?

There are so many lapses of this kind in the Report, that they turn it into a set of conjectures and eliminate any possibility to see it as a serious document that contains a compelling rationale of the findings noted.

Let us show more statements of that same kind:

*“it must be recognised that **we have only skimmed the surface** of the extensive data available”* (p. 4);

*“the compressed time frame in which to compile this Report **has left much of the possible evidence unreviewed**”* (p. 25);

*“This Report **has skimmed the surface** of the data that is available or could be available”* (pp. 25–26);

“the highly compressed timeline has meant that the IP investigative team has had to be selective” (p. 4);

*“**The precise method** used by the FSB to open the Sochi sample bottles **is unknown**. The IP experts conclusively established that the caps can be removed and reused later”* (p. 73);

*“The IP investigators **were not able to confirm** the presence of Dr. Rodchenkov’s fingerprints or DNA on any of the B sample bottles”* (p. 73);

*“the IP **has not found communications** between FSB Blokhin and his superiors in the FSB chain of command, that is not surprising given that the FSB is a secret service organization”* (p. 59).

The question of, what, then, did R. McLaren and persons involved manage to establish and prove, in this case turns out to make no sense. The above quotes from the Report speak for themselves. To read the Report, really and truly, critical reasoning is an essential skill.

Most of the “evidence” is set out in the style of yellow press, *“was a simple but effective and efficient method for direction and control under the Deputy Minister of Sport to force the Laboratory to report any positive screen finding as a negative analytical result. **The disappearing positive!**”* (p. 10); *“the Moscow Laboratory **was the final failsafe protective shield** in the State directed doping regime”* (p. 41).

This “disappearing” was realized, as stated in the Report, by the following: *“laboratory personnel **would falsify the screen result**”* (p. 11). In practice, as stated in the Report, it was accomplished as follows: *“**Through the efforts of the FSB, a method for surreptitiously removing the caps of tamper evident sample bottles containing the urine samples of doped Russian athletes had been developed...**”* (p. 12).

What kind of *“surreptitiously removing the caps”* method (“some method” as it is called in the Report) is meant is not made clear in the Report. Instead, it is claimed that the use of such a method was confirmed, *“The IP has developed **forensic evidence that establishes beyond a reasonable doubt some method was used to replace positive dirty samples during the Sochi Games**”* (p. 12). *“**Forensic examination of these bottles found evidence of scratches and marks confirmed tampering**”* (p. 17).

What kind of forensic examination data was obtained, what person (what persons) and of what qualification (what kind of confirmation of qualification was represented) were involved, and most important – on what grounds and using what materials was it carried out, – the Report is silent again.

In this Report, almost all the arguments have the following character: *some persons used some techniques, that have been confirmed somehow by*

some other persons, who applied some other methods as well, which was reported about by some witnesses. It should be noted, that even yellow press authors try to write more clearly and convincingly.

The Report states: *"The IP investigation, assisted by forensic experts, has conducted its own experiments and **can confirm**, without any doubt whatsoever, that the caps of urine sample bottles can be removed without any evidence visible to the untrained eye"* (p. 12).

Common sense predetermines that the detection of the method for removing caps from sample bottles can not automatically, by itself, prove that this is exactly what was done in practice, specifically – by some Russian officials. But in the Report by R. McLaren requirements of common sense and logic are ignored so often that one can speak of illogicality as one of the original principles of the preparation of this Report.

The Report states: *"The FSB was intricately entwined in the scheme to allow Russian athletes to compete while dirty. The FSB developed a **method to surreptitiously open** the urine bottles to enable sample swapping"* (p. 13).

Obviously and logically that if R. McLaren witnessed a demonstration of a method of surreptitiously opening bottles by other persons, besides those unnamed FSB operatives, then this method is quite widely known.

The Report further states that *"A and B bottles would pass through **the "mouse hole" from the aliquoting room** inside the secure perimeter of the Sochi Laboratory into an adjacent operations room, outside the secure perimeter"* (p. 14); *"the quaint solution of passing dirty **samples through a mouse hole drilled** between the aliquoting room in the secure area of the laboratory and the adjacent "operations" room on the exterior of the secure area"* (p. 64). However, no evidence of this hypothesis is given, the only proof is solely unsubstantiated allegations of G. Rodchenkov (or, closer to the truth, his story about his own illegal activities).

As the most vivid manipulative technique, used in R. McLaren's Report, we should highlight the following. G. Rodchenkov's illegal actions are listed: *"The Report has already referred to the doping program **using the athlete cocktail developed by Dr. Rodchenkov**"* (p. 62), *"**Rodchenkov and laboratory staff then adjusted** the clean urine with salt, diluted it with water"* (p. 44); *"**Rodchenkov developed** a steroid cocktail optimized to avoid detection"* (p. 49). However, further in the Report those actions are extrapolated, the responsibility is transferred to the state, without any proof imputing the fault for all the illegal actions of G. Rodchenkov on the state, state authorities of the Russian Federation: *"**The picture that emerges from all of the foregoing is an intertwined network of State involvement through the MofS and the FSB in the operations** of both the Moscow and Sochi Laboratories. The FSB was woven into the fabric of the Laboratory operations and the MofS was directing the operational results of the Laboratories"* (p. 60). And G. Rodchenkov himself is definitively removed out of this criminal scheme in a remarkable manner and showed as *"credible and truthful person"* (p. 21), because, allegedly, *"Laboratory was merely a cog in a State run machine, and not the rogue body of individuals that has alleged"* (p. 35).

This technique is not and could not be recognized as anything but irresponsible and unethical manipulation.

The Report states: “*The veracity of Dr. Rodchenkov’s statements to The New York Times article is supported by the forensic analysis of the IP which included laboratory analysis of the salt content of samples selected by the investigative team*” (p. 15); “*The Laboratory analytical analysis has established that some samples had salt levels in excess of what can be found in a healthy human urine analysis, thereby confirming interview evidence that salt had been added*” (p. 75).

Thus, the following main arguments are presented in the Report by R. McLaren:

1). There were found micro-scratches on the bottles. Logically, there are reasonable questions about who and how can ensure that those micro-scratches had not been on the sterile bottles before collecting samples, while storing at the manufacturer’s place, that those had not appeared at the primary sample collection stage, and who and how had checked it. But these questions are ignored in the Report, while many pages of the Report are devoted to the discussion of the scratches issue (pp. 45–48).

2). The samples revealed some variation in salt content that, in fact, is non-referential to the range of issues discussed in the Report and proves nothing.

The Report by R. McLaren repeatedly uses manipulative techniques that substantially depreciate the Report as a whole, and its conclusions in particular. The fact of the use of such techniques in the Report, in itself, proves its original bias, adaptation to create a deceptive line of arguments in favor of, in very deed, prearranged politically motivated conclusions.

In particular, we are talking about the Report containing too many “references to nowhere”, referencing something supposedly available, but not indicated in the Report (similar to – “we have it, but we will not show it to you”):

In the text fragment of the Report under study: “*The IP can confirm the general veracity of the published information concerning the sample swapping that went on at the Sochi Laboratory during the Sochi Games*” (p. 6) – such promises that “*The IP can confirm*”, in fact, do not make sense. Those particular evidences would be relevant and would be of value, but they are not represented.

Excessive use (to the point and not to the point, always, too often) of lexical structures “without doubt”, “beyond a reasonable doubt” (pp. 5, 6, 12, 23, etc.), known in legal documents of the Anglo Saxon law, cannot replace and substitute the expected relevant and convincing evidence in the Report by R. McLaren.

And in the absence of the latter, it looks just as a rhetorical cover for the absence of real evidence and relevant arguments. The declarations presented in abundance in the Report and not having convincing and evidentiary disclosure in the Report, such as: “*The IC exposed*” (p. 6), “*The IC Report detailed*” (p. 6), “*The outcomes of the IP add a deeper understanding*” (p. 6–7), “*The IC uncovered a system within Russia*” (p. 8) – do not add to the credibility of the Report.

R. McLaren states: “*in order to demonstrate that we have hard credible evidence we have chosen to publish selected portions of the evidence we have obtained*” (p. 26).

But in reality, further in the Report there is no relevant and convincing evidence given.

In the absence of relevant arguments, self-praising of this kind: “*however, we are confident that what we have found meets the highest evidentiary standard and can be stated with confidence*” (p. 26) – doesn’t just look unconvincingly, but also completely unserious.

This principal unsubstantiality of the Report expresses a grave lack of respect to its readers and also raises the question of faking of the findings in the Report.

The fact that R. McLaren himself named himself “independent person” and he was called so at WADA, absolutely does not mean that each of his words has to be taken on faith uncritically. Even if we assume, that, until now, Robert McLaren has been a model of crystal clear honesty and objectivity, then it would not allow him to avoid the obligation to prove his findings and explain how those have been obtained.

1.2. Evaluation of the stated objectives and the subject of the “investigation”, their conformity with the conclusions of the Report

The subject of the “investigation” by R. McLaren, as declared, are the “allegations” (also the word “testimony” is used) of G. Rodchenkov: “*On 19 May 2016 the World Anti-Doping Agency (WADA) announced the appointment of an Independent Person (IP) to conduct an investigation of the allegations made by the former Director of the Moscow Laboratory, Dr. Grigory Rodchenkov*” (p. 2); “*The IP and his investigators interviewed and personally met the principal witness, Dr. Rodchenkov. I have concluded that Dr. Rodchenkov is credible and truthful in relaying to me the testimony he gave which is the subject matter of this Report*” (p. 21).

However, according to the results of the “investigation”, it is obvious that such large-scale and radical conclusions couldn’t be made.

Yet this Report is called “WADA Investigation of Sochi allegations”. That is that the subject, in the title of the Report, is some “accusations” on the part of WADA.

Unreasoned statements of G. Rodchenkov and other persons (unnamed, except V. Stepanov), legally and actually, quite unreasonably are evaluated and positioned as “allegations”: “*All the allegations that were made have been followed up by the IP and Findings have been made along with revealing other evidence discovered during the course of the investigation*” (p. 22). In what order, by whom specifically, within the framework of what procedure, and on what grounds these allegations were brought, – all these substantive points are simply ignored in the Report.

It is not possible to understand what exactly is the subject of the investigation in R. McLaren’s Report from the text of the Report, since it has too much ambiguity.

Thus, it is reasonable to talk about uncertainty of R. McLaren’s Report subject, predetermining unreliability and other critical drawbacks of this Report.

The third objective of the Report (the “third authority”): “*3. Identify any athlete that might have benefited from those alleged manipulations to conceal positive doping tests*” (p. 3), in the same Report is disavowed: “*The third*

*paragraph of the IP's mandate, identifying athletes who benefited from the manipulations, has not been the primary focus of the IP's work. The IP investigative team has developed evidence identifying dozens of Russian athletes who appear to have been involved in doping. The compressed timeline of the IP investigation **did not permit compilation of data to establish an antidoping rule violation**. The time limitation required the IP to deem this part of the mandate of lesser priority. The IP concentrated on the other four directives of the mandate" (p. 4).*

It is reasonable to talk about the defects of the other objectives set for the Report by R. McLaren.

In addition, the analysis of R. McLaren's Report leads to the conclusion about the absence of reference of the stated objectives and the subject of the Report to the findings of the Report.

1.3. Evaluation of the factual and other source base of R. McLaren's Report

1.3.1. G. Rodchenkov's statements as one of the sources of information in R. McLaren's Report base

The main source of information laid down in the Report base is declared to be the statements and materials provided by G. Rodchenkov.

Whereas, as for the materials presented by G. Rodchenkov, the whole idea reduces simply to indicate that such materials were transferred, in some form, in some volume (all that is abstract): "*Dr. Rodchenkov's public statements triggered the creation of the IP investigation. He cooperated with the investigation, agreeing to multiple interviews and providing thousands of documents electronically or in hard copy*" (p. 7).

No information on how to confirm the findings and verify the data shared by G. Rodchenkov, on examination and confirmation of the validity of the "documents" provided by him is given in the Report.

Just allegedly unsubstantiated conclusions about this person:

"he has been truthful with the IP" (p. 7);

*"Rodchenkov **provided credible evidence**"* (p. 14);

*"Dr. Rodchenkov is **credible and truthful** in relaying to me the testimony... has been completely truthful in his interviews with me"* (p. 21);

*"**Rodchenkov, in the context of the subject matter within the IP mandate, was a credible and truthful person**"* (p. 23);

R. McLaren says about G. Rodchenkov and his statements and materials: "*Therefore, I did not hesitate in coming to the conclusion that **within the context of the subject matter that was my mandate he is a credible and truthful person***" (p. 21).

It seems that the only relevant information in this statement (if not in the whole Report) is - "not hesitate".

Attempts to convince that Rodchenkov's statements were proved by objective means look quite unconvincing:

*"**The veracity of Dr. Rodchenkov's statements** to The New York Times article is supported by the forensic analysis of the IP which included laboratory analysis of the salt content of samples selected by the investigative*

team” (p. 15). But nothing else in the Report in support of G. Rodchenkov’s statements is found.

The abovementioned circumstances do not allow us to consider such information and materials relevant sources.

1.3.2. Information from newspapers and television as one of the information sources in the base of R. McLaren’s report

It is said a lot in the Report that R. McLaren uses as true and verified information obtained through newspapers:

“*In the first part of May the American newsmagazine 60 Minutes and then The New York Times reported*” (p. 2);

“*means of concealing positive doping results than had been publically described for Sochi*” (p. 9);

“*The swapping occurred largely as described in The New York Times article*” (p. 14);

“*The veracity of Dr. Rodchenkov’s statements to The New York Times article...*” (p. 15);

“*The first ARD documentary²⁶ aired in early December of 2014*” (p. 16);

“*On 08 May 2016, the American CBS newsmagazine, 60 Minutes, aired a story of doping allegations occurring during the Sochi Games. During a segment of the 60 Minutes program, whistleblower, Mr. Vitaly Stepanov, a former employee of the Russian Anti-Doping Agency (RUSADA) ... On the basis of recorded conversations between Stepanov and the former Director of the WADA-accredited Moscow Anti-Doping Laboratory (the “Moscow Laboratory”), Dr. Grigory Rodchenkov (“Dr. Rodchenkov”), the broadcast claims that...*” (p. 18);

“*The New York Times published the article, “Russian Insider Says State-Run Doping Fueled Olympic Gold,” on 12 May 2016 alleging...*” (p. 18);

“*The IP has strong evidence that verifies and corroborates a substantial part of The New York Times article*” (p. 61);

“*It was reported by The New York Times...*” (p. 64).

Such references (and in such quantities) are not just totally unconvincing, but convert the entire Report by R. McLaren into a number of speculations, a compilation of newspaper clippings and television transcripts, without giving any opportunity to assess the Report as a thorough and convincing analytical legal product.

Especially inappropriate are the references to newspapers and television in Chapter 2 of the Report, “The IP Investigation Method”.

1.3.3. Materials from some certain “e-mails”

Another source stated was “*email evidence available to the IP*” (p. 38). The sources of these “e-mails” in the Report are not represented. Just as nothing

²⁶ For more details see: *Slobodtchikov V.I. Critical analysis of the film “Doping – Top Secret: Showdown for Russia” (“Geheimsache Doping: Showdown für Russland”) // <http://www.moscou-ecole.ru/lib/Slobodtchikov_Critical-analysis.pdf>.*

is said about how the authenticity of this correspondence was confirmed and verified. This circumstance does not allow to consider such materials to be appropriate sources.

1.3.4. Other sources

According to the Report, *“the mandate was not limited to just the published allegations. The IP **examined other evidence** of what was transpiring in the Moscow Laboratory before and after the period of the Sochi Games”* (p. 6).

What exactly is “other evidence”, in addition to the provided by G. Rodchenkov, the Report does not reveal. If we assume those described in Chapter 3, in this chapter, everything is equally vague, imprecise.

Another statement in the Report regarding the sources used: *“What the IP investigation adds to the bigger picture... With the additional evidence available to the IP, this Report provides facts and proof...”* (p. 9). Nothing is said about the kind of “new evidence” in the Report, as it has become traditional for the Report.

Reference in Exhibit 1 is written in newspaper style, the evidence presented in it does not have any proves.

In addition, it is stated in the Report that there was made an overview of the previous V. Stepanov’s statements – *“Stepanov, a former employee of RUSADA did not participate in the investigation”* (p. 7). What statements by Stepanov were overviewed and what sources were used to obtain such statements (statements in the yellow press or sworn statements, any other), the Report is silent again.

The word “witnesses” is used repeatedly (pp. 5, 7, 21, 23, 27, etc.).

Testimonies of anonymous witnesses are claimed as another source of information contained in the Report base: *“**There were other witnesses** who came forward on a confidential basis. They were important to the work of the IP investigation in that they provided highly credible cross-corroboration of evidence both viva voce and documentary that the IP had already secured. I **have promised not to name these individuals**, however I do want to thank them for their assistance, courage and fortitude in coming forward and sharing information and documents with the IP”* (p. 7–8).

What is the mechanism for granting the status of witnesses, evaluation, verification, and validation of information received from them, the Report is silent.

A little further, the Report talks about “other individuals”: *“The IP interviewed a **number of other individuals** on a confidential basis. Some were interviewed at the request of the IP investigation team and others came forward voluntarily”* (p. 22).

Assessing the state as a whole and the public authorities, referring to non-existent in reality “anonymous witnesses” – this is a typical yellow press tool. Using such a tool any blame can be placed. And inappropriate for this kind of document pathetics determines the credibility of such rhetoric as even lower.

Another source of information, which is the basis for the arguments and invective evaluation, declared as the conclusions of the Report, is determined as “one important government representative”, *“I also received, unsolicited, an extensive narrative with attachments from **one important government representative** described in this Report”* (p. 8, 22).

R. McLaren's Report does not give any explanation about the ways of findings and validation of the said by all those unnamed persons and information transmitted by them.

Just unfounded presumption: "**All other witnesses interviewed by the IP investigative team were credible**" (p. 23).

1.4. Assessing the adequacy of the terms of the declared "investigation" by R. McLaren and the proceedings based on the results of such an investigation report

On May 19, 2016, as stated in the Report, R. McLaren was appointed to conduct the "investigation", and on July 16, 2016 the Report was ready. The Report repeatedly emphasizes that the time limits for the Report was 57 days (pp. 5, 8, 22).

At the same time, R. McLaren's Report repeatedly accents expressed sorrow that the time was not enough, "*compressed timeline of the IP investigation did not permit*" (p. 4), "*the time limitation*" (p. 4), "*the highly compressed timeline has meant that the IP investigative team has had to be selective*" (p. 4), "*in the short time of 57 days that I was given to conduct this IP investigation*" (p. 22); "*the compressed time frame in which to compile this Report*" (p. 25).

Yet, R. McLaren declares that during this period he examined "thousands of documents" (!). What kind of documents are they, what is the total number of pages, silence again. The Report does not give any information about the nature and extent of the "review" of such documents by R. McLaren, in the sense - how he researched and evaluated, whether he read them in detail, examined or superficially viewed, or those documents were searched for R. McLaren by other individuals. Meanwhile, it is very important and relevant for the assessment of the Report by R. McLaren, substantive issue, as the study of the documents conducted by R. McLaren, in its content to evaluate them requiring the assistance of specialists with other than R. McLaren's specialization, should result in the expression of doubt in the adequacy of understanding and assessment of such documents by R. McLaren.

Despite the apparent lack of time for work and the need to consider "thousands of documents", however, the Report states that "*upon embarking on its investigation the IP **quickly found** a wider means of concealing positive doping results than had been publically described for Sochi*" (p. 9), that is, presumably, not yet having had time to get acquainted with all the "thousands of documents" referred to in the Report. That much luck? Or just conclusions had been written initially, and the fake arguments were adopted later? We believe - the second.

And this is despite the fact that, according to the statement in the Report, the first period of the reported 57 days was "less than a month" (p. 24) – it was "*early in the investigation*" (p. 24).

Thus, the stated period of the procedure of the claimed "investigation" by R. McLaren and proceedings based on the results of the investigation Report, considering the volume of the actual coverage of the subject-object area, reasonably can be assessed as inadequate, objectively determining the defectiveness of the conclusions of the Report.

1.5. Evaluation of reasonability of engaging in the Report works of the other individuals

According to the Report by R. McLaren, "*Throughout the course of his mandate, the IP has personally reviewed all evidence gathered by his independent investigative team. This Report was prepared from the collective work of the IP's investigative team. The investigative process is outlined and the many significant aspects that were studied and analyzed ultimately provide evidence for findings of fact*" (p. 4).

What is this "investigative team", who authorized it? The fact of granting R. McLaren some authority does not predetermine and can not automatically prejudge granting the same power other persons. But the Report by R. McLaren, in most cases, does not specify who exactly those people are, what their professional qualification is, how it can be proved and verified (forensic experience, experience in sports law with experience in such cases - cases arising out of the facts of illicit distribution and using doping). In this case, there is no reason to assume that this was done unintentionally. Most likely, this is done to conceal the fact of absence in reality of such members of the investigative group, except R. McLaren, as well as those individuals who inspired the Report and in the advance written politically motivated conclusions of the Report.

Lack of opportunities to verify the statement in R. McLaren's Report that its "investigative team" was really independent and objective, also calls into question the validity of the Report as a whole.

More are mentioned as engaged in the "investigation" some (again anonymous) "forensic experts": "*the IP investigation, assisted by forensic experts, has conducted*" (p. 12). What "forensic experts" were engaged by R. McLaren, on what grounds, what is their qualification, what are the grounds to trust them, the Report is silent again.

It further states that there was made a "forensic analysis": "*The veracity of Dr. Rodchenkov's statements to The New York Times article is supported by the forensic analysis...*" (p. 15). What criminalists were engaged by R. McLaren, on what grounds, what is their qualification, what are the grounds to trust them, the Report is silent again. It indicates only some certain "*the London WADA accredited Laboratory*" (p. 15).

Then it is said: "*The IP forensic examination of these bottles found evidence of scratches and marks confirmed tampering*" (p. 17). Here the author of the Report does not make any efforts to explain anything about this "expertise".

Finally, on p. 19, the Report states about the existence and activities of some "*members of the IP investigative staff*" (reminder: independent person is R. McLaren himself).

But most importantly, who and on what grounds authorized all of these individuals to interfere in the issues, independently and arbitrarily grant themselves the authority?

Only on pp. 19-20 of the Report, R. McLaren deigned to partly list the persons included in the investigative team (another group of people or another name of the other parties to engage on the arbitrary grounds): "*Following that*

meeting, the IP acted quickly to pull together his investigative team. Included were: Chief Investigator Martin Dobbey, Montreal Anti-Doping Laboratory Director, Dr. Christiane Ayotte, lawyer and the IP Russian language support, Diana Tesic, WADA investigation department Mathieu Holz, Richard Young, Esq., two Western University Law students, Karen Luu and Kaleigh Hawkins-Schulz”.

Again, we note that R. McLaren does not bother to describe the professional and expert skills and experience of the above mentioned persons. With all due respect to those students (not school students, at least), however, let us express doubts about the relevance and adequacy of their skills and experience to work within the issue. One who studies the profession is not yet a professional in this field. Therefore, it is simply not serious.

Qualification, specialization, and experience of other (besides students) persons, the scope and content of the work accomplished by those persons in the provision of the Report by R. McLaren – all this remains hidden. And this fact does not allow to consider the findings of this group as relevant, reliable, fair, and convincing.

Just below, the Report states that specialists in the field of forensic medicine, cyber-specialists, and others were engaged. (p. 20). But who are they - once again - silence.

It is stated that R. McLaren was provided with some laboratory and assistance of its direct superior: *“Dr. David Cowan Director of the Drug Control Centre and the DNA analysis unit at Kings College, London (“DCC”) provided the use of his laboratory and did the laboratory analytical work for the IP”*. This is, perhaps, the only indication of engaging a distinct entity and its expert resources. But such an indication is not enough. It should be a detailed description of what resources were involved in this laboratory, under what conditions, using assistance of what persons and with what professional qualification.

The reference contained hereinafter to some laboratory tests, almost all characterized by the absence of relevant specific information on these laboratories and the actions conducted in the provision of the Report.

Next, R. McLaren indicates another name of the other parties: *“experts involved in our team”* (p. 20).

Thus, to participate in the preparation of the Report and of the information used in it, R. McLaren invited in an unauthorized manner people with qualification which is not properly proved. R. McLaren, himself, systematically gets confused with the limits and status of the aggregate of such persons to be engaged, calling them in the text of the Report in many different ways.

Excessive breadth in vocabulary and style poses uncomfortable questions about the extremely low qualification of R. McLaren as a lawyer (in spite of his regalia), or about the possibility of writing the report by someone else having a very superficial understanding of law and on how to prepare this kind of documents, and Robert McLaren only gave his name to this Report.

2. Critical analysis (on formal grounds) of the R. McLaren's Report

As it has been shown in the previous studies (for more details see chapter 1)²⁷, the content of R. McLaren's Report has multiple significant drawbacks, including falsified evidence and unsubstantiated conclusions. As a result, provided the athletes' guarantee of rights are respected, and the objective and unbiased investigation principle is followed, this Report (the information and conclusions it contains) could not be regarded and acknowledged as reasonable grounds and adequate substantiation for taking some restrictive and repressive measures in respect of the Russian athletes, sports organizations and national teams.

However, apart from the significant content-related drawbacks, analysis of the R. McLaren's Report on formal grounds (for formal procedural reasons) revealed its critical formal defects caused by gross competence and procedural irregularities, which made it legally null and void. This Report did not and could not have any prejudicial value in addressing the issues on applying sanctions against the Russian athletes, however, this value was in fact unfoundedly assigned (given weight to) R. McLaren's Report by quite a number of international sports organizations, which gave the Report the status essentially similar to that of a judicial document, containing the established and proven facts. Moreover, the claimed prejudicialness in using the Report in this case was expressed in presuming not only that there was no need to prove the circumstances and facts, allegedly established and proven in R. McLaren's Report, but ultimately, in prohibiting (artificially creating the conditions of impossibility) to refute them in some legitimate way.

In what follows, we consider the most significant competence and procedural irregularities made in preparing R. McLaren's Report, which resulted in it being legally null and void in terms of reasonable grounds and substantiation for taking restrictive and repressive measures in respect of the Russian athletes and sports organizations.

2.1. Defective procedure of choosing the "investigation" subjects by the World Anti-Doping Agency

First of all, it should be noted, that there are strong indications putting in question the statement that R. McLaren is, in WADA documents' terms, "an independent person" (a lexical structure regularly used in the Report), and that "the investigation team", he is actually in charge of, is independent, unbiased and objective (the involvement of a great number of other persons in the

²⁷ For more details see: *Botnev V.K.* Critical analysis of the Richard H. McLaren's Report // <http://www.moscou-ecole.ru/lib/Botnev_Critical-analysis_en.pdf>. *Botnev V.K.* Analyse du rapport annuel de R. McLaren du 16/07/2016 "L'investigation de l'AMA des allégations des athlètes russes de l'Olympiade de Sochi de l'utilisation des produits dopants" // <http://www.moscou-ecole.ru/lib/Botnev_Conclusion_fr.pdf>. *Botnev V.K.* Analyse zum Bericht von R. McLaren vom 16.07.2016 // <http://www.moscou-ecole.ru/lib/Botnev_Analyse-Bericht-Mclaren.pdf>. *Ponkin I.V.* Conclusion concernant le Rapport de R. McLaren du 16.07.2016 // <http://www.moscou-ecole.ru/lib/Ponkin_Conclusion-Rapport-Mclaren.pdf>. *Ponkin I.V.* Analyse zum Bericht von R. McLaren vom 16.07.2016 // <http://www.moscou-ecole.ru/lib/Ponkin_Analyse-Bericht-Mclaren.pdf>.

preparation of the Report is pointed out many times in the Report), because R. McLaren has previously taken part in the work of the so-called “Independent Commission” chaired by Richard W. Pound, who has been the President of the World Anti-Doping Agency. Therefore, a clear long-time relation between R. McLaren and WADA is observed in the period prior to drawing up the analyzed Report. The reports by R. Pound’s commission dated 09.11.2015 and 14.01.2016 were characterized by multiple critical drawbacks, which did not allow regarding them as duly valid and objective (including due to applying manipulation techniques). These reports were based on speculations, misrepresentations, information which, judging by the reports content, had not been objectively checked and validated, did not contain any sufficient direct relevant evidence of the main conclusions made in the reports. Consequently, it is reasonable to consider these reports as lacking objectivity and as partial, unsubstantiated, and falsified in a substantial part²⁸. Therefore, R. McLaren’s participation in preparing the two mentioned reports by R. Pound’s commission, means that it is unreasonable to regard R. McLaren an independent and impartial person.

In addition, the fact that R. McLaren had been an arbitrator of the Court of Arbitration for Sport (Lausanne, Switzerland) for many years (this is also mentioned in the Report itself). In particular, on repeated occasions since 1998, he had been a member of the ad hoc divisions for the Olympic Games of the Court of Arbitration for Sport²⁹. This means that he cannot (could not) act as an impartial investigator and expert, because, in actual fact, there was a conflict of interest in this case: R. McLaren is a person conducting the investigation, and at the same time, he is one of the representatives of the sports arbitration (judicial) community.

Moreover, an undisputed critical formal drawback of R. McLaren’s Report, making the entire Report formally unfounded and defective, is involving an uncertain number of third parties in drawing up this document, “*IP investigative team*” (p. 4, 5, 15, 19, 23, 31, 38, 87 etc.), without any guarantees of their impartiality, independence, appropriate qualification, and liability in case of possible falsification of the evidence they reveal. From the analyzed R. McLaren’s Report, it is impossible to conclude on which grounds all persons involved in drawing up the report should be considered “independent”.

The Report does not mention members of the “*IP investigative team*”, nor does it provide information about how it was formed, applicant selection,

²⁸ For more details see: *Ponkin I.V., Grebennikov V.V., Kouznetsov M.N.* Critical analysis of the Final Report by the “Independent Commission” of R. Pound, R. McLaren and others dated 09.11.2015 // <http://www.moscou-ecole.ru/lib/Ponkin-Grebennikov-Kouznetsov_Critical-analysis.pdf>. *Ponkin I.V., Grebennikov V.V., Kouznetsov M.N.* Conclusion concernant le Rapport de la «Commission indépendante» de R. Pound, R. McLaren, etc. du 09.11.2015 // <<http://www.moscou-ecole.ru/lib/Conclusion-Rapport-Commission-Pound.pdf>>. *Ponkin I.V., Grebennikov W.W., Kouznetsov M.N.* Befund über den Abschlussbericht der «unabhängigen Kommission» von R. Pound, R. McLaren u.a. von 09.11.2015 // <<http://www.moscou-ecole.ru/lib/Abschlussbericht-Kommission-Pound.pdf>>. Сфальсифицированные доклады: Юридический анализ докладов, выполненных по заказу Всемирного антидопингового агентства в 2015–2016 гг. в отношении российского спорта: Сборник / Консорциум специалистов по спортивному праву. – М.: Буки-Веди, 2016. – 66 с.

²⁹ Prof. Richard H. McLaren (1945) / CAS // <<http://www.tas-cas.org/en/arbitration/list-of-arbitrators-general-list.html?GenSlct=2&AbrSlct=3&MedSlct=4&nmlpt=McLaren>>.

qualification of its members and their responsibilities, or whether these persons were approved by WADA. Only brief, very unspecific information is provided on this matter on WADA website³⁰. The fact that R. McLaren was vested with some authorities does not mean that R. McLaren has the right to vest other persons with some of these authorities without WADA's approval.

Considering that R. McLaren himself was vested or actually unlawfully usurped a number of absolutely illegal powers on conducting the investigation, as it will be shown later, the legal evaluation of this whole situation indicates significant drawbacks in the "investigation" procedure arrangement, and, based on the results of it, R. McLaren's Report, and fundamental defects in the arrangement of WADA activities on anti-doping investigations in general.

Therefore, presuming R. McLaren and the persons reported as "investigation" participants as "independent persons" does not have any compelling reasons. Consequently, a breach of the independence and fairness principle in R. McLaren's "investigation" shall be acknowledged.

2.2. World Anti-Doping Agency competence violation in vesting R. McLaren with unfoundedly and improperly extended "authorities" (in acknowledging such authorities of R. McLaren by the Agency by validating his Report)

The form of "investigation" conducted (or claimed to be conducted) by R. McLaren, the results of which were used to draw up the Report, indicate significant WADA competence violations (acting far outside the area of competence) both by R. McLaren, appointed by WADA to carry out the "investigation", and WADA itself.

If the World Anti-Doping Agency had delegated some authorities on the investigation to some legitimate international intergovernmental authority, or contacted a national state authority, having the investigation or inquiry powers according to an interstate agreement or by law, to assist in the investigation, much fewer questions would have come up.

In R. McLaren's Report it is said that the "investigation" also covered "*thousands of documents electronically or in hard copy*" (p. 7), "*email evidence available to the IP*"³¹ (p. 38). It is stated that "*The IP investigative team has reviewed and date-validated hundreds of email communications; digital media communications*" (p. 31), that "*The IP... employed cyber analysis, conducted cyber and forensic analysis of hard drives*" (p. 5), that "*digital data review and analysis, including restoration of deleted data*" were carried out (p. 20).

However, access to a third party email correspondence and its analysis, seizure of hard drives and their "cyber analysis", many other methods described as used in the "investigation" in R. McLaren's Report, could be ultimately possible only with the approval of an authorized government authority in the manner prescribed by law, as well as confirmation of the validity of such correspondence or information voluntarily provided by an individual to assist in third party investigations.

³⁰ WADA Names Richard McLaren to Sochi Investigation Team // <<https://www.wada-ama.org/en/media/news/2016-05/wada-names-richard-mclaren-to-sochi-investigation-team>>.

³¹ Abbreviation "IP" in the Report means "independent person", i.e. R. McLaren (Author's note).

Otherwise, access to these emails (interception of digital media communications, breaking of private email correspondence) via hacking, or voluntarily provided by some third parties is illegal.

Involving an uncertain number of people to obtaining the above information by R. McLaren, as written in the Report, is an additional circumstance confirming illegitimacy of his activities in performing the investigation to this extent.

The status of the World Anti-Doping Agency implies that this Agency in principle has no authorities, and is not entitled to invest any authority (like “the independent commission” chaired by R. Pound, which provided the reports dated 09.11.2015 and 14.01.2016, or an involved “independent person”, R. McLaren, or “the investigation team” mentioned in the Report) with a wide range of investigation powers, which are much similar to those of government investigation bodies according to the law. In this case, there was an expressly wrongful, de facto, appropriation by R. McLaren of the authorities, similar to some of the government investigation bodies on conducting the investigation. Otherwise, nothing else can explain R. McLaren’s actions, described in the Report, with the materials documenting email correspondence between some parties, with computer hard drives, involvement of third persons to take part in his investigation on absolutely arbitrary reasons and undefined conditions.

If R. McLaren actually illegally appropriated the authorities similar to those of the government investigation body himself at his own initiative, attaching such legal (in fact, prejudicial) significance to R. McLaren’s Report (as well as R. Pound commission’s reports) by the World Anti-Doping Agency, is a gross WADA competence violation ignoring these gross violations. In this case, WADA is fully responsible for its decisions, which relied on the conclusions made in R. McLaren’s Report.

According to Article 4 of the World Anti-Doping Agency Revised Statutes as of 2016³², setting forth the regulatory basis of WADA activities (as well as the same formulation of this article in the revision of the above document as of 2014³³) WADA is entitled to «*set up working parties, commissions or working groups, on a permanent or ad hoc basis, in order to accomplish its tasks*», «*It may entrust the performance of all or part of its activities to third parties*».

However, the above regulation can be correctly and adequately interpreted only within the scope of WADA’s authorities. At the same time, the World Anti-Doping Agency has no right to delegate the authorities to any person to an extent greater than its own. For example, it does not have the right to vest with an authority on making a search, seizure of documents, etc., in this case, the authority to access third parties’ email correspondence without their consent.

Besides, neither Article 4, nor other articles of the World Anti-Doping Agency Statutes as of 2016, regulate and allow the right to carry out any anti-doping investigations in any way. The Revised Statutes articles indicating the possibility to delegate certain authorities (giving some powers), address the

³² Constitutive instrument of foundation of the World anti-doping agency, April 2016 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/new_statutes_-11_april_2016.pdf>. Publication date August 30, 2016.

³³ Constitutive instrument of foundation of the World anti-doping agency 2014 // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/WADA-Revised-Statutes-4-July-2014-EN.pdf>>.

assistance in fighting against doping offences (including in cooperation with the governments), reinforce ethical principles, etc.

Having the ability to cooperate with the governments on fighting doping, and, at the same time, no necessary authorities to conduct the required full-scale investigation, WADA did not opt for cooperation with the authorized Russian government bodies in investigating doping misconducts. Instead, it immediately unreasonably presumed unfair practices of the Russian sports officials and inaction of the Russian government. At the same time, without contacting other countries law enforcement agencies (for example, USA, to investigate the unlawful activities of the former Head of the Moscow Anti-Doping Laboratory G. Rodchenkov, staying in this country since January 2016), WADA tried to investigate the situation in the “alternative” (as a result, illegal) ways. This indicates a biased and unfair approach used by the World Anti-Doping Agency in case of R. McLaren’s Report.

2.3. Grave contradictions in “the investigative” techniques used in drawing up R. McLaren’s Report and obtaining the results, which formed the backbone of the Report’s conclusions, to the current WADA regulatory documents

Since R. McLaren’s “investigation” contains grave accusations, having significant consequences, against many people and Russian government authorities, it seems reasonable to demand its full compliance with the fundamental standards for conducting such investigations, first of all, universal international standards, not only the procedures typical of just a single family legal systems, but also relevant for other legal family legal systems. Therefore, for example, the appeal of the Report’s authors to the standard of a lack of reasonable doubt (given that the Report has no relevant evidence whatsoever), seems merely a convenient polemic “trick” for R. McLaren, rather than an expression of a fair and responsible attitude towards the Report’s content.

It should be noted, that the methods not only unspecified in the World Anti-Doping Agency’s regulatory documents, but also far beyond the scope of the possible allowed activities, based on WADA competence (including authorities) set forth in the relevant regulatory documents, were used in R. McLaren’s “investigation”.

The World Anti-Doping Agency Revised Statutes as of 2016³⁴, specifying the legal framework, forms and procedural scope of WADA’s activities (as well as the revision of this document as of 2014³⁵), does not imply and allow this range of discretion and freedom to choose the “investigative” methods, as the ones used in preparing R. McLaren’s Report.

³⁴ Constitutive instrument of foundation of the World anti-doping agency, April 2016 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/new_statutes_-11_april_2016.pdf>. Publication date August 30, 2016.

³⁵ Constitutive instrument of foundation of the World anti-doping agency 2014 // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/WADA-Revised-Statutes-4-July-2014-EN.pdf>>.

Article 4 of the World Anti-Doping Agency Revised Statutes as of 2016³⁶ contains unclear statements on the investigation means. According to this article, the World Anti-Doping Agency has the right to use a wide range of means, both available and created by it, consult with any sports and other organizations. However, this principle should only be interpreted within WADA competence.

The 2015 World Anti-Doping Code³⁷, in spite of presuming a special “flexibility” and “universality” by its authors (introductory section “Purpose, scope and organization of the World Anti-Doping Program and Code”), does not assume and allow applying the kind of methods, which, judging by the information provided in R. McLaren’s Report, were utilized by him and the persons he involved in “the investigation”, including related to violating the secrecy of correspondence and other legal guarantees of confidential data protection.

Let us analyze the provisions of the 2015 World Anti-Doping Code to find if the provisions are available therein, which can serve as a regulatory foundation giving R. McLaren and the persons he involved in the investigation the right to use the investigation methods (techniques), which allow accessing confidential information, owned by third parties, without the approval of the authorized government authorities or permission of these individuals, who legally own (who are addressees and senders) of the relevant messages and information, including the data contained on the relevant digital media (computer hard drives, etc.).

Clause 2.10.2 and a comment to Article 2.10 of the 2015 World Anti-Doping Code indicate the possibility of criminal and disciplinary investigations, but these shall be conducted out of WADA or national anti-doping organization’s jurisdiction, that is, not by WADA. The question about the grounds used by R. McLaren and his “investigation team” to actually perform many “investigative” activities, which can only be carried out as part of the jurisdictional state criminal procedure in the manner prescribed by the national legislation, remains unanswered.

The investigation methods (techniques), which the World Anti-Doping Agency or a national anti-doping organization is allowed to use, are set forth in Article 5 “Testing and investigations” and clause 3.2 “Methods of establishing facts and presumptions” of Article 3 “Proof of doping”, and a number of other articles of the 2015 World Anti-Doping Code:

- testing by laboratory analysis (clause 5.1.1 and subclause «a» of clause 5.1.2);
- admission obtaining method (clause 3.2), including “*athlete’s admissions*” himself/herself and “*credible testimony of third persons*” (comment to Article 3.2);
- any other “*reliable means*” (clause 3.2).

The phrase “*any reliable means*” shall be interpreted (construed) in relation to the World Anti-Doping Code’s principles and other standards of anti-doping investigation, as well as general standards and principles of conducting

³⁶ Constitutive instrument of foundation of the World anti-doping agency, April 2016 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/new_statutes_-11_april_2016.pdf>. Publication date August 30, 2016.

³⁷ World Anti-Doping Code 2015 / The revised 2015 World Anti-Doping Code is effective as of 1 January 2015 // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada-2015-world-anti-doping-code.pdf>>.

an offence investigation, including the legality principle and the principle of human rights observance.

Therefore, the scope of “any reliable means” concept (i.e. the entirety of possible investigation methods covered by this concept) in respect to the anti-doping investigation, has limits, boundaries, which can be rather clearly and unambiguously expressed.

Consequently, a person authorized by WADA, conducting an anti-doping investigation, does not have the right to choose and apply any investigation method, including an information gaining method, at his own discretion, without following the above principles.

One can rightfully argue, that “*any other reliable means*” mentioned in clause 3.2 of the 2015 World Anti-Doping Code, shall mean investigation methods (techniques) set forth in this Code’s regulations, as well as other methods (techniques), complying with the competence of WADA and the World Anti-Doping Code’s principles, other anti-doping investigation standards, and general offence investigation rules and regulations.

Although, according to clause 3.2.1 of the 2015 World Anti-Doping Code, “*analytical methods or decision limits approved by WADA after consultation within the relevant scientific community and which have been the subject of peer review are **presumed to be scientifically valid***” (i.e. scientific validity of WADA methods is presumed), in reality, analytical techniques, including counseling and examination, can be lawfully used only to the extent corresponding to WADA competence scope.

It should also be noted, that some issues of applying the investigation techniques, related to laboratory testing, are regulated in clauses 3.2.1, 3.2.2 and 3.2.3 of the 2015 World Anti-Doping Code.

The possibility of prejudicialness, provided by the “*decision of court or professional disciplinary tribunal*”, is mentioned only once in clause 3.2.4. However, from the articles of the 2015 World Anti-Doping Code it does not follow that such decision of court or a disciplinary tribunal, having a prejudicial value, could have been replaced (displaced) merely by a private opinion of some person, including “an independent person” authorized to conduct an investigation in accordance with WADA’s decision.

Clause 3.2.5 of the 2015 World Anti-Doping Code indicates a possibility to consider an opinion of “*hearing panel in a hearing on an anti-doping rule violation*”. However, it is evident that this regulation does not apply to R. McLaren’s Report.

According to clause 19.2 of the 2015 World Anti-Doping Code, “*relevant anti-doping research may include, for example sociological, behavioral, juridical and ethical studies*”. However, interpreting the quoted provision in relation to clause 19.1 and considering the introductory word “*relevant*” in the quoted phrase, indicates that only the actions to provide and develop the anti-doping activities, specified in clause 19.1, as a whole, not specific investigation, are meant: “*Anti-doping research contributes to the development and implementation of efficient programs within Doping Control and to information and education regarding doping-free sport*”.

Clause 5.1.2 of the 2015 World Anti-Doping Code, specifying the reason for mandatory investigation, should be pointed out:

“(a) in relation to Atypical Findings and Adverse Passport Findings, in accordance with Articles 7.4 and 7.5 respectively, gathering intelligence or evidence (including, in particular, analytical evidence) in order to determine whether an anti-doping rule violation has occurred under Article 2.1 and/or Article 2.2; and

(b) in relation to other indications of potential anti-doping rule violations, in accordance with Articles 7.6 and 7.7, gathering intelligence or evidence (including, in particular, non-analytical evidence) in order to determine whether an anti-doping rule violation has occurred under any of Articles 2.2 to 2.10”.

“Non-analytical evidence” set forth in clause 5.1.2, do not mean any investigation methods chosen at one’s own discretion. It is reasonable to argue that this means using the set of methods including expressly specified in the 2015 World Anti-Doping Code, as well as other investigation techniques corresponding to WADA competence, and general principles and main guarantees of the anti-doping investigation (including the guarantees of athletes’ rights for an objective, impartial investigation).

Clause 5.2 “scope of testing” of the 2015 World Anti-Doping Code is not referential for the issue of regulatory basis of investigation methods used in drawing up R. McLaren’s Report, because this clause only relates to athlete testing.

Clause 5.8.1 of the 2015 World Anti-Doping Code sets forth the authorities of WADA and national anti-doping organizations “*obtain, assess and process anti-doping intelligence from all available sources*”, but in connection with fulfilling the following goal – “*to inform the development of an effective, intelligent and proportionate test distribution plan, to plan Target Testing, and/or to form the basis of an investigation into a possible anti-doping rule violation (s)*”.

This provision is not referential, i.e. does not relate to regulating specific investigations, and, consequently, to R. McLaren’s “investigation” and third parties involved by him, who actually at their own discretion appropriated unlimited and uncontrolled authorities on accessing restricted data (confidential information), and such activities of R. McLaren and these individuals cannot be validated and justified based on it.

Clause 5.8.3 of the 2015 World Anti-Doping Code sets forth the authorities of WADA and national anti-doping organizations: “***investigate any other analytical or non-analytical information or intelligence that indicates a possible anti-doping rule violation (s), in accordance with Articles 7.6 and 7.7, in order either to rule out the possible violation or to develop evidence that would support the initiation of an anti-doping rule violation proceeding***”.

Articles 7.6 and 7.7 of the 2015 World Anti-Doping Code are absolutely non-referential to the activities on obtaining confidential data by R. McLaren and the third parties involved by him as part of the “investigation”, and therefore such activities of R. McLaren and these individuals cannot be validated and justified based on it.

Clause 5.8.3 makes it clear, that the scope of anti-doping investigations and possible investigation techniques is limited, and thus, such activities of R. McLaren and these individuals cannot be validated and justified based on it.

According to clauses 20.3.6 and 20.4.4, and other provisions of the 2015 World Anti-Doping Code, an anti-doping organization has “*authority to conduct an investigation*”, but this right is significantly limited not only by WADA (in this case WADA is important) status (including its competence scope) and national

anti-doping organization status, determined by the World Anti-Doping Agency Revised Statutes as of 2016, but the set of methods specified in the 2015 World Anti-Doping Code.

Therefore, taken the above into account, it is reasonable to assert that by performing the activities described or briefly partially addressed in the Report, as part of the “investigation”, R. McLaren grossly violated clause 19.4 “Research practices” of the 2015 World Anti-Doping Code, according to which *“anti-doping research shall comply with internationally recognized ethical practices”*. In particular, the principles of objectivity, fairness, honesty were grossly violated.

Clause 5.5 “Testing requirements” of the 2015 World Anti-Doping Code refers to an International standard for testing and investigations as of 2015³⁸, which, according to the first paragraph of Article 1 of this document, is an integral part of the World Anti-Doping Code, and is a mandatory International standard developed as part of the World Anti-Doping Program.

Clauses 5.1.1, 5.1.2 and a number of other provisions of the 2015 International standard for testing and investigations, specify a laboratory analysis technique. Clause 7.1 and a number of other provisions of the 2015 International standard for testing and investigations, indicate a doping test selection method. Clause 9.3.1 describes a way to deliver the selected doping tests and the accompanying documents ensuring their integrity, validity and safety.

Clause 4.8.4 and a comment to this clause, comment to clause 4.8.3, clause 5.1.2 of the 2015 International standard for testing and investigations, envision a possibility to obtain evidence in the ways other than laboratory analysis. Nevertheless, these cases refer to the methods relating to WADA competence to be interpreted in relation with the general content of this document.

Consequently, the provisions of the 2015 World Anti-Doping Code and the 2015 International standard for testing and investigations cannot be regarded as a regulatory ground and justification of the activities performed by R. McLaren and the persons he involved within “the investigation”.

Therefore, R. McLaren and the persons he involved as part of “the investigation”, did not have the right to use the above methods and a number of other techniques in their “investigation”, and the results obtained in this way (claimed to be obtained) are legally null and void.

2.4. R. McLaren’s Report from the perspective of international public law acts

The issue on co-relation (including the regulatory power hierarchy) between one’s own regulatory acts (*lex sportiva*) of an international sports organization (for example, the 2015 World Anti-Doping Code, the World Anti-Doping Agency Revised Statutes as of 2016, etc.) and the international public law enactments (for example, UNESCO International Convention against Doping

³⁸ International Standard for Testing and Investigations // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/WADA-2015-ISTI-Final-EN.pdf>>. Since January 2017: International Standard for Testing and Investigations, 2017 is effective (International Standard for Testing and Investigations // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/2016-09-06_-_isti_-_january_2017_final.pdf>).

in Sport dated 19.10.2005³⁹, the Anti-Doping Convention of Council of Europe dated 16.11.1989⁴⁰ and an Additional Protocol dated 12.09.2002 to the Anti-Doping Convention dated 16.11.1989⁴¹) is directly related to the considered Report and R. McLaren's investigation.

The conflict around WADA activities today is based on the fact that the World Anti-Doping Agency carries out de-facto unlawful actions aimed at the absolute dominance (in fighting doping in sport) and concentration of monopolistic, exclusive authorities on normative regulation, interpretation of normative acts relating to anti-doping activities, anti-doping investigations, implementation of quasi-judicial powers on making the decisions on athletes and other persons being guilty in doping misconducts. The Agency also encroaches in the sphere of state public authority powers relating to investigations in this field, and strives to ensure a hierarchically higher position of its decisions in respect of government jurisdiction. Involving R. McLaren as "an independent person" to conduct the investigation on doping use by Russian athletes and the approval of R. McLaren's report by the Agency is a vivid and grand-scale display of such WADA's inadequate position.

From the international public law perspective, the above position on concentrating the regulatory authorities, application of standards, offence investigation, and holding the offenders liable in one organization and such WADA activities on arranging the anti-doping investigation, in particular, in respect of Russian athletes, seem unreasonable, contain background for WADA to abuse its powers, and cannot be regarded legally correct and legitimate.

Moreover, WADA's position and activities are expressed through the actions of the Agency itself and the involved persons, which form a latent distributed subject system. WADA claims that it only investigates doping misconducts, and does not suspend, disqualify and ban anybody. "Independent commissions" and "independent persons" under WADA or acting at WADA's request, claim that they only make conclusions (without any recommendations and requests), and the International Olympic Committee and the International Paralympic Committee state that they only "make their decisions" based on actual acknowledgment (first of all by the World Anti-Doping Agency) of the prejudicial value of documents received from these "independent commissions" and "independent persons", as well as information and conclusions as reliable and adequately proven.

Considering that the World Anti-Doping Code was approved by the World Anti-Doping Agency (WADA) Foundation Board, which is an international non-government organization, at the same time governments were usually not among WADA founders, and governments cannot be the parties signing the World Anti-Doping Code⁴², such system of regulating government anti-doping

³⁹ International Convention against Doping in Sport 2005, Paris, 19 October 2005 // <http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=31037&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html>.

⁴⁰ Anti-doping Convention, Strasbourg, 16.11.1989 // <http://www.coe.int/t/dg4/sport/Source/CONV_2009_135_EN.pdf>.

⁴¹ Additional Protocol to the Anti-Doping Convention // <<https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/188>>.

⁴² Note to Article 22 of the 2015 World Anti-Doping Code: «Most governments cannot be parties to, or be bound by, private non-governmental instruments such as the Code. For that reason,

activities has been created at an international (inter-governmental) level, which includes a number of international normative legal acts, which are simultaneously effective with the acts by WADA and other international sports organizations.

According to **UNESCO International Convention against Doping in Sport dated 19.10.2005**, imposing great many obligations on the member governments relating to fight against doping in sports, and binding the member states to follow the World Anti-Doping Code rules (in particular, Articles 3 and 4), **the supreme authority under this Convention is the Conference of Parties** (Articles 17, 18, 28–32). As follows from the Convention's provisions, this body can also carry out certain monitoring functions helping to achieve the Convention goals. The World Anti-Doping Agency is conferred with, and thus has only an advisory status under this authority (Conference). At the same time, the governments only support WADA's mission and assist it (Article 14, clauses "a" and "d" of Article 16), including financially (Article 15, clause 3 of Article 17), cooperate with it (clause «c» of Article 3, Article 26).

The Anti-Doping Convention dated 16.11.1989 has established that **the supreme authority under this Convention is the Monitoring Group** (Articles 10–12). Under this Convention, the governments, parties of the Convention, set up or encourage setting up of one or several anti-doping monitoring laboratories, assist the sports organizations in accessing this laboratory in another member state (clause 1 of Article 5), take measures in fighting doping misconducts in sport (a number of articles), encourage anti-doping checks (clause 3 of Article 7, etc.), "co-operate closely on the matters covered by this Convention and shall encourage similar co-operation amongst their sports organisations" (clause 1 of Article 8).

The above Conventions do not contain any regulations providing the World Anti-Doping Agency or its appointed or affiliated persons with the grounds and abilities to appropriate any extra-territorial jurisdictional investigative authorities at their own discretion.

A number of the known conceptual documents (not mandatory for application) by international organizations (**Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe № R (84) 19 dated 25.09.1984 to member states "European Anti-Doping Charter for Sports"**⁴³ etc.) do not contain any provisions, which could serve as the basis to appropriate unlimited and arbitrary authorities relating to anti-doping investigation by the World Anti-Doping Agency or its appointed or affiliated persons, either.

It should also be noted that according to the explanation posted on the UNESCO website, UNESCO and WADA are partners in fighting doping in sport. UNESCO is responsible for implementing the International Convention against Doping in Sport and therefore mostly cooperates with governments. WADA works with sports associations (International Olympic Committee, International Paralympic

governments are not asked to be Signatories to the Code but rather to sign the Copenhagen Declaration and ratify, accept, approve or accede to the UNESCO Convention».

⁴³ Recommendation № R (84) 19 of the Committee of ministers to member states on the «European Anti-Doping Charter for sport» / Adopted by the Committee of Ministers on 25 September 1984 at the 375th meeting of the Ministers' Deputies // <<https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=603979&SecMode=1&DocId=683378&Usage=2>>.

Committee, international sports federations, etc.), as well as anti-doping organizations to provide the compliance with the World Anti-Doping Code⁴⁴.

WADA also has the opportunities to contact government authorities about its activities.

The fact that the World Anti-Doping Agency did not use the above international legal and organizational procedures to carry out a qualified investigation on doping misconducts, indicates WADA's impartiality and unfair practices in case of R. McLaren's Report, ab initio biased attitude and unfair motivation of the World Anti-Doping Agency's administration in choosing the ways to achieve the set goal – to check the condition of the anti-doping system in Russia, and validate the offence information published in the media.

According to clause 3 of Article 1 of the Additional protocol dated 12.09.2002 to the Anti-Doping Convention dated 16.11.1989⁴⁵, the member states ***“shall similarly recognise the competence of the World Anti-Doping Agency (WADA) and of other doping control organisations operating under its authority to conduct out-of-competition controls on their sportsmen and women, whether on their territory or elsewhere... Any such controls shall be carried out, in agreement with the sports organisations referred to in Article 4.3.c of the Convention⁴⁶, in accordance with regulations in force and with the provisions of national law of the host country”***.

That is, a specific government is responsible for assisting WADA in the checks according to the current legal regulations. However, no persons appointed by WADA or affiliated with WADA, had the right to perform arbitrary independent and self-regulatory investigative activities (in fact, with criminal procedure methods of preliminary investigation or inquiry) within the territory of a sovereign state (without any special approval on its side), since these persons did not represent any legitimate intergovernmental or national public authority, authorized to conduct investigative activities by law or according to an international agreement.

By contrast, governments are entitled to legal regulation and interference with the international sports organizations' activities in case the national legislation is breached. For example, according to Article 19 of the **Council of Europe Convention on the Manipulation of Sports Competitions dated 18.09.2014⁴⁷**, each party has the right to take legal and other measures, which may be required to establish the jurisdiction in respect of corruption crimes, including, if such crime is committed in the respective country or by one of its citizens, or a person permanently residing on its territory. According to Articles 22 and 23 of the said Convention, the parties have the right to take legal and other measures to apply the sanctions including the restraint of liberty, on the

⁴⁴ UNESCO and WADA // <<http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/themes/anti-doping/unesco-and-wada/>>.

⁴⁵ Additional Protocol to the Anti-Doping Convention // <<https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/188>>.

⁴⁶ Subclause «c» of clause 3 of Article 4 of this Convention states that the member States should «encourage and, where appropriate, facilitate the carrying out by their sports organisations of the doping controls required by the competent international sports organisations whether during or outside competitions».

⁴⁷ Council of Europe Convention on the Manipulation of Sports Competitions of 18.09.2014 // <<http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000016801cdd7e>>.

persons guilty of committing these corruption crimes, which can lead to extradition according to internal legislation.

It should also be noted, that clauses 1 and 2 of Article 4 "Relationship of the Convention to the Code" of the UNESCO International Convention against Doping in Sport dated 19.10.2005 (considering the definition of clause 6 of Article 2) set forth the relationship (including the regulatory hierarchy) between the provisions of Convention itself and the provisions of the World Anti-Doping Code: *"1. In order to coordinate the implementation, at the national and international levels, of the fight against doping in sport, States Parties commit themselves to the principles of the Code as the basis for the measures provided for in Article 5 of this Convention. Nothing in this Convention prevents States Parties from adopting additional measures complementary to the Code. 2. **The Code and the most current version of Appendices 2 and 3 are reproduced for information purposes and are not an integral part of this Convention. The Appendices as such do not create any binding obligations under international law for States Parties**".*

Therefore, it is recognized that *"States Parties commit themselves to the principles of the Code"*. However, the World Anti-Doping Code is not an integral part of the UNESCO International Convention against Doping in Sport dated 19.10.2005, and therefore cannot be regarded as an international public law document and source.

That is, according to the UNESCO International Convention against Doping in Sport dated 19.10.2005, its regulatory status is higher than that of the World Anti-Doping Code.

Considering the above, one can reasonably conclude that from the perspective of international public law acts in this field, R. McLaren's Report is a private opinion, the legal effect of which does not exceed the legal effect of an individual statement in the media. R. McLaren's Report cannot be positioned and regarded as a document having legal (let alone, prejudiciary) effect. There are simply no legal and factual grounds for it.

2.5. R. McLaren's Report from the point of view of the International Paralympic Committee's regulatory acts

The decision of the International Paralympic Committee's Executive Board dated 07.08.2016 to suspend the Russian Paralympic Committee's membership, effective immediately and automatically leading to the ban of the Russian Paralympic athletes (the entire Paralympic team) from competing at the Rio 2016 Paralympics, was explained by the International Paralympic Committee by directly referring to R. McLaren's Report.

Unreasonable attachment of de facto prejudicial legal value to R. McLaren's Report by the International Paralympic Committee, and using this Report as a reason and justification for applying restrictive and repressive measures in respect of Russian athletes, sports organizations, and national teams, was a gross violation of regulatory procedures of the International Paralympic Committee itself. The above is reasoned, first of all, by the fact that the **International Paralympic Committee Constitution**⁴⁸ has no provisions, based on which this Committee is entitled to use the documents drawn up outside the scope of the established or allowed procedures by unauthorized bodies and persons, not supported by appropriate evidence, as evidentiary foundation. Moreover, the anti-doping investigation procedure, which contains guarantees of athletes' rights enforcement in considering the above cases, ensuring honesty, impartiality and objectivity in considering these cases, is not duly regulated.

According to clause 9.1.3 of the International Paralympic Committee's Constitution, the national Paralympic committee's membership in the International Paralympic Committee can be terminated (by the decision of the International Paralympic Committee's General Assembly) if a member no longer complies with the requirements set forth in clauses 4.1.1 – 4.1.4 of the International Paralympic Committee's Constitution.

Clause 9.1.4 of the International Paralympic Committee's Constitution indicates that the decision on membership revocation ***“premises a good cause which shall ... be given if a member seriously prejudices the interests of the organisation or if the member is in breach of the IPC Constitution, bylaws, codes, rules and regulations”***.

In accordance with clause 9.2.2 of the International Paralympic Committee's Constitution, the national Paralympic committee's membership can be suspended due to a failure to meet the requirements imposed on its members, and incompliance with the requirements of the regulatory acts specifying member responsibilities, as set forth in the International Paralympic Committee's Constitution.

Although the Constitution of the International Paralympic Committee does not specify the reason to acknowledge (confirm) the fact of such incompliance (violation) by the national Paralympic committee, and does not contain any provisions about the appropriate or allowed investigation methods, based on which such incompliance (violation) could be confirmed, general legal principles to be applied in the situation when the actions of a specific national Paralympic committee are evaluated to determine such incompliance, make

⁴⁸ IPC Constitution, December 2011 // <https://www.paralympic.org/sites/default/files/document/141113141030725_2014_10_01+Sec+i+chapter+1_0_IPC+Constitution.pdf>.

unfounded accusations for weak reasons impossible. Anyway, a “good cause” specified in clause 9.1.4 of the International Paralympic Committee’s Constitution shall be identified and provided as the grounds for making this decision.

Therefore, R. McLaren’s Report under any circumstances cannot be regarded and positioned as exposing and proving that there are “good causes” to make the decision on suspending the Russian Paralympic committee’s membership in the International Paralympic Committee, as well as proving that this Committee’s member has made serious damage to the Organization’s interests or violated the Constitution, bylaws, codes, rules and regulations of the International Paralympic Committee (by implication of clause 9.1.4 of the International Paralympic Committee’s Constitution).

It is important to note, that R. McLaren’s Report does not contain any evidence whatsoever that the Russian Paralympians violated the anti-doping rules. The word “Paralympic” is only used twice (!) in R. McLaren’s Report. The first time in the name of 2014 Paralympic Games in Sochi in a positive way (p. 11), and the second time in the note to the flow chart on p. 41, allegedly showing “*Number of Disappearing Positive Test Results by Sport Russian Athletes*”, that was obviously falsified because no relevant evidence of the information shown in this flow chart and the note to it were provided in this Report, number 35 («*Paralympic Sport – 35*») was only specified without proof.

That is, only one unsubstantiated mentioning of Russian Paralympians (unnamed persons who were charged with some 35 tests without specifying the persons they relate to and for which period of time) in R. McLaren’s Report, has lead to an openly discriminating in respect of all Russian athletes-Paralympians, derisive and degrading for personal dignity of the Russian athletes-Paralympians decision of the International Paralympic Committee’s Executive Board dated 07.08.2016.

According to the **Code of Ethics of the International Paralympic Committee as of 2016**⁴⁹, members of the Paralympic movement, also including the International Paralympic Committee, are subject to an ethical imperative of independence and impartiality (subclause IV of clause 2.2), the management of the International Paralympic Committee and its structural units are subject to ethical imperatives of impartiality (clause 10.1) and impermissibility of personal interest (clauses 10.3 and 10.4), unacceptability of conflicts of interests and power abuse (clauses 10.4 and 10.5), imperatives of honesty and fair practices (clause 11.3), as well as following the principles and ideals of the Paralympic movement (clause 10.6). Pursuant to clause 13.1 of the Code of Ethics of the International Paralympic Committee as of 2016, “*all relationships and activities with partners, supporters, and sponsors must be done in the spirit of promoting the Paralympic athletes and Paralympic sports in the true spirit of fair play and in compliance with the Paralympic values and ideals*”.

Therefore, the decision of the International Paralympic Committee’s Executive Board dated 07.08.2016 to suspend the Russian Paralympic Committee’s membership, leading to an automatic ban of the Russian Paralympic athletes from competing at the Rio 2016 Paralympics, is in conflict with the provisions of clauses 2.2.1–2.2.3 of the International Paralympic

⁴⁹ IPC Code of Ethics, April 2016 // <https://www.paralympic.org/sites/default/files/document/160502112749067_Sec+ii+chapter+1_1_IPC+Code+of+Ethics.pdf>.

Committee Constitution, and the provisions of clauses 13.1, 2.2, 10.1, 10.3–10.6, 11.3 of the 2016 International Paralympic Committee's Code of Ethics.

Considering the above, it is reasonable to conclude that from the point of view of the International Paralympic Committee's regulations, R. McLaren's Report is a private opinion, which in fact has the same legal value as a private statement in the media. R. McLaren's Report had no prejudicial or other legal value whatsoever in considering the issue on suspending the Russian Paralympic Committee's membership by the International Paralympic Committee's Executive Board dated 07.08.2016.

Conclusions

The Report of R. McLaren "WADA Investigation of Sochi allegations" dated 16.07.2016 is based on the information which, judging by the Report, was not brought by R. McLaren to verification and validation with the use of objective means. This Report does not contain any direct and unambiguous proves or evidence, it possesses a number of inconsistencies and exaggerations, applies a number of manipulative techniques. The Report contains a number of arbitrarily contrived and false claims. It is justifiably to recognize R. McLaren's Report as biased, unsubstantiated and, in significant part, falsified.

Richard McLaren's Report "WADA Investigation of Sochi allegations" dated 16.07.2016 is legally null and void. This Report cannot be legally and, in fact, reasonably used as a ground and justification for applying restrictive and repressive measures in respect of Russian athletes, sports organizations, and national teams, including as a ground and reason to ban the Russian Paralympics team from competing at the Rio 2016 Paralympics, and a number of Russian athletes' ban from competing at the 2016 Rio de Janeiro Olympics.

27.IX.2016

Igor V. Ponkin, Doctor of Law, Professor of the Institute of public administration and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), State Professor

Alexander G. Bogatyrev, Doctor of Law, Chief Researcher of the Department of economic and legal problems of public and municipal administration of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, State Professor

Alena I. Redkina, PhD (Law), expert of the Consortium of specialists in Sports Law (Moscow)

* * * * *

Ponkine I.V. Conclusion concernant le Rapport de R. McLaren du 16.07.2016

Introduction

Le Rapport du 16 juillet 2016 «L'investigation de l'Agence mondiale antidopage (AMA) des allégations des athlètes russes de l'Olympiade de Sochi de l'utilisation des produits dopants», préparé et envoyé au Président de l'AMA par Richard McLaren, dénommé la «personne indépendante» (PI), (ci-après – le Rapport, le Rapport de R. McLaren)⁵⁰, a fait l'objet de la présente Conclusion.

En acceptant fondamentalement la position de R. McLaren sur l'inadmissibilité de la diffusion et de l'utilisation des produits dopants dans le sport, d'autre part, nous sommes obligés de constater que le Rapport, objet d'étude, possède de nombreuses lacunes critiques, qui ne permettent pas de l'évaluer comme argumenté et impartial. Puisque le présent Rapport a déjà infligé des dommages importants à l'ensemble des sports russes en général, a joué son rôle dans le renforcement des tentatives idéologiquement motivées pour exclure tous les athlètes russes de la participation aux Jeux Olympiques de 2016, a provoqué en outre, des exigences politiquement et idéologiquement motivées de l'annulation de la Coupe du Monde de football de 2018 en Russie, alors l'analyse pertinente de ce Rapport, l'évaluation de la validité de ses conclusions, deviennent actuelles.

Cette Conclusion est réalisée sur le texte de l'original. La pagination est basée sur l'original anglais du document, en ce qui concerne les citations portées.

1. Évaluation de la «méthodologie de l'investigation» dans le Rapport de R. McLaren

R. McLaren affirme qu'il *«présente dans le présent Rapport, exclusivement les résultats qui correspondent au standard de l'absence de doute raisonnable»* (p. 4 – 5).

Cependant, en réalité, un grand nombre d'affirmations contenues dans le Rapport provoquent tout juste des doutes argumentés et raisonnables. Et cela sera montré ci-dessous.

Avant tout, les doutes argumentés sont provoqués par l'absence dans le Rapport d'étude de la description compétente et de la justification de la méthodologie appliquée. Selon la déclaration sur la page 2 du Rapport, *«le présent Résumé décrit la procédure de la nomination de la Personne indépendante et l'étendue de ses pouvoirs, ainsi que la méthodologie d'instruction utilisée»*. Mais aucune description de la «méthodologie d'instruction utilisée» dans le Rapport de R. McLaren, ni dans le Résumé indiqué, ni plus loin, n'est présentée.

⁵⁰ McLaren Independent Investigations Report into Sochi allegations // <<https://www.wada-ama.org/en/resources/doping-control-process/mclaren-independent-investigations-report-into-sochi-allegations>>; <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/20160718_ip_report_final3.pdf>.

En effet, il faut estimer à juste titre le chapitre 2 «Méthodologie de l'investigation par la PI» du Rapport, comme falsifié, puisqu'en réalité, la méthodologie de l'investigation n'y est pas montrée et n'y est pas argumentée. Le paragraphe 2.1. «Introduction» est dédié à la revue des documents publiés dans les journaux et sortis à la télévision, sans avoir aucun rapport avec la description de la méthodologie proprement déclarée. Le paragraphe 2.2. «Processus de l'investigation» est bondé des reconnaissances de R. McLaren à certaines personnes qui, selon ses affirmations, l'ont aidé, ou qu'il «*tenait au courant*» (ci-dessous, nous allons encore aborder ce paragraphe). Le paragraphe 2.3. «Procédure de l'investigation» (1 page en tout) ramène toute la description de la procédure à l'indication que les témoignages de G. Rodchenkov ont été obtenus, aux déclarations sans preuves que G. Rodchenkov «*est honnête*» (p. 21), que «*c'est une personne fiable et honnête*» (p. 21), à l'articulation de l'opinion sur l'absence du sens et des avantages de se rencontrer avec les personnes résidant sur le territoire de la Russie (p. 22), et avec les fonctionnaires russes (p. 22), à l'indication qu'une série de documents a été reçue d'*«un important représentant du pouvoir*» (p. 22). Le paragraphe 2.3. s'achève par le fragment de texte, qu'il faut logiquement citer en entier: «*Toutes les allégations dressées ont été vérifiées par la PI, et les conclusions ont été faites avec la révélation des autres preuves découvertes au cours de l'investigation. Les affirmations que nous considérons comme prouvées, détruisent le principe du sport propre et des sportifs propres qui sont au cœur de la nature et de la signification de l'AMA*». (p. 22).

Il est déclaré en outre: «*2.3.1. Conclusions de la PI. 1. Le docteur Rodchenkov, dans le contexte de l'objet, dans le cadre des pouvoirs de la PI, a été une personne fiable et honnête. 2. Tous les autres témoins interrogés par le groupe d'instruction de la PI, méritaient la confiance. Leurs témoignages ont été pris en considération seulement dans le cas, où ils répondaient absolument aux exigences du standard de l'absence du doute raisonnable*» (p. 23). Le paragraphe 2.4. est consacré à la description du groupe de travail de l'Association internationale des fédérations d'athlétisme, dont l'information fournie est présumée par R. McLaren comme l'infirmité qui «*correspond absolument au plus haut niveau des preuves juridiques*» (p. 24). Ensuite, dans ce paragraphe, il est dit sur la publication par R. McLaren de la déclaration sur la ressource de l'Agence canadienne d'information.

Il est évident que le chapitre 2 «La méthodologie de l'investigation par la PI» du Rapport, en réalité, ne montre et ne décrit aucune méthodologie de la collecte, de l'évaluation et de l'analyse des faits.

La logique et le contenu des recherches effectuées par R. McLaren personnellement ou en coopération avec les tiers, de la séquence des actions scientifiques et des étapes de telles recherches, des méthodes scientifiques concrètes utilisées, ne sont pas précisés dans ce chapitre du Rapport et, par ailleurs, ne sont pas décrits. Il n'y a pas de descriptions des moyens de contrôle et de confirmation des allégations, des revendications, des «accusations» proférées par des tiers et faisant la base du Rapport de R. McLaren.

En général, presque aucune information pertinente n'est donnée dans le Rapport.

Et cela ne peut signifier qu'une chose: aucune méthodologie de recherche objective, reconnue par la science, n'a été utilisée, et les arguments

du Rapport ont été adaptés aux conclusions motivées politiquement et idéologiquement, écrites à l'avance. Ci-dessous, nous allons fournir beaucoup de preuves de ce que l'on a dit.

Comme une seule exception dans le chapitre 2, qui pourrait être formellement classée comme l'exposant de la méthodologie des recherches, on peut spécifier le fragment suivant de texte: «*Tous les autres témoins interrogés par le groupe d'instruction de la PI... Leurs témoignages ont été pris en considération seulement dans le cas, où ils répondaient absolument aux exigences du standard de l'absence du doute raisonnable*» (p. 23). Mais dans ce cas, la pertinence des énonciations aspire au zéro, puisque l'approche de la preuve bien connue dans le système anglo-saxon de droit, reflété par la structure lexicale «*aux exigences du standard de l'absence du doute raisonnable*», dans le Rapport de R. McLaren est transformée en une couverture rhétorique de l'inconsistance. Le plus important, – comment les «témoignages» ci-dessus mentionnés ont été évalués exactement, par quels instruments ont-ils été soumis au contrôle d'authenticité pour être conformes aux exigences du standard indiqué, – n'a pas été divulgué.

Un autre texte, plus ou moins intelligible, se trouve dans le chapitre 1: «*La PI a mené une série d'entretiens avec des témoins et a examiné des milliers de documents, a utilisé la cyber-analyse, a procédé à la cyber-analyse et à l'analyse criminalistique des disques durs, des éprouvettes pour prélever des échantillons d'urine et à l'analyse de laboratoire des échantillons de certains athlètes*» (p. 5). Mais non plus, cette information n'est pas suffisante. Tout cela exige une divulgation et beaucoup plus de détails. En particulier, ce qui a notamment fait l'objet de la «cyber-analyse» (selon le texte cité du Rapport, il est impossible de comprendre, si une telle analyse a été effectuée par R. McLaren personnellement), puisque dans le Rapport, il était principalement dit que les éprouvettes ont été ouvertes et leur contenu substitué. Nous pouvons supposer, qu'il s'agit de quelques listings ou screenshots de valeurs douteuses criminelles et obtenus illégalement, ou, que l'on ne peut pas exclure non plus, de massifs de correspondances entre certaines personnes, directement falsifiées. Mais ce genre de Rapport ne doit pas et ne peut pas contenir tant d'imprécisions.

Selon le Rapport, le procédé principal de la collecte de l'information clé a été quand même le suivant: «*La Personne indépendante et ses enquêteurs ont interrogé et se sont rencontrés personnellement avec le témoin principal, docteur Rodchenkov... Rodchenkov... m'a transmis les témoignages, qui font l'objet du présent Rapport*» (p. 21).

Il convient également de noter que la mise en œuvre du but et de l'objectif énoncés du Rapport, de toute évidence, ne pouvait aucunement éviter la visite sur les lieux et la production des travaux (des «mesures d'instruction») en place. Cette approche mise en œuvre en dépit du Rapport est une innovation frappante dans la pratique mondiale de l'enquête des délits. Il y a une injustice et des préjugés évidents.

D'ailleurs, dans le Rapport est indiqué que R. McLaren et son «groupe d'instruction», anonyme, de caractère et de composition obscures, n'avaient pas l'intention de mener la procédure sur le terrain: «*La PI n'a pas cherché à interroger les personnes résidant sur le territoire de la Fédération de Russie*» (p. 8, 22).

R. McLaren a dit: «*C'est pourquoi, je suis, sans hésiter, venu à la conclusion que dans le contexte de l'objet qui était mon mandat, il est une*

personne fiable et honnête. **Je ne dois pas aller plus loin dans l'évaluation de son intégrité, car cela est au-delà de la portée de mon investigation**» (p. 21).

L'évaluation de la preuve de fiabilité est une partie intégrante et essentielle de toute enquête (des enquêtes de l'organisme d'instruction, des enquêtes journalistiques, etc.). Cela est évident pour quiconque, mais, selon le Rapport, pas pour R. McLaren.

L'approbation du Rapport: «... **ne nous ont pas donné la possibilité d'accumuler les données pour établir les faits de la violation des règles antidopage**» (p. 4), elle-même, dément déjà les conclusions du Rapport.

S'il n'y avait pas de faits établis, alors d'où viennent les conclusions sévères et injurieuses du Rapport?

Il y a tant de lapsus pareils dans le Rapport, que cela transforme ce dernier en un ensemble de conjectures et exclut toute possibilité de l'estimer comme un document sérieux qui contient les justifications convaincantes des conclusions exprimées.

Nous citons encore les approbations du Rapport du même genre:

«**il est nécessaire de reconnaître que nous avons touché seulement la couche superficielle d'une quantité importante de données disponibles pour nous**» (p. 4);

«**En raison des délais serrés, dans lesquels il était nécessaire de faire le présent Rapport, plusieurs preuves possibles sont restées en suspens**» (p. 25);

«**Le présent Rapport examine superficiellement les données, qui sont disponibles ou peuvent être mises à la disposition**» (p. 25–26);

«**compte tenu des délais fortement serrés, le groupe d'instruction de la PI a dû faire l'examen de manière sélective**» (p. 4);

«**La méthode exacte, qui a été utilisée par les collaborateurs du FSB pour l'ouverture des fioles avec les échantillons, pendant les jeux Olympiques de Sochi, n'est pas connue. Il a été authentiquement établi par les experts de la PI que l'on peut retirer les capsules et les réutiliser**» (p. 73);

«**Les enquêteurs de la PI n'ont pas pu confirmer la présence des empreintes digitales du directeur Rodchenkov ou de son ADN sur les fioles avec des échantillons B.**» (p. 73);

«**La PI n'a pas établi les faits de l'échange d'informations entre Blokhin et sa direction supérieure dans la structure du FSB, mais cela n'est pas étonnant, étant donné que le FSB est le service secret**» (p. 59).

La question, en ce qui a été alors établi et prouvé par R. McLaren et les personnes impliquées par lui, dans ce cas, tout simplement n'a pas de sens. Les citations ci-dessus du Rapport parlent d'eux-mêmes. Pour lire ce Rapport, en effet, il faut posséder les compétences de la pensée critique.

La plupart des «preuves» est énoncée dans le style de la presse jaune: «**il a été identifié une méthode de gestion et de contrôle, simple, mais efficace, sous la supervision du vice-ministre du sport, ce qui entraînait le fait que le laboratoire était forcé de cacher tous les résultats positifs des analyses et les présenter comme les résultats négatifs. Les échantillons positifs disparaissaient!**» (p. 10); «**Le Laboratoire de Moscou était une carapace ultime, de protection, sans à coups, dans le régime de l'utilisation de dopage géré par l'État**» (p. 41).

Cette «disparition» a été réalisée, comme cela est indiqué dans le Rapport, par le procédé suivant: «**le personnel du laboratoire a dû truquer les**

résultats de l'analyse» (p. 11). Dans la pratique, comme il est déclaré dans le Rapport, cela a été produit comme suit: **«Grâce aux efforts du FSB, la méthode de l'enlèvement indétectable des capsules des éprouvettes contenant les échantillons d'urine des athlètes russes a été développé»** (p. 12).

Quelle méthode *«de l'enlèvement indétectable des capsules des éprouvettes»* (dans le Rapport, elle est appelée *«une certaine méthode»*) est en vue, dans le Rapport, il n'y pas d'explications. Par contre, il a été déclaré que l'existence d'une telle méthode a été confirmée: **«La PI a présenté les données de l'expertise criminalistique, qui, sans doutes, ont confirmé l'existence d'une certaine méthode, avec l'aide de laquelle les échantillons positifs sales ont été substitués au cours des Jeux à Sotchi»** (p. 12). **«L'expertise criminalistique de ces éprouvettes a révélé des rayures et des marques, confirmant qu'elles ont été ouvertes»** (p. 17).

Quel genre de données de l'expertise criminalistique, quelle(s) personne(s) et de quelle qualification (par quoi elle est confirmée), et le plus important, – pour quels motifs et sur quelles matières, l'expertise a été effectuée, le Rapport reste de nouveau silencieux.

Dans ce Rapport, la quasi-totalité des arguments a un caractère suivant: *certaines personnes utilisaient certaines méthodes, qui étaient confirmées dans une certaine mesure par d'autres certaines personnes qui utilisaient elles-aussi quelques autres certaines méthodes, ce que certains témoins nous ont annoncé.* Remarquons que même les auteurs de la presse jaune essayent d'écrire plus précisément et d'une manière plus convaincante.

Dans le Rapport, il a été déclaré: **«L'instruction, avec l'assistance des experts judiciaires, a réalisé ses propres expériences, et peut confirmer, sans aucun doute, que les capsules sur les échantillons d'urine peuvent être enlevées sans aucunes preuves, visibles à l'oeil nu»** (p. 12).

Le bon sens prédetermine que la détection d'une méthode de l'enlèvement des capsules des éprouvettes avec des échantillons ne peut pas automatiquement, par elle-même, prouver que c'est exactement ceci qui a été fait dans la pratique, en particulier, par certains fonctionnaires russes. Mais dans le Rapport de R. McLaren, les exigences de bon sens et la logique sont ignorées si souvent, que l'on peut parler d'illogisme comme de l'un des principes initiaux de la préparation de ce Rapport.

Dans le Rapport, il a été déclaré: **«Le FSB a été habilement tissé dans le schéma pour permettre aux athlètes russes de participer à des compétitions sous l'influence du dopage. Le FSB a développé une méthode d'ouverture indétectable des éprouvettes avec l'urine à des fins de substitution des échantillons»** (p. 13).

Si les autres personnes, excepté ces collaborateurs du FSB, sans noms, ont montré à R. McLaren le moyen d'ouverture indétectable des éprouvettes, il est évident que ce moyen, et cela paraît logique, ainsi est connu très largement.

Dans le Rapport, il est affirmé en outre, que **«les éprouvettes avec les échantillons A et B étaient transférées à travers un «trou de souris» de la pièce pour aliquotage d'un périmètre sécurisé du laboratoire à Sotchi dans la pièce adjacente de manipulation, en dehors de ce périmètre»** (p. 14); c'est **«la décision originale, de transmettre les échantillons «sales» à travers un orifice percé entre la pièce des échantillons aliquotes de la zone sécurisée du laboratoire et la pièce adjacente «de travail», en dehors de cette zone sécurisée»** (p. 64). Toutefois, aucunes preuves de cette hypothèse n'ont pas été

données, tout est basé uniquement sur les allégations non fondées de G. Rodchenkov (ou, ce qui est plus près de la vérité, sur son récit de son activité personnelle illégale).

À titre de l'approche de manipulation la plus vive, utilisée dans le Rapport de R. McLaren, il faut souligner le cas suivant. La liste des actions illégales de G. Rodchenkov: «*Dans le Rapport, on a déjà mentionné le programme de dopage avec l'utilisation d'un cocktail de sportif, élaboré par le docteur Rodchenkov*» (p. 62), «*Rodchenkov et le personnel du laboratoire ajoutaient le sel à l'urine propre, et le diluaient avec de l'eau*» (p. 44); «*Rodchenkov a développé un cocktail de stéroïdes optimisé pour éviter la détection*» (p. 49). Mais ensuite, ses actions ont été extrapolées et transférées sur l'État, en imputant sans preuves toutes les actions illégales de G. Rodchenkov notamment à l'État, aux administrations de la Fédération de Russie: «*De tout ce qui précède, une image d'un réseau entrelacé de l'intervention d'État dans les activités des Laboratoires de Moscou et de Sotchi, par le Ministère des Sports et le FSB, émerge. Le FSB était tissé dans les activités du laboratoire, et le Ministère des Sports gérait les résultats opérationnels des Laboratoires*» (p. 60). Et effectivement, G. Rodchenkov a été sorti merveilleusement et définitivement de ce schéma criminel et s'est transformé en «*une personne fiable et honnête*» (p. 21), étant donné que, soi-disant, «*le laboratoire était seulement une petite vis de la machine contrôlée par l'État, plutôt qu'un groupe d'escrocs, comme il a été affirmé*» (p. 35).

Cette technique ne peut être rien d'autre que la manipulation irresponsable et immorale, et ne peut pas être reconnue.

Dans le Rapport, il est affirmé: «*L'authenticité des déclarations du Dr Rodchenkov, faites pour The New York Times, se reconforte par les données de l'analyse criminalistique de la PI, qui comprennent l'analyse de laboratoire de la salinité dans les échantillons, pris par le groupe d'instruction*» (p. 15); «*Au cours de l'analyse analytique effectuée dans le laboratoire, il a été relevé que dans certains échantillons, il y avait un niveau de sel extrêmement élevé, ce qui est anormal pour l'urine humaine saine, et cela confirme les informations obtenues lors de l'investigation sur l'addition de sel aux échantillons*» (p. 75).

Ainsi, dans le Rapport de R. McLaren, les arguments (positions) suivants principaux sont présentés:

1). Les micro-rayures ont été trouvées sur les éprouvettes. Les questions suivantes demandent à savoir, - qui et comment peut garantir que ces micro-rayures n'existaient pas sur les éprouvettes stériles avant le prélèvement d'échantillons, encore chez le fabricant; que celles-ci ne sont pas apparues lors du prélèvement primaire d'échantillons; qui et comment l'a vérifié. Mais ces questions sont ignorées dans le Rapport, bien que plusieurs pages du Rapport soient consacrées aux micro-rayures (p. 45–48).

2). Les échantillons ont un certain écart par rapport à la norme dans la salinité, ce qui, en réalité, n'est pas référentiel dans l'éventail des questions examinées dans le Rapport, et ne prouve rien.

Dans le Rapport, R. McLaren a utilisé plusieurs fois des techniques de manipulation qui déprécient sensiblement le Rapport dans son ensemble, ainsi que ses conclusions. Le fait de l'utilisation de ces techniques dans le Rapport prouve lui-même, d'une manière convaincante, son parti pris initial, le style bien

travaillé orienté sur la création de visibilité des arguments, en réalité, des conclusions mises en pages à l'avance, politiquement motivées.

En particulier, il s'agit du comblement du Rapport par des «références à nulle part», par des analyses de quelque chose, soi-disant existante, mais n'est pas précisée dans le Rapport (dans le style, – «nous l'avons, mais nous ne vous la montrerons pas»):

Dans le fragment de texte du Rapport examiné: «*La PI peut confirmer l'exactitude générale des informations publiées, en ce qui concerne la substitution des échantillons qui a eu lieu dans le Laboratoire de Sotchi durant les Jeux de Sotchi*» (p. 6) – telles promesses, style «*la PI peut confirmer*», en réalité, n'ont pas de sens. Il serait pertinent d'avoir des preuves concrètes de la fiabilité mentionnée qui pourraient constituer la valeur, mais celles-ci ne sont pas présentées.

La surabondance de l'utilisation (au bon moment ou pas, tout le temps, trop souvent) des structures lexicales «*sans doutes*», «*en absence du doute raisonnable*» (p. 5, 6, 12, 23, etc.), connues dans les documents juridiques du système anglo-saxon de droit, dans le Rapport de R. McLaren ne peut pas remplacer par elle-même et changer les preuves pertinentes et convaincantes attendues.

Et faute de celles dernières, tout semble comme une couverture rhétorique de l'absence de faits réels et d'arguments pertinents. L'abondance dans le Rapport des déclarations qui ne sont pas divulguées d'une manière convaincante et probante, telles que: «*la Commission indépendante a dénoncé...*» (p. 6), «*le Rapport de la Commission indépendante a fourni des informations plus détaillées*» (p. 6), «*les résultats de la PI donnent une meilleure compréhension de...*» (p. 6–7), «*la Commission indépendante a dénoncé le système de fonctionnement en Russie*» (p. 8) – n'ajoute pas non plus de la crédibilité au Rapport.

R. McLaren affirme: «*Afin de démontrer que nous avons des preuves irréfutables authentiques, nous avons décidé de publier certains éléments de preuves que nous avons reçu*» (p. 26). Mais en réalité, plus loin, dans le Rapport, il n'y a pas de preuves pertinentes et convaincantes.

Le manque d'arguments pertinents, les vantardises de ce genre, comme: «*Cependant, nous sommes convaincus que ce que nous avons déjà tiré au clair, correspond aux critères les plus élevés de la preuve*» (p. 26) – ont l'air d'être non seulement peu convaincants, mais pas du tout sérieux.

Une telle inconsistance principale du Rapport exprime un manque flagrant de respect pour ses lecteurs et soulève également la question sur la falsification de ses conclusions.

Le fait que R. McLaren, lui-même, se soit nommé la «personne indépendante» et qu'il soit appelé ainsi par l'AMA, ne signifie absolument pas que chacun de ses mots doit être pris sur la foi sans réserves. Même en supposant que jusqu'à maintenant R. McLaren était un modèle d'honnêteté cristalline et d'objectivité, cela ne le décharge pas de l'obligation de prouver les conclusions et d'expliquer, comment celles dernières étaient obtenues.

2. Évaluation des objectifs et de l'objet de l'«investigation», leur conformité avec les conclusions du Rapport

Les «déclarations» (le mot «témoignages» est également utilisé) de G. Rodchenkov sont énoncées comme l'objet de l'«investigation» de R. McLaren: *«Le 19 mai 2016, l'Agence mondiale antidopage (AMA) a annoncé la nomination de la Personne indépendante (PI) aux fins de l'enquête au sujet des déclarations faites par l'ancien directeur du Laboratoire de Moscou, Dr Grigory Rodchenkov»* (p. 2); *«La Personne indépendante et ses enquêteurs ont interrogé et se sont rencontrés personnellement avec le témoin principal, le docteur Rodchenkov. Je suis venu à la conclusion que le docteur Rodchenkov m'a transmis authentiquement et véridiquement les témoignages, qui font l'objet du présent Rapport»* (p. 21).

Mais il est évident que selon les résultats d'une telle «investigation», on ne peut pas faire des conclusions si épiques et radicales.

De plus, le titre du Rapport est – «L'investigation de l'AMA des allégations des athlètes russes de l'Olympiade de Sochi de l'utilisation des produits dopants». C'est-à-dire, des certaines «allégations» de la part de l'AMA sont considérées comme son objet, désigné déjà dans le titre du Rapport.

Les déclarations sans preuves de G. Rodchenkov et d'autres personnes (sans noms, à l'exception de V. Stepanov) sont évaluées et positionnées comme les «allégations dressées», juridiquement et effectivement tout à fait sans fondement: *«Toutes les allégations dressées ont été vérifiées par la PI, et les conclusions ont été faites avec la révélation des autres preuves découvertes au cours de l'investigation»* (p. 22). Dans quel ordre, par qui précisément, dans le cadre de quelle procédure et pour quels motifs les «allégations étaient dressées» – toutes ces questions de fond sont tout simplement ignorées dans le Rapport.

Il ne semble pas possible de comprendre d'après le texte du Rapport, ce qui a en effet, fait l'objet des recherches dans le Rapport de R. McLaren, puisqu'il y a là-dedans trop d'ambiguïté.

Ainsi, il est raisonnable de parler sur l'incertitude de l'objet du Rapport de R. McLaren qui prédétermine l'inauthenticité et d'autres lacunes critiques du présent Rapport.

Le troisième objectif du Rapport («troisième pouvoir»): *«3. Identifier les athlètes qui pourraient gagner grâce à de telles manipulations supposées visant à cacher les résultats positifs du contrôle de l'utilisation de produits dopants»* (p. 3), est désavoué dans le même Rapport: *«Le troisième paragraphe des pouvoirs de la PI concernant l'identification des athlètes qui pourraient gagner en raison de telles manipulations, n'était pas l'objectif de l'investigation de la PI. Le groupe d'instruction de la PI a présenté les preuves qui ont permis de définir les noms des dizaines d'athlètes russes qui, comme il est avéré, utilisent les produits dopants. Les délais serrés de l'investigation ne nous ont pas donné la possibilité d'accumuler les données pour établir les faits de la violation des règles antidopage. En raison de contraintes de temps, la PI a défini pour cette partie de l'investigation une priorité inférieure. La PI s'est concentrée sur quatre autres directives du devoir»* (p. 4).

Il est raisonnable de parler aussi sur la défektivité des autres objectifs déclarés du Rapport étudié de R. McLaren.

En outre, l'analyse du Rapport de R. McLaren permet de faire la conclusion sur l'absence de pertinence des objectifs et de l'objet énoncés du Rapport aux conclusions du Rapport.

3. Évaluation de la base factuelle et d'autres bases de source du Rapport de R. McLaren

3.1. Les déclarations de G. Rodchenkov comme l'une des sources de l'information faisant la base du Rapport de R. McLaren

Les déclarations et les documents de G. Rodchenkov sont énoncés comme la source principale des informations, sur laquelle le Rapport est basé.

Toutefois, en ce qui concerne les documents transmis par G. Rodchenkov, tout amène tout simplement à l'indication de ce fait que ces documents ont été transmis, dans une telle forme, dans de tels quantités (tout est abstrait):

«Les déclarations publiques du Dr Rodchenkov ont provoqué le début de l'investigation de la PI. Il a coopéré avec l'instruction, a consenti à de nombreuses interviews et a fourni des milliers de documents sous forme électronique ou imprimé» (p. 7).

Mais dans le Rapport, il n'y a aucune présentation des moyens de recherche et de présence de la confirmation des déclarations de G. Rodchenkov, du contrôle et de la vérification de l'authenticité des «documents» fournis par lui.

Juste l'existence des affirmations sans preuves, concernant cette personne:

«il était honnête avec la PI (voir Chapitre 2)» (p. 7);

«Rodchenkov a fourni des preuves convaincantes...» (p. 14);

«Rodchenkov m'a transmis authentiquement et véridiquement les témoignages... dans les interrogatoires il était honnête avec moi» (p. 21);

«Rodchenkov, dans le contexte de l'objet, dans le cadre des pouvoirs de la PI, a été une personne fiable et honnête» (p. 23);

R. McLaren déclare sur G. Rodchenkov, sur ses déclarations et ses documents: *«C'est pourquoi, je suis, sans hésiter, venu à la conclusion que dans le contexte de l'objet qui était mon mandat, il est une personne fiable et honnête» (p. 21).*

Il paraît, que la seule information pertinente dans cette déclaration (ou peut-être même dans tout le Rapport) est – *«sans hésiter»* (une autre option de la signification – «sans tâtonner», ne vaut pas mieux dans le cas présent).

Les tentatives visant à convaincre que les déclarations de Rodchenkov ont été confirmées par des moyens objectifs, ont l'air très peu probantes:

«L'authenticité des déclarations du Dr Rodchenkov, faites pour The New York Times, se reconforte par les données de l'analyse criminalistique, qui comprennent l'analyse de laboratoire de la salinité dans les échantillons, pris par le groupe d'instruction» (p. 15). Mais rien d'autre à signaler à l'appui des déclarations de G. Rodchenkov n'a pas été découvert dans le Rapport.

Les circonstances ci-dessus ne permettent pas de considérer ces informations et matériaux comme sources pertinentes.

3.2. Les informations provenant des journaux et des films de télévision comme l'une des sources d'information faisant la base du Rapport de R. McLaren

Dans le Rapport, il est beaucoup dit sur l'utilisation par R. McLaren des informations des journaux, à titre des données présumées comme véritables et vérifiées: «*Au début de mai, le programme américain politique et social 60 Minutes, et plus tard le journal The New York Times ont raconté...*» (p. 2);

«*...les méthodes de dissimulation des échantillons positifs de l'utilisation des produits dopants, différentes de celles, publiquement décrites par rapport à **Sotchi***» (p. 9);

«*...la substitution a eu lieu comme ceci est décrit dans l'article de **The New York Times***» (p. 14);

«*L'authenticité des déclarations du Dr Rodchenkov, faites pour **The New York Times**...*» (p. 15);

«*Le premier film documentaire de la chaîne de télévision allemande **ARD** a été montré au début de décembre 2014...*» (p. 16);

«*Le 8 mai 2016, dans le programme de télévision américaine **60 Minutes**, de la chaîne CBS, un reportage sur l'accusation de dopage qui a eu lieu pendant les Jeux de **Sotchi**, a été diffusé. Pendant le programme **60 Minutes**, l'accusateur **Vitaly Stepanov**, un ancien employé de l'Agence antidopage russe (**RUSADA**), a raconté... Sur la base de conversations enregistrées entre **Stepanov** et ancien directeur du Laboratoire Antidopage de Moscou, accrédité par l'AMA («Laboratoire de Moscou»), **Dr Grigory Rodchenkov** («docteur Rodchenkov»), dans le programme de télévision est affirmé...*» (p. 18);

«***The New York Times** a publié le 12 mai 2016 l'article intitulé «L'initié russe dit que l'or olympique a été obtenue par le dopage au niveau de l'Etat», en affirmant que...*» (p. 18);

«*La personne indépendante dispose des preuves pondérables, qui confirment et renforcent une partie importante de l'article dans **The New York Times***» (p. 61);

«*The New York Times a rapporté...*» (p. 64).

De telles références (et même dans telle quantité) non seulement ne sont pas du tout convaincantes, mais transforment tout le Rapport de R. McLaren en ensemble de conjectures, en compilation des coupures de journaux et des transcriptions des émissions de télévision, sans donner aucune occasion d'évaluer ce Rapport comme un produit analytique juridique, convaincant et bien fondé.

Les références à des journaux et à des émissions de télévision sont particulièrement inappropriées dans le Chapitre 2 «*Méthodologie de l'investigation par la Pl*» du Rapport.

3.3. Les documents de certaines «correspondances électroniques»

La «*correspondance électronique étant à la disposition de la PI*» a été déclarée comme encore une source (p. 38). Les sources de cette «correspondance électronique» sont passées sous silence dans le Rapport. Tout, comme rien n'est dit sur les moyens de contrôle et de confirmation de l'authenticité de cette correspondance. Cette circonstance ne permet pas de tenir compte de ces documents comme des sources approuvées.

3.4. Autres sources

Selon le Rapport, «*...les pouvoirs ne se limitaient pas à l'investigation des déclarations publiées. La PI a examiné également d'autres preuves de ce qui se passait dans le Laboratoire de Moscou, avant et après la période des Jeux à Sotchi*» (p. 6).

Le Rapport ne révèle pas, ce que sont ces «*autres preuves*», en plus de celles transmises par G. Rodchenkov. Impossible de prendre en considération ce qui est décrit au chapitre 3, puisque dans ce chapitre, tout est aussi vague et imprécis.

Il y a une autre approbation dans le Rapport concernant les sources utilisées: «*L'investigation menée par la PI, a réunit les données supplémentaires dans une image plus étendue... Avec l'aide des nouvelles données recueillies par la PI, ce Rapport présente les faits et les preuves...*» (p. 9). Quel genre de «nouvelles données», dans le Rapport, comme d'habitude, cela est passé sous silence.

Le certificat dans l'annexe 1 est écrit dans le style de journal, les éléments des preuves des affirmations présentées n'y existent pas.

En outre, il a été déclaré dans le Rapport, que «*l'examen des déclarations précédentes*» de V. Stepanov – «*ancien employé de la RUSADA qui ne participait pas à l'investigation*» a été fait (p. 7). Quelles déclarations de Stepanov étaient examinées, de quelles sources ces déclarations ont été prises (les déclarations de la presse jaune ou les déclarations sous serment, autres sortes des déclarations), dans le Rapport, cela est passé sous silence.

Le mot «*témoins*» est utilisé aussi plusieurs fois (p. 5, 7, 21, 23, 27, etc.).

Les déclarations des témoins anonymes ont été affirmées par encore une source d'information mise à la base du Rapport: «*Il y avait d'autres témoins qui participaient à l'investigation sur les conditions de confidentialité. Leurs témoignages étaient importants pour le travail d'instruction, parce qu'ils ont donné une croisée de confirmations très robustes des preuves orales et documentaires que la PI a reçu auparavant. J'ai promis de ne pas nommer ces gens, cependant je veux les remercier pour leur aide, le courage et la force de l'esprit, pour ce qu'ils ont accepté de partager les informations et les documents avec la PI*» (p. 7–8).

Quel est le mécanisme d'attribution à n'importe quelle personne du statut des témoins, d'évaluation, de contrôle et de confirmations de l'authenticité des informations reçues de leur part, le Rapport ne dit pas.

Un peu plus loin, «*certaines autres personnes*» apparaissent: «*La PI a interrogé certaines autres personnes sur la base confidentielle. Certaines d'entre elles étaient interrogées à la demande du groupe d'instruction de la Personne indépendante, tandis que d'autres sont venues volontairement*» (p. 22).

Donner une évaluation à l'État dans son ensemble et aux pouvoirs publics, se référer aux «témoins anonymes» inexistant dans la réalité, c'est une approche standard de la presse jaune. Avec une telle approche on peut accuser, en général, de quoi que ce soit. Et le pathétique inapproprié pour ce genre de document prédétermine le caractère de la crédibilité encore plus faible de telles sentences.

Encore une source d'information, à la base de laquelle les jugements et les évaluations invectives, déclarées comme les conclusions du Rapport, sont fondés, c'est «*un important représentant du pouvoir*»: «*J'ai aussi reçu, sans les conditions préalables, une vaste histoire avec des annexes d'un important représentant du pouvoir, décrit dans le présent Rapport*» (p. 8, 22).

Dans le Rapport de R. McLaren, il n'y a aucune explication quant à la façon de chercher et de trouver la confirmation de l'authenticité des paroles de toutes ces personnes sans noms, et des informations transmises par celles-ci.

Juste la présomption infondée: «**Tous les autres témoins interrogés par le groupe d'instruction de la PI, méritaient la confiance**» (p. 23).

4. Évaluation de l'adéquation des délais de la production de «l'investigation» déclarée de R. McLaren et de la production sur la base des résultats d'une telle investigation du Rapport

Le 19 mai 2016, comme cela a été indiqué dans le Rapport, R. McLaren a été autorisé à «mener l'investigation», et le 16 juillet 2016, le Rapport a déjà été fait. Le Rapport souligne à plusieurs reprises que pour sa production il y avait 57 jours (p 5, 8, 22).

Dans le même temps, dans le Rapport de R. McLaren, plusieurs fois, il a été fortement exprimé la lamentation, qu'il n'y avait pas suffisamment de temps: «*les délais serrés de l'investigation ne nous ont pas donné la possibilité...*» (p. 4), «*en raison de contraintes de temps...*» (p. 4), «*compte tenu des délais fortement serrés, le groupe d'instruction de la PI a dû faire l'examen de manière sélective...*» (p. 4), «*dans un court laps de temps de 57 jours, qui m'étaient donnés pour mener cette investigation...*» (p. 22); «*en raison du court laps de temps dans lequel il était nécessaire de faire le présent Rapport...*» (p. 25).

Et après tout cela, R. McLaren déclare que pendant cette période il a examiné «des milliers de documents» (!). Quel genre de documents, quel est le nombre de feuilles imprimées au total, de nouveau, le silence. Dans le Rapport il n'y a pas d'information sur la nature et la façon de «l'examen» de ces documents par R. McLaren, dans le sens – comment il les examinait et évaluait, s'il les lisait en détail, les étudiait ou s'il les examinait superficiellement, ou alors ces documents étaient examinés par des tierces personnes, au nom de R. McLaren. Cependant, c'est une question très importante, substantielle, pertinente pour l'évaluation du Rapport de R. McLaren, puisque l'étude des documents par R. McLaren, qui exigent d'après leur contenu, des spécialistes de l'autre spécialisation, différente de celle de R. McLaren, pour leur évaluation, doit entraîner l'expression de doute sur l'adéquation de la compréhension et de l'évaluation de tels documents par R. McLaren.

Malgré l'absence apparente de temps pour travailler et la nécessité d'examiner «des milliers de documents», néanmoins, dans le Rapport, il est indiqué que: «*après le début de l'investigation, la PI a rapidement découvert*

les méthodes à grande échelle de dissimulation des échantillons positifs de l'utilisation des produits dopants, différentes de celles, publiquement décrites par rapport à Sotchi» (p. 9), c'est-à-dire, probablement, sans avoir encore pris le temps pour examiner tous ces «milliers de documents», mentionnés dans le Rapport. Une chance indicible? Ou alors, tout simplement, les conclusions ont été écrites en premiers, et plus tard, les pseudo-arguments ont été mis en pages d'après celles-ci? Nous croyons que c'est le deuxième cas.

Et tout cela, malgré le fait que, selon la déclaration contenue dans le Rapport, la première période de ces 57 jours déclarés utilisés, dans la quantité de «moins d'un mois» (p. 24), c'était «*un stade précoce de l'investigation*» (p. 24).

Ainsi, les délais de la production de «l'investigation» déclarée de R. McLaren et de la production sur la base des résultats d'une telle investigation du Rapport, en prenant en considération l'ampleur de la couverture réelle du domaine sujet-objet, on peut raisonnablement évaluer comme inadéquats, déterminant objectivement la défektivité des conclusions du Rapport.

5. Évaluation du caractère raisonnable de l'implication dans la production du Rapport d'autres personnes déclarées

Selon le Rapport de R. McLaren, «*au cours de l'investigation, dans le cadre de ses pouvoirs, la PI a examiné personnellement toutes les preuves recueillies par son groupe indépendant d'instruction. Le présent Rapport a été fait sur la base du travail collectif du groupe d'instruction de la PI. Le processus de l'investigation est décrit, et plusieurs aspects essentiels étudiés et analysés par nous, par la suite confirment les conclusions réelles de fait*» (p. 4).

Quel est ce «groupe d'instruction», qui l'a autorisé? Le fait du chargement des certains pouvoirs de R. McLaren ne prédétermine pas et ne peut pas automatiquement prédéterminer le chargement des mêmes pouvoirs d'autres personnes. Mais dans le Rapport de R. McLaren il n'est pas précisé dans la plupart des cas, qui sont ces personnes, quelles sont leurs qualifications professionnelles, comment ces dernières peuvent être confirmées (expérience de travail comme criminalistes, expérience de travail comme juristes sportifs possédant une expérience de travail notamment dans les cas pareils – c'est-à-dire, dans les affaires découlant des faits de la diffusion illégale et de l'utilisation illégale de dopage). Dans ce cas, il n'y a aucune raison de supposer que cela a été fait sans le vouloir. Très probablement, cela est fait pour dissimuler le fait de l'absence dans la réalité de ces membres du groupe d'instruction, à l'exception seulement de R. McLaren lui-même, ainsi que de ces personnes, qui ont inspiré ce Rapport et ses conclusions politiquement motivées, écrites d'avance.

Le manque d'opportunités pour vérifier l'affirmation dans le Rapport de R. McLaren sur ce que son «groupe d'instruction» était en effet indépendant et objectif, met également en question la validité du Rapport dans son ensemble.

En outre, certains «*experts judiciaires*» (de nouveau, anonymes) sont mentionnés comme impliqués dans la production de «l'instruction»: «*L'instruction, avec l'assistance des experts judiciaires, a fait...*» (p. 12). Quels «*experts judiciaires*» ont été impliqués par R. McLaren, pour quelles raisons, quelles étaient leurs qualifications, quelles sont les motifs pour leurs faire confiance, le Rapport est de nouveau silencieux.

Plus loin, il a été dit que «l'analyse criminalistique» a été faite: *«L'authenticité des déclarations du Dr Rodchenkov, faites pour The New York Times, se réconforte par les données de l'analyse criminalistique...»* (p. 15). Quels criminalistes ont été impliqués par R. McLaren, pour quelles raisons, quelles étaient leurs qualifications, quelles sont les motifs pour leurs faire confiance, le Rapport est de nouveau silencieux. Il a été indiqué seulement que c'était un certain «Laboratoire de Londres accrédité par l'AMA» (p. 15).

Ensuite, il a été indiqué: *«L'expertise criminalistique de ces éprouvettes a révélé des rayures et des marques, confirmant qu'elles ont été ouvertes»* (p. 17). Et même ici, l'auteur du Rapport n'a pas pris la peine d'expliquer quelque chose par rapport à cette «expertise».

À la page 19 du Rapport, il y a une déclaration sur l'existence et l'activité d'un certain *«organisme d'instruction de la personne indépendante»* (rappelons, une personne indépendante, c'est R. McLaren lui-même).

Mais le plus important conciste en ce, - qui et pour quels motifs a autorisé toutes ces personnes à intervenir dans les questions en discussion, de se déléguer de manière indépendante et arbitraire les pouvoirs?

Seulement sur les pages 19–20 du Rapport, R. McLaren a daigné énumérer partiellement les personnes incluses dans le groupe d'instruction (un autre groupe de personnes ou encore un dénomination des tierces personnes impliquées pour les raisons arbitraires): *«Après cette rencontre, la PI a rapidement réuni le groupe opérationnel d'instruction, qui comprenait: le principal juge d'instruction Martin Dubbey, le directeur du Laboratoire antidopage à Montréal, docteur Christiane Ayotte, l'avocate et l'assistante de la personne indépendante dans la compréhension de la langue russe Diana Tesic, Mathieu Holz, monsieur Richard Young, Esq. du département d'instruction de l'AMA, deux étudiantes-juristes de l'Université de Western Ontario, Karen Luu et Kaleigh Hawkins-Schulz.»*

Encore une fois, nous constatons que R. McLaren ne prend pas la peine de décrire la qualification professionnelle et experte, ainsi que l'expérience de travail des personnes susmentionnées. Avec tout le respect dû aux étudiantes indiquées (c'est déjà bien – pas aux écolières!), cependant, nous exprimons des doutes quant à la pertinence et l'adéquation de leurs compétences et de l'expérience pour ce sujet. Celui qui apprend la profession, n'est pas encore un professionnel dans ce métier. Par conséquent, cela est tout simplement peu sérieux.

La qualification, la spécialisation et l'expérience de travail d'autres personnes (à part les étudiantes), la portée et le contenu des travaux faits par ces personnes dans le sens du Rapport de R. McLaren, – tout cela reste caché. Et ce fait ne permet pas de tenir compte des conclusions de ce groupe comme des choses pertinentes, fiables, justes et convaincantes.

Un peu plus bas, le Rapport indique qu'il y avait aussi les spécialistes impliqués du domaine de la médecine légale, les cyber-spécialistes et ainsi de suite. (p 20). Mais toujours sans préciser leurs noms.

Il a été précisé que R. McLaren a reçu une sorte de laboratoire pour l'utilisation et une assistance de son chef direct: *«Le docteur David Cowan, directeur du Centre du contrôle des drogues et du Département des études de recherche et d'expertise de génétique moléculaire de médecine légale dans le Collège Royal, Londres («DCC») a donné en utilisation le laboratoire et a effectué des travaux de laboratoire sur l'analyse pour la PI»*. Ceci est, peut-être, la seule indication distincte de la personne impliquée et de ses ressources

spécialisées. Mais une telle indication ne suffit pas non plus. Il devrait y avoir une description détaillée: quelles ressources de ce laboratoire ont été impliquées, dans quelles conditions, par quelles personnes impliquées et avec quelles qualifications professionnelles.

Les références aux certaines études de laboratoire contenues plus loin dans le texte, presque toutes, sont caractérisées par l'absence des informations spécifiques concrètes, relatives à ces laboratoires et aux actions faites dans ces laboratoires en garantie du Rapport.

Ensuite, R. McLaren indique encore des tierces personnes impliquées: «*les experts participant dans notre équipe*» (p. 20).

Ainsi, pour participer à la préparation du Rapport et des informations utilisées, R. McLaren, en ordre non sanctionné, a impliqué des personnes avec les qualifications non dûment confirmées. R. McLaren, lui-même, confond systématiquement les limites et le statut de l'ensemble de ces personnes impliquées, en les appelant dans le texte du Rapport de plusieurs façons différentes.

La liberté excessive du lexique et de la stylistique pose des questions inconfortables au sujet de la qualification extrêmement faible de R. McLaren comme juriste, (en dépit de ses régaliennes), ou alors, sur ce que le présent Rapport a été écrit par quelqu'un d'autre, ayant les représentations très superficielles sur la loi et sur la façon de préparer ce genre de documents, et R. McLaren a donné seulement son nom à ce Rapport.

Conclusions

Le Rapport du 16 juillet 2016 «L'investigation de l'Agence mondiale antidopage (AMA) des allégations des athlètes russes de l'Olympiade de Sochi de l'utilisation des produits dopants» est fondé sur des informations, qui, selon le Rapport, n'ont pas été vérifiées et affirmées comme authentiques par R. McLaren, avec les moyens objectifs. Le présent Rapport ne contient aucunes preuves directes univoques, possède plusieurs incohérences et exagérations, met en œuvre un certain nombre de techniques de manipulation. Le Rapport contient une série de revendications arbitrairement artificielles et fausses.

Reconnaître le Rapport de R. McLaren, à juste titre, biaisé, non étayé et, en grande partie, falsifié.

Le 04.08.2016

Ponkine Igor Vladislavovitch, Docteur ès sciences juridiques, professeur à la chaire de l'administration publique et municipale à l'Institut de la fonction publique et de l'administration publique de l'Académie russe de l'économie nationale et de l'administration publique auprès du Président de la Fédération de Russie, Professeur d'Etat

* * * * *

Ponkin I.V. Analyse zum Bericht von R. McLaren vom 16.07.2016

Einleitung

Das Objekt dieses Beschlusses ist der Inhalt des Berichtes «Untersuchung von WADA der Doping-Anschuldigungen gegen russische Teilnehmer an den Olympischen Spielen in Sotschi» vom 16. Juli 2016, der von Richard H. McLaren, weiter als «freie Person» (fP) bezeichnet, vorbereitet und an den Präsidenten der WADA gerichtet wurde, (weiter – Bericht, Bericht von R. McLaren)⁵¹.

Wobei man grundsätzlich mit der Position von R. McLaren bezüglich der Unzulässigkeit der Verbreitung und des Gebrauchs von Dopingmitteln im Sport einverstanden ist, muss man auch betonen, dass der untersuchte Bericht über mehrere wichtige Nachteile verfügt, was es nicht zulässt, diesen als gründlich und objektiv zu interpretieren. Weil dieser Bericht bereits einen wesentlichen Schaden dem russischen Sport im Ganzen gemacht hat und seine Rolle bei der Verstärkung der ideologisch motivierten Versuchen gespielt hat, alle russischen Sportler aus der Teilnahme an den Olympischen Spielen 2016 auszuschließen, und zusätzlich die politisch und ideologisch motivierten Grundsätze für die Drohung der Durchführung der Fußballweltmeisterschaft 2018 in Russland geschaffen hat, ist die Analyse dieses Berichtes und die Einschätzung der Begründungsstufe von seinen Schlüssen aktuell.

Der vorliegende Beschluss wurde aufgrund des Originaltextes gemacht. Die Nummerierung der Seiten in Bezug auf die angeführten Zitate wurde nach dem englischen Original gemacht.

1. Die Einschätzung der «Methodologie der Untersuchung» im Bericht von R. McLaren

R. McLaren behauptet, dass er «*im vorliegenden Bericht ausschließlich die Ergebnisse darstellt, die dem Standard des Fehlens an vernünftigen Zweifeln entsprechen*» (S. 4–5).

In der Wirklichkeit aber rufen viele von den im Bericht beinhalteten Behauptungen zwar begründete und vernünftige Zweifel hervor. Dieses wird dann weiter erläutert.

Vor allem ruft die begründeten Zweifel das Fehlen in dem zu forschenden Bericht an einer ordnungsgemäßen Beschreibung und Begründung der angewandten Methodologie. Gemäß der Ankündigung auf der S. 2 des Berichtes, «*stellt die vorliegende Kurzdarstellung sowohl die Prozedur der Anstellung der freien Person und den Aufgabenkreis, als auch die benutzte Untersuchungsmethodologie dar*». Es wird aber keine Beschreibung «der benutzten Untersuchungsmethodologie» im Bericht von R. McLaren angeführt, weder in der genannten Kurzdarstellung noch weiter.

⁵¹ McLaren Independent Investigations Report into Sochi allegations // <<https://www.wada-ama.org/en/resources/doping-control-process/mclaren-independent-investigations-report-into-sochi-allegations>>; <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/20160718_ip_report_final3.pdf>.

Das Kapitel 2 «Die Methodologie der Nachprüfung von der fP» des Berichtes soll man begründet als verfälscht betrachten, weil in der Wirklichkeit darin die Methodologie der Nachprüfung nicht erklärt und nicht begründet wurde. Der Abschnitt 2.1 «Einleitung» ist der Übersicht der in den Zeitungen und im Fernsehen beleuchteten Materialien gewidmet und hat eigentlich keinen Bezug auf die Beschreibung der genannten Methodologie. Der Abschnitt 2.2 «Der Vorgang der Nachprüfung» wird von den Dankworten von R. McLaren an einigen Personen überfüllt, die ihm nach seinen Behauptungen Hilfe geleistet haben beziehungsweise die er *«auf dem Laufenden gehalten hat»* (weiter werden wir diesen Abschnitt ausführlicher angehen). Der Abschnitt 2.3 «Die Prozedur der Nachprüfung» (mit dem Gesamtumfang von einer Seite) begrenzt die ganze Beschreibung der Prozedur auf den Hinweis, dass die Angaben vom Herrn G. Rodtschenkow bekommen wurden, zu den unbegründeten Erklärungen, dass G. Rodtschenkow *«ehrlich»* sei (S. 21), dass er *«eine vertrauenswürdige und ehrliche Person»* sei (S. 21), zur Äußerung der Meinung über die Sinn- und Nutzlosigkeit von Treffen mit den Leuten, die auf dem Territorium Russlands aufhalten (S. 22), und auch mit den russischen Beamten (S. 22), zur Hinweisung, dass eine Reihe von Materialien von *«einem wichtigen Machtvertreter»* bekommen wurde (S. 22). Der Abschnitt 2.3 endet sich mit dem Textfragment, das es sich lohnt, vollständig zu zitieren: *«Alle aufgestellten Beschuldigungen wurden von der fP geprüft, und die Schlüsse wurden neben der Herausfindung von anderen Beweisen, die im Laufe der Nachprüfung festgestellt wurden, gezogen. Die Behauptungen, die wir als bewiesen betrachten, ruinieren den Prinzip des sauberen Sports und der sauberen Sportler, die im Zentrum des Wesens und des Sinns der WADA stehen»* (S. 22).

Weiter lautet es wie folgt: *«2.3.1 Schlussfolgerungen der fP. 1. Doktor Rodtschenkow wird im Kontext des Objekts im Rahmen des Antrags der fP als eine sichere und ehrliche Person gesehen. 2. Alle anderen Zeugen, die von der Untersuchungsgruppe der fP befragt wurden, werden als vertrauenswürdig betrachtet. Ihre Angaben wurden nur in dem Fall aufgenommen, wenn sie eindeutig den Anforderungen des Standards des Fehlens an vernünftigen Zweifeln entsprachen»* (S. 23). Der Abschnitt 2.4 wurde der Beschreibung der Arbeitsgruppe der Internationalen Assoziation vom Leichtathletikverband gewidmet, die Information, welche an diese von R. McLaren übergeben wurde, wird *«als die, welche eindeutig dem höchsten Niveau der juristischen Beweisen entspricht»* betrachtet (S. 24). Weiter hat es sich in diesem Abschnitt um die Publikation von R. McLaren einer Erklärung auf der Ressource der kanadischen Informationsagentur gehandelt.

Es ist offensichtlich, dass das Kapitel 2 «Die Methodologie der Nachprüfung von der fP» des Berichtes in der Wirklichkeit die Methodologie der Recherche, der Einschätzung und der Analyse der Tatsachen weder erklärt noch beschreibt.

Die Logik und der Inhalt der von R. McLaren persönlich beziehungsweise in der Zusammenwirkung mit den Drittpersonen durchgeführten Recherchen, die Reihenfolge der Forschungshandlungen und die Etappen von diesen Forschungen, die konkreten angewandten Forschungsmethoden werden im genannten Kapitel des Berichtes weder genannt noch beschrieben. Es fehlt die Beschreibung der Methode der Prüfung und der Bestätigung der Aussagen, der

Erklärungen, «der Beschuldigungen», die von den Drittpersonen stammen und als Grundlage des Berichtes von R. McLaren betrachtet werden können.

Eigentlich wird fast keine relevante Information im Bericht angeführt.

Und das kann nur eines bedeuten: es wurde keine von der Wissenschaft anerkannte Methodologie der objektiven Forschung benutzt und die Argumente des Berichtes wurden für die im Voraus geschriebenen politisch und ideologisch motivierten Schlussfolgerungen angepasst worden. Weiter finden wir zahlreiche Bestätigungen davon.

Als eine einzige Ausnahme im Kapitel 2, die formell als die Beschreibung der Methodologie der Forschung betrachtet werden kann, kann man das folgende Textfragment betrachten: *«Alle anderen Zeugen, die von der Ermittlungs-Einsatzgruppe der fP befragt wurden... Ihre Angaben wurden nur in dem Fall aufgenommen, wenn sie eindeutig den Anforderungen des Standards des Fehlens an vernünftigen Zweifeln entsprachen»* (S. 23). Aber auch in diesem Fall strebt die Wichtigkeit der Aussage zum Null, weil das bekannte Herangehen an den Beweisen in dem anglo-sächsischen Rechtssystem, das durch die lexikalische Konstruktion *«Anforderungen des Standards des Fehlens an vernünftigen Zweifeln»* ausgedrückt wird, wird im Bericht von R. McLaren als ein rhetorisches Versteck für die Beweislosigkeit benutzt. Das Wichtigste wird nicht erläutert – und zwar auf welche Weise werden die obengenannten «Angaben» eingeschätzt, mithilfe von welchen Instrumenten wurde die Prüfung der Glaubwürdigkeit durchgeführt, damit diese den Anforderungen des genannten Standards entsprachen.

Noch einen mehr oder weniger verständlichen Text findet man im Kapitel 1: *«die fP hat eine Reihe der Zeugen interviewet und Tausende von Unterlagen untersucht, man hat eine Cyberanalyse verwendet, Cyber- und Kriminalanalyse der Festplatten, Probierröhrchen für die Urinmustern und Laboranalysen von den Mustern von einigen Sportlern»* verwendet (S. 5). Aber auch diese Information ist nicht ausreichend. Das alles braucht eine Detaillierung und eine Erläuterung. Besonders – was wurde zwar zum Objekt der «Cyber-Analyse» (aus dem zitierten Text des Berichtes ist es unmöglich zu verstehen, ob diese Analyse von R. McLaren selbst gemacht wurde), wenn es im Bericht vorwiegend über das Öffnen der Probierröhrchen und die Auswechselung von deren Gehalt handle. Man kann zulassen, dass es sich um irgendwelche Ausdrücke von dem zweifelhaften kriminalen Wert und Abbildungen, die rechtswidrig bekommen wurden, handle, oder was auch nicht auszuschließen ist, um die direkt verfälschten Briefwechselfmassiven zwischen den unbekanntenen Personen. Aber der Bericht von diesem Typ darf nicht so viele Unbestimmtheiten beinhalten.

Nach dem Bericht ist die Hauptmethode des Recherchens von Schlüsselinformationen folgendes: *«Die freie Person und deren Untersuchungsführer haben den Hauptzeugen, Doktor Rodtschenkow, befragt und persönlich gesehen... Rodtschenkow ... hat mir die Angaben übergeben, die zum Objekt des vorliegenden Berichtes wurden»* (S. 21).

Man muss auch betonen, dass die Erfüllung des gestellten Ziels und der Aufgaben des Berichtes konnte nicht ohne Fahrt zum Ort und der Ausführung der Arbeiten («Untersuchungshandlungen») am Ort vorgehen. Das gegen das Gesagte realisierte Herangehen im Bericht ist eine ausdrucksvollste Novation in der Weltpraxis der Nachprüfung der Rechtsbrechungen. Auf der Hand liegen die ausgedruckte Bösgläubigkeit und die Voreingenommenheit.

Eigentlich wird im Bericht erklärt, dass R. McLaren und seine anonyme «Untersuchungsgruppe» mit den unbestimmten Eigenschaften und dem Bestand auch nicht beabsichtigt haben, die gerichtliche Untersuchung am Ort durchzuführen: «Die freie Person **hat nicht beabsichtigt die Leute zu befragen, die auf dem Territorium der Russischen Föderation aufhalten**» (S. 8, 22).

R. McLaren erklärt: «Deswegen bin ich ohne weiteres Bedenken im Kontext des Objekts, das zu meinem Antrag gehört; zum Schluss gekommen, dass er eine vertrauenswürdige und ehrliche Person sei. **Ich brauche nicht bei der Einschätzung der Gewissenhaftigkeit weiterzugehen, weil das außer Rahmen meiner Nachprüfung steht**» (S. 21).

Die Einschätzung der Vertrauenswürdigkeit der Beweise ist das wichtigste und das unentbehrliche Element jeder Nachprüfung (Nachprüfung durch einen Untersuchungsorgan, journalistische Nachprüfung usw.). Es ist jedem offensichtlich, nicht aber dem Herrn R. McLaren, wenn man seinen Bericht beurteilt.

Die im Bericht beinhaltete Behauptung: «**hatten keine Möglichkeit die Angaben zu recherchen, um die Tatsachen der Verletzung von Antidopingregeln festzustellen**» (S. 4), widerspricht von sich selbst den Schlüssen des Berichtes.

Wenn keine Tatsachen festgestellt wurden, woher kommen die harten beschuldigenden Schlüsse des Berichtes?

Und es gibt so viele Sprachfehler von diesem Typ im Bericht, dass es diesen zu einer Sammlung von Ersinnungen macht, und jede Möglichkeit ausschließt, diesen als ein ernstes Dokument zu betrachten, welches die stichhaltigen Begründungen für die ausgesagten Schlüsse beinhaltet.

Weiter führen wir andere Behauptungen von diesem Typ aus dem Bericht an:

«man muss gestehen, dass **wir nur eine oberflächliche Schicht von dem uns zugänglichen Datenmassiv eingegangen sind**» (S. 4);

«Wegen der kurzen Fristen, die wir für die Zusammenstellung des vorliegenden Berichtes hatten, **wurde eine Menge von möglichen Beweisen nicht in Betracht gezogen**» (S. 25);

«Der vorliegende Bericht behandelt nur oberflächlich die Angaben, die zugänglich sind bzw. zugänglich sein können» (S. 25–26);

«**wegen der sehr gekürzten Fristen musste die Untersuchungsgruppe der fP auswählend untersuchen**» (S. 4);

«**Die genaue Methode, die die Mitarbeiter des Inlandsgeheimdienstes FSB beim Öffnen der Flaschen mit den Proben während der Olympischen Spiele in Sotschi verwendet haben, bleibt unbekannt. Von den Experten der fP wurde glaubwürdig festgestellt, dass man die Deckel entfernen und wiederholt benutzen kann**» (S. 73);

«Die Untersuchungsforscher der fP **konnten** die Anwesenheit der Fingerabdrücke des Direktors Herrn Rodtschenkow bzw. seiner DNS auf den Flaschen mit Proben B **nicht beweisen.**» (S. 73);

«Die fP **hat keine Tatsachen des Informationsaustauschs zwischen dem Herrn Blochin und der höher stehenden Leitung in der Struktur des Inlandsgeheimdienstes FSB festgestellt, darin gibt es aber nichts Merkwürdiges, wenn man berücksichtigt, dass der Inlandsgeheimdienst FSB ein Geheimdienst ist**» (S. 59).

Die Frage danach, was R. McLaren und die von ihm angestellten Personen festgestellt und bewiesen haben, hat in diesem Fall, wie es sich herausstellt, keinen Sinn. Die obenangeführten Zitate aus dem Bericht sprechen von sich selbst. Um diesen Bericht zu lesen, muss man wirklich über die Eigenschaften zum kritischen Bedenken verfügen.

Die meisten «Beweise» werden in der Stilistik der gelben Press ausgelegt: «es wurde eine einfache aber effektive Methode der Verwaltung und der Kontrolle unter der Leitung des Stellvertreters des Ministers für Sport verwendet, als Ergebnis dieser wurde das Laboratorium gezwungen alle positiven Ergebnisse der Analysen zu verstecken und diese als negative zu präsentieren. **Die positiven Proben verschwanden!**» (S. 10); «Das Moskauer Labor wurde als ein endgültiger verfahrenssicherer Schutzpanzer in dem vom Staat geführten Regime des Gebrauchs des Dopings **benutzt**» (S. 41).

Dieses «Verschwinden» wurde wie folgt realisiert, wie man im Bericht behauptet: «Das Laborpersonal musste **die Ergebnisse der Analyse verfälschen**» (S. 11). Praktisch gesehen, wie es im Bericht erklärt wurde, ging das folgenderweise vor: «**Dank der Bemühungen des Inlandsgeheimdienstes FSB wurde die Methode des unauffälligen Abnehmens der Deckel von den Probierröhrchen, die die Urinmustern der russischen Sportler beinhalten; entwickelt**» (S. 12).

Was für eine Methode des «unauffälligen Abnehmens der Deckel von den Probierröhrchen» (die im Bericht als «eine Methode» bezeichnet wurde) gemeint wurde, wird im Bericht nicht erklärt. Zudem wird aber erklärt, dass die Existenz von dieser Methode bestätigt wurde: «die fP hat **Angaben der Kriminalexpertise vorgelegt, die ohne Zweifeln die Existenz einer Methode bestätigen, mit deren Hilfe die positiven Doping-Ergebnisse während der Olympischen Spiele in Sotschi verfälscht wurden**» (S. 12). «**Die Kriminalexpertise von diesen Probierröhrchen hat die Anwesenheit von Kratzen und Merkzeichen gezeigt, welche zeigen, dass diese geöffnet wurden**» (S. 17).

Was für Angaben der Kriminalexpertise, welche Person (welche Personen) und mit welcher Fachqualifikation (womit wurde diese bestätigt) und das Wichtigste – aus welchen Gründen und mit welchen Materialien diese durchgeführt wurde, wird im Bericht wieder verschwiegen.

In diesem Bericht hat fast die ganze Argumentation den folgenden Charakter: *einige Personen haben einige Methoden verwendet, die auf einige Weise von einigen anderen Personen bestätigt wurden, die auch einige anderen Methoden verwendet haben, worüber uns einige Zeugen informiert haben.* Man muss auch betonen, dass auch die Autoren der gelben Presse versuchen es, mehr stichhaltig und überzeugend zu schreiben.

Im Bericht wird erklärt: «Die gerichtliche Untersuchung hat bei der Zusammenarbeit mit den Gerichtsgutachtern eigene Experimente durchgeführt und **kann zweifellos bestätigen, dass die Kämpchen von den Urinproben ohne jede Beweise, die mit freiem Auge gesehen werden können, entfernt werden können**» (S. 12).

Durch den gesunden Menschenverstand wird vorbestimmt, dass die Möglichkeit die Kämpchen von den Probierröhrchen mit den Proben zu öffnen, kann automatisch und von sich selbst nicht beweisen, dass es praktisch und konkret gemacht wurde und zwar von irgendwelchen russischen Beamten. Aber im Bericht von R. McLaren werden die Forderungen des gesunden

Menschenverstands und der Logik so oft verletzt, dass es zulässt, von dem Fehlen an der Logik als einer Anfangsgrundlage bei der Vorbereitung dieses Berichtes zu sprechen.

Im Bericht wurde erklärt: *«Der Inlandsgeheimdienst FSB wurde meisterhaft in das Schema eingeflochten, um die Möglichkeit den russischen Sportlern zu gewähren, an den Wettkämpfen unter Doping zu beteiligen. Der Inlandsgeheimdienst FSB hat die Methode des unauffälligen Öffnens der Probierröhrchen mit Urin für die Auswechslung der Mustern entwickelt»* (S. 13).

Wenn diese Methode des unauffälligen Öffnens der Probierröhrchen dem Herrn R. McLaren auch andere außer diesen nicht genannten Mitarbeitern des Inlandsgeheimdienstes FSB Personen gezeigt haben, wird es offensichtlich, dass dieses Verfahren, was man leicht schlussfolgern kann, weit bekannt ist.

Weiter wird im Bericht bestätigt, dass *«die Probierröhrchen mit den Proben A und B durch ein «Mausloch» im Zimmer für die Aliquotierung aus dem gesicherten Raum des Laboratoriums in Sotschi in einen angeschlossenen Manipulationsraum außerhalb dieses Raumes übergeben wurden»* (S. 14); *«originelle Lösung die «schmutzigen» Mustern durch das Loch, das zwischen dem Raum für die aliquotierten Proben in der geschützten Zone des Labors und dem angeschlossenen «Arbeitsraum» außerhalb der geschützten Zone gebohrt wurde, zu übergeben»* (S. 64). Übrigens werden keine Beweise dieser Hypothese angeführt, alles gründet sich nur auf die unbegründeten Bestätigungen von Herrn G. Rodtschenkow (oder, was näher der Wahrheit liegt, auf seiner Erzählung über seine rechtswidrige Tätigkeit).

Als ein besonders ausgedrucktes Manipulationsmittel, das im Bericht von R. McLaren verwendet wurde, kann man folgendes betonen. Man zählt die rechtswidrigen Handlungen vom Herrn G. Rodtschenkow auf: *«Im Bericht wurde schon das Dopingprogramm mit der Einnahme von Sportlercocktails, das vom Doktor Rodtschenkow entwickelt wurde, erwähnt»* (S. 62), *«Rodtschenkow und die Mitarbeiter des Labors haben in den sauberen Urin das Salz zugesetzt, und durch das Wasser aufgelöst»* (S. 44); *«Rodtschenkow hat ein Steroidcocktail entwickelt, welches dafür optimiert wurde, nicht gefunden zu werden»* (S. 49). Aber weiter werden diese Handlungen extrapoliert, auf den Staat übertragen, wobei alle rechtswidrigen Handlungen von G. Rodtschenkow unbegründet als zwar die Schuld des Staates, der staatlichen Organe der Russischen Föderation gesehen wurden: *«Aus dem obenerwähnten kann man das Bild des verflochtenen Netzes der staatlichen Einmischung in die Tätigkeit des Moskauer und des Sotschier Labors durch das Ministerium für Sport und den Inlandsgeheimdienst FSB ersehen. Der Inlandsgeheimdienst FSB wurde in die Tätigkeit des Labors verflochten und das Ministerium für Sport hat die operativen Ergebnisse der Laboratorien verwaltet»* (S. 60). Und zwar wird G. Rodtschenkow aus diesem Kriminalschema vollständig ausgeschlossen und wird zu einer *«vertrauenswürdigen und ehrlichen Person»* (S. 21), weil, wie es bestätigt wird, dass *«das Labor nur ein Rädchen in der vom Staat regierten Maschine, und nicht eine Betrügergruppe, wie es bestätigt wurde, sei»* (S. 35).

Dieses Mittel kann nicht anders als eine verantwortungslose und moralwidrige Manipulation sein und gesehen werden.

Im Bericht wird bestätigt: *«Die Vertrauenswürdigkeit der Erklärungen von Dr. Rodtschenkow, die für The New York Times gemacht wurden, wird durch die*

Angaben der Kriminalanalyse der fP bestätigt, die den Gehalt des Salzes in den Mustern bestätigt, die von der Untersuchungsgruppe gesammelt wurden» (S. 15); *«Im Laufe der im Labor durchgeführten analytischen Untersuchung hat sich festgestellt, dass in einigen Proben ein sehr hoher Gehalt des Salzes ist, was nicht normal für den Urin eines gesunden Menschen ist, und das bestätigt zwar die Information über den Zusatz des Salzes in die Proben, welche man im Laufe der Umfrage bekommen hat»* (S. 75).

Folgenderweise werden im Bericht von R. McLaren weitere wichtige Argumente (Positionen) angeführt:

1). Auf den Probierröhrchen findet man Mikrokratzen. Begründet bleiben die Fragen danach, wer und wie gewährleisten kann, dass es diese Mikrokratzen auf den sterilen Probierröhrchen vor der Ausmusterung der Proben noch bei dem Hersteller nicht gäbe, dass diese nicht bei der ursprünglichen Ausmusterung der Proben entstanden, wer und wie dieses geprüft hat. Diese Fragen werden aber im Bericht ignoriert, und der Diskussion über die Kratzen werden mehrere Seiten im Bericht gewidmet. (S. 45–48).

2). In den Proben wurden einige Abschweifungen im Salzgehalt festgestellt, was in der Wirklichkeit dem im Bericht betrachteten Fragenkreis indifferent ist und nichts beweist.

Im Bericht von R. McLaren wurden mehrmals die Manipulationstechniken benutzt, was sowohl diesen Bericht im Ganzen als auch seine Schlüsse entwertet. Selbst die Tatsache der Verwendung von solchen Mitteln bestätigt überzeugend seine ursprüngliche Voreingenommenheit, Orientierung auf das Schaffen der Argumentationsscheinbarkeit, die in der Wirklichkeit die im Voraus vorbestimmten und politisch motivierten Schlüssen darstellt.

Insbesondere handelt es sich um die Überfüllung des Berichtes mit den «Hinweisen ins Nichts», Referieren von etwas, was dabei zu sein scheint aber im Bericht selbst nicht vorhanden ist (wie – «wir haben etwas aber wir zeigen es ihnen nicht»):

Im Textfragment des geforschten Berichtes: **«Die fP kann die gesamte Glaubwürdigkeit der veröffentlichten Information bezüglich der Abwechslung der Mustern, die im Sotschier Labor während der Olympischen Spiele in Sotschi stattgefunden hat»** (S. 6) – diese Versprechen, dass *«die fP bestätigen kann»*, haben in der Wirklichkeit keinen Sinn. Konkrete Beweise der hingewiesenen Glaubwürdigkeit wären relevant und hätten einen Wert, aber diese werden nicht angeführt.

Das überflüssige Verwenden (wo es gebraucht wird, und wo es auch nicht gebraucht wird, immer wieder, zu oft) von lexikalischen Konstruktionen *«ohne Zweifel»*, *«ohne begründeten Zweifel»* (S. 5, 6, 12, 23 und andere), die nach den juristischen Unterlagen des anglo-sächsischen Rechtssystems bekannt sind, kann nicht im Bericht von R. McLaren die erwarteten relevanten und überzeugenden Beweise ersetzen und auswechseln.

Beim Fehlen am Letztgenannten sieht das alles als ein rhetorisches Versteck für die Abwesenheit von realen Tatsachen und relevanten Argumenten. Die Überflüssigkeit von Erklärungen, die im Bericht keine überzeugenden und stichhaltigen Entwicklung finden, wie: *«eine unabhängige Kommission hat entlarvt»* (S. 6), *«Der Vortrag einer Unabhängigen Kommission hat mehr ausführliche Daten geliefert»* (S. 6), *«die Ergebnisse der fP führen zu einem tieferen Verständnis»* (S. 6–7), *«Eine unabhängige Kommission hat das System*

entlarvt, das in Russland gehandelt hat» (S. 8) – was dem Bericht auch kaum an Glaubwürdigkeit zusetzt.

R. McLaren behauptet: *«Damit wir zeigen können, dass **wir stichhaltige glaubwürdige Beweise haben, haben wir beschlossen, einige Teile der Beweise, die wir erhalten haben, zu veröffentlichen**» (S. 26).* In der Wirklichkeit werden weiter im Bericht keine relevanten und überzeugenden Beweise angeführt.

Beim Fehlen von relevanten Argumenten klingt solches Eigenlob wie: *«**wir sind aber davon überzeugt, dass alles was wir schon geklärt haben, den höchsten Kriterien der Glaubwürdigkeit entspricht**» (S. 26) – weder überzeugend noch ernst.*

Diese grundlegende Beweislosigkeit des Berichtes drückt das grobste Fehlen am Respekt in Bezug auf die Leser aus und ruft auch die Frage nach der Verfälschung der Schlüsse des Berichtes hervor.

Die Tatsache, dass R. McLaren sich selbst als eine «freie Person» bezeichnet hat und er auch so von der WADA genannt wurde, bedeutet nicht, dass sein jedes Wort unkritisch auf Treu und Glauben angenommen werden muss. Auch wenn man annimmt, dass R. McLaren bis zu diesem Zeitpunkt als ein Muster der kristallklaren Ehrlichkeit und der Objektivität gesehen wurde, hält es ihn kaum von der Pflicht ab, seine Schlüsse zu beweisen und zu erklären, auf welche Weise diese bekommen wurden.

2. Die Einschätzung der deklarierten Aufgaben und des Objekts der «Nachprüfung», in der Übereinstimmung mit den Schlüssen des Berichtes

Als Objekt der «Nachprüfung» von R. McLaren wurden die «Erklärungen» (es wird auch das Wort «Angaben» benutzt) von G. Rodtschenkow genannt: *«Am 19. Mai 2016 hat die Welt-Anti-Doping-Agentur (WADA) die Anstellung einer freien Person (fP) mit dem Ziel der Nachprüfung **bezüglich der Erklärungen, die vom ehemaligen Direktor des Moskauer Labors, Dr. Grigorij Rodtschenkow gemacht wurden, beantragt**» (S. 2); *«Die freie Person und deren Untersuchungsforscher haben den wichtigsten Zeugen, Doktor Rodtschenkow, persönlich gesehen und befragt. Ich bin zum Schluss gekommen, dass **mir Doktor Rodtschenkow glaubwürdig und ehrlich die Angaben übergeben hat, die als Objekt des vorliegenden Berichtes genommen werden**» (S. 21).**

Nach den Ergebnissen dieser «Nachprüfung» können offensichtlich keine großangelegten und radikalen Schlüssen von so einem Typ gezogen werden.

Dabei wird der Bericht – «Untersuchung von WADA der Doping-Anschuldigungen gegen russische Teilnehmer an den Olympischen Spielen in Sotschi» genannt. Also werden sogar in der Benennung des Berichtes einige «Anschuldigungen» von der Seite der WADA bezeichnet.

Die unbewiesenen Erklärungen vom Herrn G. Rodtschenkow und anderen Leuten (die mit der Ausnahme vom Herrn W. Stepanow nicht genannt werden) sind juristisch und tatsächlich als vollständig unbewiesen eingeschätzt und als «erhobene Vorwürfe» positioniert: *«**Alle erhobenen Vorwürfe wurden von der freien Person geprüft, und die Schlüsse wurden neben dem Herausfinden von anderen Beweisen, die sich im Laufe der Nachprüfung***

herausgestellt haben, gezogen» (S. 22). In welcher Reihenfolge, von wem, im Rahmen von welcher Prozedur und mit welchen Begründungen «die Vorwürfe erhoben wurden» – alle diese Inhaltspunkte wurden im Bericht einfach ignoriert.

Was konkret zum Objekt der Forschung im Bericht von R. McLaren wurde, kann man im Laufe des Textes des Berichtes nicht klären, weil es davon zu viele Abweichungen gibt.

Man kann also begründet von der Unbestimmtheit des Objekts des Berichtes von R. McLaren reden, die zu der Unglaubwürdigkeit und anderen wichtigen Nachteilen des vorliegenden Berichtes führt.

Die dritte Aufgabe («der dritte Antrag») des Berichtes: *«3. Die Sportler zu identifizieren, die von solchen vermutlichen Manipulationen, die darauf gerichtet werden, die positiven Doping-Prüfungen zu verbergen, einen Gewinn bekommen konnten»* (S. 3), ist im Bericht selbst desavouiert: *«Der dritte Paragraph des Antrags der freien Person, der die Identifizierung der Sportler angeht, die mithilfe von diesen Manipulationen einen Gewinn bekommen konnten, war nicht die Hauptaufgabe der Nachprüfung der fP. Die Untersuchungsgruppe der fP hat die Beweise gefunden, die dabei geholfen haben, die Namen von mehreren russischen Sportlern zu bestimmen, die, wie es sich herausgestellt hat, mit Doping zu tun hatten. Die kurzen Fristen der Nachprüfung ließen es nicht zu, **die Angaben zu sammeln, um die Tatsachen der Verletzung der Anti-Doping-Regeln festzustellen.** Wegen der Zeitbegrenzungen hat die fB für diesen Teil der Nachprüfung den niedrigeren Vorrang bestimmt. Die freie Person hat sich auf andere vier Direktiven der Aufgabe konzentriert»* (S. 4).

Es ist begründet, von der Mangelhaftigkeit und von anderen erklärten Aufgaben des geforschten Berichtes von R. McLaren zu reden.

Außerdem lässt die Analyse des Berichtes von R. McLaren zu, einen Schluss über das Fehlen an der Referenz der erklärten Aufgaben und des Objekts zu der Schlussfolgerung zu ziehen.

3. Die Einschätzung der tatsächlichen und der anderen Quellengrundlage des Berichtes von R. McLaren

3.1. Die Erklärungen von G. Rodtschenkow als eine der Informationsquellen im Bericht von R. McLaren

Als die wichtigste Informationsquelle, die als Grundlage des Berichtes gesehen wurde, sind die Erklärungen und die Materialien von G. Rodtschenkow.

Dabei wurden alle Angaben in Bezug auf die von G. Rodtschenkow übergebenen Materialien einfach zu einem Hinweis darauf geführt, dass diese Materialien, in solcher Form und in solchem Umfang (alles abstrakt) übergeben wurden:

«Die offenen Erklärungen vom Doktor Rodtschenkow haben den Beginn der Nachprüfung der fP hervorgerufen. Er hat mit der Ermittlungsbehörde mitgearbeitet, hat eine Zustimmung für die zahlreichen Interviews gegeben und hat Tausende der Unterlagen in der elektronischen und in der Druckform vorgelegt» (S. 7).

Keine Auslegungen bezüglich der Mittel des Suchens und des Findens der Bestätigung des von G. Rodtschenkow Gesagten und der Begründung der Glaubwürdigkeit der von ihm übergebenen «Unterlagen» werden im Bericht angeführt.

Es wird einfach unbewiesen über diese Person gesagt:

«er war mit der fP ehrlich (siehe Kapitel 2)» (S. 7);

«Rodtschenkow **hat überzeugende Beweise vorgelegt...**» (S. 14);

«Rodtschenkow **hat mir glaubwürdig und ehrlich die Angaben übergeben... bei den Befragungen mit meiner Teilnahme war er ehrlich**» (S. 21);

«**Rodtschenkow war, im Kontext des Objektes im Rahmen des Auftrags der fP, eine zuverlässige und ehrliche Person**» (S. 23);

R. McLaren bestätigt in Bezug auf G. Rodtschenkow und seine Erklärungen: «Deswegen habe ich, **ohne weiteres Bedenken, einen Schluss gezogen, dass im Kontext des Objektes, das zu meinem Antrag gehörte, er eine vertrauenswürdige und ehrliche Person sei**» (S. 21).

Es sieht so aus, als ob die einzige relevante Information in dieser Aussage (oder auch im ganzen Bericht) ist – «ohne weiteres Bedenken» (eine andere Variante der Bedeutung– «ohne Zweifel», was nicht besser in diesem Fall ist).

Die Versuche davon zu überzeugen, dass die Erklärungen vom Herrn Rodtschenkow durch die objektiven Mitteln bestätigt wurden, sehen überhaupt nicht überzeugend aus:

«**Die Glaubwürdigkeit der Erklärungen vom Doktor Rodtschenkow, die für The New York Times gemacht wurden, wird durch die Angaben der Kriminalanalyse bestätigt, die die Laboranalyse des Salzgehalts in den Mustern, die von der Untersuchungsgruppe gewählt wurden, enthält**» (S. 15). Man findet aber im Bericht nichts Weiteres für die Bestätigungen der Erklärungen von G. Rodtschenkow.

Die obengenannten Umstände lassen es nicht zu, diese Daten und Materialien für die vertrauenswürdigen Quellen zu halten.

3.2. Die Angaben aus den Zeitungen und den Filmen als eine Informationsquelle in der Grundlage des Berichtes von R. McLaren

Im Bericht handelt es sich viel um die Verwendung von R. McLaren von den Angaben aus den Zeitungen, die als echt und verifikationssicher angesehen werden:

«Anfang Mai hat das amerikanische gesellschaftlich-politische Programm 60 Minutes («60 Minuten»), und danach auch die Zeitung The New York Times berichtet...» (S. 2);

«über die Verfahren des Versteckens von positiven Dopingproben als die, **welche offen in Bezug auf Sotschi beschrieben wurden**» (S. 9);

«die Auswechslung ging in den meisten Fällen **so, wie es im Artikel in The New York Times beschrieben wurde**» (S. 14);

«Die Glaubwürdigkeit der Erklärungen vom Doktor Rodtschenkow, **die für The New York Times gemacht wurden...**» (S. 15);

«**Der erste Dokumentarfilm wurde von der deutschen Fernsehanstalt ARD Anfang Dezember 2014 gezeigt**» (S. 16);

«Am 8. Mai 2016 **wurde im amerikanischen Fernsehprogramm 60 Minutes («60 Minuten») im TV-Sender CBS ein Sujet über die Doping-Anschuldigung während der Sotschier Spiele gezeigt**. Während des Sujets des Programms «60 Minuten» hat der Aufdecker Witali Stepanow, der ehemalige Mitarbeiter der Russischen Anti-Doping-Agentur (RUSADA), erzählt... Auf der Basis der aufgenommenen Gespräche zwischen dem Herrn Stepanow und dem

ehemaligen Direktor des von der WADA akkreditierten Moskauer Antidoping-Labors («Moskauer Labor»), Doktor Grigorij Rodtschenkow («Doktor Rodtschenkow»), **wird im Programm bestätigt...**» (S. 18);

«**The New York Times hat einen Artikel** «Der russische Insider sagt, dass das Olympiagold mithilfe des Dopings auf dem staatlichen Niveau erhalten wurde» am 12. Mai 2016 **veröffentlicht, in welchem behauptet wird...**» (S. 18);

«Die freie Person verfügt über wichtige Zeugnisse, die den größten Teil **des Artikels in The New York Times bestätigen und begründen**» (S. 61);

««The New York Times» hat berichtet...» (S. 64).

Die Hinweise von diesem Typ (und besonders in solcher Menge) sind überhaupt nicht überzeugend und verwandeln den ganzen Bericht von R. McLaren in eine Sammlung von Ersinnungen, Kombination aus den Zeitungsausschnitten und den Transkripten von den Fernsehsendungen und lassen keine Möglichkeit zu, diesen Bericht als ein überzeugendes und begründetes analytisches juristisches Produkt zu betrachten.

Und besonders unpassend sind diese Hinweise auf die Zeitungen und die Fernsehsendungen im Kapitel 2 «Die Methodologie der Nachprüfung von der fP» des Berichtes.

3.3. Die Materialien aus einem «elektronischen Briefwechsel»

Als noch eine Quelle wurde «*ein elektronischer Briefwechsel, über welchen der fP verfügt*» erklärt (S. 38). Die Quellen von diesem «elektronischen Briefwechsel» werden im Bericht verschwiegen. Es wird auch nichts über die Mittel der Überprüfung und Bestätigung der Glaubwürdigkeit dieses Briefwechsels gesagt. Der genannte Umstand lässt es nicht zu, diese Materialien als vertrauenswert zu behandeln.

3.4. Andere Quellen

Laut dem Bericht, «*wurden die Anträge nicht nur auf die Nachprüfung der veröffentlichten Unterlagen eingeschränkt. Die fP hat auch andere Beweise davon geforscht, was im Moskauer Laboratorium vor und nach der Olympischen Spiele in Sotschi stattgefunden hat*» (S. 6).

Was für «andere Beweise», außer denen, die von G. Rodtschenkow übergeben wurden, wird im Bericht nicht erläutert. Wenn man dafür das Beschriebene im Kapitel 3 hält, wird alles in diesem Kapitel auch verschwommen und nicht konkret.

Noch eine Behauptung im Bericht bezüglich der Quellen, die man benutzt: «*Die Nachprüfung, die von der fP durchgeführt wurde, hat die zusätzlichen Angaben zu einem mehr umfassenden Bild gesammelt... Mithilfe von neuen Angaben, die von der fP gesammelt wurden, liefert der Bericht die Tatsachen und die Beweise...*» (S. 9). Was für «neue Angaben» wird im Bericht, so wie es angenommen wurde, verschwiegen.

Die Bescheinigung in der Anlage 1 wird im Zeitungsstil geschrieben, darin werden keine Beweise für die dargestellten Behauptungen enthalten.

Außerdem wird im Bericht erklärt, dass eine «*Übersicht der früheren Erklärungen*» von W. Stepanow – «*den ehemaligen Mitarbeiter der RUSADA, der an der Nachprüfung nicht beteiligt wurde*» gemacht wurde (S. 7). Was für Erklärungen von Stepanow überschaut wurden, aus welchen Quellen diese

Erklärungen genommen wurden (die Erklärungen in der gelben Presse oder die Erklärungen, die unter Eid gemacht wurden oder andere), wird im Bericht wieder verschwiegen.

Mehrmals wird auch das Wort «Zeugen» gebraucht (S. 5, 7, 21, 23, 27 und andere).

Die Angaben von anonymen Zeugen wurden als eine weitere Informationsquelle erklärt, die als eine Grundlage des Berichtes gesehen wird: **«Auch andere Zeugen waren vorhanden, die an der Nachprüfung vertraulich teilgenommen haben. Ihre Angaben waren für die Untersuchungsarbeit wichtig, deswegen haben sie eine zuverlässige Kreuzbestätigung von mündlichen und schriftlichen Beweisen, die früher von der fP bekommen wurden, geliefert. Ich habe versprochen, diese Leute nicht zu nennen, ich möchte mich aber bei diesen für die Hilfe, die Mut und die Geisteskraft bedanken; dafür, dass sie zustimmten, die Information und die Unterlagen mit der fP auszutauschen»** (S. 7–8).

Wie war der Mechanismus der Erteilung von denen oder anderen Personen mit dem Status «Zeuge», der Einschätzung, der Prüfung und der Bestätigung von der Glaubwürdigkeit der Angaben, die von ihnen bekommen wurden, wird im Bericht verschwiegen.

Weiter handelt es sich um «einige anderen Personen»: **«Die fP hat einige anderen Leute vertraulich befragt. Einige wurden nach der Nachfrage der Untersuchungsgruppe der freien Person befragt, die anderen haben freiwillig Hilfe geleistet»** (S. 22).

Bei der Einschätzung des Staates im Ganzen und der Organe der staatlichen Macht ist der Hinweis auf die in der Wirklichkeit nicht vorhandenen «anonymen Zeugen», – eines der typischen Verfahren der gelben Presse. Mithilfe dieses Verfahrens kann man jeden in allem beschuldigen. Eine ungeeignete für die Unterlagen dieses Typs Pathetik verleiht diesen Ausführungen noch niedrigere Überzeugungskraft.

Noch eine Informationsquelle, auf deren Grundlage die Beurteilungen und die beschuldigenden Einschätzungen gemacht wurden, die als Schlüsse des Berichtes erklärt wurden, wird **«einer der wichtigsten Machtvertreter»** genannt: **«Ich habe auch ohne vorzeitige Forderung eine umfassende Erklärung mit den Anlagen von einem wichtigen Machtvertreter bekommen, die in diesem Bericht beschrieben wurde»** (S. 8, 22).

Im Bericht von R. McLaren werden keine Erklärungen bezüglich der Mittel des Suchens und des Findens der Bestätigung der Gläubigkeit vom Gesagten von allen diesen ungenannten Personen und von ihnen übergebenen Angaben angeführt.

Es wird einfach unbewiesen einen Schluss gezogen: **«Alle anderen Zeugen, die von der Ermittlungs-Einsatzgruppe der fP befragt wurden, kann man als vertrauenswürdig betrachten»** (S. 23).

4. Die Einschätzung der Angemessenheit der Fristen der erklärten «Nachprüfung» von R. McLaren und der Produktion des Berichtes nach den Ergebnissen von dieser Nachprüfung

Am 19. Mai 2016, wie es im Bericht erklärt wurde, wurde R. McLaren für die «*Nachprüfung*» beantragt, und am 16. Juli 2016 wurde der Bericht bereits vorbereitet. Im Bericht wurde mehrmals betont, dass für die Produktion des Berichtes 57 Tage vorgesehen wurde (S. 5, 8, 22).

Im Bericht von R. McLaren wurde aber mehrmals eine Klage ausgedrückt, dass es nicht genug Zeit gäbe: «*kurze Fristen für die Nachprüfung haben keine Möglichkeit gegeben*» (S. 4), «*wegen der begrenzten Zeit*» (S. 4), «*wegen der sehr gekürzten Fristen musste die Untersuchungsgruppe der fP auswählend prüfen*» (S. 4), «*In einen kurzen Zeitabstand von 57 Tagen, die für diese Nachprüfung gewährt werden*» (S. 22); «*wegen den kurzen Fristen, während deren man den vorliegenden Bericht zusammenstellen musste*» (S. 25).

Dabei erklärt R. McLaren, dass er während der genannten Frist «*Tausende von Dokumenten*» (!) überschaut hat. Was für Unterlagen es sind, wie ist der Gesamtumfang davon, wird wieder verschwiegen. Im Bericht fehlt die Information über die Natur und über das Verfahren der «Prüfung» von diesen Dokumenten von R. McLaren im Sinne – wie er diese überschaut und eingeschätzt hat, ob er diese ausführlich gelesen hat, ob er sie geprüft hat oder nur überflogen hat oder diese Dokumenten für R. McLaren von den Drittpersonen überschaut wurden. Es gibt aber auch eine sehr wichtige relevante für die Einschätzung des Berichtes von R. McLaren selbst inhaltliche Frage, weil die Nachprüfung von Dokumenten von R. McLaren auch die Beantragung von der Fachleute brauchte, die eine andere Spezialisierung als R. McLaren haben, was einen Zweifel an der Angemessenheit des Verstands und der Einschätzung dieser Unterlagen von R. McLaren wecken musste.

Trotz der offensichtlichen unzureichenden Zeit für die Arbeiten und die Notwendigkeit «viele Tausende der Unterlagen» nachzuprüfen, wird aber im Bericht behauptet, dass «*nach dem Anfang der Nachprüfung hat die fP umfangreichere Verfahren des Versteckens von positiven Proben mit Doping als diese, welche in Bezug auf Sotschi offen beschrieben wurden, schnell gefunden*» (S. 9), das heißt, ohne dass alle diese «Tausende Unterlagen», um welche es sich im Vortrag handle, durchlesen zu haben. Unaussprechliches Glück? Oder wurden einfach die Schlüsse im Voraus geschrieben und danach wurde die Pseudoargumentierung dafür geschaffen? Wir vermuten das Zweite.

Außerdem wird im Bericht eine Behauptung beinhaltet, dass die erste Periode aus den erklärten 57 Tagen im Umfang «*weniger als einen Monat*» genommen hat (S. 24) – das war «*eine frühe Phase der Nachprüfung*» (S.24).

Die erklärten Fristen für die Produktion der erklärten «Nachprüfung» von R. McLaren und für die Vorbereitung eines Berichtes nach den Ergebnissen dieser Nachprüfung kann man also, wenn man den Maßstab des wirklichen Umfangs dieses Subjekt-Objekt-Gebiets berücksichtigt, begründet als inadäquat und die Fehlerhaft der Schlüsse des Berichtes objektiv determinierend einschätzen.

5. Die Einschätzung der Begründung für die Beantragung von anderen darin genannten Personen bei der Produktion des Berichtes

Laut dem Bericht von R. McLaren, *«hat die fP im Laufe der Nachprüfung im Rahmen seines Antrags alle Beweise geprüft, die von **deren freien Untersuchungsgruppe** gesammelt wurden. Der vorliegende Bericht wurde **auf der Grundlage der kollektiven Arbeit der Untersuchungsgruppe der fP vorbereitet**. Das Verfahren der Nachprüfung wurde beschrieben und viele wesentliche Aspekte, die von uns erlernt und analysiert wurden, bestätigen letztendlich die festgestellten tatsächlichen Umstände»* (S. 4).

Was für eine «Untersuchungsgruppe», und von wem wurde diese beantragt? Die Beantragung von R. McLaren sieht nicht vor und kann auch nicht automatisch die Beantragung von denselben Vollmächten an eine Reihe von anderen Leuten vorsehen. Im Bericht von R. McLaren wird in den meisten Fällen nicht hingewiesen, wer diese Leute sind, welche Fachqualifikation diese haben, wodurch diese verifiziert werden kann (die Berufserfahrung als Kriminalist, die Berufserfahrung als Jurist in den Fragen des Sports, die Erfahrung bei den ähnlichen Angelegenheiten – also bei den Angelegenheiten, die sich mit den Tatsachen der unrechtlichen Verbreitung und des unrechtlichen Dopings beschäftigen). Dabei gibt es keine Gründe zu denken, dass es unbeabsichtigt gemacht wurde. Wahrscheinlich wurde es mit der Absicht gemacht, sowohl die wirkliche Abwesenheit von diesen Mitgliedern der Untersuchungsgruppe außer R. McLaren selbst zu verbergen als auch die anderen Leuten, die diesen Bericht und seine im Voraus geschriebenen politisch motivierten Schlüsse inspiriert haben.

Keine Möglichkeit die Behauptung im Bericht von R. McLaren zu verifizieren, dass seine «Untersuchungsgruppe» tatsächlich unabhängig und objektiv war, stellt die Frage nach der Begründung des Berichtes im Ganzen in Frage.

Außerdem werden einige (wieder anonyme) *«gerichtliche Sachverständige»* als für die «Nachprüfung» Beantragte erwähnt: *«Die Nachprüfung wurde bei der Zusammenarbeit mit den gerichtlichen Sachverständigen durchgeführt...»* (S. 12). Welche *«gerichtliche Sachverständige»* zwar von R. McLaren beantragt wurden, mit welcher Begründung, welche Fachqualifikation sie haben, und welche Gründe es gibt, sich auf sie zu verlassen, wird im Bericht wieder verschwiegen.

Weiter handelt es sich darum, dass eine «kriminalistische Analyse» durchgeführt wurde: *«Die Glaubwürdigkeit der Erklärungen vom Doktor Rodtschenkow, die für The New York Time gemacht wurden, **wird mit den Angaben der kriminalistischen Analyse bestätigt...**»* (S. 15). Welche Kriminalisten wurden von R. McLaren beantragt, aus welchen Gründen, wie ist ihre Fachqualifikation, welche Gründe es gibt, sich auf sie zu verlassen, wird im Bericht wieder verschwiegen. Es wird nur hingewiesen, dass es ein *«Londoner Labor, das von der WADA akkreditiert wurde»* ist (S. 15).

Weiter handelt es sich darum, dass *«eine Kriminalistische Expertise von diesen Probierröhrchen die Anwesenheit von Kratzen und Merkzeichen **gezeigt hat**, was bestätigen kann, dass diese geöffnet wurden»* (S. 17). Der Autor hatte kein Interesse etwas über diese «Expertise» zu erklären.

Auf der Seite 19 des Berichtes wird über die Anwesenheit und die Tätigkeit eines «*Untersuchungsorgans der freien Person*» berichtet (die freie Person, erinnern wir daran, ist R. McLaren selbst).

Das Wichtigste ist, wer und aus welchen Gründen alle diese Leute beantragt hat, sich in die erlernten Fragen einzumischen und sich selbständig und willkürlich dafür zu beantragen?

Nur auf der S. 19-20 des Berichtes hat R. McLaren endlich einige Personen aufgezählt, die die Untersuchungsgruppe bildeten (noch eine Gruppe der Leute oder noch eine Benennung für die willkürlich beantragten Drittpersonen): «*Nach diesem Treffen hat die fP schnell eine Ermittlung-Einsatzgruppe gebildet, die aus folgenden Leuten bestand: Oberuntersuchungsführer Martin Dubbey, Direktor des Anti-Doping-Labors in Monreal, Doktor Christiane Ayotte, Rechtsanwältin und Hilfsperson der freien Person, wie es in der russischen Sprache verstanden wird, Diana Tesic, Mathieu Holz, Herr Richard Young, Esq. aus der Untersuchungsabteilung der WADA, zwei studierenden Rechtsanwältinnen von der Universität von Karen Luu und Kaleigh Hawkins-Schulz*».

Man muss wieder betonen, dass sich R. McLaren nicht mit der Berufs- und Expertenqualifikation und der Berufserfahrung von obengenannten Personen beschäftigt. Bei dem Respekt in Bezug auf die Studentinnen (es ist gut, dass es keine Schülerinnen wären!), muss man aber Zweifel an der Relevanz und der ausreichenden Qualifikation und der Erfahrung bei ihnen für dieses Thema erheben. Studierende im Fach sind noch keine Fachleute in diesem Beruf. Deswegen kann es einfach nicht ernst genommen werden.

Die Fachqualifikation, die Fachrichtung und die Berufserfahrung von anderen (außer den Studentinnen), der Umfang und der Inhalt von den von diesen Leuten für die Produktion des Berichtes von R. McLaren ausgeführten Arbeiten – das alles bleibt unbekannt. Und dieser Umstand lässt nicht zu, die Schlüsse von dieser Gruppe als relevant, glaubwürdig, rechtmäßig und überzeugend zu betrachten.

Etwas weiter geht es im Bericht darum, dass auch einige Fachleute in Gerichtsmedizin, Cyber-Fachleute und andere beantragt wurden. (S. 20). Aber wer sie sind – wird wieder verschwiegen.

Es wird hingewiesen, dass dem Herrn R. McLaren ein Labor und die Hilfe seines unmittelbaren Direktors zur Verfügung gestellt wurde: «*Doktor David Cowan, der Direktor des Zentrums für die Kontrolle an den Drogen und der Abteilung für gerichtsmedizinische molekulargenetische wissenschaftliche und Expertforschungen am Königlichen College, London («DCC»)* hat sein Labor zur Verfügung gestellt und einige Laborarbeiten für die Analyse für die fP durchgeführt». Das ist vielleicht der einzige deutliche Hinweis auf die beantragte Person und deren Expertenressourcen. Aber auch dieser Hinweis ist nicht ausreichend. Man braucht eine detaillierte Beschreibung, welche konkreten Ressourcen von diesem Labor miteinbezogen wurden, auf welchen Bedingungen, mithilfe von welchen beantragten Personen und mit welcher Fachqualifikation.

Die weiter im Text beinhalteten Hinweise auf die Laborforschungen werden beinahe ausschließlich durch das Fehlen an der konkreten Information über diese Laboratorien und über die darin für die Produktion des Berichtes vorgeführten Handlungen charakterisiert.

Weiter nennt R. McLaren noch eine Reihe von den beantragten Drittpersonen: «*Experte, die an unserem Team beteiligt werden*» (S. 20).

Zu der Teilnahme an der Vorbereitung auf den Bericht und an der darin von R. McLaren benutzten Information wurden also unberechtigt auch Leute mit der Fachqualifikation beantragt, die nicht wie folgt bestätigt wurde. R. McLaren selbst verwechselt immer wieder die Grenzen und den Status der Gesamtheit von den beantragten Leuten und nennt diese im Text auf verschiedene Weise.

Die überflüssige Willkürlichkeit der Lexik und der Stilistik lässt die unbequemen Fragen nach der sehr niedrigen Fachqualifikation (ohne seine Titel miteinzubeziehen) von R. McLaren als einen Juristen zu stellen oder danach, dass dieser Bericht von einer anderen Person geschrieben wurde, die über sehr oberflächliche Vorstellungen über das Recht und darüber verfügt, wie man die Unterlagen von diesem Typ vorbereiten muss und R. McLaren diesem Bericht nur seinen Namen gegeben hat.

Schluss

Der Bericht von R. McLaren «Untersuchung von WADA der Doping-Anschuldigungen gegen russische Teilnehmer an den Olympischen Spielen in Sotschi» vom 16.07.2016 gründet sich auf die Informationen, wenn man den Bericht einschätzt, deren Glaubwürdigkeit von R. McLaren nicht mit den objektiven Mitteln geprüft und bestätigt wurde. Der vorliegende Bericht enthält keine direkten eindeutigen Beweise und indirekten Beweise, beinhaltet viele Widersprüche und keine logischen Zusammenhänge, verwendet eine Reihe von den Manipulationstechniken. Der Bericht enthält eine Reihe von willkürlich ausgedachten und falschen Behauptungen.

Den Bericht von R. McLaren muss man begründet für voreingenommen, beweislos und in seinem wesentlichen Teil verfälscht halten.

04.08.2016

Igor Vladislawowitsch Ponkin, Doktor habil. der Rechte, Professor des Lehrstuhls für Staatliche und Kommunale Verwaltung der Fakultät für Staatliche und Kommunale Verwaltung des Instituts für Staatsdienst und der Verwaltung der Russischen Akademie für Volkswirtschaft und Staatsdienst beim Präsidenten der Russischen Föderation, Professor

* * * * *

Понкин И.В., Гребенников В.В., Кузнецов М.Н. Заключение по Итоговому отчёту «независимой комиссии» Р. Паунда, Р. Макларена и др. № 1 от 09.11.2015

Вводная часть

Предметом настоящего заключения явился Итоговый отчёт (за № 1) от 09.11.2015 комиссии (именуемой как «независимая комиссия») в составе: председателя комиссии Ричарда В. Паунда (Richard W. Pound), членов комиссии Ричарда Х. Макларена (Richard H. McLaren) и Гюнтера Янгера (Günter Younger), инспектора ВАДА Джека Робертсона (Jack Robertson), «участников расследования комиссии» Дэвида Тинсли (David Tinsley), Мартина Дабби (Martin Dubbey), Брайана Тэля (Brian Talay), Ника Коннона (Nick Connon), Грега Китселла (Greg Kitsell), Габриеллы Рэ (Gabriella Re), «координатора по составлению отчёта расследования» комиссии Дианы Тезик (Diana Tesic)⁵² (далее – Отчёт Паунда-Макларена). Согласно с. i (страница, предшествующая с. 2 исследуемого Отчёта), указанная комиссия была создана Президентом Всемирного антидопингового агентства (ВАДА). Согласно с. 3 Отчёта Паунда-Макларена, 16.12.2014 ВАДА объявило имена членов указанной «независимой комиссии»: Ричард В. Паунд – королевский адвокат, бывший Президент ВАДА; Ричард Х. Макларен – профессор права и арбитр Спортивного арбитражного суда; Гюнтер Янгер – начальник отдела противодействия компьютерным преступлениям Управления уголовной полиции Баварии. Положение об указанной «независимой комиссии» было опубликовано 16.01.2015. Данный документ был направлен Президенту ВАДА.

Проведённое исследование Отчёта Паунда-Макларена дало необходимые и достаточные основания для вывода о том, что данный документ обладает множеством критических недостатков, не позволяющих оценивать его как обоснованный и объективный. В настоящем заключении, подготовленном по результатам указанного исследования, описаны некоторые наиболее существенные, критические недостатки Отчёта Паунда-Макларена.

Заключение выполнено по тексту оригинала Отчёта Паунда-Макларена, с учётом оказавшегося в доступе авторов настоящего заключения перевода текста этого документа на русский язык (перевод подготовлен иным лицом). Нумерация страниц в отношении приводимых цитат осуществляется по тексту документа в оригинале на английском языке.

⁵² The Independent commission Final Report № 1, November 9, 2015 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada_independent_commission_report_1_en.pdf>.

Основная часть

1. Оценка юридического значения Отчёта Паунда-Макларена

Целью расследования «независимой комиссии» в Отчёте Паунда-Макларена было заявлено «*проведение независимого беспристрастного расследования*» (с. 4).

Однако тот факт, что Ричард Паунд (глава «независимой комиссии», Отчёт которой явился предметом настоящего исследования) ранее являлся Президентом Всемирного антидопингового агентства, не позволяет в достаточной мере оценивать его как независимое лицо, а равно возглавляемую им комиссию – как независимую. Не представляется возможным вывести из исследуемого Отчёта Паунда-Макларена, на каких именно основаниях следует признавать всех привлекавшихся к его составлению лиц «независимыми».

Согласно исследуемому Отчёту Паунда-Макларена, этой «независимой комиссии» были предоставлены полномочия определять: «*1. Наличие нарушений процедур или правил (Кодекс и международные стандарты) со стороны любого лица, подписавшего Кодекс, включая РУСАДА и ИААФ, но не исключительно ввиду возможного существования других национальных антидопинговых организаций (НАДО) или международных федераций (МФ), которые также могут потребовать такого расследования. 2. Наличие нарушений международного стандарта для лабораторий со стороны любой аккредитованной лаборатории, включая московскую лабораторию. 3. Наличие нарушений антидопинговых правил со стороны атлетов, тренеров, врачей и иных лиц из окружения какого-либо спортсмена, включая должностных лиц любых организаций и за их пределами, которые могут быть замешаны в таких нарушениях. 4. Наличие достаточных доказательств, которые могут привести к наложению санкций в соответствии со Всемирным антидопинговым кодексом на любое физическое лицо или организацию (Положение о полномочиях независимой комиссии, январь 2015 года)*» (с. 3–4).

Анализ Отчёта Паунда-Макларена во взаимосвязи с документом «Положение о полномочиях независимой комиссии» от 16.01.2015⁵³ и комплексом нормативных документов Всемирного антидопингового агентства дает необходимые и достаточные основания для вывода о том, что данный документ, сам по себе, не имеет юридического значения (его юридическое значение ничтожно) в качестве основания для принятия каких-либо рестриктивных и репрессивных мер в отношении российских спортивных организаций и российских спортсменов. Этот вывод подтверждается, в том числе, нижеприведенными аргументами.

В свете последних событий вокруг российских паралимпийцев надо отметить, что в Отчёте Паунда-Макларена не употреблено ни разу слово «паралимпийский» (или его производные).

⁵³ Independent Commission. Terms of Reference // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/wada-independent-commission-terms-of-reference-2015-jan-en.pdf>>; <<https://www.wada-ama.org/en/resources/independent-commission-terms-of-reference>>. January 16, 2015

2. Оценка «методологии расследования» в Отчёте Паунда-Макларена

Существенным недостатком Отчёта Паунда-Макларена, критически понижающим его обоснованность и объективность, является отсутствие в этом документе надлежащего описания и обоснования применённой методологии. Выдаваемое в рассматриваемом документе за описание применённой методологии (например, в разделе 1.4 «*Краткий обзор методологии проведения расследования НК*» (с. 4–6), разделе 4.3 «*Методология расследования*» (с. 67–69), разделе 11.5 «*Расследование: Методология*» (с. 130–131)) выглядит весьма неубедительно.

Это может означать лишь одно: никакая признаваемая в науке методология объективного исследования, в действительности, не использовалась, а основные выводы Отчёта Паунда-Макларена были политически и идеологически мотивированы и заранее написаны, а уже под них осуществлялась подгонка некой аргументации. Ниже мы приведём необходимые и достаточные подтверждения сказанному.

В частности, одним из убедительных подтверждений сказанному является следующий самостоятельный вывод Отчёта Паунда-Макларена: «*Многие анализы, проведённые лабораторией, следует считать крайне сомнительными*» (с. 13, 197, 278). Вот так – «*многие анализы*». За какой срок, пробы каких именно спортсменов и какой их общей численности? В каком именно количестве, что означает «многие»? Что означает «крайняя сомнительность»? Судя по всему, для авторов Отчёта Паунда-Макларена всё это – просто «мелочи», на которые они просто не обращали внимания. Чрезмерная вольность лексики и стилистики в Отчёте Паунда-Макларена поднимает неудобные вопросы о крайне низкой квалификации авторов этого документа.

Указанные выше обстоятельства ставят под вопрос обоснованность и объективность Отчёта Паунда-Макларена в целом.

3. Оценка обоснованности выводов Отчёта Паунда-Макларена о наличии системы противоправного содействия российскими властями массовому употреблению допинговых средств российскими спортсменами и о масштабном сокрытии российскими властями таких фактов

Вывод о наличии системы противоправного содействия российскими властями массовому употреблению допинговых средств российскими спортсменами и о масштабном сокрытии российскими властями таких фактов является одним из основных выводов Отчёта Паунда-Макларена, хотя этот вывод и подаётся в несколько завуалированном виде. И это определяет необходимость оценки качества и меры доказательств, на которых в данном документе выстроен указанный вывод. В действительности, тщательное исследование Отчёта Паунда-Макларена не позволяет установить и подтвердить обоснованность такого вывода.

Приведем наиболее яркие цитаты: «*Директор московской антидопинговой лаборатории Родченков имел возможность прямого обращения к министру в целях получения финансирования для*

приобретения лабораторного оборудования» (с. 15, 271, 281). **«Российские правоохранительные органы предпринимали попытки нарушить целостность проб»** (с. 27, 104, 293). **«Несмотря на заявление..., что РУСАДА действует независимо, хотя и финансируется министерством, независимая комиссия испытывает серьезные сомнения в том, что эта организация на самом деле действует независимо»** (с. 27, 191, 293).

«Министерство спорта обладает гораздо большим влиянием, чем это следует из организационной структуры» (с. 27, 191, 293). Как может «влияние» органа власти определяться его организационной структурой (не правовым статусом и функционалом, полномочиями органа и устоявшейся в данном государстве и в данной сфере общественных отношений моделью государственного управления, а именно организационной структурой), совершенно невозможно представить, но для Отчёта Паунда-Макларена такого рода «аргументы» – вполне обычное дело.

В вину Министерству спорта Российской Федерации ставится то, что им не были предприняты меры реагирования (в той мере, как это представляют себе авторы Отчёта Паунда-Макларена) на фильмы немецкого телеканала ARD: *«...Минспорта позволяет агентству РУСАДА, объекту ряда обвинений, высказанных в документальном фильме на телеканале ARD, проводить расследование в отношении самого себя. Минспорта не сделало ничего, чтобы расследовать серьезные обвинения в преступной деятельности, высказанные в отношении российских спортивных чиновников»* (с. 27–28, 270, 293–294). *«Независимая комиссия считает, что справедливое и беспристрастное расследование телеканала ARD и других утверждений невозможно, если расследование проводит заинтересованная сторона. Отсутствие активного надзора со стороны Минспорта предполагает, что Минспорта, возможно, пытается скрыть фактические отношения с РУСАДА»* (с. 267).

Но бездоказательные, содержащие заведомо ложные сведения и оценки фильмы Х. Зеппельта необоснованно оценивать как веское основание для императивного обязывания к проведению каких-то проверок, а отказ от проведения проверок на основе указанных фильмов необоснованно оценивать как нечто свидетельствующее в пользу исследуемого вывода Отчёта Паунда-Макларена.

Приведем еще цитаты: **«Работа московской лаборатории зависит от РУСАДА или Министерства спорта. Ее беспристрастность, независимость суждений и достоверность данных были скомпрометированы надзором ФСБ за лабораторией во время зимних Олимпийских игр в Сочи»** (с. 14, 212, 280). **«Констатируется, что деятельность РУСАДА находится в тесном взаимодействии с Министерством спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации и Центра спортивного обучения российских национальных команд»** (с. 176). **«Независимая комиссия также в конфиденциальных беседах получила информацию о том, что существуют тесные отношения между руководством РУСАДА и Министерством спорта»** (с. 268). *«...неоднократные заявления различных не связанных свидетелей о влиянии на московскую лабораторию и РУСАДА, очевидное отсутствие надзора за расследованием РУСАДА и отказ привлечь правоохранительные*

органы к расследованию предполагаемых преступных действий ВФЛА **бросают тень на Минспорта** и ставят под вопрос его ответственность за надлежащее управление в российском спорте» (с. 268). «Хотя госпожа Желанова утверждала, что московская лаборатория и РУСАДА полностью независимы от Минспорта, в ходе этого расследования различные **источники утверждали, что эта “независимость” существует только на бумаге, и что, на самом деле, Минспорта оказывает сильное влияние и на московскую лабораторию, и на РУСАДА**» (с. 267). «...сотрудники лаборатории и спортсмены сообщили, что **Министерство спорта оказывало давление на московскую лабораторию**. Когда независимая комиссия спросила, кто давал указания лаборатории производить манипуляции с определенными пробами, сотрудники сообщили: “(знать имена) не нужно, потому что инструкции шли напрямую из Министерства спорта”. Сотрудники московской лаборатории представили заявления следователям независимой комиссии во время данных интервью, указывая, что существует “внешнее вмешательство” в аналитические операции лаборатории. Данные внешние вмешательства, однако, не ограничиваются устными указаниями из Министерства спорта, но проявляются также в физическом присутствии государственных чиновников внутри лаборатории. К примеру, сотрудники московской лаборатории сообщили на условиях конфиденциальности, о постоянном присутствии представителей ФСБ (российской службы безопасности)» (с.195–196). «Министр спорта России Виталий Мутко также **отрицал, что проблема с допингом в России носит более вопиющий характер, чем в любой другой стране**» (с. 58).

«Деятельность находится в тесном взаимодействии», «тесные отношения», «бросает тень», «оказывало давление», «оказывает сильное влияние», «отрицал» – всё это совершенно неконкретно, беспредметно и маловразумительно.

Что касается сотрудников ФСБ России, то таковые не имеют непосредственного отношения к Министерству спорта Российской Федерации, которое не несёт за таковых ответственности. А кроме того, многократное упоминание таинственных «сотрудников ФСБ» в Отчёте Паунда-Макларена выглядит неубедительно.

Всё сводится к упоминанию, преимущественно одного и того же лица: «Расследование независимой комиссии обнаружило информацию об интересе и влиянии российского государства на московскую лабораторию. Например, сотрудник лаборатории сообщил, что агент ФСБ регулярно посещает московскую лабораторию. Источник независимой комиссии в лаборатории опознал агента ФСБ как Евгения Блоткина (или Блохина). Источник сообщает, что директор московской лаборатории Родченков должен был еженедельно встречаться с Евгением Блоткиным, чтобы докладывать ему о “настроениях в ВАДА”» (с. 196). Версия произвола и коррупционной самодетальности указанного реального или мнимого сотрудника ФСБ (единолично или в составе организованной группы) в Отчёте Паунда-Макларена даже не допускается. Презюмируется связь: раз сотрудник ФСБ был, значит, виновно всё государство. Но это слишком натянуто и неубедительно.

В отношении «вмешательств ФСБ» не приводится релевантных доказательств. Только безапелляционно заявляется о том, что такие факты были (как будто всё уже необходимым и достаточным образом и исчерпывающе доказано, что, в действительности, не так): *«Факт присутствия сотрудников ФСБ на территории лабораторий в Сочи и Москве является прямым нарушением рабочих процессов лаборатории и деятельности ее сотрудников, а также подтверждает прямое влияние государственных органов на спортивные мероприятия. Прямое вмешательство в работу лаборатории государственных органов Российской Федерации подрывает принцип независимости лаборатории»* (с. 12, 278).

Таким образом, претензии к российскому спорту и Российскому государству в Отчёте Паунда-Макларена носят содержательно размытый и маловразумительный характер. Ничего конкретного извлечь из Отчёта Паунда-Макларена невозможно.

Несколько более конкретно трижды повторенное суждение: *«...имело место прямое запугивание и вмешательство государственных органов в деятельность московской лаборатории»* (с. 14, 212, 280), а также следующее утверждение: *«Многие не хотели говорить откровенно относительно отношений между Министерством спорта, РУСАДА и московской лабораторией из страха репрессий»* (с. 28, 270, 294). Однако никаких доказательств сказанного и даже просто ясных описаний сути ситуаций с запугиваниями и угрозами в Отчёте Паунда-Макларена (кроме домыслов) не представлено.

Подчеркнём, что выше был представлен исчерпывающий объём референтных цитат, которые хоть как-то можно было бы связать с выводом о роли российских властей в реальных или мнимых массовых нарушениях антидопинговых правил. Но очевидно, что никаких доказательств процитированные фрагменты Отчёта Паунда-Макларена не содержат и не отражают.

Кроме приведённых цитат, в исследуемом документе встречаются информационные сообщения нейтрального характера – о статусе Министерства спорта Российской Федерации, о его обязанностях и проч. (с. 265 и др.), о содержании официальных контактов с Министерством спорта Российской Федерации (с. 265–266, 269, 312 и др.). Присутствуют рекомендации Министерству спорта Российской Федерации и Российской Федерации в целом (надо полагать – Правительству Российской Федерации) (с. 317–319).

Но из этого невозможно вывести сколь-нибудь внятные и, тем более, существенные подтверждения исследуемому выводу Отчёта Паунда-Макларена.

Таким образом, все «доказательства» вывода о наличии системы противоправного содействия российскими властями массовому употреблению допинговых средств российскими спортсменами и о масштабном сокрытии российскими властями таких фактов в Отчёте Паунда-Макларена сводятся к домыслам, выражениям сомнения, абстракциям или нерелевантным сообщениям (типа описания корреляций между структурной схемой Министерства спорта Российской Федерации и его степенью влияния, указания абстрактных связей между указанным министерством и другими субъектами деятельности по антидопинговому контролю).

При этом подчеркнём, что в самом же Отчёте Паунда-Макларена чётко артикулировано, что его авторам не удалось доказать причастность Министерства спорта Российской Федерации к описываемым в Отчёте Паунда-Макларена реальным или мнимым массовым нарушениям антидопинговых правил:

«Независимая комиссия не смогла подтвердить обвинения в непосредственном влиянии Министерства спорта на деятельность РУСАДА и московской лаборатории» (с. 28, 270, 294).

«Независимой комиссии не удалось, однако, подтвердить некоторые из более общих утверждений, сделанных независимыми источниками, например, о том, что “Министерство спорта решает, какие из спортсменов будут наказаны, а какие нет”» (с. 267).

«Независимая комиссия не смогла подтвердить заявления о том, что фактическое вмешательство в работу происходит при непосредственном участии Минспорта, но приходит к выводу, что степень давления и влияния таковы, что невозможно поверить, что в Минспорте не знали о подобных действиях. Озабоченность независимой комиссией в этом контексте вызывает то, что Минспорта было полностью пассивным в расследовании обвинений против РУСАДА» (с. 267).

Процитированные выше текстовые фрагменты Отчёта Паунда-Макларена представляют собой очень важные признания авторов этого документа, опровергающие какую бы то ни было возможность какого-либо истолкования Отчёта Паунда-Макларена как якобы доказывающего наличие системы противоправного содействия российскими властями (в частности, в лице Министерства спорта Российской Федерации и его должностных лиц) массовому употреблению допинговых средств российскими спортсменами и масштабного сокрытия российскими властями таких фактов.

Кроме того, отметим, что выражения, типа: **«невозможно поверить»** и **«озабоченность в контексте вызывает»**, неоднократно обнаруживаются в исследуемом документе, в нём можно отыскать всё что угодно, но только не конкретные релевантные доказательства.

Это выявляет предвзятость «независимой комиссии». Неудивительно в таком случае, что, по словам Отчёта Паунда-Макларена, **«в какой-то момент произошли очевидные изменения в стратегии российского правительства по взаимоотношениям с общественностью. Независимо от того, что послужило катализатором, очевидным стало то, что тон и рамки публичных заявлений, сделанных российским правительством, претерпели значительные изменения... с начала расследования и до непосредственного окончания работы над настоящим отчётом»** (с. 57).

Отметим также, что в Отчёте Паунда-Макларена многократно указывается на Григория Родченкова как основное виновное лицо (с. 278–279 и др.), но попытки связать его с государством (как заявляемым соучастником и/или заказчиком противоправной деятельности) выглядят совершенно неосновательно и неубедительно, никаких подтверждений на этот счёт не приводится.

Более того, возможность и обоснованность каких бы то ни было ссылок на Г. Родченкова в Отчёте Паунда-Макларена как на источник

информации (с. 13, 204, 205, 210 и др.) убедительно опровергаются содержащимися в самом же Отчёте Паунда-Макларена крайне негативными оценками в адрес Г. Родченкова, который описан в этом документе как не заслуживающий доверия (с. 13, 204, 279), как организатор, пособник и подстрекатель и неотъемлемая часть противоправных действий, нарушающих антидопинговые правила (с. 12, 13, 15, 25, 116, 200, 202, 212, 213, 278, 279, 280, 291), как коррупционер, взяточник и вымогатель (с. 13–15, 25, 141–142, 199–202, 212–213, 279–280, 291).

С учетом сказанного выше, выводы Отчёта Паунда-Макларена о наличии системы противоправного содействия российскими властями массовому употреблению допинговых средств российскими спортсменами и о масштабном сокрытии российскими властями таких фактов следует признать недоказанными.

4. Оценка заявлений в Отчёте Паунда-Макларена об проверке и обеспечении достоверности используемых «независимой комиссией» материалов и сведений

В исследуемом Отчёте Паунда-Макларена лишь изредка (в нескольких местах) говорится о том, что те или иные сведения или материалы подвергались проверке достоверности: *«Доказательства, предоставляемые источниками оперативной информации, должны быть надежными. Помимо сопоставления устных доказательств с документацией и сведениями, полученными от других свидетелей, необходимо провести оценку достоверности, поскольку примеры из прошлого показали, что любые предположения о допинге могут быть резко опровергнуты. Независимая комиссия опросила основных источников оперативной информации в данном расследовании. Независимая комиссия проверила достоверность их заявлений и подлинность иных подтверждающих доказательств»* (с. 8).

Но сказанного явно недостаточно. Ссылки на одни лишь рассказы неназываемых лиц не могут быть признаны достаточной доказательной базой. Кроме того, недостаточно отметить, что проверялась достоверность, необходимы хотя бы какие-то пояснения относительно того, посредством каких именно способов и в какой мере это производилось. Однако об этом Отчёт Паунда-Макларена умалчивает.

И здесь не представляются убедительными нижеследующие объяснения: *«Независимая комиссия передала значительный объем данных и информации в Интерпол, которые демонстрируют преступное поведение отдельных лиц и организаций. До принятия соответствующими органами решения о наложении уголовного наказания независимая комиссия не будет публиковать содержимое соответствующей главы отчёта, чтобы не создавать препятствий ведущимся расследованиям»* (с. 9).

«Как и в любом расследовании, затрагивающем деликатные темы, независимая комиссия должна была принимать во внимание вопросы, связанные с личной безопасностью свидетелей, возможность конфликта интересов и постоянную проблему оценки достоверности анализируемых данных» (с. 67).

Процитированные фрагменты Отчёта Паунда-Макларена выглядят исключительно как уловки, призванные риторически замаскировать, скрыть реальное отсутствие надлежащих доказательств. Даже если допустить и признать наличие у «независимой комиссии» Паунда-Макларена каких-то доказательств «на будущее», «тайных доказательств», которые невозможно сейчас публично представить из каких-то соображений, это не может изменить выводы о низком юридическом качестве и общей бездоказательности Отчёта Паунда-Макларена, поскольку на основании именно этого текста (в его сегодняшнем состоянии) выносились решения, повлекшие крайне негативные последствия для российских спортсменов.

Такая принципиальная бездоказательность Отчёта Паунда-Макларена выражает грубейшее неуважение к его читателям и ставит вопрос о сфальсифицированности выводов этого документа.

Из того, что комиссия под руководством Р. Паунда названа в ВАДА «независимой», совершенно не следует, что каждое слово этой комиссии должно некритично восприниматься на веру и что сама комиссия избавлена от обязанности доказывать свои выводы и объяснять, каким образом таковые были получены.

5. Оценка фактологической и иной источниковой основы Отчёта Паунда-Макларена

5.1. Размытость формулировок, излагающих сведения о фактологической и иной источниковой основе Отчёта Паунда-Макларена

В Отчёте Паунда-Макларена утверждается о «*рассмотрении всех доказательств*» (с. 4), об «*оценке технических доказательств*» (с. 5); об «*обработке доказательств*» (с. 6); «*анализе доказательств*» (с. 5), «*оценке фактических доказательств*» (с. 5), «*анализе и подтверждении доказательств*» (с. 66–67), об «*аудио- и видео- доказательствах*» (с. 10, 22, 119, 288), «*научных доказательствах*» («*научных данных*») (с. 10), «*мощных подтверждающих доказательствах*» (с. 13, 15, 202, 213, 278, 280), «*достаточных подтверждённых доказательствах*» (с. 15, 215, 281). Слово «доказательства» многократно употреблено в Отчёте Паунда-Макларена. Но в большинстве случаев заявление о наличии доказательств остается только лишь голословным, ни чем не подкрепляемым заявлением.

При этом характерно позиционирование и презюмирование в Отчёте Паунда-Макларена чего угодно в качестве «доказательств», тогда как надлежащих, релевантных доказательств содержащихся в Отчёте Паунда-Макларена суждений о масштабах употребления допинговых средств российскими спортсменами и о роли российских властей в этом как раз совершенно недостаточно в указанном Отчёте.

Попытки извлечь из исследуемого Отчёта Паунда-Макларена, что же конкретно исследовала «независимая комиссия», не приводят к успеху. Всё сводится к невнятным перечислениям весьма разнородных позиций:

«Независимая комиссия провела множество опросов и просмотрела тысячи документов, применяла компьютерный анализ, исследовала и проверила биологические паспорта атлетов, работу атлетов и должностных лиц, соблюдение руководств по контролю и

отчётности, а также возможные нарушения Кодекса. На основании опросов и анализа доказательств следователи независимой комиссии получили широкое понимание культуры и аспектов работы российской легкой атлетики» (с. 4–5).

Здесь действия («работа атлетов и должностных лиц», «соблюдение руководств», «нарушения Кодекса») перемешаны с объектами («тысячи документов»; «биологические паспорта атлетов»), с методами исследования («применяла компьютерный анализ»). Такая пересортица обычно свидетельствует либо о крайне низкой профессиональной квалификации авторов, либо, напротив, о стремлении замаскировать отсутствие реальных фактов и релевантных доказательств.

Кроме того, существенное значение имеют ответы на вопросы: «Опросы» кого именно и на каких основаниях проводила «независимая комиссия»? Какие именно документы исследовала «независимая комиссия», на каких основаниях и условиях эти документы были получены, каким образом осуществлялись оценка и подтверждение их достоверности, в какой мере и какими методами исследовались эти документы? Но ответы на такие вопросы в Отчёте Паунда-Макларена обнаружить невозможно.

Про «тысячи» никак не идентифицируемых «документов» (с. 4, 5, 67 и др.) и про абстрактные, детализированно не описываемые «доказательства» не раз повторяется в Отчёте Паунда-Макларена (с. 5 и др.).

Такая же маловразумительная компиляция представлена в следующем текстовом фрагменте исследуемого документа: «*Расследование независимой комиссией было главным образом ориентировано на следующие вопросы: документальный фильм ARD, вышедший в декабре 2014 года. Он включал дискредитирующие свидетельские показания и инкриминирующие видео- и аудиозаписи, предполагающие распространенный обман, употребление допинга и коррупцию; проверка тысяч документов и опросов ряда свидетелей с целью доказательства или опровержения данных заявлений; отработка виртуальной фазы расследования значительно помогло в подтверждении многих предположений, связей и сопоставлений; оценка технических доказательств; проверка оборудования и лабораторий, используемых для целей тестирования, и методов мониторинга, включая работу сотрудников лаборатории и факторов, негативным образом влияющих на независимость мнения лаборатории; работа с доказательствами, вопросы хранения и целостности проб; регуляторные органы – протоколы мониторинга и возможные отклонения; заявления атлетов – включая соблюдение требований и неоказание содействия следователям; выявление фактов коррупции, благодаря которым по положительным результатам анализов не были приняты меры; выявление фактов коррупции в форме выплат медицинским работникам и тренерам за поставку допинговых препаратов и предоставление информации касательно применения запрещенных веществ и методов; потенциальная уголовная ответственность; подтверждение того, что тренеры и иные должностные лица, включая медицинских работников, склоняют спортсменов принимать допинг; выявление коррупции в форме предварительного уведомления о сроках и месте проведения внесоревновательного допинг-контроля; коррупция со стороны строителей национальных соревнований, где были “лазейки”,*

позволяющие атлетам вести недобросовестную борьбу и не прерывать прием допинга; коррупция со стороны должностных лиц и вымогательство денежных средств у атлетов для покрытия положительных результатов тестирования; а также выводы и рекомендации» (с. 5–6).

Семантически размытые формулировки и «напускание тумана» не могут заменить собой и подменить ожидаемые релевантные и убедительные доказательства. И в отсутствие последних всё это выглядит лишь как риторическое прикрытие, маскировка отсутствия реальных фактов и релевантных доказательств.

Наличествующая в Отчёте Паунда-Макларена явно неуместная патетика, типа заявления о *«глобальном характере проводимых расследований»* (с. 68), так же призвана замаскировать отсутствие в нём релевантных доказательств.

Не добавляют убедительности Отчёту Паунда-Макларена и фиксируемые в самом этом документе многочисленные противоречия в показаниях привлекавшихся для свидетельств лиц. Например: *«В беседах с участием Виталия Степанова была дана противоречивая информация о действиях инспекторов допинг-контроля»* (с. 102); *«Независимая комиссия имеет противоречивую информацию о качестве и уровне оборудования второй лаборатории. В результате, никаких выводов сделать невозможно»* (с. 215).

5.2. Так называемые «источники оперативной информации»

Важнейшим источником информации в основе Отчёта Паунда-Макларена заявлены показания анонимных свидетелей – *«источники оперативной информации»* («информаторы»). Этому посвящен раздел 1.5 (с. 7–8). В частности, заявлено: *«Читатели отмечают, что значительная часть доказательств в данном расследовании предоставлена лицами, которых часто называют “источниками оперативной информации” и которые требуют определённого обсуждения»* (с. 7).

Однако в обозначенном разделе Отчёта Паунда-Макларена ничего внятного не сказано, приводятся одни лишь общие, абстрактные рассуждения о трудной судьбе информаторов и о том, почему *«борьба с допингом в спорте обоснованно называется борьбой»* (с. 7).

О *«доказательствах, предоставленных в конфиденциальном порядке»* в Отчёте Паунда-Макларена говорится на с. 15, 205, 216, 281. В исследуемом документе указываются *«конфиденциальный свидетель (КС) № 1»* и *«конфиденциальный свидетель (КС) № 2»* с описанием полученных от них сведений (разделы 13.6.3 и 13.6.4, с. 200–201). Утверждения и оценки со ссылкой на сведения от «конфиденциальных свидетелей» также встречаются на с. 15, 215, 216, 281 и в ряде других мест Отчёта Паунда-Макларена.

Более того, заявляется, что некоторые выводы «независимой комиссии» Р. Паунда сделаны на основании показаний лица, имя которого не было представлено «из соображений конфиденциальности» даже самой «независимой комиссии»: *«ИААФ предоставила следователям независимой комиссии следующую информацию, которая была получена от действующего инспектора допинг-контроля в России. Хотя источник*

информации известен ИААФ, личные данные источника не были переданы независимой комиссией из соображений конфиденциальности» (с. 103).

Давая оценку государству в целом и органам государственной власти, ссылаясь на несуществующих в реальности «каноничных свидетелей», – это типовой приём «желтой» прессы. С помощью такого приёма можно обвинить вообще в чем угодно. Реализация такого приёма совершенно исключает возможности лиц, подвергшихся порочащим нападениям, защитить свои честь и достоинство, доказать ложность порочащих инвектив в их адрес.

Никаких выкладок относительно способов отыскания и нахождения подтверждения сказанному «источниками оперативной информации» (конфиденциальными свидетелями, информаторами), проверки и подтверждения достоверности переданных ими материалов в Отчёте Паунда-Макларена не приводится.

Указанные выше обстоятельства не позволяют считать такие сведения и материалы надлежащими и достоверными источниками.

5.3. «Показания» российских спортсменов

В разделе 9.4 Отчёта Паунда-Макларена сказано: *«В ходе расследования независимая комиссия отметила, что в отношении 53 выявленных интересующих спортсменов, информация, предоставляемая в рамках АДАМС, была предоставлена частично. Всего 35 спортсменов предоставили адреса электронной почты, 18 – не предоставили. Было установлено, что 19 спортсменов сообщили свои телефонные номера. Следователи обратились к 35 спортсменам с зарегистрированными адресами электронной почты с просьбой о проведении беседы, чтобы задать им несколько вопросов об обвинениях со стороны ARD... Из 35 спортсменов, с которыми независимая комиссия пыталась установить контакт, 23 не ответили ни на один из вышеупомянутых запросов по электронной почте. 3 спортсмена ответили “условно”, заявив, что они хотели бы заранее увидеть вопросы или установить некую форму предварительных условий до участия в беседе независимой комиссией. Высокий процент отсутствия ответов и условные ответы зародили серьезные сомнения относительно желаний спортсменов быть открытыми и искренними во время предлагаемых бесед, и независимая комиссия сделала вывод, что спортсмены получили распоряжение не отвечать на запросы о беседах. Таким образом, предполагалось, что беседы будут проводиться с оставшимися 9 спортсменами. Беседы с 2 из них были проведены по Skype, с одним спортсменом беседа была проведена по телефону. Неудачные многочисленные последующие попытки связаться со спортсменами..., в конечном итоге, вызвали еще больше подозрений о групповом нарушении Кодекса» (с. 100).*

То есть из отобранных «независимой комиссией» 53 российских спортсменов, судя по процитированному текстовому фрагменту на с. 100 Отчёта Паунда-Макларена, «независимой комиссией» удалось пообщаться только с 3 спортсменами, то есть менее чем с 6 процентами от

количественного объема первоначальной выборки спортсменов. Следовательно, нет никаких оснований говорить о референтности этой выборки. И это при том что и само количество 53 спортсмена составляет весьма малую часть от общего количества российских спортсменов спорта высших достижений.

При этом отметим, что вполне ожидаемый и логичный отказ спортсменов оправдываться и давать какие-то комментарии в связи с ложными, клеветническими фильмами Хайо Зеппельта немецкого телеканала ARD совершенно превратно, ложно истолкован в Отчёте Паунда-Макларена как, якобы, косвенное подтверждение будто бы имеющей место вины российских спортсменов. То, что ложно и несправедливо опорочившие российский спорт фильмы Хайо Зеппельта могут обоснованно восприниматься российскими спортсменами как умышленно и ложно порочащие и как клеветнические, даже не допускается авторами Отчёта Паунда-Макларена. Но версия Отчёта Паунда-Макларена о том, что массовые отказы российских спортсменов отвечать на вопросы неизвестных им людей (некой будто бы независимой комиссии), преследующих непонятные для них цели, вызваны виновностью российских спортсменов в чем-то и стремлением сокрыть эту вину, не выдерживает критики, демонстрирует предвзятость и необъективность «независимой комиссии» и не получает никакого обоснования в самом Отчёте Паунда-Макларена. То есть налицо применение в Отчёте Паунда-Макларена очередного манипулятивного приёма подмены факта мнением.

В Отчёте Паунда-Макларена указывается некоторое число российских спортсменов, которые предоставили «независимой комиссии» некоторые сведения, однако, как уже было указано выше, в рассматриваемом документе не представлено никаких сведений относительно того, посредством каких именно методов обеспечивались проверка и подтверждение достоверности полученных от указанных лиц сведений.

5.4. Фильмы немецкого телеканала ARD

В содержании Отчёта Паунда-Макларена неоднократно даются отсылки к фильмам Хайо Зеппельта немецкого телеканала ARD как к источнику информации.

Например: *«03 декабря 2014 года по немецкому телеканалу ARD транслировали документальный фильм “Совершенно секретно. Допинг: как Россия создает своих победителей”, в котором было высказано предположение о существовании отлаженной финансируемой государством системы допинга во Всероссийской федерации легкой атлетики (ВФЛА), которая является регулирующим органом в сфере легкой атлетики в Российской Федерации и признана таковой международной федерацией (МФ), Международной ассоциацией легкоатлетических федераций (ИААФ)»* (с. i).

Эта оценка изложенных в указанном фильме сведений как «предположения» далее в Отчёте Паунда-Макларена трансформируется в уверенное утверждение (или, по крайней мере, в попытку сформировать такое убеждение) о верности и обоснованности содержащихся в фильме инвектив в адрес российского спорта и российских спортсменов.

«Несмотря на то что данное расследование было инициировано вследствие представления фактов заявлений, представленных в документальном фильме ARD, доказательства не ограничивались темами, охваченными документальным фильмом ARD» (с. 5).

«Расследование независимой комиссии было главным образом ориентировано на следующие вопросы: документальный фильм ARD, вышедший в декабре 2014 года. Он включал дискредитирующие свидетельские показания и инкриминирующие видео- и аудиозаписи, предполагающие распространенный обман, употребление допинга и коррупцию» (с. 5).

«В документальном фильме немецкого телеканала ARD ... обвиняется в снабжении российских легкоатлетов запрещёнными препаратами и в участии в сговоре с целью сокрытия положительных результатов допинг-контроля в обмен на процент от суммы выигранных спортсменами наград» (с. 218).

«Независимая комиссия (НК) была создана решением президента Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) после заявлений о том, что в России допинг «поддерживается на государственном уровне», сделанных немецким телеканалом ARD в декабре 2014 года в документальном фильме “Совершенно секретный допинг. Как Россия создает своих победителей”. После документального фильма телеканала ARD мировые СМИ в своих репортажах пришли к выводу, что беспрецедентные по своему масштабу допинговые нарушения происходят с участием российских тренеров, спортсменов и представителей государственных органов, вопреки правилам проведения соревнований, установленному нормативному регулированию и, в некоторых случаях, уголовному законодательству» (с. 65).

Высказывание: «...мировые СМИ в своих репортажах пришли к выводу» (с. 65) демонстрирует крайнюю неосновательность и несерьезность претензий в адрес российского спорта и в очередной раз доказывает отсутствие реальных доказательств той картины массового употребления допинга российскими спортсменами и противоправного вовлечения государственных органов в этот процесс, которая рисуется Отчётом Паунда-Макларена, поскольку здесь налицо применение известного манипулятивного приёма подмены факта мнением. Очевидно, что факт совершения противоправных действий – это далеко не одно и то же, что написание какими-то журналистами (даже пресловутыми «глобальными») о будто бы имевшем место таком факте.

Не только в процитированном фрагменте Отчёта Паунда-Макларена, но и в других его местах использованы манипулятивные приёмы. Сам факт использования таких приёмов в Отчёте Паунда-Макларена существенно обесценивает как весь этот документ в целом, так и его выводы, убедительно доказывает его изначальную предвзятость, направленность на создание видимости аргументации, в действительности, заранее свёрстаных, политически мотивированных выводов.

Более того, выход очередного телефильма безотносительно степени его доказательности (в отсутствие каких-либо указаний на инструменты и процедуры подтверждения достоверности изложенных в них сведений) заявлялся и использовался в качестве основания для усиления и расширения

полномочий «независимой комиссии»: *«Полномочия были расширены в августе 2015 года после второй трансляции немецкого канала ARD»* (с. 4).

Такого рода отсылки существенно понижают качество Отчёта Паунда-Макларена и доверие к нему, лишая какой-либо возможности оценить его как убедительный и основательный аналитический юридический документ.

Выводы

Итоговый отчёт № 1 от 09.11.2015 «независимой комиссии» под председательством Ричарда В. Паунда (в составе также Ричарда Х. Макларена, Гюнтера Янгера и др.) характеризуется многочисленными критическими недостатками, лишаящими его надлежащих основательности, обоснованности и объективности (в том числе из-за применения манипулятивных приёмов), основан на домыслах, недостоверных сведениях, на информации, которая, судя по тексту Отчёта, не подвергалась объективными средствами проверке и подтверждению достоверности, не содержит прямых однозначных улик и релевантных доказательств основных выводов Отчёта. Указанный документ обоснованно признать лишённым объективности и предвзятым, бездоказательным и, в существенной его части, сфальсифицированным.

Анализ Отчёта Паунда-Макларена в взаимосвязи с документом «Положение о полномочиях независимой комиссии» от 16.01.2015 и комплексом нормативных документов Всемирного антидопингового агентства даёт необходимые и достаточные основания для вывода о том, что данный документ, сам по себе, не имеет юридического значения (его юридическое значение ничтожно) в качестве основания для принятия каких-либо рестриктивных и репрессивных мер в отношении российских спортивных организаций и российских спортсменов.

05.09.2016

Понкин Игорь Владиславович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор

Гребенников Валерий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов, Заслуженный юрист Российской Федерации

Кузнецов Михаил Николаевич, адвокат, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и трудового права Юридического института Российского университета дружбы народов, профессор

***Ponkin I.V., Grebennikov V.V., Kouznetsov M.N.* Critical analysis of the Final Report by the “Independent Commission” of R. Pound, R. McLaren and others dated 09.XI.2015**

Introduction

The subject of this critical analysis is the Final report (No. 1) dated 09.11.2015 by the Commission (referred to as the “Independent Commission”) consisting of: the Independent Commission President Richard W. Pound, Independent Commission Members Richard H. McLaren and Günter Younger, WADA Chief Investigations Officer Jack Robertson, “Independent Commission Investigation Staff” David Tinsley, Martin Dubbey, Brian Talay, Nick Connon, Greg Kitsell, Gabriella Re, “Investigative Report Co-ordinator” Diana Tescic⁵⁴ (hereinafter – the Pound and McLaren Report). According to page i (the page preceding page 2 of the analyzed Report), the Commission was set up by the President of the World Anti-Doping Agency (WADA). According to page 3 of the Pound and McLaren Report, on December 16, 2014 WADA announced the names of the “Independent Commission” members: Mr. Richard W. Pound, Q.C., former President of WADA, Professor Richard H. McLaren, law professor and longstanding CAS arbitrator, and Mr. Gunter Younger, Head of Department Cybercrime with Bavarian Landeskriminalamt (LKA). Terms of Reference of the “Independent Commission” was published on January 16, 2015. This document was submitted to the President of WADA.

Analysis of the Pound and McLaren Report provided the necessary and sufficient reasons to believe that this document has multiple critical drawbacks and, therefore, cannot be considered justified and objective. This critical analysis, prepared using the investigation results, describes the most significant critical drawbacks of the Pound and McLaren Report.

The critical analysis was drawn up using the original text of the Pound and McLaren Report, considering its translation into Russian available to the authors (the translation was done by a third party). Page numbering referring the quotations provided is accomplished as consistent with the original document in the English language.

Main findings

1. Assessment of the legal effect of the Pound and McLaren Report

According to the Pound and McLaren Report, the purpose of the investigation by the “Independent Commission” was: *«to conduct and direct an unbiased and independent investigation»* (p. 4).

However, the fact that Richard Pound (the head of the “Independent Commission”, whose report is the subject of the current study) is a former President of the World Anti-Doping Agency, does not allow to regard him as an

⁵⁴ The Independent commission Final Report № 1, November 9, 2015 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada_independent_commission_report_1_en.pdf>.

independent person in full, as well as the commission he leads – as independent. From the analyzed Pound and McLaren Report, it is impossible to understand on what grounds one can regard all persons involved in drawing up the Report to be “independent”.

Based on the analyzed Pound and McLaren Report, this “Independent Commission” was given a mandate to establish whether: «1. *There have been any breaches of processes or rules (Code and International Standards) by any signatory to the Code. This includes RUSADA and IAAF, but not exclusively as there may be other National Anti-Doping Organizations (NADOs) or International Federations (IFs) also requiring such inquiry.* 2. *There has been any breach of the International Standard for Laboratories (ISL) by any accredited laboratory, including the laboratory in Moscow.* 3. *There have been any breaches of anti-doping rules by athletes, coaches, trainers, doctors and other members of any athlete entourage. This includes officials within and outside any organization who might have been complicit in such breaches.* 4. *There is sufficient evidence that might lead to sanction processes pursued under the World Anti-Doping Code against any individual or any organization (IC Terms of Reference, January 2015)» (p. 3–4).*

Analysis of the Pound and McLaren Report jointly with the “Independent Commission. Terms of Reference” dated 16.01.2015⁵⁵ and a number of regulatory documents of the World Anti-Doping Agency gives the necessary and sufficient grounds to conclude that this document, on its own terms, has no legal effect (its legal effect is null and void) as grounds to take restrictive and repressive measures in respect of Russian sports organizations and athletes. This conclusion is reinforced, inter alia, by the following arguments.

In view of the recent events relating to the Russian Paralympians, it should be noted, that the word “Paralympic” (or its derivatives) is not even once mentioned in the Pound and McLaren Report.

2. Evaluation of the “Investigation method” used in the Pound and McLaren Report

A significant drawback of the Pound and McLaren Report, which dramatically decreases its validity and objectivity, is the lack of the appropriate description and rationale behind the utilized approach. The description, trying to pass off as the applied method, (for example, in sections 1.4 «Brief Summary of the IC Investigation Methodology» (p. 4–6), 4.3 «Investigative Methodology» (p. 67–69), 11.5 «Investigation: Methodology» (p. 130–131)) has very little force.

This can only mean that no objective investigation method acknowledged by science was actually used, and the main conclusions made in the Pound and McLaren Report were politically and ideologically motivated and written in advance. And then, some arguments were used to fit the required framework. In what follows, we will provide the necessary and sufficient evidence of the above.

⁵⁵ Independent Commission. Terms of Reference // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/wada-independent-commission-terms-of-reference-2015-jan-en.pdf>>; <<https://www.wada-ama.org/en/resources/independent-commission-terms-of-reference>>. January 16, 2015

In particular, one of the most convincing confirmations is the following independent conclusion of the Pound and McLaren Report: *«Many tests that the laboratory has conducted should be considered highly suspect»* (p. 13, 197, 278). Like this - "many tests". During what time, which athletes were tested, how many athletes were tested? How many athletes exactly were tested, what does "many" mean? What does "highly suspect" mean? It appears that for the authors of the Pound and McLaren Report, all of these are just "trifles", which they just ignored. Too much freedom in vocabulary and style of the Pound and McLaren Report brings up the uncomfortable issue about very low qualification of this document's authors.

The above circumstances question the feasibility and objectivity of the Pound and McLaren Report as a whole.

3. Assessment of the validity of conclusions made in the Pound and McLaren Report about the system, where the Russian authorities illegally encourage the Russian athletes to use doping en masse, and about a large-scale concealment of these facts by the Russian authorities

One of the main conclusions drawn by the Pound and McLaren Report is that there is a system, where the Russian authorities illegally encourage the Russian athletes to use doping en masse and conceal these facts on a large-scale, despite this conclusion is somewhat veiled. This makes it necessary to assess the quality and volume of evidence used to make such a conclusion in this document.

In reality, careful analysis of the Pound and McLaren Report does not allow identifying and confirming this conclusion as valid.

Here are the most vivid quotations:

«Moscow laboratory director Rodchenkov had direct access to the Minister for purposes of funding requests for laboratory equipment» (p. 15, 271, 281).

«Russian law enforcement agencies were involved in the efforts to interfere with the integrity of the samples» (p. 27, 104, 293).

«Regardless... statement that RUSADA acts independently, although financed by the Ministry, the IC has serious doubts that it is truly independent» (p. 27, 191, 293).

«...there is more influence than structurally indicated by the Ministry of Sport» (p. 27, 191, 293). It is absolutely inconceivable how the government authority's "influence" can depend on its organizational structure (not legal status and functions, its authorities and public administration model established in this country and this field of public relations, but the organizational structure). However, such "arguments" are typical for the Pound and McLaren Report.

The Sports Ministry of the Russian Federation is accused of the fact that it did not react (in the way assumed by the Pound and McLaren Report's authors) to the German television channel ARD documentary: *«...Minsport would allow RUSADA, as the subject of several of the allegations in the ARD documentary, to investigate itself. ... Minsport did nothing to investigate the serious allegations of criminal conduct on the part of Russian sport officials»* (p. 27–28, 270, 293–294). *«The IC finds that a fair and unbiased investigation into the ARD and other allegations is not possible when an implicated party is*

conducting the investigation. The lack of vigorous oversight by Minsport suggests that Minsport may be attempting to conceal the de facto relationships it has with RUSADA» (p. 267).

However, it is unreasonable to qualify precarious, containing deliberate misrepresentations and false information documentaries directed by H. Seppelt as a strong reason for an obligation to carry out some check-ups; and the denial to conduct examinations basing on these films cannot be regarded as something in favor of the analyzed conclusion drawn by the Pound and McLaren Report.

Here are some more quotations:

«The Moscow laboratory is not operationally independent from RUSADA or the Ministry of Sport. Its impartiality, judgment and integrity were compromised by the surveillance of the FSB within the laboratory during the Sochi Winter Olympic Games» (p. 14, 212, 280).

«RUSADA's activities are stated to be in close cooperation with and supported by the Russian Ministry of Sport, Tourism and Youth Policy of the Russian Federation and in cooperation with the Center of Sport Training of the Russian National teams» (p. 176).

«The IC was further informed, in confidential statements, that there are close relationships between senior members of RUSADA and the Ministry of Sport» (p. 268).

«Furthermore, the repeated statements, by various unrelated witnesses of influence over the Moscow laboratory and RUSADA, the apparent lack of oversight into the RUSADA investigation and the refusal to engage law enforcement to investigate the alleged criminal acts of ARAF reflect poorly on Minsport and the discharge of its responsibility for proper governance in Russian sport» (p. 268).

«While Ms. Zhelanova, maintained that the Moscow laboratory and RUSADA are wholly independent from Minsport, throughout the course of this investigation various sources have asserted that this "independence" exists on paper only and that, in fact, Minsport exerts a strong influence over both the Moscow laboratory and RUSADA» (p. 267).

«...laboratory personnel and athletes reported that the Ministry of Sport asserted influence over the Moscow laboratory. When the IC asked who instructs the laboratory to manipulate particular samples, laboratory personnel stated, "there is no need [to know the names] because the instructions are directly from the Ministry of Sport..." Moscow laboratory personnel made statements to the IC investigative staff during these interviews specifying that there exist "external interferences" with the analytical operations of the laboratory. These reported external influences are not, however, restricted to verbal direction from the Ministry of Sport, but have manifested themselves in the physical presence of state actors inside the laboratory. Specifically, Moscow laboratory personnel have reported, under confidentiality, regarding the continued presence of the Russian security (FSB)» (p.195–196).

«Russia's sports minister, Vitaly Mutko, also denied that Russia had a more egregious doping problem than any other country» (p. 58).

«Activities are stated to be in close cooperation», «reflect poorly on», «asserted influence over», «exerts a strong influence over», «denied» – all of this is absolutely vague, pointless and unconvincing.

Regarding the Russian Federal Security Service (FSB) officers, they are not directly related to the Sports Ministry of the Russian Federation, which, in its turn, is not responsible for them. Moreover, the repeated references to mysterious “FSB agents” in the Pound and McLaren Report look unconvincing.

Basically, for the most part, the same person is mentioned: «*The IC investigation uncovered information of Russian State interest and influence within the Moscow laboratory. For example, a laboratory staff member reported that an FSB agent regularly visits the Moscow laboratory. The IC sources within the laboratory identified the FSB agent as Evgeniy Blotkin/Blokhin. Sources reported that Moscow laboratory Director Rodchenkov was required to meet with Evgeniy Blotkin weekly to update him on the “mood of WADA”*» (p. 196). A theory, that this real or imaginary FSB representative (acting on his own or as part of the organized group) may abuse his power or may be a corrupt official, is not even assumed in the Pound and McLaren Report. The following relationship is presumed – if there is an FSB agent, the whole country is guilty. However, this is far too forced and unconvincing.

Concerning “FBS influence”, no relevant evidence is provided. It is only dogmatically stated that these facts occurred (as if everything is already definitely proven in a necessary and appropriate way, which is not true in reality): «*The reported presence of the security services (FSB) within the laboratory setting in Sochi and at the Moscow laboratory, actively imposed an atmosphere of intimidation on laboratory process and staff, and supported allegations of state influence in sports events. The direct interference into the laboratory’s operations by the Russian State significantly undermines the laboratory’s independence*» (p. 12, 278).

Therefore, the claims against the Russian sport and government lodged in the Pound and McLaren Report are of vague and unconvincing nature. It is impossible to draw upon any specific information from the Pound and McLaren Report.

The statement repeated three times is somewhat more specific: «*...there was direct intimidation and interference by the Russian state with the Moscow laboratory operations*» (p. 14, 212, 280), and the following assertion: «*Many individuals were unwilling to speak candidly regarding relationships between Minsport, RUSADA and the Moscow laboratory out of fear for reprisals*» (p. 28, 270, 294). However, no evidence or even clear description of the situation with intimidation and threats (except for speculations) is provided in the Pound and McLaren Report.

We would like to point out that in the foregoing we have provided an exhaustive number of quotations, which can, in some way, be related to the conclusion about the Russian authorities’ role in real or imaginary mass doping misconducts. Nevertheless, it is obvious that the quoted parts of the Pound and McLaren Report do not contain any evidence.

In addition to the provided quotations, the analyzed document has some neutral information, for example, about the status of the Ministry of Sport of the Russian Federation, its responsibilities, etc. (p. 265 and others), the contents of the official contracts made by the Ministry of Sport of the Russian Federation (p. 265–266, 269, 312, and others). Some recommendations are given to the Ministry of Sport of the Russian Federation and the Russian Federation in general (probably, to the Government of the Russian Federation) (p. 317–319).

However, no clear, let alone, significant confirmations to the analyzed conclusion made in the Pound and McLaren Report are available.

Consequently, all the “proof” of the conclusion that there is a system, where the Russian authorities illegally encourage the Russian athletes to use doping en masse and conceal these facts on a large-scale, are reduced to speculations, doubts, abstractions or non-reference statements (like the described correlation between the structural organization of the Ministry of Sport of the Russian Federation and its influence, about abstract relations between the Ministry and the other anti-doping activity coordinators) in the Pound and McLaren Report.

At the same time, it should be noted, that the Pound and McLaren Report clearly states that its authors could not prove that the Ministry of Sport of the Russian Federation is involved in the real or imaginary mass doping misconducts described in the Pound and McLaren Report:

«The IC was unable to corroborate allegations of direct influence by Minsport on the activities of RUSADA and the Moscow laboratory» (p. 28, 270, 294).

«The IC was unable, however, to corroborate some of the more general statements such as: “the Ministry of Sport decides which of the athletes get banned or not,” that were made by independent sources» (p. 267).

«The IC has not been able to corroborate claims that actual operational interference occurs with the direct involvement of Minsport, but concludes that the extent of the pressures and influence are such that it is not credible to believe that Minsport was unaware that such activities were occurring. An observation of concern to the IC in this context is that Minsport has been completely passive in the matter of inquiring into the allegations made against RUSADA» (p. 267).

The above quotes of the Pound and McLaren Report are very important admissions by the authors of that document, which negate any possibility whatsoever to interpret the Pound and McLaren Report as allegedly proving the existence of the system, where the Russian authorities (in particular, represented by the Ministry of Sport of the Russian Federation and its officials) illegally encourage Russian athletes to dope en masse and conceal these facts on a large-scale.

Additionally, it should be pointed out, that statements like “impossible to believe” and “concern is raised in this context”, are repeatedly found in the analyzed document, and that anything can be found in it except for specific relevant proof.

This points out to bias of the “Independent Commission”. In this case, it is not surprising that according to the Pound and McLaren Report, «...at some point there was an apparent change in the public relations strategy of the Russian government. Whatever the catalyst, it became apparent that the tone and frame of public statements issued by the Russian government evolved significantly from the beginning of the investigation until shortly before the completion of this Report» (p. 57).

It should also be noted, that Grigory Rodchenkov is named as the main guilty party many times in the Pound and McLaren Report (p. 278–279 and others). However, the attempts to link him with the government (as the claimed accomplice and/or customer of illegal activities) look totally unjustified and unconvincing, and no evidence of this is given.

Moreover, the possibility and validity or any references to G. Rodchenkov whatsoever in the Pound and McLaren Report as a source of information (p. 13, 204, 205, 210 etc.) are convincingly rebutted by extremely negative assessments of G. Rodchenkov given in the Pound and McLaren Report, which describes him as not credible person (p. 13, 204, 279), organizer, aider and abettor, an integral part of illegal activities violating anti-doping rules (p. 12, 13, 15, 25, 116, 200, 202, 212, 213, 278, 279, 280, 291), corrupt official, bribe taker, and blackmailer (p. 13–15, 25, 141–142, 199–202, 212–213, 279–280, 291).

Considering the above, the conclusions of the Pound and McLaren Report about the existence of the system, where the Russian authorities illegally encourage Russian athletes to use doping en masse and conceal these facts on a large-scale, shall be considered unsubstantiated.

4. Assessment of assertions made in the Pound and McLaren Report about the examinations and ensuring that the documents and information used by the “Independent Commission” are valid

Only rarely (in some places) the analyzed Pound and McLaren Report says that certain documents and information were checked for validity: *«The evidence provided by whistleblowers must be reliable. In addition to the integration of verbal evidence with documentation and corroboration by other witnesses, an assessment of credibility needs to be made, since it is possible, based on examples in the past, that any allegations of doping will be fiercely contested. The IC has interviewed the principal whistleblowers in this investigation. **The IC is satisfied that their statements are credible and the other supporting evidence has been tested for authenticity**»* (p. 8).

However, this is clearly not enough. References to various unidentified sources cannot be acknowledged as an evidence-based case. In addition, it is not enough to mention that the validity was checked. Some explanation of the techniques and their extent should be provided. Nevertheless, the Pound and McLaren Report is silent on this point.

The following explanation looks unconvincing: *«The IC has turned over considerable data and information to Interpol that tends to demonstrate criminal conduct on the part of certain individuals and organizations. Until the proper authorities have decided whether to lay criminal charges, **the IC will not make public the contents of that chapter of the Report, so as not to interfere with the ongoing investigations regarding such conduct**»* (p. 9).

«As with any investigation of sensitive issues, the IC also had to bear in mind issues related to the personal security of witnesses, the potential of conflicts of interest and the ongoing challenge of assessing the credibility of the evidence coming to its attention» (p. 67).

The quoted parts of the Pound and McLaren Report sound only as “tricks” intended to rhetorically disguise, cover-up the actual lack of competent evidence. Even if one assumes and admits that the Pound and McLaren’s “Independent Commission” has some proof “for the future”, “secret evidence”, which cannot be publicly disclosed now, for some reason, this cannot change the conclusion on poor legal quality and general lack of proof of the Pound and McLaren Report, because this was the text (as it looks today) used to make the decisions leading to extremely negative consequences for the Russian athletes.

Such principal lack of proof in the Pound and McLaren Report shows gross disrespect for its readers, and raises the question about fabrication of this document's conclusions.

From the fact that the commission headed by R. Pound is called "independent" by WADA, it absolutely does not mean, that each word of this commission shall be taken for granted, and that the commission itself is released from the obligation to prove its conclusions and explain the way they were made.

5. Evaluation of the factual basis and other sources of the Pound and McLaren Report

5.1. Vague wording of statements about the factual basis and other sources of the Pound and McLaren Report

The Pound and McLaren Report claims about: "*reviewed all evidence*" (p. 4), "*evaluating technical evidence*" (p. 5); "*evidence handling*" (p. 6); "*analysis of evidence*" (p.5), "*assessment of factual evidence*" (p.5), "*analysis and corroboration of evidence*" (p.66–67), "*audio and video evidence*" (p.10, 22, 119, 288), "*scientific evidence*" (p.10), "*strong corroborating evidence*" (p.13, 15, 202, 213, 278, 280), "*sufficient corroborated evidence*" (p.15, 215, 281). The word "evidence" is used in the Pound and McLaren Report many times. However, in most cases the claim about available evidence remains merely an unsubstantiated, unsupported statement.

At the same time, it is typical for the Pound and McLaren Report to portray and presume anything as "evidence", whereas the appropriate, relevant evidence of the scale of doping use by the Russian athletes and the Russian authorities' role in these misconducts is absolutely insufficient in the Pound and McLaren Report.

The attempts to understand from the analyzed the Pound and McLaren Report, what exactly the "Independent Commission" investigated, are unsuccessful. It all comes to indistinct narration of very different things:

*«The IC conducted numerous interviews and reviewed thousands of documents, employed cyber analysis, studied and reviewed Athlete Biological Passport (ABP) profiles, conduct of athletes and officials, adherence to monitoring and reporting guidelines and possible Code violations. Through interviews and **analysis of evidence**, IC investigators developed a **comprehensive understanding of the culture and patterns of conduct within Russian athletics**»* (p.4–5).

Herein, the actions ("*conduct of athletes and officials*", "*adherence to guidelines*", "*Code violations*") are mixed with objects ("*thousands of documents*"; "*Athlete Biological Passports*"), with investigation methods ("*employed cyber analysis*"). Such misdescription usually means either very poor professional qualification of the authors or, on the contrary, trying to disguise the lack of real facts and relevant evidence.

In addition, the answers to the following questions are essential: who and why did the "Independent Commission" "interview"? What documents exactly did the "Independent Commission" study; how were these documents obtained; how were they evaluated and validated; how and to what extent were they studied?

Nevertheless, it is impossible to find the answers to these questions in the analyzed Pound and McLaren Report.

“Thousands” unidentifiable “documents” (p.4, 5, 67 and others) and abstract “evidence”, never described in detail, are repeatedly mentioned in the Pound and McLaren Report (p.5 and others).

The same unconvincing compilation is provided in the next text fragment of the analyzed document: *«The IC investigation focused principally on the following areas: The ARD Documentary released in December 2014. This documentary included damaging witness statements and incriminating video and voice recordings alleging widespread cheating, doping and corruption; Reviews of thousands of documents and the interviews of numerous witnesses with the objective of proving or disproving these allegations; Execution of the Cyber investigative phase assisted greatly in confirming many of the allegations, links and associations; Evaluating technical evidence; Audit of testing facilities, laboratories and monitoring methods, including conduct of laboratory officials and interference with independence; Evidence handling, custody and integrity issues regarding athlete tests; Regulatory authorities – monitoring protocols and possible variations; Athlete statements – including compliance and failure to cooperate with investigators; Detection of corruption that enabled positive analytical results to be not acted upon; Detection of corruption in the form of payments to medical officials and coaches for doping supplies and instructions on use of doping substances and methods; Potential criminal liability; Evidence of enticement by coaches and other officials, including medical, for athletes to engage in doping practices; Detection of corruption in the form of prior notice as to when and where out-of-competition doping controls would take place; Corruption of games organizing officials to enable national competitions where “green lanes” were in place to enable athletes to compete “dirty” thereby enabling them not to disrupt their doping regimes; Corruption of officials and extortion from athletes to cover-up positive tests; and, Findings and Recommendations»* (p. 5–6).

Semantically vague wording and making things deliberately obscure cannot replace and make up for the expected relevant and convincing evidence. In the lack of the later, it all looks like a mere rhetorical cover-up, disguise of the lack of actual facts and relevant evidence.

The clearly inappropriate pathetic of the Pound and McLaren Report, like the statements about “*global nature of the investigation*” (p.68), also aims to conceal the lack of relevant evidence.

Multiple conflicts of evidence given by the persons involved in the testimony do not make the Pound and McLaren Report more convincing either. For example, *«The interviews of Vitaly Stepanov provide contradictory information on the activities of DCOs»* (p. 102); *«The IC has contradictory evidence as to the quality and level to which the second laboratory is equipped. As a result, no findings are possible»* (p. 215).

5.2. The so-called “whistleblowers”

As the most important source of information used in the Pound and McLaren Report are declared the evidences given by anonymous witnesses, the “whistleblowers”. This issue is addressed in section 1.5 (p.7–8). In particular, it is said that: *«Readers will note that **considerable evidence in this investigation***

has been provided by or obtained from persons who have the status of what are commonly referred to as “whistleblowers”. As such, some discussion regarding whistleblowers is appropriate» (p. 7).

However, no specific information is available in this section of the Pound and McLaren Report, only general, abstract discussion about hard luck of the whistleblowers and why the «*fight against doping in sport is properly characterized as a fight*» (p.7).

Evidence “on a confidential basis” is discussed in the Pound and McLaren Report on p.15, 205, 216, 281. The document describes “*Confidential Witness #1*” and “*Confidential Witness #2*” including the information provided by them (sections 13.6.3 and 13.6.4, p.200–201). Assertions and opinions with reference to information provided by the «confidential witnesses» are also found on p.15, 215, 216, 281 and some other parts of the Pound and McLaren Report.

Moreover, it is claimed that some conclusions of the R. Pound’s “Independent Commission” are made based on the evidence of the person whose details were not passed to the “Independent Commission” itself “because of confidentiality considerations”: «The IAAF provided IC investigators with the following information, which it had obtained from an active DCO in Russia. Although the source of the information is known to the IAAF, the personal details of the source have not been passed to the IC because of confidentiality considerations» (p. 103).

Referring to non-existent “anonymous witnesses” in evaluating the country as a whole and government authorities is a typical “trick” employed by yellow press. This tactics can be used to accuse anybody of anything. This “trick” makes it absolutely impossible for the persons coming under dishonest attacks to vindicate their honor and dignity, prove that these dishonest invectives are false.

No information about the way the information provided by the whistleblowers can be checked and validated is available in the Pound and McLaren Report.

These circumstances do not allow regarding this information as a proper and valid source.

5.3. “Evidence” provided by the Russian athletes

Section 9.4 of the Pound and McLaren Report says: «*In the course of the investigation, the IC noted that with respect to the 53 identified athletes of interest, the information provided within ADAMS was only partially complete. A total of 35 athletes provided email addresses; 18 did not. 19 athletes were found to have provided telephone numbers. Investigators wrote to the 35 athletes with registered email addresses requesting an interview, in an effort to question athletes regarding the ARD allegations... **Of the 35 athletes with whom the IC attempted to establish contact, 23 did not reply to any of the aforementioned email contact requests. 3 athletes replied “conditionally” stating that they wished to view the questions in advance or set some form of precondition before engaging in the IC interviews. The high percentage of non-responses and conditional responses created considerable doubt as to the athletes’ willingness to be open and candid during the proposed interviews and the IC drew the inference that the athletes were being directed to not***

respond to interview requests. The remaining 9 athletes were considered for interview. 2 of these athletes were interviewed via Skype, while one was contacted and interviewed via telephone. The unsuccessful multiple follow-up attempts to contact athletes..., ultimately created greater suspicion of Code violations within the group» (p. 100).

Judging by the quoted text fragment on p.100 of the Pound and McLaren Report, out of 53 Russian athletes chosen by the “Independent Commission”, members of the commission managed to talk to only 3, that is, less than 6 percent of the initial sampling size. Consequently, there are no grounds to say that this sampling has any referential meaning, even though 53 athletes is a very small part of the total number of the Russian high performance sport athletes.

At the same time, it should be noted, that the expected and logical refusal of the athletes to make excuses and give any comments in connection with false, slanderous documentaries directed by Hajo Seppelt, aired by the German television channel ARD, is absolutely misconstrued, misrepresented by the Pound and McLaren Report as a would-be indirect proof of the alleged guilt of the Russian athletes. The thing that Hajo Seppelt’s documentaries unfairly disgracing the Russian sport can be reasonably perceived by the Russian athletes as willfully false, offensive, and slandering is not even conceded by the Pound and McLaren Report. However, the Pound and McLaren Report’s theory, that mass refusals by the Russian athletes to answer the questions of strangers (some allegedly independent commission), pursuing the unknown goals, are due to the fact that the Russian athletes are guilty of something and are trying to conceal this guilt, does not hold up against criticism, shows bias of the “Independent commission”, and is in no way substantiated in the Pound and McLaren Report. Therefore, it is obvious that the Pound and McLaren Report uses another manipulative ‘trick’ of replacing fact with opinion.

A number of the Russian athletes, who provided some information to the “Independent Commission” is given in the Pound and McLaren Report. However, as previously stated, no information about how this information was checked and validated is available in the analyzed document.

5.4. Documentaries aired by the German television channel ARD

The Pound and McLaren Report repeatedly mentions the documentaries directed by Hajo Seppelt aired by the German television channel ARD as a source of information.

For example: **«On 03 December 2014, the German television channel ARD aired the documentary “Top Secret Doping: How Russia makes its Winners”, alleging the existence of a sophisticated and well established system of state-sponsored doping within the All-Russia Athletics Federation (ARAF), the governing body for the sport of athletics in Russia, recognized as such by the responsible international federation (IF), the International Association of Athletics Federations (IAAF)»** (p. i).

Regarding the information voiced in this documentary as “assumptions” is further evolved in the Pound and McLaren Report into a positive assertion (or at least an attempt to shape the opinion) that the invectives in respect of the Russian sport and athletes shown in the documentary are true and valid.

«**While this investigation was prompted by revelations and allegations stemming from the ARD documentary, the evidence uncovered was not restricted to the topics covered by the ARD documentary**» (p. 5).

«**The IC investigation focused principally on the following areas: The ARD Documentary released in December 2014. This documentary included damaging witness statements and incriminating video and voice recordings alleging widespread cheating, doping and corruption...**» (p. 5).

«**The ARD documentary alleges that ... provided banned substances to Russian athletes and participated in a conspiracy to cover up athletes' positive tests in exchange for a percentage of their winnings**» (p. 218).

«**The Independent Commission (IC) was created by decision of the World Anti-Doping Agency (WADA) President following allegations of Russian "state sponsored" doping violations reported by the German television channel ARD in December 2014 in its documentary "Top-Secret Doping: How Russia makes its Winners". Following the ARD documentary, global media reporting inferred that unprecedented levels of doping violations were occurring within a complicit network of Russian coaches, athletes and regulatory officials, which appeared to be in defiance of competitive rules, established regulatory controls and, in some cases, criminal law**» (p. 65).

The statement: "...*global media reporting inferred*" (p.65) demonstrates that the accusations of the Russian sport are unfounded and superficial, and once again proves the lack of actual evidence of mass doping use by the Russian athletes and illegal involvement of government authorities alleged by the Pound and McLaren Report, because using a notorious manipulative "trick" of replacing fact with opinion is obvious here. It is evident, that performing illegal acts is not the same as writing about the alleged illegal acts (even by infamous "global" journalists).

Manipulation techniques are used not only in the quoted fragment of the Pound and McLaren Report, but also in its other parts. The fact of using these "tricks" in the Pound and McLaren Report, significantly devalues the document as a whole, and its conclusions, convincingly proves its initial bias, focus on creation of the illusion of argumentation of the actually politically motivated conclusions made up in advance.

Moreover, the release of another documentary, regardless of the degree of its substantiality (provided that no techniques and procedures validating the information set forth therein are available), was announced and used as a basis to expand the authorities of the "Independent Commission": «**The Terms of Reference were expanded in August 2015 following a second broadcast by ARD**» (p. 4).

These allusions dramatically degrade the quality of the Pound and McLaren Report and its credibility, making it absolutely impossible to consider the Report as a convincing and well-founded analytical legal document.

Conclusions

The Final Report No. 1 dated 09.11.2015 of the “Independent Commission” chaired by Richard W. Pound (Independent Commission Members also include Richard H. McLaren, Günter Younger, and others), is characterized by multiple critical drawbacks, which do not allow qualifying it as valid, well-founded and objective (including due to using manipulation techniques). The Report is based on hypotheses, misrepresentations, information, which, judging by the Report’s text, was not checked and validated by objective means, does not contain any direct, definite evidence and relevant proof of the main conclusions drawn in the Report. It is reasonable to consider this document preconceived, bias, unsubstantiated, and fabricated in its essential part.

Analysis of the Pound and McLaren Report in connection with the document “Independent Commission. Terms of Reference” dated 16.01.2015, and a set of regulatory documents of the World Anti-doping Agency provides appropriate and sufficient grounds to conclude that this document, on its own terms, has no legal meaning (its legal effect is null and void), and no restrictive and repressive measures in respect of the Russian sports organizations and athletes can be taken based on it.

05.IX.2016

Ponkin I.V., Doctor of science (Law), Professor of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), State Professor

Grebennikov V.V., Doctor of science (Law), The Department of the Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow), State Professor

Kouznetsov M.N., Doctor of science (Law) Professor of the Law Institute of the Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow), State Professor

* * * * *

**Ponkine I.V., Grebennikov V.V., Kouznetsov M.N. Conclusion
concernant le Rapport de la «Commission indépendante» de
R. Pound, R. McLaren, etc. du 09.11.2015**

Introduction

Le Rapport exhaustif (sous N° 1), du 09/11/2015, de la commission (dénommée «Commission indépendante») composée: du président de la Commission Richard W. Pound, des commissaires Richard H. McLaren et Günter Younger, de l'inspecteur de l'AMA Jack Robertson, des «membres de l'investigation de la commission» David Tinsley, Martin Dubbey, Brian Talay, Nick Connon, Greg Kitsell, Gabriella Re, du «coordinateur de la rédaction du rapport de l'investigation» de la commission Diana Tesic ⁵⁶ (ci-après – le Rapport de Pound-McLaren). Selon la page i (page qui précède la page 2 du Rapport examiné), la Commission susmentionnée a été nommée par le Président de l'Agence mondiale antidopage (AMA). Selon la page 3 du Rapport de Pound-McLaren, le 16/12/2014 l'AMA a annoncé les noms des membres de cette «Commission indépendante»: Richard W. Pound – avocat royal, ancien Président de l'AMA; Richard H. McLaren – professeur de droit et arbitre du Tribunal d'arbitrage de sport; Günter Younger – chef du Service de la résistance aux criminalités informatiques de l'Administration de police criminelle de Bavière. Le Règlement sur la «Commission indépendante» indiquée, a été publié le 16/01/2015. Ce document a été envoyé au nom du Président de l'AMA.

L'examen concernant le Rapport de Pound-McLaren a donné la base nécessaire et suffisante pour conclure que le document comporte un certain nombre de lacunes critiques qui ne permettent pas de l'évaluer comme un document argumenté et objectif. La présente Conclusion préparée d'après les résultats de l'étude indiquée, décrit certains défauts critiques les plus essentiels, du Rapport de Pound-McLaren.

La Conclusion est faite d'après le texte original du Rapport de Pound-McLaren, compte tenu de la traduction du texte de ce document en Russe étant disponible pour les auteurs de la présente Conclusion (la traduction est faite par une tierce personne). La pagination, en ce qui concerne les citations portées, est basée sur l'original en Anglais du document.

Partie principale

1. Évaluation de la portée juridique du Rapport de Pound-McLaren

La «réalisation de l'investigation indépendante impartiale» a été déclarée dans le Rapport de Pound-McLaren comme le but de l'investigation de la «Commission indépendante» (p. 4).

Cependant, le fait que Richard Pound (Chef de la «Commission indépendante», dont le Rapport a fait l'objet de la présente étude) était

⁵⁶ The Independent commission Final Report № 1, November 9, 2015 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada_independent_commission_report_1_en.pdf>.

précédemment le Président de l'Agence mondiale antidopage, ne permet pas de l'évaluer de manière adéquate en tant que personne indépendante, et également, la commission dirigée par lui, comme la commission indépendante. Il est impossible de déduire du Rapport examiné de Pound-McLaren, pour quels motifs il faut reconnaître toutes les personnes impliquées dans sa préparation comme les personnes «indépendantes».

Selon le Rapport examiné de Pound-McLaren, cette «Commission indépendante» a eu les pouvoirs de déterminer: «1. *La présence des violations des procédures ou des règles (Code et normes internationales) par toute personne qui a signé le Code, y compris la RUSADA et l'IAAF, mais pas exclusivement, en raison de l'existence éventuelle des autres organisations nationales antidopage (ONAD) ou des fédérations internationales (FI), qui peuvent également exiger une telle investigation.* 2. *La présence des violations des normes internationales pour les laboratoires, de la part de tout laboratoire accrédité, y compris le Laboratoire de Moscou.* 3. *La présence des violations des règles antidopage de la part des athlètes, des entraîneurs, des médecins et d'autres personnes de l'entourage de tout sportif, y compris des fonctionnaires de toutes organisations et en dehors, qui peuvent être impliqués dans telles violations.* 4. *La présence des preuves suffisantes, qui peuvent conduire à l'imposition des sanctions, en conformité avec le Code mondial antidopage, à toute personne physique ou à l'organisation (Règlement sur les pouvoirs de la Commission indépendante, Janvier 2015)»(p. 3–4).*

L'analyse du Rapport de Pound-McLaren, en corrélation avec le document «Règlement sur les pouvoirs de la Commission indépendante» du 16/01/2015⁵⁷, et l'ensemble des documents normatifs de l'Agence mondiale antidopage, donne les raisons nécessaires et suffisantes pour conclure que ce document, lui-même, n'a pas de signification juridique (sa signification juridique est négligeable) à titre de base pour prendre des mesures restrictives et répressives concernant les organisations sportives russes et les athlètes russes. Cette conclusion est confirmée, y compris, par les arguments mentionnés ci-après.

À la lumière des derniers événements autour des athlètes paralympiques russes, il est à noter que dans le Rapport de Pound-McLaren, le mot «paralympique» (ou ses dérivées) n'a jamais été utilisé.

2. Évaluation de la «méthodologie de l'investigation» dans le Rapport de Pound-McLaren

Un inconvénient majeur du Rapport de Pound-McLaren qui abaisse critiquement son bien-fondé et objectivité, est l'absence dans ce document de la description compétente et de l'argumentation de la méthodologie utilisée. Ce qui a été présenté dans le document examiné comme la description de la méthodologie utilisée (par exemple, dans le paragraphe 1.4. «*Sommaire de la méthodologie de réalisation de l'investigation par CI*» (p. 4–6), dans le paragraphe 4.3. «*Méthodologie de l'investigation*») (p. 67–69), dans le

⁵⁷ Independent Commission. Terms of Reference // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/wada-independent-commission-terms-of-reference-2015-jan-en.pdf>>; <<https://www.wada-ama.org/en/resources/independent-commission-terms-of-reference>>. January 16, 2015

paragraphe 11.5 «*Investigation: Méthodologie*» (p. 130–131)), semble peu convaincant.

Cela ne peut signifier qu'une chose: aucune méthodologie de recherche objective, reconnue par la science, n'a été en effet utilisée, et les arguments principaux du Rapport de Pound-McLaren ont été motivés politiquement et idéologiquement, et écrits à l'avance, et plus tard, un certain raisonnement a été adapté à ces arguments. Ci-dessous, nous allons fournir des preuves nécessaires et suffisantes de ce que l'on a dit.

En particulier, une des preuves convaincantes de ce qu'on a dit est la conclusion indépendante suivante du Rapport de Pound-McLaren: «*Il faut considérer plusieurs analyses faites par le laboratoire comme extrêmement douteuses*» (p. 13, 197, 278). Voilà – «*plusieurs analyses*». Pour quelle période de temps, les échantillons de quels sportifs et de quel nombre total? En quelle quantité et qu'est-ce que signifie le mot «*plusieurs*»? Que signifie «*extrêmement douteuses*»? À en juger par les faits, pour les auteurs du Rapport de Pound-McLaren, tout cela est simplement des «*détails*», auxquels ils ne font pas attention. La liberté excessive du lexique et de la stylistique dans le Rapport de Pound-McLaren soulève des questions inconfortables au sujet de la qualification extrêmement faible des auteurs de ce document.

Les circonstances ci-dessus remettent en question la validité et l'objectivité du Rapport de Pound-McLaren dans son intégrité.

3. Évaluation du bien-fondé des conclusions du Rapport de Pound-McLaren sur la présence du système d'assistance illégale des pouvoirs russes dans l'utilisation massive des produits dopants par les sportifs russes et sur la dissimulation à grande échelle par les autorités russes de ces faits

La conclusion sur la présence du système d'assistance illégale des pouvoirs russes dans l'utilisation massive des produits dopants par les sportifs russes et sur la dissimulation à grande échelle par les autorités russes de ces faits est une des conclusions principales du Rapport de Pound-McLaren, bien que cette conclusion soit présentée à mots couverts. Et cela exige d'évaluer la qualité et les mesures des preuves, qui définissent cette conclusion dans le document spécifié.

En réalité, l'examen méticuleux du Rapport de Pound-McLaren ne permet pas d'établir et de confirmer le bien-fondé d'une telle conclusion.

Présentons les citations les plus marquantes:

«Le directeur du Laboratoire antidopage de Moscou Rodchenkov avait la possibilité de s'adresser directement au ministre, afin d'obtenir le financement pour l'achat de matériel de laboratoire» (p. 15, 271, 281).

«Les forces de l'ordre russes ont tenté de contrevenir à l'intégrité des échantillons» (p. 27, 104, 293).

«En dépit de la déclaration... que la RUSADA fonctionne indépendamment, bien qu'elle soit financée par le ministère, la Commission indépendante éprouve des doutes sérieux sur ce fait que cette organisation opère en fait indépendamment» (p. 27, 191, 293).

«Le Ministère des Sports a une influence beaucoup plus grande que cela en résulte de la structure organisationnelle» (p. 27, 191, 293). Il est tout à fait

impossible d'imaginer comment l'«influence» de l'autorité peut être définie par sa structure organisationnelle (non pas par son statut juridique et sa fonctionnalité, par les pouvoirs de l'organisme et le modèle de gouvernance établi dans l'État et dans le domaine des relations publiques, mais notamment par la structure organisationnelle), mais pour le Rapport de Pound-McLaren ces «arguments», c'est une chose assez courante.

Le Ministère des Sports de la Fédération de Russie est accusé en ce qu'il n'a pas pris les mesures d'intervention (dans la mesure, comme cela est vu par les auteurs du Rapport de Pound-McLaren), concernant les films de la chaîne de télévision allemande ARD: «...Le Ministère des Sports permet à l'agence RUSADA, objet d'un certain nombre d'allégations formulées dans le film documentaire sur la chaîne de télévision ARD, de mener une enquête contre lui-même. Le Ministère des Sports n'a rien fait pour enquêter sur les graves allégations d'activités criminelles, exprimées par rapport à des fonctionnaires sportifs russes» (p. 27–28, 270, 293–294). «La Commission indépendante estime qu'une enquête juste et impartiale de la chaîne de télévision ARD et d'autres affirmations est impossible, si l'enquête est faite par la partie intéressée. L'absence de surveillance active de la part du Ministère des Sports suggère que le Ministère des Sports essaye de cacher, probablement, les relations réelles avec la RUSADA» (p. 267).

Mais les films de H. Seppelt, peu fondés, contenant les informations et les évaluations notoirement fausses, ne peuvent pas être raisonnablement considérés comme un motif sérieux pour procéder impérativement à certains contrôles, et c'est arbitraire de prendre le refus de la réalisation des contrôles sur la base des films indiqués pour quelque chose qui témoigne en faveur de la conclusion examinée du Rapport de Pound-McLaren.

Voici encore quelques citations:

«Le travail du Laboratoire de Moscou dépend de la RUSADA ou du Ministère des Sports. Son impartialité, indépendance des jugements et authenticité des données ont été compromises par la surveillance du laboratoire du côté du FSB pendant les Jeux Olympiques d'hiver de Sochi» (p. 14, 212, 280).

«Il est précisé que l'activité de la RUSADA est en étroite collaboration avec le Ministère des Sports, du Tourisme et de la Jeunesse de la Fédération de Russie et le Centre de formation sportif des équipes nationales russes» (p. 176).

«La Commission indépendante, dans les conversations confidentielles, a également reçu les informations sur ce qu'il y a des relations étroites entre la direction de la RUSADA et le Ministère des Sports» (p. 268).

«... les déclarations répétées de divers témoins, non liés entre eux, sur l'influence exercée sur le Laboratoire de Moscou et la RUSADA, l'absence évidente de la surveillance de l'enquête menée par la RUSADA et le refus d'impliquer les forces de l'ordre dans l'enquête des actes supposés criminels de la VFLA, jettent le discrédit sur le Ministère des Sports et mettent en cause sa responsabilité pour la gestion compétente dans le sport russe» (p. 268).

«Bien que madame Jelanova affirme que le Laboratoire de Moscou et la RUSADA sont entièrement indépendants du Ministère des Sports, au cours de cette investigation, les diverses sources affirmaient que cette «indépendance» existe uniquement sur le papier, et que, en fait, le

Ministère des Sports exerce une forte influence sur le Laboratoire de Moscou, ainsi que sur la RUSADA» (p. 267).

«... le personnel de laboratoire et les athlètes ont annoncé que le **Ministère des Sports exerçait la pression sur le Laboratoire de Moscou.** Quand la Commission indépendante a voulu savoir qui a donné les instructions au laboratoire, d'effectuer les manipulations avec certains échantillons, le personnel a dit: «(connaître les noms) ce n'est pas nécessaire, parce que les instructions venaient directement du Ministère des Sports». Les employés du Laboratoire de Moscou ont présenté aux enquêteurs de la Commission indépendante pendant les interviews données, les déclarations qui indiquent qu'il y avait «une intervention extérieure» dans les opérations analytiques du laboratoire. Les présentes interventions extérieures ne se limitaient pas, cependant, par les instructions verbales du Ministère des Sports, mais se manifestaient également dans la présence physique des responsables gouvernementaux à l'intérieur du laboratoire. Par exemple, les employés du Laboratoire de Moscou ont raconté dans les conditions confidentielles, de la présence constante des représentants du FSB (service de sécurité russe)» (p. 195–196).

«Le Ministre des Sports de la Russie Vitaly Mutko a également nié que le problème du dopage en Russie a le caractère plus flagrant que dans tout autre pays» (p. 58).

«... l'activité est en étroite collaboration», «... des relations étroites», «... jettent le discrédit», «... exerçait la pression», «... a une influence», «...a nié» – toute cela est assez vague, inutile et peu convaincant.

En ce qui concerne les employés du FSB de la Russie, alors ces personnes ne sont pas directement liées au Ministère des Sports de la Fédération de Russie, qui décline toute responsabilité pour elles. Et d'ailleurs, les multiples références aux mystérieux «employés du FSB» dans le Rapport de Pound-McLaren semblent peu convaincantes.

La plupart du temps, tout revient à la mention d'une seule personne: «L'investigation de la Commission indépendante a découvert les informations sur le profit et l'influence de l'État russe sur le Laboratoire de Moscou. Par exemple, un employé du laboratoire a dit qu'un agent du FSB assistait régulièrement dans le Laboratoire de Moscou. La source de la Commission indépendante dans le laboratoire a identifié l'agent du FSB comme Yevgeny Blotkin (ou Blokhin). La source annonce que le directeur du Laboratoire de Moscou Rodtchenkov devait se voir avec Yevgeny Blotkin chaque semaine, pour lui rapporter sur «les humeurs dans l'AMA»» (p. 196). La version de l'arbitraire et de l'initiative personnelle de corruption du collaborateur indiqué du FSB, réel ou imaginaire, (individuellement ou dans le cadre d'un groupe organisé), n'a même pas été admise dans le Rapport de Pound-McLaren. La chaîne a été présumée: une fois que le collaborateur du FSB existe, donc c'est tout l'État qui est coupable. Mais cela est trop forcé et peu convaincant.

En ce qui concerne les «interventions du FSB», il n'y a pas de preuves pertinentes. Il a été seulement déclaré, de façon catégorique que ces faits ont eu lieu (comme si tout était déjà prouvé d'une manière nécessaire, suffisante et exhaustive, ce qui n'est pas vrai en réalité): «Le fait de la présence des collaborateurs du FSB sur le territoire des laboratoires à Sochi et à Moscou est une violation directe des procès de travail du laboratoire et de l'activité de son

personnel, et confirme également l'influence directe des organes d'État sur les événements sportifs. L'intervention directe dans le travail du laboratoire de la part des organes d'État de la Fédération de Russie sape le principe de l'indépendance du laboratoire» (p. 12, 278).

Ainsi, les réclamations contre le sport russe et l'État russe dans le Rapport de Pound-McLaren ont le caractère substantiellement vague et abstrus. Il est impossible de faire sortir quelque chose de concret, du Rapport de Pound-McLaren.

Il y a un jugement répété trois fois, qui est un peu plus précis: «... *il y avait intimidations et interventions directes des organes d'État dans l'activité du Laboratoire de Moscou»* (p. 14, 212, 280), ainsi que l'affirmation suivante: «*Plusieurs personnes ne voulaient parler ouvertement des relations entre le Ministère des Sports, la RUSADA et le Laboratoire de Moscou, sous peine de répressions»* (p. 28, 270, 294). Cependant, dans le Rapport de Pound-McLaren, il n'y a aucunes preuves de ce qui a été dit, et même tout simplement aucunes preuves des descriptions claires de la nature des situations avec les intimidations et les menaces (autres que les conjectures).

Nous soulignons qu'on a présenté ci-dessus le volume exhaustif de citations de référence, qu'on pourrait au moins associer en quelque sorte à la conclusion sur le rôle des pouvoirs russes dans les violations réelles ou imaginaires massives des règles antidopage. Mais il est évident que les fragments cités dans le Rapport de Pound-McLaren ne contiennent et ne reflètent aucunes preuves.

À part les citations présentées, dans le document examiné il y a des communiqués de caractère neutre – sur le statut du Ministère des Sports de la Fédération de Russie, sur ses devoirs et ainsi de suite. (p. 265, etc.), sur le contenu des contacts officiels avec le Ministère des Sports de la Fédération de Russie (p. 265–266, 269, 312, etc.). Il y a des recommandations au Ministère des Sports de la Fédération de Russie et à la Fédération de Russie dans son ensemble (probablement, au Gouvernement de la Fédération de Russie) (p. 317–319).

Mais il est impossible de déduire du Rapport de Pound-McLaren les confirmations de la conclusion étudiée, intelligibles et, surtout, considérables.

Par conséquent, toutes les «preuves» de la conclusion du Rapport de Pound-McLaren sur la présence du système d'assistance illégale des pouvoirs russes dans l'utilisation massive des produits dopants par les sportifs russes et sur la dissimulation à grande échelle par les autorités russes de ces faits, sont réduites aux conjectures, aux expressions de doute, aux abstractions ou aux rapports non-référentiels (tels que la description des corrélations entre le schéma structural du Ministère des Sports de la Fédération de Russie et son degré d'influence, et l'indication des rapports abstraits entre ce ministère et d'autres sujets d'activité du contrôle antidopage).

Dans le même temps, nous insistons sur le fait que, dans le Rapport de Pound-McLaren, il a été clairement articulé, que ses auteurs n'ont pas réussi à prouver la participation du Ministère des Sports de la Fédération de Russie aux violations réelles ou imaginaires massives des règles antidopage décrites dans le Rapport de Pound-McLaren:

«La Commission indépendante n'a pas pu confirmer les allégations d'influence directe du Ministère des Sports sur l'activité de la RUSADA et du Laboratoire de Moscou» (p. 28, 270, 294).

«La Commission indépendante n'a pas réussi, cependant, à confirmer certaines des affirmations les plus générales, faites par des sources indépendantes, par exemple, sur ce fait que «...le Ministère des Sports décide, quels athlètes seront punis, et qui ne le seront pas»» (p. 267).

«La Commission indépendante n'a pas pu confirmer les allégations selon lesquelles l'ingérence réelle dans le travail se déroule avec la participation directe du Ministère des Sports, mais elle vient à la conclusion que le degré de pression et d'influence est tel qu'il est impossible de croire qu'il ne soit pas connu de ces actions au Ministère des Sports. La préoccupation de la Commission indépendante dans ce contexte est le fait que le Ministère des Sports était complètement passif dans l'enquête sur les accusations contre la RUSADA» (p. 267).

Les fragments de texte du Rapport de Pound-McLaren cités ci-dessus représentent les reconnaissances très importantes des auteurs de ce document, démentant toute la possibilité de quelque interprétation du Rapport de Pound-McLaren comme prouvant la présence du système d'assistance illégale des pouvoirs russes (en particulier, en la personne du Ministère des Sports de la Fédération de Russie et de ses fonctionnaires) dans l'utilisation massive des produits dopants par les sportifs russes et sur la dissimulation à grande échelle par les autorités russes de ces faits.

En outre, nous notons que les expressions comme: *«il est impossible de croire»* et *«la préoccupation dans ce contexte est»*, ont été constatées à plusieurs reprises dans le document examiné; on peut y trouver tout ce que vous voulez, mais surtout pas les preuves concrètes pertinentes.

Cela révèle l'opinion préconçue de la «Commission indépendante». Il n'est donc pas surprenant que dans ce cas, selon le Rapport de Pound-McLaren, *«à un moment donné, il y avait eu des changements évidents de la stratégie du gouvernement russe dans ses relations avec l'opinion publique. Indépendamment de ce qui a servi de catalyseur, l'évidence est que le ton et la portée des déclarations publiques faites par le gouvernement russe, ont subi des changements importants... depuis le début de l'investigation et jusqu'à la fin directe du travail sur le présent rapport»* (p. 57).

Il est à noter également que le Rapport de Pound-McLaren attire l'attention à plusieurs reprises sur Grigory Rodchenkov comme sur la principale personne coupable (p. 278–279, etc.), mais les tentatives de le rapprocher à l'État (comme complice et/ou client déclaré de l'activité illégale) semblent complètement sans fondement et peu convaincantes, aucunes preuves à cet effet n'ont pas été données.

En outre, la possibilité et le bien-fondé dans le Rapport de Pound-McLaren de toutes les références sur G. Rodchenkov, en tant que source d'information (p. 13, 204, 205, 210, etc.), sont démentis d'une manière convaincante par les évaluations extrêmement négatives contenues dans le Rapport de Pound-McLaren lui-même à l'encontre de G. Rodchenkov, qui est décrit dans ce document comme une personne non crédible (p. 13, 204, 279), comme l'organisateur, le complice par aide et assistance, l'instigateur et la partie intégrante des actes illégaux violant les règles antidopage (p. 12, 13, 15, 25,

116, 200, 202, 212, 213, 278, 279, 280, 291), comme le fonctionnaire corrompu, le concussionnaire et l'extorqueur (p. 13–15, 25, 141–142, 199–202, 212–213, 279–280, 291).

En tenant compte de ce qui précède, les conclusions du Rapport de Pound-McLaren sur la présence du système d'assistance illégale des pouvoirs russes dans l'utilisation massive des produits dopants par les sportifs russes et sur la dissimulation à grande échelle par les autorités russes de ces faits, devraient être reconnues comme non prouvées.

4. Évaluation des déclarations dans le Rapport de Pound-McLaren sur le contrôle et la garantie de l'authenticité des documents et des informations utilisés par la «Commission indépendante»

Dans le Rapport examiné de Pound-McLaren, il a été occasionnellement indiqué (en quelques endroits), que certaines informations ou quelques documents ont subi le contrôle d'authenticité: *«Les preuves fournies par les sources d'informations opérationnelles doivent être fiables. En plus de la comparaison des preuves verbales avec la documentation et les informations obtenues auprès d'autres témoins, il est nécessaire d'évaluer l'authenticité, puisque les exemples du passé ont montré que toute spéculation sur le dopage peut être réfutée de façon spectaculaire. La Commission indépendante a interrogé les sources principales d'informations opérationnelles de cette investigation. La Commission indépendante a contrôlé l'exactitude de leurs déclarations et l'authenticité des autres preuves justificatives»* (p. 8).

Mais ce qui précède, évidemment, ne suffit pas. Les références seulement aux récits des personnes anonymes ne peuvent pas être considérées comme base suffisante de preuves. En outre, il ne suffit pas de noter que l'on contrôlait l'authenticité; il est nécessaire quand même d'avoir certaines explications concernant le fait, avec quelles méthodes et dans quelle mesure cela a été fait. Cependant, le Rapport de Pound-McLaren le passe sous silence.

Et les explications suivantes ne semblent pas convaincantes ici: *«La Commission indépendante a transmis une quantité considérable de données et d'informations à Interpol, qui démontrent un comportement criminel de certaines personnes et organisations. Avant la prise de la décision imposant des sanctions pénales par des autorités compétentes, la Commission indépendante ne publiera pas le contenu du chapitre correspondant du rapport, pour ne pas créer d'obstacles aux investigations en cours»* (p. 9).

«Comme dans toute investigation abordant des sujets délicats, la Commission indépendante devait prendre en considération les questions liées à la sécurité personnelle des témoins, la possibilité du conflit des intérêts et le problème constant de l'évaluation de l'authenticité des données analysées» (p. 67).

Les fragments cités du Rapport de Pound-McLaren semblent être exceptionnellement des subterfuges conçus pour masquer, pour cacher l'absence réelle de preuves requises, d'une manière rhétorique. Même si nous admettons et reconnaissons l'existence auprès de la «Commission indépendante» de Pound-McLaren de certaines preuves «pour l'avenir», des «preuves secrètes» qui ne peuvent pas actuellement être présentées publiquement pour certaines raisons, cela ne peut pas modifier les conclusions

sur la qualité juridique faible et sur l'absence de preuves dans son intégrité du Rapport de Pound-McLaren, puisque notamment sur la base de ce texte (dans son état actuel), les décisions qui ont entraîné les conséquences extrêmement négatives pour les sportifs russes, ont été prises.

Une telle inconsistance importante du Rapport de Pound-McLaren exprime un manque flagrant de respect pour ses lecteurs et soulève également la question sur la falsification des conclusions de ce document.

Le fait que la commission dirigée par R. Pound soit nommée par l'AMA comme «indépendante», ne signifie absolument pas que chaque mot de cette commission doit être pris sur la foi sans réserves, et que la commission elle-même est déchargée de l'obligation de prouver les conclusions et d'expliquer, comment ces dernières étaient obtenues.

5. Évaluation de la base factuelle et d'autres bases de source du Rapport de Pound-McLaren

5.1. Caractère vague des formulations énonçant les informations sur la base factuelle et d'autres bases de source du Rapport de Pound-McLaren

Dans le Rapport de Pound-McLaren il a été affirmé sur l'«examen de toutes les preuves» (p. 4), l'«évaluation des preuves techniques» (p. 5); sur le «traitement des preuves» (p. 6); sur l'«analyse des preuves» (p. 5), l'«évaluation des preuves basées sur les faits» (p. 5), l'«analyse et la validation des preuves» (p. 66–67), sur des «preuves vidéo- et audio-visuelles» (p. 10, 22, 119, 288), des «preuves scientifiques» («données scientifiques») (p. 10), des «preuves justificatives fortes» (p. 13, 15, 202, 213, 278, 280), des «preuves suffisantes vérifiées» (p. 15, 215, 281). Le mot «preuve» est répété plusieurs fois dans le Rapport de Pound-McLaren. Mais dans la plupart des cas, la déclaration de la présence des preuves est seulement une déclaration non-renforcée du tout et sans fondement.

En outre, dans le Rapport de Pound-McLaren, il y a le positionnement de toute chose à titre de «preuves», tandis que, les preuves pertinentes et adéquates, contenues dans le Rapport de Pound-McLaren, des jugements sur l'étendue de l'utilisation des produits dopants par les sportifs russes et du rôle des autorités russes dans cette affaire, sont insuffisantes dans le Rapport indiqué.

Les tentatives de déduire du Rapport examiné de Pound-McLaren sur ce que la «commission indépendante» examinait exactement, n'amènent pas au succès. Tout se résume à des énumérations vagues des positions très diverses:

«La Commission indépendante a interrogé plusieurs personnes et a examiné des milliers de documents, a utilisé l'analyse informatique, a étudié et a contrôlé les passeports biologiques des athlètes, le travail des athlètes et des fonctionnaires, le respect des instructions de contrôle et de comptabilité, ainsi que les éventuelles violations du Code. Sur la base des interrogations et de l'analyse des preuves, les enquêteurs de la Commission indépendante ont reçu une large compréhension de la culture et des aspects du travail de l'athlétisme russe» (p. 4–5).

Ici, les actions («*le travail des athlètes et des fonctionnaires*», «*le respect des instructions*», «*les violations du Code*») sont mélangées avec les objets («*des milliers de documents*»; «*les passeports biologiques des athlètes*»), les méthodes de recherche («*a utilisé l'analyse informatique*»). Un tel reclassement indique généralement, soit une qualification professionnelle extrêmement faible des auteurs, soit, au contraire, le désir de masquer l'absence des faits réels et des preuves pertinentes.

En outre, les réponses aux questions suivantes ont une grande importance: Qui précisément et pour quels motifs la «Commission indépendante» a «interrogé»? Quel genre de documents ont été notamment étudiés par la «Commission indépendante», pour quelles raisons et dans quelles conditions ces documents ont été reçus, comment l'évaluation et la confirmation de leur authenticité ont été réalisées, dans quelle mesure et par quelles méthodes ces documents ont été étudiés? Mais il est impossible de découvrir les réponses à ces questions dans le Rapport examiné de Pound-McLaren.

Sur «des milliers» de «documents» non identifiés (p. 4, 5, 67, etc.) et sur «les preuves» abstraites, non décrites en détails, le Rapport de Pound-McLaren en a parlé plusieurs fois (p. 5, etc.).

La même compilation, peu claire, a été présentée dans le fragment suivant de texte du document étudié: «*L'investigation de la Commission indépendante était orientée particulièrement sur les questions suivantes: le film documentaire de la ARD qui est sorti en décembre 2014. Il comprenait les témoignages visant à discréditer, les enregistrements vidéo et audio incriminants, qui suggéraient la tricherie généralisée, l'utilisation des produits dopants et la corruption; le contrôle des milliers de documents et les interrogations de nombreux témoins, afin de prouver ou de démentir ces documents; le travail sur la phase virtuelle de l'investigation a considérablement aidé à confirmer de nombreuses hypothèses, des relations et des correspondances; l'évaluation des preuves techniques; le contrôle de l'équipement et des laboratoires utilisés à des fins de test, et des méthodes de monitoring, y compris le travail du personnel du laboratoire et des facteurs, qui influençaient négativement sur l'indépendance de l'avis du laboratoire; le travail avec des preuves, les questions de la conservation et de l'intégrité des échantillons; les organes de régulateur – les procès-verbaux de monitoring et les écarts possibles; les déclarations des athlètes – y compris le respect des exigences et le refus d'assistance aux enquêteurs; la révélation des faits de corruption, grâce à quoi, il n'y avait pas de mesures prises concernant les résultats positifs des analyses; la révélation des faits de corruption sous forme des paiements aux médecins et aux entraîneurs, pour la fourniture des agents de dopage et la présentation de l'information concernant l'utilisation des substances interdites et les méthodes; la responsabilité pénale potentielle; la confirmation des faits que les entraîneurs et les autres fonctionnaires, y compris les travailleurs médicaux, prédisposaient les sportifs à utiliser le dopage; la révélation de la corruption sous forme de la notification préalable sur les délais et le lieu de la réalisation du contrôle de dopage en dehors des compétitions; la corruption du côté des organisateurs des compétitions nationales, où il y avait des «issues», qui permettaient aux athlètes de lutter peu consciencieusement et ne pas interrompre la prise de dopage; la corruption du côté des fonctionnaires*

et l'extorsion d'argent des athlètes pour couvrir les résultats positifs des tests; ainsi que les conclusions et les recommandations»(p. 5–6).

Les formulations sémantiquement vagues et la «mise en brouillard» ne peuvent pas remplacer et substituer les preuves pertinentes et convaincantes attendues. Et en l'absence de ces dernières, tout cela a uniquement l'air de couverture rhétorique, de camouflage de l'absence des faits réels et des preuves pertinentes.

Et le pathétique clairement inapproprié et présent dans le Rapport de Pound-McLaren, comme les déclarations sur le «*caractère global des investigations menées*» (p. 68), est également conçu pour y dissimuler l'absence des preuves pertinentes.

Les nombreuses contradictions dans les témoignages des personnes concernées, fixées dans le Rapport même de Pound-McLaren n'ajoutent pas de force de persuasion à ce document. Par exemple: «*Dans les conversations avec la participation de Vitaly Stepanov nous avons eu les informations contradictoires sur les actions des inspecteurs de contrôle de dopage*» (p. 102); «*La Commission indépendante a les informations contradictoires sur la qualité et le niveau de l'équipement du deuxième laboratoire. Par conséquent, aucune conclusion ne peut être faite*» (p. 215).

5.2. Soi-disant, «les sources d'informations opérationnelles»

Les déclarations des témoins anonymes – «*des sources d'informations opérationnelles*» («*des informateurs*»), ont été déclarées comme la source la plus importante d'informations du fond du Rapport de Pound-McLaren. Le paragraphe 1.5. (p. 7–8) est dédié à eux. En particulier, il a été déclaré: «*Les lecteurs remarqueront que la plupart des preuves de cette investigation est fournie par les personnes, qui sont souvent désignées comme «des sources d'informations opérationnelles» et qui exigent une discussion spécifique*» (p. 7).

Cependant, dans le paragraphe désigné du Rapport de Pound-McLaren, il n'a rien été dit d'intelligible, il y a seulement des raisonnements généraux abstraits sur le sort difficile des informateurs et sur la raison, du pourquoi «*la lutte contre le dopage dans le sport est à juste titre appelé la lutte*» (p. 7).

Sur «*les preuves fournies dans les conditions confidentielles*», le Rapport de Pound-McLaren en a parlé sur les pages 15, 205, 216, 281. Dans le document étudié, il a été indiqué sur «*le témoin confidentiel (TC) N° 1*» et sur «*le témoin confidentiel (TC) N° 2*», avec la description des informations reçues d'eux (paragraphe 13.6.3. et 13.6.4., p. 200–201). Les approbations et les évaluations avec la référence aux informations «des témoins confidentiels» se trouvent également sur les pages 15, 215, 216, 281 et dans un certain nombre d'autres endroits du Rapport de Pound-McLaren.

De plus, il a été déclaré que certaines conclusions de la «Commission indépendante» de R. Pound ont été faites sur la base des déclarations de la personne, dont le nom n'a pas été présenté «pour des raisons de confidentialité» même à la «Commission indépendante»: «*L'IAAF a accordé aux enquêteurs de la Commission indépendante les informations suivantes, qui étaient obtenues de l'inspecteur actuel du contrôle de dopage en Russie. Bien que la source d'informations soit connue par l'IAAF, les données personnelles de la source*

n'étaient pas transférées à la Commission indépendante pour des raisons de confidentialité» (p. 103).

Donner une évaluation à l'État dans son ensemble et aux pouvoirs publics, et se référer aux «témoins anonymes» inexistant dans la réalité, c'est une approche standard de la presse jaune. Avec une telle approche on peut accuser, en général, de quoi que ce soit. La mise en œuvre d'une telle approche exclut complètement les possibilités des personnes, ayant subi les invectives dénigrantes, de protéger leur honneur et leur dignité, de prouver la fausseté des invectives diffamatoires contre elles.

Mais dans le Rapport de Pound-McLaren, il n'y a aucune présentation des moyens de recherche et de présence de la confirmation des déclarations des «sources d'informations confidentielles» (des témoins confidentiels, des informateurs), du contrôle et de la vérification de l'authenticité des «documents» fournis par eux.

Les circonstances ci-dessus ne permettent pas de considérer ces informations et documents comme sources appropriées et fiables.

5.3. «Témoignages» des sportifs russes

Dans le paragraphe 9.4. du Rapport de Pound-McLaren il a été dit:«*Au cours de l'investigation, la Commission indépendante a noté qu'à l'égard de 53 sportifs révélés concernés, les informations fournies dans le cadre de l'ADAMS, étaient partielles. Seuls 35 sportifs ont présenté leurs adresses e-mail, 18 – ne l'ont pas présenté. Il a été établi que 19 sportifs ont laissé leurs numéros de téléphone. Les enquêteurs se sont adressés à 35 sportifs ayant les adresses e-mail enregistrées avec la demande de conversation pour leur poser quelques questions au sujet des allégations de l'ARD... Sur les 35 sportifs, avec lesquels la Commission indépendante a essayé de prendre contact, 23 n'ont répondu à aucune des demandes électroniques mentionnées ci-dessus. 3 sportifs ont répondu «sous condition», ayant déclaré qu'ils aimeraient voir les questions à l'avance ou établir une certaine forme des conditions préalables avant la participation dans la conversation avec la Commission indépendante. Un pourcentage élevé de l'absence des réponses et les réponses conventionnelles, ont engendré les doutes sérieux quant à la volonté des sportifs d'être ouverts et sincères pendant les conversations proposées, et la Commission indépendante a fait une conclusion que les sportifs ont reçu les instructions de ne pas répondre aux demandes d'interviews. Ainsi, les conversations ont été prévues avec les 9 sportifs restés. Les conversations avec 2 d'entre eux ont été passées par Skype, un athlète a été interviewé par téléphone. De nombreuses tentatives infructueuses ultérieures de contacter les sportifs..., en fin de compte, ont provoqué encore plus de soupçons sur la violation de groupe du Code»* (p. 100).

C'est-à-dire, selon le fragment cité de texte à la page 100 du Rapport de Pound-McLaren, sur les 53 sportifs russes sélectionnés par la «Commission indépendante», la «Commission indépendante» a réussi à communiquer seulement avec 3 sportifs, c'est-à-dire, avec moins de 6 pour-cent de sélection quantitative initiale des sportifs. Par conséquent, il n'y a aucunes raisons de parler sur la référéncia de cette sélection. Et ce malgré le fait que la quantité de

53 sportifs elle-même fait une partie infime du nombre total de sportifs russes, du sport de haut niveau.

Dans le même temps, il est à noter que le refus tout à fait attendu et logique des sportifs de se justifier et de donner des commentaires en rapport avec les films faux calomnieux de Hajo Seppelt de la chaîne de télévision allemande ARD, a été interprété tout à fait en mal et faussement, dans le Rapport de Pound-McLaren, comme la confirmation indirecte de la culpabilité des sportifs russes, soi-disant, ayant eu lieu. Le fait que les films de Hajo Seppelt qui ont dénigré faussement et injustement le sport russe, peuvent être raisonnablement perçus par les sportifs russes comme les films diffamatoires qui discréditent délibérément et calomnieusement, n'est pas admis par les auteurs du Rapport de Pound-McLaren. Mais la version du Rapport de Pound-McLaren sur ce fait, que les refus massifs des sportifs russes de répondre aux questions des gens inconnus (de la commission soi-disant indépendante), poursuivant les buts incompréhensibles pour eux, sont provoqués par la culpabilité des sportifs russes dans quelque chose et le désir de cacher cette culpabilité, ne tient pas debout, démontre l'opinion préconçue et le manque d'objectivité de la «Commission indépendante», et ne reçoit aucune argumentation dans le Rapport de Pound-McLaren. C'est-à-dire, l'utilisation, encore une fois dans le Rapport de Pound-McLaren, de l'approche manipulatrice de la substitution du fait par l'opinion, est évidente.

Dans le Rapport de Pound-McLaren, il a été indiqué qu'un certain nombre d'athlètes russes, ont fourni à la «Commission indépendante» certaines informations, cependant, comme cela a été déjà dit ci-dessus, dans le document examiné, il n'y a aucunes informations en ce qui concerne les méthodes exactes de contrôle et de confirmation de l'authenticité des informations reçues de la part des personnes indiquées.

5.4. Films de la chaîne de télévision allemande ARD

Dans le contenu du Rapport de Pound-McLaren, il a été à plusieurs reprises référé aux films de Hajo Seppelt de la chaîne de télévision allemande ARD, comme source d'informations.

Par exemple: «*Le 03 décembre 2014, la chaîne de télévision allemande ARD a diffusé le film documentaire «Top secret. Le dopage: comment la Russie crée ses vainqueurs», où il a été suggéré une hypothèse de l'existence du système de dopage, réglé, financé par l'État, dans la Fédération russe d'athlétisme (VFLA), qui est l'organisme de régulation dans le domaine de l'athlétisme dans la Fédération de Russie et est reconnue comme tel par la Fédération internationale (FI) et par l' Association internationale des fédérations d'athlétisme (IAAF)*» (p. i).

Cette évaluation des informations exposées dans le film indiqué comme «hypothèses» est transformée plus loin dans le Rapport de Pound-McLaren en une déclaration sûre (ou, au moins, en une tentative de former une telle croyance) de justesse et de bien-fondé des invectives du film contre le sport russe et les sportifs russes.

«Malgré le fait que la présente investigation soit initiée à la suite de la présentation des faits des déclarations présentées dans le film

documentaire ARD, les preuves ne se limitaient pas aux sujets couverts par le film documentaire ARD» (p. 5).

«L'investigation de la Commission indépendante était orientée particulièrement sur les questions suivantes: le film documentaire de la ARD qui est sorti en décembre 2014. Il comprenait les témoignages visant à discréditer, les enregistrements vidéo et audio incriminants, qui suggéraient la tricherie généralisée, l'utilisation des produits dopants et la corruption» (p. 5).

«Dans le film documentaire de la chaîne de télévision allemande ARD ... il a été accusé dans le ravitaillement des athlètes russes par les préparations interdites et dans la participation à un complot visant à dissimuler les résultats positifs des contrôles antidopage en échange d'un pourcentage de la somme des récompenses gagnées par les sportifs» (p. 218).

«La Commission indépendante (CI) a été créée par la décision du président de l'Agence mondiale antidopage (AMA) après les déclarations qu'en Russie le dopage «est soutenu au niveau de l'État», faites par la chaîne de télévision allemande ARD en décembre 2014, dans le film documentaire «Top secret. Le dopage: comment la Russie crée ses vainqueurs». Après le film documentaire de la chaîne de télévision ARD, les médias mondiaux, dans leurs reportages, sont venus à la conclusion que les violations de dopage sans précédentes selon leur échelle se produisent avec la participation des entraîneurs, des sportifs et des représentants des pouvoirs publics russe, contrairement aux règles de la concurrence, établies par règlement normatif et, dans certains cas, au droit pénal» (p. 65).

L'énonciation: «... les médias mondiaux, dans leurs reportages, sont venus à la conclusion» (p. 65) démontre la futilité extrême et la légèreté des réclamations à l'encontre du sport russe et prouve encore une fois l'absence de preuves réelles de ce tableau de l'utilisation massive de dopage par les sportifs russes et de la participation illégale des pouvoirs publics dans ce processus, qui a été dessiné par le Rapport de Pound-McLaren, puisqu'ici l'utilisation de l'approche manipulatrice, bien connue, de la substitution du fait par l'opinion, est présente. Il est évident que le fait de l'accomplissement des actions illégales, ce n'est pas la même chose que l'écriture par quelques journalistes (même fameux et «globaux») sur ce fait comme s'il avait eu lieu.

Les approches manipulatrices sont utilisées non seulement dans le fragment cité du Rapport de Pound-McLaren, mais également dans d'autres endroits. Le fait lui-même de l'utilisation de ces techniques dans le Rapport de Pound-McLaren déprécie substantiellement ce document dans son intégrité, ainsi que ses conclusions, prouve d'une manière convaincante, son parti pris initial, orienté sur la création de visibilité de l'argumentation des conclusions, en réalité mises en pages à l'avance, politiquement motivées.

En outre, la sortie du film de télévision indépendamment de son degré de preuves (en l'absence de toutes indications des moyens et des procédures de confirmation de l'authenticité des informations exposées) était déclarée et utilisée comme base pour le renforcement et l'élargissement des pouvoirs de «la Commission indépendante»: **«Les pouvoirs ont été élargis en août 2015, après la deuxième retransmission du canal allemand ARD» (p. 4).**

De telles références réduisent de manière significative la qualité et la crédibilité du Rapport de Pound-McLaren, niant toute possibilité de l'évaluer en tant que document juridique analytique convaincant et substantiel.

Conclusions

Le Rapport exhaustif N° 1 du 09/11/2015 de la «Commission indépendante», présidée par Richard W. Pound (composée également de Richard H. McLaren, Günter Younger, etc.) se caractérise par de nombreuses lacunes critiques qui affectent sa rigueur, son bien-fondé et son objectivité, appropriés (y compris, en raison de l'utilisation de techniques de manipulation), est fondé sur les conjectures, les données douteuses, sur les informations qui, selon le texte du Rapport, n'ont pas été soumises à des moyens objectifs de contrôle et de confirmation de l'authenticité, ne contient pas les preuves directes univoques et les preuves pertinentes des conclusions principales du Rapport. Il faut reconnaître le document indiqué, à juste titre, biaisé, non étayé et, en grande partie, falsifié.

L'analyse du Rapport de Pound-McLaren, en corrélation avec le document «Règlement sur les pouvoirs de la Commission indépendante» du 16/01/2015, et l'ensemble des documents normatifs de l'Agence mondiale antidopage, donne les raisons nécessaires et suffisantes pour conclure que ce document, lui-même, n'a pas de signification juridique (sa signification juridique est négligeable) à titre de base pour prendre des mesures restrictives et répressives concernant les organisations sportives russes et les athlètes russes.

Le 05/09/2016

Ponkine Igor Vladislavovitch, Docteur ès sciences juridiques, professeur à la chaire de l'administration publique et municipale à l'Institut de la fonction publique et de l'administration publique de l'Académie russe de l'Economie nationale et de l'Administration publique auprès du Président de la Fédération de Russie, Professeur d'État,

Grebennikov Valeriy Vassiliévitch, Docteur ès sciences juridiques, professeur, Chef de la chaire du pouvoir judiciaire, des activités de protection et de défense des droits de l'homme à l'Institut de droit de l'Université russe de l'amitié des peuples, Avocat émérité de la Fédération de Russie, Professeur d'État

Kouznetsov Mikhaïl Nikolaévitch, avocat, Docteur ès sciences juridiques, professeur de la chaire du droit civil et de travail à l'Institut de droit de l'Université russe de l'amitié des peuples, Professeur d'État.

* * * * *

Ponkin I.V., Grebennikov W.W., Kuznetsov M.N. Befund über den Abschlussbericht der «unabhängigen Kommission» von R. Pound, R. McLaren u.a. von 09.11.2015

Einführung

Der Gegenstand des vorliegenden Befundes ist der Abschlussbericht (Nr. 1) vom 09.11.2015 der Kommission (genannt als «unabhängige Kommission») in Vertretung von: Kommissionsvorsitzendem Richard W. Pound, Kommissionsmitgliedern Richard H. McLaren und Günter Younger, WADA-Inspekteur Jack Robertson, «Teilnehmern der Kommissionsuntersuchung» David Tinsley, Martin Dubbey, Brian Talay, Nick Connon, Greg Kitsell, Gabriella Re, «Koordinatoren der Untersuchungsberichtserstattung» der Kommission Diana Tesic⁵⁸ (im Folgenden «Pound-McLaren's Bericht» genannt). Gemäß der Seite i (Seite, die der Seite 2. des untersuchten Berichtes bevorsteht), ist die benannte Kommission von dem Präsidenten der Welt-Anti-Doping-Agentur (WADA) zusammengerufen. Gemäß Seite 3. des Pound-McLaren's Berichtes hat die WADA am 16.12.2014 die Namen der Mitglieder der benannten «unabhängigen Kommission» erklärt: Richard W. Pound – königlicher Anwalt, ehemaliger WADA-Präsident; Richard H. McLaren - Professor für Rechtswissenschaft und Schiedsrichter des Sportlichen Schiedsgerichtes; Günter Younger – Leiter der Abteilung für Bekämpfung der Cyberkriminalität des Bayrischen Landeskriminalamtes. Am 16.01.2016 ist die Ordnung über die «unabhängige Kommission» veröffentlicht. Das Dokument ist dem WADA-Präsidenten vorgelegt worden.

Die durchgeführte Untersuchung des Pound-McLaren's Berichtes hat nötige und ausreichende Basis zum Rückschluss darüber gegeben, dass dieses Dokument viele kritische Nachteile hat, die es nicht zulassen, das Dokument als begründet und objektiv einzuschätzen. Im vorliegenden Befund, der als Schluss der obig genannten Untersuchung dient, sind die meisten substantiellen kritischen Nachteile des Pound-McLaren's Berichtes beschrieben.

Der Befund ist nach dem Text des originalen Pound-McLaren's Berichtes verfasst, mit Berücksichtigung der durch dritte Person vorbereitete Textübersetzung ins Russische, die den Autoren vorlag. Die Seitennummerierung in Bezug auf die Zitate erfolgt nach dem originalen Text in englischer Sprache.

⁵⁸ The Independent commission Final Report № 1, November 9, 2015 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada_independent_commission_report_1_en.pdf>.

Hauptteil

1. Die Bewertung der juristischen Bedeutung des Pound-McLaren's Berichtes

Zum Ziel der Untersuchung der «unabhängigen Kommission» im Pound-McLaren's Bericht wurde «*die Durchführung einer unabhängigen objektiven Untersuchung*» erklärt (S. 4).

Allerdings lässt die Tatsache, dass Richard Pound (Vorsitzender der «unabhängigen Kommission», deren Bericht Gegenstand der vorliegenden Untersuchung ist) früher Präsident der Welt-Anti-Doping-Agentur war, ihn als unabhängige Person, und die von ihm geleitete Kommission als unabhängig nicht im vollen Maße einschätzen. Es lässt sich nicht begreifen, welche Merkmale der «Unabhängigkeit» allen zur Berichtserstattung herangezogenen Personen zugrundeliegen.

Gemäß dem untersuchten Pound-McLaren's Bericht hat diese «unabhängige Kommission» ein Mandat bekommen, folgendes zu bestimmen: «*1. Feststellung von Verletzungen der Prozeduren und Regeln (Kodex und internationale Normen) seitens jeglicher Person, die den Kodex unterschrieben hatte, einschließlich RUSADA und IAAF, aber nicht ausschließlich, angesichts möglicher Existenz anderer Nationalen Anti-Doping-Organisationen (NADO) oder Internationalen Föderationen (IF), die genau solcher Untersuchung zu unterziehen sind. 2. Feststellung von Verletzungen der internationalen Norm für Laboratorien seitens jegliches akkreditierten Laboratoriums, einschließlich Moskauer Laboratorium 3. Feststellung von Verletzungen der Anti-Doping-Regeln seitens Athleten, Trainer, Ärzte und anderer Personen aus der Umgebung von Sportlern, einschließlich Personen im öffentlichen Dienst jeglicher Organisationen, die solche Verletzungen mitverursacht hatten. 4. Feststellung genügender Beweise, die zu Sanktionen gemäß dem Welt-Anti-Doping-Kodex gegen jede physische Person bzw. gegen jede Organisation verordnet werden können (Ordnung über die Befugnisse der unabhängigen Kommission, Januar 2015)*» (S. 3-4).

Die Analyse des Pound-McLaren's Berichtes im Zusammenhang mit dem Dokument «Ordnung über die Befugnisse der unabhängigen Kommission» von 16.01.2015⁵⁹ sowie mit dem Komplex der normativen Unterlagen der Welt-Anti-Doping-Agentur gibt nötige und ausreichende Gründe zum Rückschluss darüber, dass das Dokument an sich keine juristische Bedeutung hat (seine juristische Bedeutung ist nichtig) als Grundlage für restriktiven und repressiven Maßnahmen gegen russische Sportorganisationen und gegen russische Sportler. Dieser Rückschluss bestätigt sich unter anderem durch die unten angeführten Argumente.

Vom Hintergrund letzter Ereignisse um die russischen paralympischen Sportler ist es zu verzeichnen, dass im Pound-McLaren's Bericht das Wort «paralympisch» (oder seine Derivate) kein einziges Mal erwähnt worden war.

⁵⁹ Independent Commission. Terms of Reference // <<https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/wada-independent-commission-terms-of-reference-2015-jan-en.pdf>>; <<https://www.wada-ama.org/en/resources/independent-commission-terms-of-reference>>. January 16, 2015

2. Die Bewertung der «Untersuchungsmethodologie» im Pound-McLaren's Bericht

Ein wesentlicher Nachteil des Pound-McLaren's Berichtes, der kritisch gesehen dessen Überzeugungskraft und Objektivität senkt, ist Ausbleiben in diesem Dokument ordnungsgemäßer Beschreibung und Begründung der angewandten Methodologie. Alles, was im genannten Dokument als eine Beschreibung der angewandten Methodologie angegeben wird, (z.B., im Teil 1.4 «*Kurze Übersicht der Untersuchungsmethodologie*» (S. 4–6), im Teil 4.3 «*Untersuchungsmethodologie*») (S. 67–69), im Teil 11.5 «*Untersuchung: Methodologie*» (S. 130–131)) sieht gar nicht überzeugend aus.

Das kann nur eines bedeuten: es wurde in der Wirklichkeit keine in der Welt anerkannte Methodologie objektiver Untersuchung angewandt, die Hauptschlüsse des Pound-McLaren's Berichtes waren politisch und ideologisch motiviert und im Vorherein geschrieben, eine Argumentation wurde zu den Hauptschlüssen angepasst. Unten werden wir notwendige und ausreichende Bestätigungen herbeiführen.

Eine überzeugende Bestätigung ist unter anderem eine authentische Schlussfolgerung des Pound-McLaren's Berichtes: «*Viele Analysen, die vom Labor durchgeführt worden waren, sind als extrem zweifelhaft zu betrachten*» (S. 13, 197, 278). So – «*viele Analysen*». In welcher Zeit, Proben welcher Sportler, welcher Gesamtzahl? In welcher Quantität, was heißt «*viele*»? Was bedeutet «*extrem zweifelhaft*»? Die Autoren des Pound-McLaren's Berichtes mussten diese Tatsachen als Kleinigkeiten wahrgenommen haben, die es nicht wert sind. Eine übermäßige Freiheit der Lexik und Stilistik im Pound-McLaren's Bericht schneidet unbequeme Fragen über eine sehr niedrige Qualifikation der Autoren dieses Dokumentes an.

Die oben angeführten Umstände stellen die Frage über die Schlüssigkeit und über die Objektivität des Pound-McLaren's Berichtes im Ganzen in Frage.

3. Die Bewertung der Stichhaltigkeit der Rückschlüsse des Pound-McLaren's Berichtes über die Existenz eines rechtswidrigen Systems der Förderung von Masseneinnahme der Doping-Mittel von russischen Sportler durch russische Behörden und über die flächendeckende Verheimlichung seitens russischer Behörden solcher Fakten

Die Schlussfolgerung über die Existenz eines rechtswidrigen Systems der Förderung von Masseneinnahme der Doping-Mittel von russischen Sportler durch russische Behörden und über die flächendeckende Verheimlichung seitens russischer Behörden solcher Fakten ist einer der Hauptrückschlüsse des Pound-McLaren's Berichtes, obwohl dieser Schluss in einer etwas verschleierte Form vorgetragen wird. Und dies bestimmt die Notwendigkeit der Bewertung von Qualität und Maß der Beweise, darauf die genannte Schlussfolgerung in diesem Dokument beruht.

In der Wirklichkeit lässt eine eingehende Untersuchung des Pound-McLaren's Berichtes die Stichhaltigkeit solches Schlusses nicht feststellen bzw. bestätigen.

Wir führen die lebhaftesten Zitate an:

«Der Direktor des Moskauer Anti-Doping-Labors **Rodtschenkow hatte Möglichkeit einer direkten Zuwendung an den Minister zwecks Finanzierungsgenehmigung des Laborausüstungseinkaufs**» (S. 15, 271, 281).

«Die russischen Sicherheitskräfte haben versucht, die Einheit der Proben zu verletzen» (S. 27, 104, 293).

«Ungeachtet der Erklärung..., dass **RUSADA unabhängig handelt, obwohl vom Ministerium finanziert wird, erhebt die unabhängige Kommission schwere Bedenken, dass diese Organisation in Wirklichkeit unabhängig handelt**» (S. 27, 191, 293).

«Das Sportministerium hat größere Macht, als die, die seiner Organisationsstruktur zu entnehmen ist» (S. 27, 191, 293). Wie kann die «Macht» einer Behörde durch seine Organisationsstruktur bestimmt werden (nicht durch sein Rechtsstatus, seine Funktion, sein Mandat, durch die im Staat und im gesellschaftlichen Leben dieses Bereiches etablierte Staatsverwaltungsform, sondern durch seine Struktur)? Es ist kaum zu glauben, aber solche «Argumente» im Pound-McLaren's Bericht sind Gang und Gäbe.

Dem Sportministerium der Russischen Föderation wird vorgeworfen, dass es keine Reaktionsmaßnahmen (in dem Maße, wie es sich die Autoren des Pound-McLaren's Berichtes vorstellen) auf die Filme des deutschen Fernsehsenders ARD ergriffen hat: «...das Sportministerium lässt der Agentur **RUSADA, die das Objekt einer Reihe von den in einem ARD-Dokumentarfilm dargelegten Anschuldigungen ist, eine Untersuchung gegen sich selbst durchführen. Das Sportministerium hat nichts dagegen gemacht, um die seriösen Beschuldigungen in Kriminaltätigkeit, die in Bezug auf russische Sportfunktionäre ausgesprochen worden waren, zu untersuchen**» (S. 27–28, 270, 293–294). «Die unabhängige Kommission glaubt, dass die faire und objektive Untersuchung des ARD-Senders und anderer Behauptungen ist nicht möglich, wenn die Untersuchung von einer beteiligten Partei durchgeführt wird. Das Fehlen aktiver Aufsicht seitens Sportministeriums setzt voraus, dass das Sportministerium vielleicht seine faktischen Beziehungen mit **RUSADA decken will**» (S. 267).

Es ist nicht möglich, die beweislosen, wissentlich falschen Fakten und Bewertungen des Filmes von H. Seppelt unbegründet als schwerwiegende Basis zum imperativen Aufzwingen, jegliche Untersuchungen durchzuführen, einzuschätzen. Es ist auch nicht möglich, die Ablehnung der Untersuchungen auf Grundlage solcher Filme unbegründet als etwas zugunsten des Rückschlusses im Pound-McLaren's Bericht zeugendes einzuschätzen.

Wir führen noch einige Zitate an:

«**Die Tätigkeit des Moskauer Labors hängt von RUSADA oder vom Sportministerium ab. Deren Objektivität, Unabhängigkeit und Datenzuverlässigkeit wurden durch die FSB-Aufsicht während der Olympischen Spiele in Sotschi blamiert.**» (S. 14, 212, 280).

«Es wird konstatiert, dass die **Tätigkeit von RUSADA sich in enger Zusammenarbeit mit dem Ministerium für Sport, Tourismus und Jugendpolitik der Russischen Föderation sowie mit dem Zentrum für sportliche Ausbildung der russischen Nationalmannschaften befindet**» (S. 176).

«Die unabhängige Kommission hat in vertraulichen Besprechungen die Information erhalten, dass **zwischen der RUSADA-Leitung und dem Sportministerium enge Beziehungen bestehen.**» (S. 268).

«...mehrmalige Behauptungen verschiedener nicht miteinander verbundenen Zeugen über den Einfluss auf das Moskauer Labor und RUSADA, offensichtliches Fehlen der Aufsicht über die RUSADA-Untersuchung und Ablehnung der Heranziehung von Sicherheitskräften an die Untersuchung mutmaßlicher Kriminalltätigkeit von ARAF **werfen einen Schatten auf das Sportministerium** und stellen seine Verantwortung, den russischen Sport ordnungsgemäß zu verwalten, in Frage.» (S. 268).

«Obwohl Fr. Zhelanowa behauptet hat, das Moskauer Labor und RUSADA wären vollkommen unabhängig von dem Sportministerium, haben im Laufe der vorliegenden Untersuchung verschiedene Quellen **behauptet, dass diese «Unabhängigkeit» nur auf dem Papier existiert und in Wirklichkeit das Sportministerium sowohl das Moskauer Labor als auch RUSADA stark beeinflusst**» (S. 267).

«...die Labormitarbeiter und Sportler haben mitgeteilt, dass das **Sportministerium das Moskauer Labor unter Druck gesetzt hatte.** Als die unabhängige Kommission gefragt hat, wer dem Labor Anweisungen gegeben hatte, bestimmte Proben zu manipulieren, haben die Mitarbeiter mitgeteilt: «Es ist nicht notwendig (Namen zu wissen), weil die Anweisungen direkt aus dem Sportministerium gingen». Die Mitarbeiter des Moskauer Labors haben den Untersuchungsführern der unabhängigen Kommission während des Interviews Anträge vorgezeigt, und haben angegeben, dass es «externe Intervention» in die analytischen Operationen des Labors gibt. Diese Interventionen beschränkten sich nicht in mündlichen Anweisungen aus dem Sportministerium, sondern äußerten sich darin, dass staatliche Funktionäre im Labor drin waren. Zum Beispiel, haben die Mitarbeiter des Moskauer Labors unter Anonymitätsvorbehalt über die fortwährende Anwesenheit der Vertreter von FSB (russischer Sicherheitsdienst) berichtet.» (S.195–196).

«Der russische Sportminister Vitaliy Mutko hat auch **geleugnet, dass das Dopingproblem in Russland schwerwiegender ist als in jedem anderen Land**» (S. 58).

«Die Tätigkeit befindet sich im engen Zusammenhang mit», «enge Beziehungen», «wirft Schatten», «unter Druck», «beeinflusst stark», «geleugnet» – all diese Worte sind nicht konkret, nicht sachlich und unverdaut.

Was die Mitarbeiter des russischen FSB angeht, so haben diese keinen Bezug zum Sportministerium der Russischen Föderation, das für sie keine Verantwortung übernimmt. Die mehrfache Erwähnung von heimlichen «FSB-Mitarbeitern» im Pound-McLaren's Bericht wirkt nicht überzeugend.

Alle Behauptungen laufen darauf hinaus, dass eine einzige Person erwähnt wird: «Die Untersuchung der unabhängigen Kommission hat Informationen über das Interesse und über den Einfluss des russischen Staates auf das Moskauer Labor entdeckt. Zum Beispiel, hat ein Mitarbeiter des Labors mitgeteilt, dass ein FSB-Agent das Moskauer Labor regelmäßig besucht. Die Quelle der unabhängigen Kommission hat den FSB-Agenten als Eugeniy Blotkin (oder Blochin) identifiziert. Die Quelle teilt mit, dass sich der Direktor des Moskauer Labors Rodtschenkov mit Eugeniy Blotkin wöchentlich treffen sollte, um ihm über die «Stimmungen in WADA» Bericht zu erstatten.» (S. 196). Der

Pound-McLaren's Bericht lässt keine Version über die Willkür bzw. Korruptionsanteil eines realen bzw. ausgedachten FSB-Mitarbeiters (einzelhandelnd oder handelnd als Kriminalgruppenmitglied) zu. Es wird der Zusammenhang präsumiert: War es ein FSB-Mitarbeiter da, so ist der gesamte Staat schuldig. Aber das ist zu unglaubwürdig und nicht beweiskräftig.

In Bezug auf die «Einmischung des FSB» werden keine relevanten Beweise vorgelegt. Es wird nur kategorisch behauptet, dass solche Fakten existieren (als ob man alles nötig und ausreichend bewiesen hätte, was der Realität gar nicht entspricht): *«Der Fakt der Anwesenheit von FSB-Mitarbeitern auf dem Territorium der Laboratorien in Sotschi und in Moskau ist ein direkter Bruch der Arbeitsprozesse des Labors und dessen Mitarbeiter, und bestätigt einen direkten Einfluss von Staatsbehörden auf sportliche Veranstaltungen. Die direkte Einmischung von staatlichen Behörden der Russischen Föderation in die Laborarbeit schwächt das Prinzip der Unabhängigkeit der Laboratorien»* (S. 12, 278).

Somit tragen die Ansprüche an den russischen Sport und den russischen Staat im Pound-McLaren's Bericht einen verschwommenen und wenig nachvollziehbaren Charakter. Es ist nicht möglich, etwas Konkretes dem Pound-McLaren's Bericht zu entziehen.

Ein mehr konkreter wird ein Gedanke wiederholt: *«Es hat eine direkte Einschüchterung und Einmischung von staatlichen Behörden in die Tätigkeit des Moskauer Labors gegeben»* (S. 14, 212, 280), sowie folgende Behauptung: *«Viele wollten über die Beziehungen zwischen dem Sportministerium, RUSADA und dem Moskauer Labor aus **Repressionsangst** nicht aussagen»* (S. 28, 270, 294). Allerdings sind weder Beweise zum Gesagten, noch klare Beschreibungen von Situationen mit Einschüchterungen und Bedrohungen im Pound-McLaren's Bericht (außer Mutmaßungen) nicht vorgelegt worden.

Wir betonen, dass oben ein ausreichendes Volumen an Referenzzitaten zur Verfügung gestellt wurde, die es zulassen, sie mit dem Schluss über die Rolle der russischen Behörden in realen bzw. erdachten Massenverletzungen der Anti-Doping-Regeln zu verbinden. Es ist offensichtlich, dass die zitierten Fragmente des Pound-McLaren's Berichtes keine Beweise enthalten bzw. widerspiegeln.

Außer der angeführten Zitate finden sich im zu untersuchenden Dokument auch Informationsmeldungen neutralen Charakters – über den Status des Sportministeriums der Russischen Föderation, über dessen Pflichten u.A.m. (S. 265 u.A.), über den Inhalt offizieller Kontakte mit dem Sportministerium der Russischen Föderation (S. 265–266, 269, 312 u.A.). Es liegen Empfehlungen an das Sportministerium der Russischen Föderation und die Russische Föderation im Ganzen (wir nehmen an – an die Regierung der Russischen Föderation) (S. 317–319).

Aber daraus lassen sich kaum deutliche, und umso mehr substantielle Belege für den Pound-McLaren's Bericht feststellen.

Alle «Beweise» über die Existenz eines rechtswidrigen Systems der Förderung von Masseneinnahme der Doping-Mittel von russischen Sportler durch russische Behörden und über die flächendeckende Verheimlichung seitens russischer Behörden solcher Fakten im Pound-McLaren's Bericht sind somit Mutmaßungen, Zweifelsausdrücken, Abstraktionen und ungenauere Meldungen (wie Beschreibung der Korrelation zwischen dem Strukturschema

des Sportministeriums der Russischen Föderation und dessen Einflussmacht, wie Angabe von abstrakten Korrelationen zwischen dem Sportministerium und anderen Subjekten der Anti-Doping-Kontrolle).

Dabei ist zu betonen, dass es im Pound-McLaren's Bericht deutlich gesagt ist, dass es den Autoren nicht gelungen ist, Mitwirkung des Sportministeriums der Russischen Föderation in den im Pound-McLaren's Bericht beschriebenen Ereignissen bzw. realen oder angeblichen Massenverletzungen der Anti-Doping-Regeln zu beweisen:

«Die unabhängige Kommission hat die Anschuldigungen im direkten Einfluss des Sportministeriums auf die RUSADA-Tätigkeit und auf die Tätigkeit des Moskauer Labors nicht bestätigen können» (S. 28, 270, 294).

«Allerdings ist der unabhängigen Kommission nicht gelungen, einige von den verallgemeinerten Behauptungen von unabhängigen Quellen zu bestätigen, zum Beispiel darüber, dass das Sportministerium beschliesse, welche Sportler bestraft werden sollen und welche nicht» (S. 267).

«Die unabhängige Kommission hat die Behauptung nicht bestätigen können, dass die faktische Einmischung bei direkter Mitwirkung des Sportministeriums erfolgt, kommt aber zum Schluss, dass der Druck- und Einflussgrad sind so, dass es nicht möglich ist, dass man im Sportministerium darüber nicht gewusst hätte. Die unabhängige Kommission ist in diesem Zusammenhang besorgt, dass das Sportministerium absolut passiv in Sache Anschuldigungsuntersuchung gegen RUSADA war» (S. 267).

Die zitierten Textfragmente des Pound-McLaren's Berichtes stellen sehr wichtige Bekenntnisse der Autoren dieses Dokumentes dar, die jegliche Möglichkeit jeglicher Interpretation des Pound-McLaren's Berichtes als die Existenz eines rechtswidrigen Systems der Förderung von Masseneinnahme der Doping-Mittel von russischen Sportler durch russische Behörden (darüber hinaus im Namen des Sportministeriums der Russischen Föderation und dessen Mitarbeiter) und der flächendeckenden Verheimlichung seitens russischer Behörden beweisenden Berichtes widerlegen.

Außerdem ist zu verzeichnen solche Ausdrücke wie *«es ist unmöglich zu glauben»* und *«ruft Besorgnis im Kontext hervor»*, diese finden sich mehrmals im untersuchten Dokument, hier lässt sich alles finden außer konkreter relevanten Beweise.

Dies bringt ins Licht die Befangenheit der «unabhängigen Kommission». Es ist nicht erstaunlich, dass Pound-McLaren in ihrem Bericht schreiben: *«zu einem Zeitpunkt hat sich die Strategie der russischen Regierung im Punkt öffentliche Beziehungen geändert. Unabhängig davon, was das hervorgerufen hatte, war es eindeutig geworden, dass der Ton und die Rahmen der öffentlichen Meldungen der russischen Regierung sich stark verändert haben ... ab Untersuchungsanfang bis zum Abschluss des vorliegenden Berichtes»* (S. 57).

Es ist auch zu verzeichnen, dass der Pound-McLaren's Bericht Grigorij Rodtschenkow mehrfach als Haupttäter nennt (S. 278–279 u.A.), aber die Versuche, ihn mit dem Staat zu verbinden (als der Mittäter bzw. der Auftraggeber für rechtswidrige Tätigkeit) sehen unbegründet und nicht überzeugend aus, es werden keine Belege herbeigeführt.

Mehr noch: Die Möglichkeit und die Stichhaltigkeit jeglicher Hinweise auf Herrn G. Rodtschenkow im Pound-McLaren's Bericht als auf eine Informationsquelle (S. 13, 204, 205, 210 u.A.) werden mit den im Pound-McLaren's Bericht enthaltenen sehr negativen Bewertungen von Herrn Rodtschenkow plausibel widerlegt. In diesem Dokument wird Rodtschenkow wie folgt bezeichnet: nicht glaubwürdig (S. 13, 204, 279), Organisator, Mittäter, Anstifter, begeht rechtswidrige Handlungen und verletzt Anti-Doping-Regeln (S. 12, 13, 15, 25, 116, 200, 202, 212, 213, 278, 279, 280, 291), korrumpiert, bestechungsfreundlich, Erpresser (S. 13–15, 25, 141–142, 199–202, 212–213, 279–280, 291).

In Betracht des oben dargelegten sind die Schlüsse des Pound-McLaren's Berichtes über die Existenz eines rechtswidrigen Systems der Förderung von Masseneinnahme der Doping-Mittel von russischen Sportler durch russische Behörden und über die flächendeckende Verheimlichung seitens russischer Behörden solcher Fakten gelten als nicht bewiesen.

4. Einschätzung von Erklärungen im Pound-McLaren's Bericht über die Überprüfung und Sicherstellung der Echtheit der von der «unabhängigen Kommission» benutzten Materialien und Informationen

Im untersuchten Pound-McLaren's Bericht wird nur selten (in einzelnen Stellen) konstatiert, dass diese oder jene Informationen bzw. Materialien der Überprüfung auf Echtheit unterzogen worden sind: *«Die Beweise, die von den Operativinformationsquellen zur Verfügung gestellt worden sind, müssen verlässlich sein. Außer Gegenüberstellung mündlicher Beweise mit den Unterlagen und den Informationen, die von anderen Zeugen erhalten worden sind, muss man auch die Einschätzung der Echtheit durchführen, weil Beispiele aus dem Vergangenen haben gezeigt, dass jegliche Vermutungen über Doping können schnell widerlegt werden. Die unabhängige Kommission hat die wichtigsten Quellen der operativen Informationen in dieser Untersuchung befragt. Die unabhängige Kommission hat die Echtheit deren Erklärungen und die Echtheit anderer Belege geprüft»* (S. 8).

Das Gesagte reicht aber nicht. Die Hinweise auf die Erzählungen nicht benannter Personen können nicht als ausreichende Beweisbasis fundieren. Darüber hinaus ist es nicht ausreichend, dass die Echtheit überprüft worden war. Es müssen mindestens Erklärungen her, wie genau und in welchem Maße dies durchgeführt worden war. Allerdings wird diesbezüglich im Pound-McLaren's Bericht verschwiegen.

Diese Erklärung lässt sich nicht als eine glaubwürdige einstufen: *«Die unabhängige Kommission hat ein beträchtliches Volumen an Daten und Informationen an Interpol übergeben, die eine verbrecherische Tätigkeit einzelner Personen und Organisationen demonstrieren. Bis zum Entscheidungstreffen von entsprechenden Organen über die strafrechtliche Ahndung wird die unabhängige Kommission den Inhalt des entsprechenden Berichtskapitels nicht veröffentlichen lassen, um keine Hürden dem Untersuchungsprozess zu stellen»* (S. 9).

«Als in jeder Ermittlung, die die heiklen Themen berührt, sollte die unabhängige Kommission die mit der persönlichen Sicherheit der Zeugen verbundenen Fragen, eine Möglichkeit der Interessenkonflikte und das ewiges

Problem der Bewertung von der Glaubwürdigkeit der analysierten Angaben akzeptieren» (S. 67).

Die zitierten Fragmente des Pound-McLaren's Berichtes sehen als Kunstkniffe aus, die dazu berufen sind, reales Fehlen an ordnungsgemäßen Beweisen zu verheimlichen. Angenommen, dass die «unabhängige Kommission» jegliche Beweise «für die Zukunft», «heimliche Beweise», die jetzt nicht veröffentlicht werden können / dürfen, hätte, so kann das die Rückschlüsse über eine schlechte juristische Qualität und allgemeine Beweislosigkeit des Pound-McLaren's Berichtes nicht verändern, weil auf Grund dieses Textes (im heutiger Verfassung) sind Entscheidungen getroffen worden waren, die sehr negative Wirkung auf die russischen Sportler ausgeübt haben.

Diese prinzipielle Unbewiesenheit des Pound-McLaren's Berichtes drückt grobe Missachtung den Lesern gegenüber aus und stellt die Frage über die Falsifikation der Rückschlüsse auf.

Die Tatsache, dass die Kommission unter dem Vorsitz von R. Pound von WADA als «unabhängig» bezeichnet wurde, folgt es gar nicht, dass jedes Wort dieser Kommission nicht kritisch wahrgenommen werden muss und dass die Kommission ihre Schlüsse nicht beweisen und die Beweisquellen nicht offen legen soll.

5. Bewertung der faktologischen und quellensbezogenen Basis des Pound-McLaren's Berichtes

5.1. Die Verschommenheit von Formulierungen, die faktologische und quellensbezogene Basis des Pound-McLaren's Berichtes auslegen

Im Pound-McLaren's Bericht wird über «*die Betrachtung aller Beweise*» (S. 4), «*die Bewertung technischer Beweise*» (S. 5); «*Bearbeitung von Beweisen*» (S. 6); «*Analyse von Beweisen*» (c. 5), «*Bewertung faktischer Beweise*» (S. 5), «*Analyse und Verifizierung von Beweisen*» (S. 66–67), «*Audio- und Videobeweise*» (S. 10, 22, 119, 288), «*wissenschaftliche Beweise*» («*wissenschaftliche Daten*») (S. 10), «*kräftige belegende Beweise*» (S. 13, 15, 202, 213, 278, 280), «*ausreichende bestätigte Beweise*» (S. 15, 215, 281) behauptet. Das Wort «Beweise» wird im Pound-McLaren's Bericht mehrfach wiederholt. Aber in den meisten Fällen bleibt diese Erklärung nur unbegründet, ohne bekräftigende Belege.

Dabei werden als «Beweise» im Pound-McLaren's Bericht alles Mögliche dargestellt. Obwohl wirklich ordnungsgemäße, relevante Beweise der im Pound-McLaren's Bericht enthaltenen Erklärungen über die Ausmaße der Dopingmitteleinnahme von russischen Sportlern und über die Rolle der russischen Behörden darin reichen bei weitem nicht aus.

Die Versuche, aus dem untersuchten Pound-McLaren's Bericht zu entziffern, was genau die «unabhängige Kommission» untersucht hatte, führen nicht zum Erfolg. Alles läuft auf die Auflistung ziemlich ungleichartiger Positionen hinaus:

«Die unabhängige Kommission hat viele Befragungen durchgeführt und viele Unterlagen sich angeschaut, hat Computeranalyse angewendet, hat die biologischen Pässe von Athleten, die Sportlerarbeit und Beamtenarbeit, Einhaltung der Anweisungen zur Kontrolle und Berichtserstattung, sowie

*mögliche Verletzungen des Kodex untersucht und überprüft. Auf Grund der Befragungen und **Beweismittelanalyse** haben die Untersucher der unabhängigen Kommission **einen tiefen Einblick in die Kultur und die Arbeitsaspekte** der russischen Leichtathletik gewonnen» (S. 4–5).*

Hier die Handlungen («Sportlerarbeit und Beamtenarbeit», «Einhaltung von Anweisungen», «Verletzung des Kodex») vermischen sich mit Objekten («Tausende Unterlagen»; «biologische Pässe von Athleten»), und mit Untersuchungsmethoden («hat Computeranalyse angewendet»). Diese Vermischung bezeugt in der Regel eine niedrige professionelle Qualifikation der Autoren, oder aber im Gegenteil, es bezeugt das Bestreben, reale Fakten und relevante Beweismittel zu verschleiern.

Darüber hinaus haben die Antworten auf folgende Fragen eine große Bedeutung: «Befragungen» von wem und auf welcher Grundlage hat die «unabhängige Kommission» durchgeführt? Welche Unterlagen genau hat die «unabhängige Kommission» untersucht, unter welchen Bedingungen und unter welchen Umständen hat sie zu den Unterlagen den Zugriff bekommen? Es ist nicht möglich, die Antworten auf solche Fragen im Pound-McLaren's Bericht zu bekommen.

Im Pound-McLaren's Bericht wird mehrmals über «Tausende» nicht zu identifizierbare «Dokumente» (S. 4, 5, 67 usw.) sowie über abstrakte, nicht im Detail beschriebene «Beweise» wiederholt (S. 5 u.A.).

Genau solche wenig nachvollziehbare Kompilation ist im folgenden Textfragment zu sehen: *«Die Untersuchung der unabhängigen Kommission war hauptsächlich auf folgende Fragestellungen orientiert: der Doku-Film von ARD vom Dezember 2014. Der Film enthält diskreditierende Zeugenangaben, inkriminierende Video- und Audioaufnahmen, die die verbreiteten Lügen, Dopingeinnahmen und Korruption darlegten; Überprüfung von Tausenden Unterlagen und Zeugenaufnahmen mit dem Zweck, solche Angaben zu bestätigen bzw. zu widerlegen; die Abarbeitung der virtuellen Phase der Untersuchung hat wesentlich geholfen, viele Annahmen, Verbindungen und Vergleiche zu bestätigen; die Bewertung technischer Beweise; die Überprüfung von Anlagen und der zum Testen und Monitoren verwendeten Laboratorien, die Überprüfung von Monitoringmethoden, Einschließlich der Arbeit der Labormitarbeiter sowie Fakten, die negativ auf die Meinungsunabhängigkeit des Labors wirken; die Arbeit mit Beweismitteln, Fragen der Aufbewahrung und der Ganzheit der Proben; Regulatororgane: Monitoringprotokolle und mögliche Abweichungen; Sportleranträge – einschließlich Anträge über die Einhaltung der Anforderungen und über die Nicht-Mithilfe der Untersuchung; Korruptionsaufdeckung, wegen der nach positiven Probenanalysen keine Maßnahmen getroffen worden sind; Korruptionsaufdeckung in Form der Auszahlung an einige Medizinmitarbeitern und Trainern für die Zulieferung Doping-Mitteln und für die Übermittlung der Informationen über die Verwendung der Doping-Mittel und Methoden; potenzielle Strafverfolgungsverantwortung, Bestätigung dessen, dass einige Trainer und Beamter, einschließlich Medizinmitarbeiter, die Sportler dazu neigen, Dopingmittel einzunehmen; Korruptionsaufdeckung in Form einer vorzeitigen Informierung über die Fristen und über der Ort der Durchführung der überwettkämpflichen Doping-Kontrolle; Korruption seitens Veranstalter der Nationalwettkämpfen, wo es Wege gegeben hat, die den Sportlern einen unfairen Kampf zu führen und Doping-Mittel-*

Einnahme nicht durchzubrechen ermöglicht hatte; Korruption seitens Beamter und Auspressung von Geldmitteln bei den Sportlern zur Verdeckung positiver Doping-Proben; sowie Rückschlüsse und Empfehlungen» (S. 5–6).

Semantisch verschwommene Formulierungen und «Benebelung» können die zu erwartenden relevanten und aussagekräftigen Beweise nicht ersetzen. Da die Beweise fehlen sieht das Ganze als eine rhetorische Beschirmung, ein Maskieren des Fehlens realer Fakten und relevanter Beweise.

Die im Pound-McLaren's Bericht gegebene und offensichtlich unangebrachte Pathetik, z.B. Aussagen wie *«globaler Charakter der durchgeführten Untersuchungen»* (S. 68), ist auch dazu berufen, das Fehlen von relevanten Beweismittel zu verdecken.

Der Pound-McLaren's Bericht wird durch viele Widersprüche in den Angaben der herangezogenen Zeugen auch nicht mehr aussagekräftiger. Beispiel: *«In Gesprächen mit Vitali Stepanow wurde widersprüchliche Information über die Handlungen der Doping-Kontrolle-Inspektore bekommen»* (S. 102); *«Die unabhängige Kommission hat widersprüchliche Informationen über die Qualität und über das Niveau der Anlagen im zweiten Labor. Als Ergebnis stellt es sich heraus, dass man keine Rückschlüsse machen kann.»* (S. 215).

5.2. Die so genannten «Quellen der operativen Information»

Die wichtigste Informationsquelle im Pound-McLaren's Bericht sind die Angaben anonymer Zeugen genannt – *«die Quellen der operativen Information»* («Informanten»). Diesem Thema ist der Kapitel 1.5 gewidmet (S. 7–8). Im Einzelnen wird es angegeben: *«Die Leser werden verzeichnen, dass der größte Teil der Beweise in dieser Untersuchung von Personen angegeben worden ist, die oft als «Quellen der operativen Information» angegeben werden, die auch separat zu behandeln sind»* (S. 7).

Allerdings wird im besagten Kapitel des Pound-McLaren's Berichtes nichts Konkretes gesagt, es werden nur verallgemeinerte, abstrakte Überlegungen über ein schweres Schicksal der Informanten und darüber, warum *«der Kampf mit Doping im Sport wirklich den Kampf bedeutet»* (S. 7).

Der Pound-McLaren's Bericht sagt über die *«Beweise, die in einer vertraulichen Form zur Verfügung gestellt worden sind»* auf S. 15, 205, 216, 281. In dem untersuchten Dokument werden *«der vertrauliche Zeuge Nr. 1»* und *«der vertrauliche Zeuge Nr. 2»* mit Beschreibung der von ihnen erhaltenen Informationen angegeben (Kapitel 13.6.3 und 13.6.4, S. 200–201). Die Behauptungen und Bewertungen mit Hinweis auf die Angaben der «vertraulichen Zeugen» treffen wir auch auf den Seiten S. 15, 215, 216, 281 und an mehreren anderen Orten des Pound-McLaren's Berichtes.

Mehr noch: Es wird deklariert, dass einige Rückschlüsse der «unabhängigen Kommission» von R. Pound auf der Basis der Zeugenangaben gemacht worden sind, dessen Namen aus «Geheimhaltung» der «unabhängigen Kommission» selbst nicht vorgestellt worden war: *«IAAF hat den Untersuchern der unabhängigen Kommission folgende Information zur Verfügung gestellt, die von einem tätigen Doping-Kontrolle-Inspekteur in Russland erhalten worden war. Obwohl die Quelle der IAAF bekannt ist, sind die persönlichen Angaben der*

Quelle an die unabhängige Kommission nicht übergeben worden, wegen der Geheimhaltung» (S. 103).

Einen ganzen Staat und dessen Staatsmachtorgane zu bewerten, sich auf nicht reelle «anonyme Zeugen» zu beziehen – all das sind Mittel der «gelben» Presse. Mit Hilfe dieser Mittel ist es möglich, jemandem jegliche Schuld zuzuweisen. Die Anwendung solcher Mittel bringt dazu, dass die angegriffenen Personen es nicht können, weder ihre Ehre und Würde zu verteidigen, noch die Falschheit der Invektiven zu beweisen.

Der Pound-McLaren´s Bericht stellt keine Informationen bezüglich Untersuchungswege der «Quellen der operativen Information» (vertraulichen Zeugen, Informanten), bezüglich der Überprüfung und Verifizierung der Echtheit der von den Zeugen übergebenen Materialien zur Verfügung.

Die obigen Umstände lassen es nicht zu, solche Angaben und Materialien als ordnungsgemäß und glaubwürdig zu betrachten.

5.3. «Die Angaben» russischer Sportler

Im Kapitel 9.4 des Pound-McLaren´s Berichtes wird geschrieben: *«Im Laufe der Untersuchung hat die unabhängige Kommission verzeichnet, dass die im Rahmen von ADAMS zur Verfügung gestellten Informationen in Bezug auf 53 ausgewählter interessanter Sportler nur teilweise bereitgestellt war. Insgesamt 35 Sportler hatten ihre E-Mail-Adressen angegeben, 18 – haben es nicht gemacht. Es wurde festgestellt, dass 19 Sportler ihre Telefonnummern angegeben hatten. Die Untersucher haben sich an 35 mit registrierten E-Mail-Adressen Sportler mit einer Bitte um ein Gespräch gewendet, um an sie einige Fragen über die Anschuldigungen seitens ARD zu stellen... Von 35 Sportlern, mit denen die unabhängige Kommission einen Kontakt aufzunehmen versucht hatte, 23 Sportler haben auf keine der oben genannten Anfragen per E-Mail geantwortet. 3 Sportler haben «bedingt» geantwortet, und gesagt, dass sie sich im Vorfeld die Fragen ansehen möchten bzw. eine Form von Vorbedingungen aufstellen möchten, bevor es zu Gesprächen mit der unabhängigen Kommission kommt. Der hohe Anteil an fehlenden Antworten und bedingte Antworten haben zu beträchtlichen Zweifeln bezüglich des Willens der Sportler geführt, offen und ehrlich während der angebotenen Gespräche zu sein, und die unabhängige Kommission ist zum Schluss gekommen, dass die Sportler eine Anweisung bekommen hatten, die Gesprächsanfragen nicht zu beantworten. Somit wurde geplant, dass es zu Gesprächen mit den verbliebenen 9 Sportlern kommt. Gespräche mit 2 Sportlern wurden via Skype durchgeführt, mit einem Sportler hat man telefoniert. Viele weitere nicht erfolgreiche Versuche, anderen Sportler zu erreichen... haben schließlich noch mehr Bedenken über eine Gruppenverletzung des Kodexes hervorgerufen.» (S. 100).*

Das bedeutet, von den von der «unabhängigen Kommission» gewählten 53 russischen Sportlern, so wie es aus dem zitierten Textfragment auf der S. 100 des Pound-McLaren´s Bericht steht, hat die «unabhängige Kommission» es geschafft, nur mit 3 Sportlern ins Gespräch zu kommen, das heißt mit weniger als 6 Prozent von dem anfänglichen Quantitätsvolumen der Sportler. Daraus folgt, dass es keine Gründe gibt, über die Referentialität dieser Auswahl zu

reden. Darüber hinaus ist die Zahl von 53 Sportlern sehr gering im Vergleich zur Gesamtzahl der russischen Sportler im Hochleistungssport.

Dabei ist zu betonen, dass eine ganz erwartete und logische Absage, sich zu rechtfertigen und jegliche Kommentare in Bezug auf lügenhafte Filme von Hajo Seppeld des deutschen Senders ARD abzugeben, im Pound-McLaren's Bericht verkehrt und betrügerisch interpretiert worden ist, und zwar als eine indirekte Bestätigung der Schuld der russischen Sportler. Die Tatsache, dass die betrügerisch und ungerecht den russischen Sport befleckten Filme von Hajo Seppeld begründet als absichtlich und lügenhaft befleckende von den russischen Sportlern wahrgenommen werden können, kommt bei den Autoren des Pound-McLaren's Bericht es gar nicht in Frage. Der Pound-McLaren's Bericht verbreitet die Version, dass die russischen Sportler massenhaft auf die Beantwortung der Fragen von unbekanntem Dritten (angeblich einer unabhängigen Kommission), die unklare Ziele verfolgen, verzichtet hatten und dadurch wird die Schuld den russischen Sportlern im Bestreben eine Schuld zu verdecken vorgeworfen. Diese Version hält keiner Kritik stand, demonstriert Befangenheit und Voreingenommenheit der «unabhängigen Kommission» und wird in Pound-McLaren's Bericht nicht begründet. Die Verwendung im Pound-McLaren's Bericht manipulativer Mittel «Faktensatz durch Meinung» ist vorhanden.

Im Pound-McLaren's Bericht wird eine Zahl der russischen Sportler angegeben, die der «unabhängigen Kommission» einige Angaben zur Verfügung gestellt hatte. Allerdings, wie oben beschrieben, wurden im untersuchten Dokument keine Angaben vorgelegt, die belegen, durch welche Verfahren die Überprüfung und die Bestätigung der erhaltenen Angaben von diesen Personen erfolgt hatten.

5.4. Filme des deutschen Senders ARD

Im Inhaltsverzeichnis wird mehrfach auf die Filme von Hajo Seppeld des deutschen Senders ARD hingewiesen.

Beispiel: «am 03. Dezember 2014 wurde im deutschen **Fernsehsender ARD ein Dokumentarfilm** «Top sekret. Doping: how Russia makes ist winners», in dem **eine Vermutung ausgesprochen** ist, dass es in der **Gesamtrussischen Leichtathletik-Föderation (ARAF)**, die ein **Regulierungsorgan im Bereich der Leichtathletik in der Russischen Föderation ist und als solche von der Internationalen Föderation (IF), von der Internationalen Assoziation der Leichtathletik-Föderationen (IAAF) anerkannt wird, ein staatlich finanziertes Dopingsystem gibt**» (S. i).

Die Bewertung der im Film dargestellten Informationen als eine «Vermutung» wird im Pound-McLaren's Bericht in eine zuversichtliche Tatsache transformiert (bzw. in einen Versuch, solche Tatsache lebhaft zu machen) über die Echtheit und Stichhaltigkeit der im Film dargelegten Invektiven gegen den russischen Sport und gegen russische Sportler.

«**Ungeachtet dessen, dass die Untersuchung in Folge von Fakten der Anträge, die im ARD-Dokumentation dargelegt worden waren, initiiert worden ist, hat sich die Beweisführung nicht mit den Themen des ARD-Dokumentarfilmes begrenzt**» (S. 5).

«**Die Untersuchung der unabhängigen Kommission war hauptsächlich auf folgende Fragenstellungen orientiert: ARD-Dokumentarfilm von Dezember 2014. Er zeigte diskreditierende Zeugenangaben, inkriminierende Video- und Audioaufnahmen, die eine verbreitende Lüge, Dopingeinnahmen und Korruption aufdeckten**» (S. 5).

«Im Dokumentarfilm des deutschen Senders ARD ... wird man darin beschuldigt, dass man russische Leichtathleten mit verbotenen Mitteln versorgt hatte, dass man sich miteinander abgesprochen hatte, positive Doping-Proben zu verheimlichen, gegen ein Prozent von der von den Sportlern gewonnenen Auszeichnungen» (S. 218).

«Die unabhängige Kommission (UK) war mit dem Beschluss des Präsidenten der Welt-Anti-Doping-Agentur geschafft, nach den Beiträgen, die in dem vom deutschen Fernsehsender ARD im Dezember 2014 gezeigten Dokumentarfilm «Top sekret. How Russia makes ist winners» gemacht wurden, darüber, dass man in Russland den Doping «auf dem Staatsniveau unterstützt». **Nach dem Dokumentarfilm des ARD-Senders sind die Weltmassenmedien in ihren Reportagen zum Schluss gekommen, dass die massenhaften Dopingverletzungen mit Teilnahme der russischen Trainer, Sportler und Staatsbehördenvertreter erfolgen, gegen alle Wettkampffregeln, gegen gegebene Normregulierung, und in einigen Fällen gegen Strafrecht**» (S. 65).

Die Behauptung: «...sind die Weltmassenmedien in ihren Reportagen zum Schluss gekommen» (S. 65) demonstriert eine extreme Unbegründetheit und das Fehlen der Ernsthaftigkeit dem russischen Sport gegenüber. Sie beweist erneut, dass reelle Beweismittel für die Masseneinnahmen des Dopings von russischen Sportlern und einer rechtswidrigen Mitwirkung der staatlichen Organe, die im Pound-McLaren´s Bericht dargestellt wird, fehlen. Weil hier die Verwendung eines benannten Täuschungsmittels offensichtlich ist: Ersatz des Faktes durch eine Meinung. Es ist offensichtlich, dass eine rechtswidrige Handlung ganz anderes ist, als ein Bild, das sich jegliche Journalisten (es sei auch «global tätige») über einige Fakten machen.

Manipulationstricke gibt es nicht nur in zitierten Fragmenten des Pound-McLaren´s Berichtes, sondern auch an anderen Stellen. Die Tatsache an sich, dass solche Mittel im Pound-McLaren´s Bericht verwendet wurden, entwertet sowohl das Dokument im Ganzen, als auch seine Schlüsse, sie beweist eine vorurteilhafte Beschaffenheit des Dokumentes, die Ausrichtung auf Kreation einer sichtlichen Argumentation, die in Wirklichkeit nur im Voraus vorbereitete, politisch motivierte Schlüsse enthält.

Darüber hinaus wurde die Erscheinung des zweiten Filmes ohne Bezug auf seine Beweiskraft (ohne jegliche Angaben über die Instrumente und Prozeduren der Bestätigung der Echtheit der im Film dargestellten Informationen) als Grundlage zur Verstärkung und Ausbreitung der Befugnisse der «unabhängigen Kommission» benutzt: «**Die Befugnisse wurden im August 2015 nach dem Ausgang des zweiten Filmes des deutschen Senders ARD verbreitet**» (S. 4).

Solche Hinweise senken die Qualität des Pound-McLaren´s Berichtes und ein Glauben an ihn beträchtlich ab. Es gibt keine Möglichkeit, ihn als ein aussagekräftiges und begründetes analytisches juristisches Dokument zu betrachten.

Schlüsse

Der Abschlussbericht Nr. 1 vom 09.11.2015 der «unabhängigen Kommission» unter dem Vorsitz von Richard W. Pound (vertreten unter anderem auch durch Richard H. McLaren, Günter Younger u.A.) wird durch viele kritische Mängel charakterisiert, deswegen erscheint der Bericht unbegründet und inobjektiv (einschließlich wegen der Verwendung von manipulativen Mitteln), der Bericht basiert auf Mutmaßungen, inobjektiven Informationen, auf Informationen, die laut dem Bericht keiner objektiven Überprüfung u.A. der Echtheit unterzogen worden waren, er enthält kein direktes Belastungsmaterial und keine relevanten Belege der Hauptschlüsse des Berichtes. Das Dokument muss begründet als inobjektiv, vorurteilhaft, beweislos und im größten Teil auch falsifiziert anerkannt werden.

Die Analyse des Pound-McLaren's Berichtes in Verbindung mit dem Dokument «Ordnung über die Befugnisse der unabhängigen Kommission» vom 16.01.2015 und mit dem Komplex an Rechtsunterlagen der Welt-Anti-Doping-Agentur gibt nötige und ausreichende Gründe zum Schluss, dass das Dokument an sich keine juristische Kraft hat (seine juristische Kraft ist nichtig) als Basis zum Treffen jeglicher restriktiven bzw. repressiven Maßnahmen gegen russische Sportorganisationen und gegen russische Sportler.

05.09.2016

Igor Vladislawowitsch Ponkin, Doktor habil. der Rechte, Professor des Lehrstuhls für Staatliche und Kommunale Verwaltung der Fakultät für Staatliche und Kommunale Verwaltung des Instituts für Staatsdienst und der Verwaltung der Russischen Akademie für Volkswirtschaft und Staatsdienst beim Präsidenten der Russischen Föderation, Professor

Waleriy Wassiljewitsch Grebennikow, Doktor habil. der Rechte, Professor, Leiter des Lehrstuhls für Gerichtsmacht, Rechtsschutz- und Menschenrechtsschutz Tätigkeit des Juristischen Instituts der Russische Universität der Völkerfreundschaft, Verdienter Jurist der Russischen Föderation

Michail Nikolajewitsch Kuznetsov, Rechtsanwalt, Doktor habil. der Rechte, Professor des Lehrstuhls für Zivil- und Arbeitsrecht des Juristischen Instituts der Russische Universität der Völkerfreundschaft, Professor

* * * * *

Ботнев В.К. Заключение по Докладу Р. Макларена от 16.07.2016 с учетом Итогового отчёта комиссии Р. Паунда, Р. Макларена и др. № 1 от 09.11.2015

Настоящее заключение выполнено по обращению ряда российских спортсменов.

Предметом настоящего исследования и составленного по его итогам заключения явилось содержание Доклада Р. Макларена от 16.07.2016 «Расследование ВАДА обвинений российских участников Олимпиады в Сочи в употреблении допинга»⁶⁰ (далее – Доклад Р. Макларена) и Итогового отчёта (за № 1) от 09.11.2015 комиссии Р. Паунда, Р. Макларена и др.⁶¹ (далее – Отчёт Паунда-Макларена) в части изложения сведений о деятельности Григория Родченкова, бывшего директора Московской антидопинговой лаборатории (ФГУП «Антидопинговый центр») и оценки его действий.

Цель настоящего исследования – оценка качества доказательной базы Доклада Р. Макларена в части его центрального «ядра» – сведений и материалов, предоставленных Г. Родченковым.

Анализ указанных документов позволяет извлечь ряд достаточно детализированных и вполне ясных, однозначных описаний и оценок противоправных действий Г. Родченкова, совершенных, согласно этим документам, указанным лицом в период замещения им должности директора Московской антидопинговой лаборатории (ФГУП «Антидопинговый центр»). Ниже будут представлены в извлечениях наиболее яркие референтные текстовые фрагменты указанных документов. Мы не даём самостоятельных оценок Г. Родченкову, а артикулируем факты, сведения, оценки и позиции, изложенные в вышеуказанных документах.

Доклад Р. Макларена

1. Согласно Докладу Р. Макларена, Г. Родченков разработал авторский «коктейль», содержащий запрещенные в спорте допинговые средства, и технологии его противоправного употребления, умышленно способствовал его активному распространению в грубейшее нарушение антидопинговых правил, противоправно используя должностные полномочия, злоупотребляя таковыми.

«В Отчете уже упоминалась допинговая программа с использованием коктейля спортсмена, разработанного доктором

⁶⁰ McLaren Independent Investigations Report into Sochi allegations // <<https://www.wada-ama.org/en/resources/doping-control-process/mclaren-independent-investigations-report-into-sochi-allegations>>; <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/20160718_ip_report_final3.pdf>. Дата фиксации информации – 22.07.2016.

За основу перевода взят текст: <<http://www.championat.com/olympic/article-252150-polnaja-versija-doklada-richarda-maklarena-na-russkom-jazyke.html>>.

⁶¹ The Independent commission Final Report № 1, November 9, 2015 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada_independent_commission_report_1_en.pdf>. Дата фиксации информации – 25.08.2016. Автору настоящего материала был предоставлен перевод, произведенный неуказанным в тексте перевода лицом.

Родченковым. Согласно Родченкову спортсмены были “грязными”, принимая этот коктейль на соревнованиях в Сочи» (с. 62).

«Меры данного контроля включали обеспечение спортсменов субстанциями, улучшающими показатели выступлений, через **коктейль, разработанный директором Родченковым...**» (с. 65–66).

«Это подтверждает информацию, предоставленную директором **Родченковым, о том, что российские спортсмены использовали его “коктейль”** перед Олимпийскими играми в Лондоне...» (с. 82).

«После того, как он стал директором лаборатории, и выполняя свою задачу улучшения результатов российского спорта, скрывая прием допинга, д-р **Родченков разработал стероидный коктейль, оптимизированный, чтобы избежать обнаружения.** Первоначально в коктейль входили «Орал туринабол» (хлородегидрометилтестостерон), оксандролон и метастерон. Стероиды растворялись в алкогольном напитке (виски Chivas для мужчин и вермут для женщин). Затем раствором полоскали рот, чтобы он абсорбировался через слизистую оболочку щек, и выплевывали. Исследования доктора Родченкова показали, что с доступными на тот момент лабораторными технологиями, окно обнаружения для стероидов в коктейле не превышает 3-5 дней. После лондонской Олимпиады стероид «Орал туринабол» в составе коктейля заменили на стероид «Тренболон», поскольку стало проще обнаружить длительные метаболиты «Орал туринабола». Хотя **«коктейль» доктора Родченкова может показаться фантастическим, НЛ получило подтверждение у научного советника, что стероиды действительно растворяются в алкоголе лучше, чем в воде, и что введение стероидов путем абсорбции через слизистую щеки по сравнению с инъекциями или глотанием сокращает окно обнаружения. Д-р Родченков свидетельствует, что хотя он сам изобрел этот коктейль, он не изготавливал и не распространял его.** Коктейль распространяла в различных спортивных федерациях Ирина Родионова, которая работала в ЦСП, в организации, которая подчиняется Минспорта. Родионова назвала коктейль «Дюшес» по имени традиционного русского напитка. Д-р Родченков свидетельствует, что ко времени Олимпийских игр в Лондоне многие российские спортсмены высшего уровня применяли этот коктейль» (с. 49–51).

Следует отметить словесную эквилибристику в Докладе Макларена, направленную на манипулятивное обеление Родченкова. В действительности, автор-разработчик противоправного плана и противоправной технологии, очевидно, является прямым соучастником противоправной деятельности, а не невинным посторонним человеком, чьими идеями просто воспользовались в негативных целях. Кроме того, не представляется возможной «разработка» Г. Родченковым его «коктейля» без изготовления на практике такого «коктейля».

Впрочем, Доклад Макларена сам же себе противоречит, сообщая читателю, что Родченков имел самое непосредственное отношение к распространению этого «коктейля» (необоснованно сводить понятие «распространять» только лишь к собственноручной передаче спортсмену ёмкости с «коктейлем»), содействовал такому распространению:

«Кроме реализации вышеописанной схемы директор Родченков смог убедить Министерство спорта в низкой вероятности выявления субстанций, улучшающих показатели выступлений, во время Олимпийских игр в Лондоне. Коктейль стероидов директора Родченкова, в состав которого входят орал туринабол, оксандролон и метастерон, вводился спортсменам перед началом Олимпийских игр в Лондоне» (с. 77).

2. Согласно Докладу Р. Макларена, Г. Родченков умышленно фальсифицировал допинг-пробы, противоправно используя должностные полномочия, злоупотребляя таковыми, применяя придуманные (или усовершенствованные) им технологии, а также принимал непосредственное участие в противоправных схемах, реализовывавшихся другими лицами.

«Родченков и сотрудники лаборатории добавляли в чистую мочу соль, разводили водой» (с. 44).

«Меры данного контроля включали обеспечение спортсменов субстанциями, улучшающими показатели выступлений, через коктейль, разработанный директором Родченковым, сокрытие лабораторией [лабораторией Родченкова! – прим. авт.] любых положительных проб и наличие банка ранее предоставленной чистой мочи для подмены» (с. 65–66).

«В классической схеме фальсификации результатов допинг-контроля пробы собираются перед соревнованием, чтобы определить вероятность положительных проб у спортсмена в предстоящем соревновании, вследствие чего его могут оставить дома. Данные пробы не собираются в официальные бутылочки для допинг-контроля, а результаты не сообщаются АДАМС или антидопинговому организациям... Однако во время Олимпийских игр в Лондоне использовалась модификация данного подхода, цель которой оставалась той же. Перед началом соревнований в рамках Олимпийских игр в Лондоне проводился забор проб в официальные бутылочки для допинг-контроля. Московская лаборатория изучила аналитические результаты для определения вероятности того, тестирование каких спортсменов будет положительным во время Игр. Директор Родченков разделил данную вероятность на три категории: красная – тестирование спортсмена покажет положительный результат во время Игр, так что его необходимо заменить; желтая – в пробе имеются следы веществ, улучшающих показатели выступлений, но она очистится до начала Игр; и зеленая – проба чистая, так что спортсмен допускается к участию в Играх» (с. 76–77).

«Спортсмены по инструкции собрали то, что считалось чистыми образцами мочи, за исключением фаз выведения для любых СУПВ, которые они использовали. Родионова получала эти образцы от спортсменов и отправляла их на хранение в морозильных камерах ЦСП. Д-р Родченков тестировал на выбор любые из этих образцов чистой мочи, чтобы убедиться, что они, фактически, были отрицательными... Роль доктора Родченкова в этой схеме подмены мочи заключалась в том, чтобы обеспечить полное соответствие нового образца информации об удельном весе (УВ), указанном в

первоначальном протоколе допинг-контроля (ПДК) на Олимпиаде в Сочи. Эта корректировка осуществлялась с помощью добавления в мочу поваренной соли, чтобы поднять УВ чистой мочи, или дистиллированной воды, чтобы растворить образец чистой мочи так, чтобы он как можно ближе соответствовал числу, указанному в ПДК... Метод подмены образцов в Сочи был уникальной ситуацией» (с. 13, 15).

«Д-р Родченков подготовил список из 37 спортсменов, образцы которых потенциально являлись проблемой, если другая сертифицированная лаборатория будет их анализировать. Во время встречи с заместителем министра Нагорным обсуждалась опасная для лаборатории ситуация, которая могла возникнуть, если бы отобранные образцы остались на хранении. В результате этой встречи Нагорных решил привлечь к делу “волшебников”. Той ночью ФСБ посетила лабораторию, а на следующий день пробирки с образцами были в лаборатории уже без крышек» (с. 16–17).

«После замены грязной мочи на чистую мочу защищенных спортсменов и снятия крышки бутылочки с пробой В директор Родченков и его помощники проводили работу с пробами поздней ночью, когда в лаборатории почти никого не было. Грязная моча спортсменов удалялась... После манипуляций с чистой пробой проводилась замена крышек на бутылочках В, затем бутылочки А и В с пробами каждого спортсмена передавались через отверстие канализации в стене. Бутылочки помещались в комнате аликвотирования. Затем подмененные пробы проходили стандартную лабораторную процедуру, как и все остальные пробы» (с. 71–72).

Отчёт Паунда-Макларена

1. Согласно Отчёту Паунда-Макларена, Г. Родченков умышленно фальсифицировал допинг-пробы, противоправно используя должностные полномочия, злоупотребляя таковыми, применяя придуманные (или усовершенствованные) им технологии, а также принимал непосредственное участие в противоправных схемах, реализовавшихся другими лицами.

«Независимая комиссия также обнаружила, что организатором сокрытия положительных результатов допинговых тестов является господин Родченков, директор московской антидопинговой лаборатории. Он не только принимал, но и просил деньги за сокрытие положительных результатов тестов» (с. 13, 202, 279).

«Господин Родченков являлся неотъемлемой частью конспирационной схемы... сокрытия положительных результатов допинг-тестов» (с. 15, 213, 280).

«Должностные лица ВАДА и члены НК провели 2 встречи с господином Родченковым – 26 марта 2015 года и 30 июня 2015 года. Во время обеих встреч господин Родченков признал намеренное уничтожение 1417 проб в целях ограничения объема аудита ВАДА и для снижения потенциально неблагоприятных результатов последующих анализов, проводимых другой аккредитованной ВАДА лабораторией» (с. 13).

«Имеются подтвержденные доказательства того, что московская антидопинговая лаборатория [Г. Родченкова – прим. авт.]

была вовлечена в сокрытие положительных результатов допинг-тестов» (с. 15).

«Существовало тайное соглашение между президентом ВФЛА и директором лаборатории Родченковым по сокрытию положительных допинг-тестов путем замены проб, заведомо известных как «грязные» на «чистые» в московской лаборатории...» (с. 25, 212, 291).

«Выводы независимой комиссии: ... 3. Григорий Родченков, директор московской лаборатории, был прямо указан как пособник и подстрекатель в отношении деятельности, связанной с применением допинга» (с. 12, 116, 278).

«Следователи НК разговаривали с конфиденциальным свидетелем 2, который занимает одну из важных позиций в российском спорте и регулярно общается с российскими элитными спортсменами и тренерами. Во время данных контактов, КС2 получил достаточную информацию о допинге в России... Эта схема работает, как швейцарские часы. Кто-то коррумпирован в лаборатории... КС2 считает, что данное коррумпированное лицо в лаборатории – это Григорий Родченков» (с. 200–201).

2. Согласно Отчёту Паунда-Макларена, Г. Родченков совершал коррупционные преступления, вымогал и брал взятки, его противоправные действия в нарушение антидопинговых правил были мотивированы целями получения незаконных доходов.

«Господин Родченков являлся неотъемлемой частью конспирационной схемы по вымогательству денег у легкоатлетов для сокрытия положительных результатов допинг-тестов» (с. 15, 213, 280);

«Независимая комиссия также обнаружила, что организатором сокрытия положительных результатов допинговых тестов является господин Родченков, директор московской антидопинговой лаборатории. Он не только принимал, но и просил деньги за сокрытие положительных результатов тестов, что подтверждает его ответственность за те ситуации, в которых тренеры и чиновники шантажировали легкоатлетов, даже если он сам не был осведомлен о таких фактах шантажа» (с. 13, 202, 279).

«Директор московской лаборатории [Г. Родченков – прим. авт.] через посредника получил плату со стороны одного из источников оперативной информации за сокрытие взятой пробы на допинг, когда спортсмен сознательно участвовал в соревнованиях под допингом. Посредником, который получил деньги, является известный торговец запрещенными веществами» (с. 14).

«Существовало тайное соглашение между президентом ВФЛА и директором лаборатории Родченковым по сокрытию положительных допинг-тестов путем замены проб, заведомо известных как «грязные» на «чистые» в московской лаборатории. Легкоатлеты платили как президенту, так и директору за данные услуги» (с. 25, 212, 291).

«Степанова начала принимать ряд других запрещенных субстанций, улучшающих показатели выступлений.... Мохнев порекомендовал ей обратиться к директору московской лаборатории Григорию Родченкову. Была достигнута договоренность, что за

30 000 российских рублей ... Родченков скроет положительный результат тестирования. Деньги Степанова передала непосредственно одному из друзей Родченкова... Степанова рассказала независимой комиссии, что в этот же день, после совершения оплаты, Родченков позвонил Мохневу и сказал, что Степанова может больше не волноваться по поводу положительных результатов тестирования» (с. 141–142).

«Степанова также описала инцидент, где ей сообщили, что она показала положительный результат на эритропозтин во время российского национального чемпионата по легкой атлетике... В ответ на положительный результат Степановой сообщили, что **ее проба не будет передана РУСАДА, если директору московской лаборатории Григорию Родченкову заплатят 30 000 рублей.** В августе 2010 года по указанию тренера Мохнева, Степанова оплатила 30 000 рублей подельнику Родченкова... Степанова подтвердила НК, что положительный образец никогда не был доставлен в РУСАДА» (с. 199).

«Конфиденциальный свидетель № 1, элитный российский спортсмен, ... предоставил информацию НК о существовании сговора между президентом ВФЛА Валентином Балахничевым, директором московской лаборатории Родченковым, и другими с целью сокрытия положительных результатов на допинг... **Родченков подменял “образцы А” в лаборатории. КС1 также сообщил, что спортсмены платили 20 000 рублей в ВФЛА и 30 000 рублей Родченкову, чтобы скрывать положительные тесты на допинг**» (с. 200).

3. Согласно Отчёту Паунда-Макларена, Г. Родченков позволяет себе лгать, вводить в заблуждение, делать не заслуживающие доверия заявления.

«**Независимая комиссия заключила, что заявления директора Родченкова в отношении уничтожения проб не заслуживают доверия**» (с. 13, 204, 279). Трижды в Отчёте Паунда-Макларена повторено одно и то же, пусть, и по определенному кругу вопросов.

Выводы

Таким образом, в Докладе Р. Макларена и в Отчёте Паунда-Макларена, по сути дела, Г. Родченков показан и назван фальсификатором, взяточником-коррупционером и вымогателем, «пособником и подстрекателем» в нарушениях антидопинговых правил (мера доказательности таких оценок в адрес Г. Родченкова не входила в задачи настоящего исследования).

Из Доклада Р. Макларена очевидно следует, что Г. Родченков действовал совершенно умышленно, систематически и инициативно. И такие оценки в отношении действий Г. Родченкова ещё более убедительно и однозначно подтверждаются Отчётом Паунда-Макларена.

Никаких убедительных релевантных доказательств давления представителей властей на Г. Родченкова в Докладе Р. Макларена представлено не было. В Отчёте Паунда-Макларена сказано, что *«независимая комиссия заключила, что имело место прямое запугивание и вмешательство государственных органов в деятельность московской*

лаборатории» (с. 14), однако никаких релевантных доказательств этого утверждения так же приведено не было, равно как и объяснения, каким именно образом это повлияло на умысел Г. Родченкова в совершении им многочисленных противоправных деяний и как это его оправдывает.

Но одновременно в Докладе Р. Макларена Г. Родченков представлен как кристально честный человек, достойный всяческого доверия: *«Родченков достоверно и правдиво передал мне показания... в допросах со мной он был честен»* (с. 21); *«Родченков, в контексте предмета в рамках мандата НЛ, был надежным и честным человеком»* (с. 23); Р. Макларен заявляет о Г. Родченкове и его заявлениях и материалах: *«Поэтому я, не задумываясь, пришел к выводу, что в контексте предмета, который был моим мандатом, он является заслуживающим доверия и честным человеком»* (с. 21); *«В том, что касается рассматриваемого вопроса в пределах сферы полномочий Независимого лица, д-р Родченков был честным и заслуживающим доверия лицом»* (с. 86).

Следовательно, налицо неустранимые и критические внутренние логические противоречия в Докладе Р. Макларена в части оценок Г. Родченкова, еще более усугубляемые противоречием Доклада Р. Макларена в этой части Отчёту Паунда-Макларена. И эти противоречия, усиленные крайне негативными оценками указанных документов в адрес Г. Родченкова, превращают сведения и материалы, полученные от Г. Родченкова, по существу, в фикцию.

Представленные в настоящем заключении цитаты убедительно опровергают аргументы Доклада Р. Макларена (а также тех должностных лиц из международных спортивных организаций, которые приняли те или иные решения, основываясь на Докладе Р. Макларена) о том, что предоставленные Г. Родченковым сведения и «документы» заслуживают доверия и являются достоверными, а сам Г. Родченков является «заслуживающим доверия и честным человеком», а также что вины на Г. Родченкове нет, поскольку его будто бы вынудила к этому некая существующая государственная система.

Соответственно, отсутствуют основания считать и оценивать Г. Родченкова в качестве источника объективной информации в расследовании и/ или описании реальных или мнимых нарушений антидопинговых правил в российском спорте. А Доклад Р. Макларена в части его основанности на сведениях и материалах Г. Родченкова, соответственно, является и подлежит признанию ложным.

30.08.2016

Ботнев Владимир Константинович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Botnev V.K. Critical analysis of R. McLaren's Report dated 16.VII.2016

This critical analysis was drawn up at the request of a number of Russian athletes.

The subject of this study and the resulting opinion is Richard H. McLaren's Report dated 16.07.2016 «WADA Investigation of Sochi allegations»⁶² (hereinafter – McLaren's Report) and the Final Report (No.1) of the Independent Commission of R. Pound, R. McLaren and others⁶³ dated 09.11.2015 (hereinafter – the Pound-McLaren's Report) in particular the details of Grigory Rodchenkov's activities, the former Head of the Moscow Anti-Doping Laboratory (Federal State Unitary Enterprise «Anti-Doping Center») and assessment of his activities.

The purpose of this study is to evaluate the quality of the evidence given in McLaren's Report, especially in its core part, details, and materials provided by G.Rodchenkov.

The analysis of these documents allows making clear and definite conclusions and estimates of G.Rodchenkov's unlawful acts, which according to these documents, were carried out by this person while holding the office of the Head of the Moscow Anti-Doping Laboratory (Federal State Unitary Enterprise «Anti-Doping Center»). In what follows we provide the most vivid examples of some parts of these documents. We do not give any judgments of G.Rodchenkov's actions but rather indicate the facts, estimates, and opinions given in the above mentioned documents.

McLaren's Report

1. According to the McLaren's Report, G.Rodchenkov has developed an original "cocktail" containing doping substances banned in sports and methods of its unlawful use, willfully encouraged its wide distribution in gross violation of anti-doping rules, unlawfully using and abusing his official powers.

*«The Report has already referred to the doping program **using the athlete cocktail developed by Dr. Rodchenkov**. According to Dr. Rodchenkov athletes were competing "dirty" at Sochi using this cocktail»* (p. 62).

*«This control included providing athletes with PEDs through the **cocktail developed by Dr. Rodchenkov...**»* (p. 65–66).

*«This supports Dr. **Rodchenkov's evidence that Russian athletes were using his "cocktail" before the London Games**»* (p. 82).

*«After he became laboratory director, and in furtherance of his responsibility to improve Russian sport performance by covering up doping, Dr. **Rodchenkov developed a steroid cocktail optimized to avoid detection**.*

⁶² McLaren Independent Investigations Report into Sochi allegations // <<https://www.wada-ama.org/en/resources/doping-control-process/mclaren-independent-investigations-report-into-sochi-allegations>>; <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/20160718_ip_report_final3.pdf>.

⁶³ The Independent commission Final Report № 1, November 9, 2015 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada_independent_commission_report_1_en.pdf>.

Initially, that cocktail consisted of Oral Turinabol (Dehydrochloromethyl-testosterone), Oxandrolone and Methasterone. The steroids were dissolved in alcohol (Chivas for the men and Vermouth for the women). The solution was then swished in the mouth in order to be absorbed by the bucal membrane and then spit out. Dr. Rodchenkov's research indicated that, with the laboratory technology available at the time, the detection window for the steroids in the cocktail would not exceed 3-5 days. After the London Games, the steroid Oral Turinabol was replaced in the cocktail with the steroid Trenbolone because long term metabolites of Oral Turinabol had become more easily detected. While Dr. **Rodchenkov's "cocktail" may sound fanciful**, the IP has confirmed with its scientific advisor that indeed steroids dissolve better in alcohol than in water, and that the administration of steroids through bucal absorption, as compared to injection or swallowing the drug, does shorten the window of detectability. Dr. **Rodchenkov's evidence is that, although he designed the cocktail, he did not make it or distribute it**. Rather, the cocktail was distributed to various sport federations by Irina Rodionova, who worked for the CSP, a subsidiary organization of the MofS. Rodionova nicknamed the cocktail "Duchess" after a traditional Russian drink. Dr. Rodchenkov's evidence is that by the time of the Olympic Games in London, many of Russia's top athletes were using the cocktail» (p. 49–51).

It is important to note, the verbal manipulation used in McLaren's Report aimed at manipulative rehabilitation of Dr. Rodchenkov. Actually, the author and developer of the illegal plan and illegal method is obviously an accomplice in the illegal activities, not an innocent stranger whose ideas were used to achieve negative goals. Besides, G.Rodchenkov could not have developed his "cocktail" without making it in practice.

However, McLaren's Report contradicts itself telling the readers that Dr. Rodchenkov was directly involved in distribution of this "cocktail" (it is unreasonable to reduce the "distribute" concept only to single handedly handing over the "cocktail" bottle to the athlete), encouraged its distribution:

*«In addition to the scheme described above, Dr. **Rodchenkov was able to advise the MofS on the PEDs that would have the least likelihood of detection during the London Games. Dr. Rodchenkov's "cocktail" of the steroids Oral Turinabol, Oxandrolone and Methasterone was administered to athletes prior to the London Games**» (p. 77).*

2. According to McLaren's Report, G.Rodchenkov willfully falsified the doping samples illegally using his official powers and abusing them, using the methods based on his ideas or improved by him technologies. Also, he was directly involved in illegal schemes implemented by other persons.

*«**Rodchenkov and laboratory staff then adjusted the clean urine with salt, diluted it with water**» (p. 44).*

*«This control included providing athletes with PEDs through the cocktail developed by Dr. Rodchenkov, **concealment of any positive results by the laboratory** [of Rodchenkov!], and having a bank of previously provided clean urine available for swapping» (p. 65–66).*

*«In a classical **doping cover up scheme**, samples are collected pre-competition to determine whether an athlete will test positive at an upcoming competition and should therefore be kept at home. Those samples are not*

collected in official anti-doping bottles and results are not reported into ADAMS or to the antidoping authorities... For the London Games however, a variation of this approach was used, but the purpose remained the same. Before the London Games, the pre-competition samples were collected in official doping control bottles. The analytical results were reviewed by the **Moscow Laboratory** to determine the likelihood that an athlete was in danger of testing positive at the Games. **That likelihood was characterised by Dr. Rodchenkov as either red where the athlete was going to test positive at the Games and should be replaced; yellow, meant the sample still showed traces of PEDs, but should be clear in time for the Games; and green meant the athlete was cleared to go to the Games**» (p. 76–77).

«Athletes, on instruction, would collect what were thought to be clean urine samples outside of the wash out periods for any PEDs they were using. Rodionova would receive these samples from athletes and arrange for their freezer storage at the CSP. **Dr. Rodchenkov would test some of these clean urine samples to ensure they were in fact not positive... Dr. Rodchenkov's role in the sample swapping scheme included ensuring that the substituted sample was manipulated to match as closely as possible the Specific Gravity (SG) indicated on the original Doping Control Form ("DCF") taken at the Sochi venue. This adjustment was accomplished by adding table salt to raise the clean urine SG or distilled water to dilute the clean urine sample so as to closely match the SG number on the DCF... The Sochi sample swapping methodology was a unique situation**» (p. 13, 15).

«**Dr Rodchenkov prepared a schedule of 37 athletes whose samples were potentially a problem if another accredited laboratory were to analyze them. A meeting was held with Deputy Minister Nagornykh in which the jeopardy of the laboratory was discussed were something not done to deal with the selected samples. The upshot of that meeting was that Deputy Minister Nagornykh resolved to call in the "magicians". That night the FSB visited the laboratory and the next day sample bottles were in the laboratory without their caps**» (p. 16–17).

«**With the protected athlete's clean urine and the B sample bottle cap removed, Dr. Rodchenkov and his team would go to work on the samples in the dead of night when there was little activity in the laboratory. The athlete's dirty urine was disposed of... After any adjustments to the clean sample were made, the caps would be replaced on the B bottles and the A and B bottles for each athlete would be passed back through the mouse hole in the wall. The bottles would be received in the aliquoting room. The standard laboratory procedure was later conducted on the swapped samples as with all other samples**» (p. 71–72).

Pound-McLaren's Report

1. According to Pound-McLaren's Report, G.Rodchenkov willfully falsified the doping samples illegally using his official powers and abusing them, using the methods based on his ideas or improved by him technologies Also, he was directly involved in illegal schemes implemented by other persons.

«The IC further finds that **at the heart of the positive drug test cover-up is Dir. Rodchenkov**. He not only accepted, but also requested money in order to execute the concealment positive test results» (p. 13, 202, 279).

«**Director Rodchenkov was also an integral part of the conspiracy... in order to cover up positive doping test results**» (p. 15, 213, 280).

«WADA officials and IC members conducted two subsequent interviews of Dir. **Rodchenkov** on 26 March 2015 and 30 June 2015, where on both occasions, he **admitted to intentionally destroying** the 1,417 samples in order to limit the extent of WADA's audit and to reduce any potential adverse findings from subsequent analysis by another WADA accredited laboratory» (p. 13).

«There is strong corroborating evidence that the **Moscow laboratory has been involved in a widespread cover-up of positive doping tests**» (p. 15).

«**There was collusion between the President of ARAF and the laboratory Director Rodchenkov to conceal positive drug tests by swapping clean samples for known dirty "A" samples at the Moscow lab...**» (p. 25, 212, 291).

«**Grigory Rodchenkov, director of the Moscow accredited laboratory was specifically identified as an aider and abettor of the doping activities**» (p. 12, 116, 278).

«IC investigators spoke to another Confidential Witness (CW2) who holds a prominent position within Russian sport and routinely interfaces with Russian elite athletes and coaches. Through these contacts and associations, CW2 obtains pertinent information about doping within Russia... They are working like a Swiss clock. Someone inside the lab is corrupt... CW2 believed the **reported corrupt person at the laboratory was Grigory Rodchenkov**» (p. 200–201).

2. According to Pound-McLaren's Report, G.Rodchenkov committed corruption crimes, blackmailed, and took bribes. His illegal acts violating the anti-doping rules were attributed to receiving illegal income.

«**Director Rodchenkov was also an integral part of the conspiracy to extort money from athletes in order to cover up positive doping test results**» (p. 15, 213, 280);

«The IC further finds that **at the heart of the positive drug test cover-up is Dir. Rodchenkov**. He not only accepted, but also requested money in order to execute the concealment positive test results, which makes him equally responsible for incidents where coaches or officials extorted athletes even if he was not personally made aware of the extortion» (p. 13, 202, 279).

«The **Moscow laboratory Director [Rodchenkov!] was paid indirectly** by one of the whistleblowers **to conceal a doping test taken while the athlete was knowingly competing dirty**. The go-between who received the money is a known performance-enhancing substances trafficker» (p. 14).

«**There was collusion between the President of ARAF and the laboratory Director Rodchenkov to conceal positive drug tests by swapping clean samples for known dirty "A" samples at the Moscow lab. Athletes paid both the President and the Director for the benefit of such services**» (p. 25, 212, 291).

«Stepanova took a number of different prohibited performance enhancing substances... Mokhnev advised Stepanova that he had spoken with Moscow laboratory Director, Grigory Rodchenkov, and it **was agreed that Stepanova would pay 30,000 roubles... to Rodchenkov to cover up the positive test result. This payment was paid directly by Stepanova to one of Rodchenkov's friends....** Stepanova informed the IC that as a result of the payment, Rodchenkov reportedly called Mokhnev on the same day as the payoff, to report that Stepanova no longer had to be concerned about the positive test» (p. 141–142).

«Stepanova also described an incident where she was informed that she tested positive for erythropoietin (EPO) during the Russian National Athletics Championships... In response to **her positive drug test, Stepanova was told the sample would not be reported to RUSADA if a 30,000 rouble payment was paid to the Director of Moscow laboratory, Grigory Rodchenkov.** In August 2010 at coach Mokhnev's direction, Stepanova provided a 30,000 rouble payment to a purported associate of Rodchenkov... Stepanova confirmed to the IC that the positive sample was never reported to RUSADA» (p. 199).

«Confidential Witness #1 (CW1), an elite Russian athlete ... provided information to the IC revealing that there was collusion between ARAF President, Valentin Balakhnichev, Moscow laboratory Director, Rodchenkov, and others to conceal positive drug tests... **Rodchenkov was substituting "A Samples" at the laboratory.** CW1 further advised that **athletes paid 20,000 roubles to ARAF and 30,000 roubles to Rodchenkov to conceal positive drug tests**» (p. 200).

3. According to Pound-McLaren's Report, G.Rodchenkov allows himself to lie, confuse others, and make untrustworthy statements.

«The IC finds that **Dir. Rodchenkov's statements regarding the destruction of the samples are not credible**» (p. 13, 204, 279). Pound-McLaren's Report repeated the same thing three times, even though on a certain number of issues.

Conclusions

Therefore, McLaren's Report and Pound-McLaren's Report, actually, show and call G.Rodchenkov a criminal, a bribe taker, corrupt official, and blackmailer, "aider and abettor" in doping misconducts (the degree of substantiation of these estimates in respect of G.Rodchenkov was out of this study scope).

From McLaren's Report, it obviously follows that G.Rodchenkov acted willfully, regularly, and proactively. This opinion in respect of G.Rodchenkov's actions is even more convincingly and clearly confirmed by Pound-McLaren's Report.

McLaren's Report does not give any convincing relevant evidence of pressure on G.Rodchenkov from the public authority representatives. Pound-McLaren's Report said that «*The IC concludes that there was direct intimidation and interference by the Russian state with the Moscow laboratory operations*» (p. 14). However, neither relevant evidence of this statement nor explanation of how it influenced G.Rodchenkov's intent in multiple illegal acts and how it vindicates him, were provided.

But at the same time, McLaren's Report describes G.Rodchenkov as a trustworthy person having complete moral honesty: «*Dr. Rodchenkov is **credible and truthful** in relaying to me the testimony... has been completely truthful in his interviews with me*» (p. 21); «***Rodchenkov, in the context of the subject matter within the IP mandate, was a credible and truthful person***» (p. 23); «*Therefore, I did not hesitate in coming to the conclusion that **within the context of the subject matter that was my mandate he is a credible and truthful person***» (p. 21); «*Dr. **Rodchenkov, in the context of the subject matter within the IP mandate, was a credible and truthful person***» (p. 86).

Consequently, there are fatal logical contradictions in McLaren's Report in the part relating to G.Rodchenkov's assessment. To make things worse, McLaren's Report contradicts Pound-McLaren's Report in this part. These contradictions enhanced by extremely negative estimations of G.Rodchenkov in fact turn the information and documents provided by G.Rodchenkov into fiction.

The citations given in this analysis convincingly counter the arguments of McLaren's Report (and those officials from the international sports organizations who made various decisions based on McLaren's Report) that the information and "documents" provided by G.Rodchenkov are trustworthy and authentic and G.Rodchenkov himself is a "credible and truthful person", and that G.Rodchenkov is not guilty because he was allegedly forced by some existing government system.

Consequently, there are no reasons to believe that G.Rodchenkov is a source of objective information in the investigation and/or description of actual or alleged violations of anti-doping rules in Russian sports. McLaren's Report in terms of basing it on the information and documents provided by G.Rodchenkov, is therefore and shall be considered false.

30.08.2016

Vladimir K. Botnev, doctor of science (Law), Head of the Department of state and municipal administration of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

* * * * *

Botnev V.K. Conclusion sur le contenu du Rapport de R. McLaren du 16.07.2016

La présente conclusion est faite selon les recours d'un certain nombre de sportifs russes.

Le contenu du Rapport de R. McLaren du 16/07/2016 «L'investigation de l'AMA des allégations des athlètes russes de l'Olympiade de Sotchi de l'utilisation des produits dopants»⁶⁴ (ci-après – le Rapport de R. McLaren) et le Rapport exhaustif (sous N° 1), du 09/11/2015, de la Commission de R. Pound, R. McLaren et d'autres⁶⁵ (ci-après – le Rapport de Pound-McLaren), dans la partie de la présentation des informations sur l'activité de Grigory Rodchenkov, ancien directeur du Laboratoire antidopage de Moscou (Entreprise fédérale unitaire d'État (FGUP) «Centre antidopage») et des évaluations de ses actions, ont fait l'objet de la présente étude et de la conclusion faite selon ses résultats.

Le but de cette étude est l'évaluation de la qualité de la base des preuves du Rapport de R. McLaren, dans la partie de son «noyau» central, c'est-à-dire, les informations et les documents fournis par G. Rodchenkov.

L'analyse des ces documents permet de révéler une série de descriptions assez détaillées et tout à fait claires et univoques, et d'évaluations des actions illégales de G. Rodchenkov commises, selon ces documents, par ladite personne dans la période de sa suppléance du directeur du Laboratoire antidopage de Moscou (Entreprise fédérale unitaire d'État (FGUP) «Centre antidopage»). Les fragments référentiels de texte, les plus frappants, les documents mentionnés seront présentés ci-dessous sous formes d'extraits. Nous ne donnons pas les estimations indépendantes de G. Rodchenkov, mais nous articulons les faits, les informations, les appréciations et les positions, exposés dans les documents indiqués ci-dessus.

Rapport de R. McLaren

1. Selon le Rapport de R. McLaren, G. Rodchenkov a développé un «cocktail» d'auteur contenant des agents de dopage interdits dans le sport, et les technologies de son utilisation illégale, a contribué intentionnellement à sa distribution active, à la violation flagrante des règles antidopage, en utilisant illégalement les pouvoirs fonctionnels, en abusant de ces derniers.

«Dans le Rapport, on a déjà mentionné le programme de dopage avec l'utilisation d'un cocktail de sportif, élaboré par le docteur Rodchenkov. Selon Rodchenkov, les athlètes étaient «sales», en prenant ce cocktail pendant les compétitions à Sotchi» (p. 62, ici et ci-après, les citations sont selon la source première en Anglais).

⁶⁴ McLaren Independent Investigations Report into Sochi allegations // <<https://www.wada-ama.org/en/resources/doping-control-process/mclaren-independent-investigations-report-into-sochi-allegations>>; <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/20160718_ip_report_final3.pdf>.

⁶⁵ The Independent commission Final Report № 1, November 9, 2015 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada_independent_commission_report_1_en.pdf>.

«Les mesures de ce contrôle consistaient à ravitailler les sportifs par les substances améliorant les performances, à travers le **cocktail élaboré par le directeur Rodchenkov...**» (p. 65–66).

«Cela confirme les informations présentées par le directeur **Rodchenkov, que les athlètes russes ont utilisé un «cocktail»** avant les Jeux Olympiques de Londres...» (p. 82).

«Après qu'il soit devenu le directeur du laboratoire, et en accomplissant son but d'amélioration des résultats du sport russe, en cachant la prise de dopage, le docteur **Rodchenkov a développé un cocktail de stéroïdes optimisé pour éviter la détection.** Primordialement, le cocktail comprenait de l'«Oral turinabol» (chlorodegидrometiltestosteron), de l'oxandrolone et du metasteron. Les stéroïdes ont été dissous dans la boisson alcoolisée (le whisky Chivas pour les hommes, et le vermouth pour les femmes). Ensuite, la solution était utilisée comme bain de bouche pour qu'elle soit absorbée par les muqueuses des joues, et crachée. Les études du docteur Rodchenkov ont montré qu'avec les technologies de laboratoire disponibles en ce moment, la fenêtre de détection pour les stéroïdes dans le cocktail ne dépassait pas 3 à 5 jours. Après les Jeux Olympiques de Londres, le stéroïde «Oral turinabol» dans le cocktail a été remplacé par un stéroïde «Trenbolone», parce que c'est devenu plus facile de découvrir les métabolites durables de l'«Oral turinabol». Bien que le **«cocktail» du docteur Rodchenkov puisse sembler fantastique**, la PI a reçu la confirmation du conseiller scientifique qu'en effet, les stéroïdes se dissolvent mieux dans l'alcool, plutôt que dans l'eau, et que la prise des stéroïdes en les absorbant à travers les muqueuses des joues, en comparaison avec des injections ou la déglutition, réduit la fenêtre de leur détection. **Le docteur Rodchenkov témoigne que, bien que ce soit lui qui ait inventé ce cocktail, il ne le fabriquait ni distribuait pas.** Le cocktail était distribué dans de diverses fédérations sportives par Irina Rodionova, qui travaillait dans le Centre de préparation des sportifs (CPS), une organisation qui est soumise au Ministère des Sports. Rodionova a nommé ce cocktail «Duchesse», suivant le nom de la boisson traditionnelle russe. Le Dr Rodchenkov témoigne que plusieurs athlètes russes de niveau supérieur, au moment des Jeux Olympiques à Londres, prenaient ce cocktail» (p. 49–51).

Il convient de noter l'équilibrisme verbal dans le Rapport de McLaren, visant à badigeonner Rodchenkov, en utilisant les manipulations. En réalité, l'auteur-concepteur du plan illégal et de la technologie illicite est, évidemment, un complice direct de l'activité illégale, et non une personne étrangère innocente, dont les idées ont été tout simplement utilisées dans les buts négatifs. En outre, l'«invention» par G. Rodchenkov de son «cocktail» paraît impossible sans fabrication pratique d'un tel «cocktail».

D'ailleurs, le Rapport de McLaren se contredit lui-même, en disant au lecteur que Rodchenkov était directement lié à la distribution de ce «cocktail» (rapprocher la notion «distribuer» seulement à la transmission personnelle des conteneurs avec du «cocktail» aux athlètes, est arbitraire), contribuait à une telle distribution:

«Excepté la réalisation du schéma décrit ci-dessus, le directeur **Rodchenkov a pu convaincre le Ministère des Sports de la faible probabilité de détection des substances qui améliorent les performances**, pendant les jeux Olympiques de Londres. Le **cocktail des stéroïdes du**

directeur Rodchenkov, qui comprenait de l'oral turinabol, de l'oxandrolone et du metasteron, a été donné aux sportifs avant les jeux Olympiques de Londres» (p. 77).

2. Selon le Rapport de R. McLaren, G. Rodchenkov falsifiait délibérément les tests de dopage, en utilisant illégalement des pouvoirs fonctionnels, en abusant de ces derniers, en utilisant les technologies développées (ou perfectionnées) par lui, ainsi que participait directement dans les schémas illégaux, réalisés par d'autres personnes.

«**Rodchenkov** et le personnel du laboratoire **ajoutaient** le sel à l'urine propre, et le diluaient avec de l'eau» (p. 44).

«Les mesures de ce contrôle consistaient à ravitailler les sportifs par les substances améliorant les performances, à travers le cocktail élaboré par le directeur Rodchenkov..., à **dissimuler par le laboratoire** [le laboratoire de Rodchenkov! – remarque de l'auteur] **de tous les échantillons positifs** et à assurer la banque de l'urine propre fournie auparavant, pour la substitution» (p. 65–66).

«Dans le **schéma classique de la falsification des résultats du contrôle de dopage**, des échantillons sont recueillis avant la compétition afin de déterminer la probabilité des échantillons positifs de l'athlète à la compétition à venir, de sorte qu'il peut être laissé à la maison. Ces échantillons ne sont pas collectés dans les fioles officielles d'échantillonnage pour le contrôle de dopage, et les résultats ne sont pas signalés au Système d'administration et de gestion antidopage (ADAMS) ou aux organisations antidopage... Cependant, pendant les Jeux Olympiques de Londres, il a été utilisé la modification de cette approche, dont le but restait le même. Avant le début des compétitions, dans le cadre des Jeux Olympiques de Londres, il y avait la prise des échantillons dans les fioles officielles d'échantillonnage pour le contrôle de dopage. Le **Laboratoire de Moscou** a examiné les résultats analytiques pour définir la probabilité: les tests de quels athlètes seront positifs pendant les Jeux. **Le directeur Rodchenkov a divisé cette probabilité en trois catégories: rouge – le test du sportif montrera le résultat positif pendant les Jeux, de sorte qu'il est nécessaire de le remplacer; jaune – dans l'échantillon il y a des traces des substances améliorant les performances, mais il sera purifié avant les Jeux; et vert – l'échantillon est propre, de sorte que le sportif est admis à la participation aux Jeux**» (p. 76–77).

«Selon l'instruction, les athlètes ont recueilli ce qui a été considéré comme des échantillons d'urine propre, sauf pour la phase d'élimination pour tout SUPV, qu'ils utilisaient. Rodionova recevait ces échantillons des sportifs et les envoyait pour la conservation dans les congélateurs du CPS. **Le Dr Rodchenkov testait sur le choix n'importe quel de ces échantillons d'urine propre pour se persuader qu'ils, en réalité, étaient négatifs...** Le rôle du docteur Rodchenkov dans ce schéma de la substitution d'urine consistait en garantie de la conformité complète d'un nouveau échantillon avec l'information sur le poids spécifique (PS), indiqué dans le procès-verbal initial du contrôle de dopage (PCD) aux Jeux Olympiques de Sotchi. Cet ajustement a été effectué en ajoutant du sel de cuisine à l'urine pour augmenter le PS de l'urine propre, ou de l'eau distillée pour diluer un échantillon d'urine propre de sorte qu'il corresponde

le plus près possible au nombre indiqué dans le PCD... La méthode de substitution des échantillons à Sotchi était une situation unique» (p. 13, 15).

«Le Dr **Rodchenkov** a préparé une liste de 37 athlètes dont les échantillons présentaient potentiellement le problème, au cas où un autre laboratoire agréé fasse les analyses. **Au cours de la rencontre avec le vice-ministre Nagornykh**, il y avait la discussion sur la situation dangereuse pour le laboratoire, qui pourrait survenir, si les échantillons prélevés y étaient restés pour être conservés. **À la suite de cette rencontre, Nagornykh a décidé d'impliquer dans cette affaire des «magiciens». La nuit même, le FSB a visité le laboratoire, et le lendemain, les éprouvettes avec des échantillons étaient dans le laboratoire déjà sans capsules**» (p. 16–17).

«Après le remplacement de l'urine sale contre l'urine propre des athlètes protégés et l'enlèvement de la capsule de la fiole d'échantillon B, le **directeur Rodchenkov et ses assistants travaillaient avec les échantillons** tard dans la nuit, quand presque personne n'était dans le laboratoire. **L'urine sale des athlètes était enlevée...** Après les manipulations avec les échantillons propres, il y avait le remplacement des capsules sur les fioles B, ensuite les fioles A et B, avec les échantillons de chaque athlète ont été passées à travers l'orifice de canalisation dans le mur. Les fioles ont été placées dans la pièce d'aliquotage. Puis les échantillons remplacés subissaient la procédure standard de laboratoire, comme tous les autres échantillons» (p. 71–72).

Rapport de Pound-McLaren

1. Selon le Rapport de Pound-McLaren, G. Rodchenkov falsifiait délibérément les tests de dopage, en utilisant illégalement des pouvoirs fonctionnels, en abusant de ces derniers, en utilisant les technologies développées (ou perfectionnées) par lui, ainsi que participait directement dans les schémas illégaux, réalisés par d'autres personnes.

«La Commission indépendante a également découvert que **monsieur Rodchenkov, le directeur du Laboratoire antidopage de Moscou, était l'organisateur de la dissimulation des résultats positifs des tests de dopage**. Il a non seulement accepté, mais aussi a demandé de l'argent pour la dissimulation des résultats positifs des tests» (p. 13, 202, 279).

«**Monsieur Rodchenkov faisait une partie intégrante du schéma de conspiration... de la dissimulation des résultats positifs des tests de dopage**» (p. 15, 213, 280).

«Les fonctionnaires de l'AMA et les membres de la CI ont eu 2 rencontres avec monsieur Rodchenkov – le 26 Mars 2015 et le 30 Juin 2015. Au cours de ces deux rencontres, **monsieur Rodchenkov a reconnu la destruction intentionnelle** de 1417 échantillons, afin de limiter la portée d'audit de l'AMA et de réduire les conséquences potentiellement néfastes des analyses ultérieures menées par un autre laboratoire accrédité par l'AMA» (p. 13).

«Il y a des preuves confirmées que le **Laboratoire antidopage de Moscou** [de G. Rodchenkov – remarque de l'auteur] **était impliqué dans la dissimulation des résultats positifs des tests de dopage**» (p. 15).

«Il y avait un accord secret entre le **président de la VFLA** (Fédération russe d'athlétisme) et le **directeur du laboratoire Rodchenkov** concernant la dissimulation des tests positifs de dopage par voie de remplacement des

échantillons notoirement connus comme «sales» contre les échantillons «propres» dans le Laboratoire de Moscou...» (p. 25, 212, 291).

«Les conclusions de la Commission indépendante: ... 3. **Grigory Rodchenkov, directeur du Laboratoire de Moscou, était directement répertorié comme complice par aide et assistance et instigateur en ce qui concerne l'activité liée à l'utilisation du dopage**» (p. 12, 116, 278).

«Les enquêteurs de la CI ont discuté avec le témoin confidentiel N° 2, qui occupe l'un des postes les plus importants dans le sport russe et communique régulièrement avec les sportifs et les entraîneurs élitaires russes. Au cours de ces contacts, le témoin confidentiel N° 2 a reçu des informations suffisantes sur le dopage en Russie... Ce schéma fonctionne, comme une montre suisse. Quelqu'un est corrompu dans le laboratoire... Le TC2 pense que **cette personne corrompue dans le laboratoire est Grigory Rodchenkov**» (p. 200–201).

2. Selon le Rapport de Pound-McLaren, G. Rodchenkov commettait les crimes de corruption, extorquait et prenait les pots-de-vin, ses actions illégales en violation des règles antidopage ont été motivées par les objectifs d'obtenir des profits illégaux.

«**Monsieur Rodchenkov faisait une partie intégrante du schéma de conspiration visant l'extorsion de l'argent des athlètes pour la dissimulation des résultats positifs des tests de dopage**» (p. 15, 213, 280);

«La Commission indépendante a également découvert que **monsieur Rodchenkov, le directeur du Laboratoire antidopage de Moscou, était l'organisateur de la dissimulation des résultats positifs des tests de dopage. Il a non seulement accepté, mais aussi a demandé de l'argent pour la dissimulation des résultats positifs des tests, ce qui confirme sa responsabilité pour ces situations, quand les entraîneurs et les fonctionnaires faisaient du chantage aux athlètes, même si lui personnellement n'était pas informé de tels faits de chantage**» (p. 13, 202, 279).

«**Le directeur du Laboratoire de Moscou [G. Rodchenkov – remarque de l'auteur] a reçu le paiement par un intermédiaire, de l'une des sources d'informations opérationnelles, pour la dissimulation d'un échantillon prélevé pour dopage, quand l'athlète a délibérément pris part aux compétitions sous le dopage. L'intermédiaire qui a touché de l'argent, c'est un commerçant bien connu de substances interdites**» (p. 14).

«**Il y avait un accord secret entre le président de la VFLA et le directeur du laboratoire Rodchenkov concernant la dissimulation des tests positifs de dopage par voie de remplacement des échantillons notoirement connus comme «sales» contre les échantillons «propres» dans le Laboratoire de Moscou. Les athlètes payaient pour ces services au président, ainsi qu'au directeur**» (p. 25, 212, 291).

«Stepanova a commencé à prendre un certain nombre d'autres substances interdites qui amélioraient les performances.... Mokhnev lui a recommandé de contacter le directeur du Laboratoire de Moscou Grigory Rodchenkov. **Un accord a été convenu que pour 30 000 roubles russes.... Rodchenkov cachera le résultat positif du test. Stepanova a transmis l'argent directement à un des amis de Rodchenkov... Stepanova a raconté à**

la Commission indépendante que le même jour, après le paiement, Rodchenkov a téléphoné à Mokhnev et a dit que Stepanova peut ne plus avoir de soucis au sujet des résultats positifs du test» (p. 141–142).

«Stepanova a également décrit un incident, où on lui a annoncé qu'elle avait montré le résultat positif sur l'érythropoïétine lors du championnat national russe en athlétisme... En réponse au résultat positif, il a été dit à Stepanova que **son échantillon ne sera pas transmis à la RUSADA, si 30 000 roubles russes étaient payés au directeur du Laboratoire de Moscou Grigory Rodchenkov.** En août 2010, selon les instructions de l'entraîneur Mokhnev, Stepanova a payé 30 000 roubles russes au complice de Rodchenkov... Stepanova a confirmé à la CI que son échantillon positif n'a jamais été livré à la RUSADA» (p. 199).

«Le témoin confidentiel N° 1, un athlète russe élitaire,... a fourni des informations à la CI **sur l'existence de l'entente entre le président de la VFLA Valentin Balakhnitchev, le directeur du Laboratoire de Moscou Rodchenkov, et d'autres,** en vue de la dissimulation des résultats positifs sur le dopage... **Rodchenkov substituait les «échantillons A» dans le laboratoire.** Le TC1 a également signalé que **les athlètes payaient 20 000 roubles russes dans la VFLA et 30 000 roubles russes à Rodchenkov, pour dissimuler les tests positifs de dopage**» (p. 200).

3. Selon le Rapport de Pound-McLaren, G. Rodchenkov se permet de mentir, d'induire en erreur, de faire des déclarations crédibles.

«La Commission indépendante a conclu que **les déclarations du directeur Rodchenkov en ce qui concerne la destruction des échantillons ne sont pas crédibles**» (p. 13, 204, 279). Trois fois dans le Rapport de Pound-McLaren la même chose a été répétée, même si cela concernait un éventail défini des questions.

Conclusions

Ainsi, dans le Rapport de R. McLaren et dans le Rapport de Pound-McLaren, en fait, G. Rodchenkov est présenté et nommé comme falsificateur, concussionnaire, fonctionnaire corrompu et extorqueur, «complice par aide et assistance et instigateur» dans les violations des règles antidopage (les mesures de la validité et de la preuve de ces estimations des présents documents à l'encontre de G. Rodchenkov ne faisaient pas l'objet de ces études).

Il découle clairement du Rapport de R. McLaren que G. Rodchenkov agissait tout à fait intentionnellement, systématiquement et activement. Et les estimations pareilles en ce qui concerne les actions de G. Rodchenkov sont confirmées d'une manière encore plus convaincante et sans équivoque par le Rapport de Pound-McLaren.

Dans le Rapport de R. McLaren il n'y a aucune preuves convaincantes de la pression des représentants de pouvoir sur G. Rodchenkov. Dans le Rapport de Pound-McLaren il est dit que «*la Commission indépendante a conclu qu'il y a eu lieu d'intimidation directe et d'intervention des organes d'État dans l'activité du Laboratoire de Moscou*» (p. 14), cependant les preuves d'une telle affirmation n'étaient pas présentées non plus, de même que les explications, comment cela a influencé l'intention de G. Rodchenkov de commettre ces

nombreuses actions illégales décrites dans le présent document et comment cela le justifie.

Mais en même temps, dans le Rapport de R. McLaren, G. Rodchenkov est présenté comme une personne d'une honnêteté cristalline, digne de toute confiance: «*Rodchenkov m'a transmis authentiquement et véridiquement les témoignages...* dans les interrogatoires avec moi il était honnête» (p. 21); «*Rodchenkov, dans le contexte de l'objet, dans le cadre des pouvoirs de la PI, a été une personne fiable et honnête*» (p. 23); R. McLaren déclare sur G. Rodchenkov, sur ses déclarations et ses documents: «*C'est pourquoi, je suis, sans hésiter, venu à la conclusion que dans le contexte de l'objet qui était mon mandat, il est une personne fiable et honnête*» (p. 21); «*En ce qui concerne la question dans le cadre des pouvoirs de la Personne indépendante, le Dr Rodchenkov était une personne honnête et digne de confiance*» (p. 86).

Donc, nous sommes en présence des contradictions internes logiques, insurmontables et critiques, dans le Rapport de R. McLaren dans la partie des estimations de G. Rodchenkov, aggravées encore plus par la contradiction du Rapport de R. McLaren dans cette partie par le Rapport de Pound-McLaren. Et ces contradictions intensifiées par les estimations extrêmement négatives des présents documents à l'encontre de G. Rodchenkov, transforment les informations et les documents reçus de la part de G. Rodchenkov, en effet, en fiction.

Les citations présentées dans la présente conclusion démentent d'une manière convaincante les arguments du Rapport de R. McLaren (ainsi que ceux de ces fonctionnaires des organisations sportives internationales qui ont pris des différentes décisions à la base du Rapport de R. McLaren), que G. Rodchenkov a fourni des informations et des «documents» incontestables qui méritent la confiance et que G. Rodchenkov lui-même est «une personne fiable et honnête», ainsi que sur ce fait que G. Rodchenkov est innocent, puisqu'il était influencé dans tous ses actes par un certain système politique existant.

En conséquence, il n'y a pas de raisons de considérer et d'estimer G. Rodchenkov à titre de source d'informations objectives dans l'enquête et/ou dans la description des violations réelles ou imaginaires des règles antidopage dans le sport russe. Alors, le Rapport de R. McLaren, dans la partie de son bien-fondé sur les informations et les documents de G. Rodchenkov, en conséquence, doit être considéré comme faux.

Le 30 août 2016.

Botnev Vladimir Konstantinovitch, Docteur ès sciences juridiques, Chef de la chaire de l'administration publique et municipale à l'Institut de la fonction publique et de l'administration publique de l'Académie russe de l'Economie nationale et de l'Administration publique auprès du Président de la Fédération de Russie

* * * * *

Botnev V.K. Analyse zum Bericht von R. McLaren vom 16.07.2016

Der vorliegende Beschluss wurde nach der Anrufung der mehreren russischen Sportler erstellt.

Das Prüfungsstück und dessen Beschluss bezieht sich auf den Bericht von R. McLaren vom 16.07.2016 «Untersuchung von WADA der Doping-Anschuldigungen gegen russische Teilnehmer an den Olympischen Spielen in Sotschi»⁶⁶ (weiter Bericht von R. McLaren) und auf den Abschlussbericht (unter Nr. 1) vom 09.11.2015 der Kommission R. Pound, R. McLaren und anderer⁶⁷ (weiter Bericht von Pound-McLaren) bezüglich der Darlegung der Information über die Tätigkeit von Grigorij Rodtschenkow, den ehemaligen Direktoren des Moskauer Anti-Doping-Labors (Föderales Staatliches Einheitsunternehmen «Anti-Dopingzentrum») und Einschätzung seiner Tätigkeit.

Das Ziel der vorliegenden Forschung ist Qualitätsbewertung der Beweismittel des Berichtes von R. McLaren in seinem Kernteil – die von G. Rodtschenkow vorgestellten Angaben und Unterlagen.

Die Analyse der genannten Unterlagen lässt eine Reihe der genug detaillierten und ganz deutlichen, eindeutigen Beschreibungen und Beurteilungen der gesetzwidrigen Handlungen von G. Rodtschenkow in der Periode seiner Arbeit als Direktor des Moskauer Anti-Doping-Labors (Föderales Staatliches Einheitsunternehmen «Anti-Dopingzentrum») feststellen. Im Weiteren werden einige besonders erhebliche Auszüge aus den genannten Unterlagen vorgestellt. Wir geben keine selbständige Bewertung von G. Rodtschenkow, sondern sprechen die Fakten, Angaben, Beurteilungen und Stellungnahmen, die in den obengenannten Unterlagen angegeben werden, aus.

Bericht von R. McLaren

1. Laut dem Bericht von R. McLaren hat G. Rodtschenkow einen originellen «Cocktail», der im Sport verbotenes Doping enthält, und das Verfahren des gesetzwidrigen Gebrauchs von diesem «Cocktail» entwickelt. Er hat seine dienstlichen Befugnisse widerrechtlich und missbräuchlich ausgeübt und die Verbreitung vom Doping absichtlich befördert, wobei die Dopingvorschriften grob verstoßen wurden.

«Im Bericht wurde schon das Dopingprogramm mit der Einnahme von Sportlercocktail, entwickelt von Doktor Rodtschenkow, erwähnt. Laut Rodtschenkow waren die Sportler «schmutzig», weil sie diesen Cocktail während der Spiele in Sotschi eingenommen haben» (S. 62, hier und weiter Auszüge aus der Quelle in Englisch).

⁶⁶ McLaren Independent Investigations Report into Sochi allegations // <<https://www.wada-ama.org/en/resources/doping-control-process/mclaren-independent-investigations-report-into-sochi-allegations>>; <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/20160718_ip_report_final3.pdf>.

⁶⁷ The Independent commission Final Report № 1, November 9, 2015 // <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada_independent_commission_report_1_en.pdf>.

«Die Kontrollmaßnahmen umfassten die Versorgung der Sportler mit den Stoffen, die durch den **vom Direktor Rodtschenkow entwickelten Cocktail** die Leistungen steigern...» (S. 65–66).

«Das beweist die Information vom Direktor **Rodtschenkow, dass die russischen Sportler seinen «Cocktail» vor den Olympischen Spielen in London eingenommen haben...**» (S. 82).

«Nachdem er die Stelle des Labordirektors bekommen hat, hat **Doktor Rodtschenkow** die Aufgabe bekommen, die Leistungen im russischen Sport zu erhöhen. Er hat die Dopingeinnahme vertuscht, und einen gegen Nachweis optimierten **Steroidcocktail entwickelt**. Ursprünglich bestand der Cocktail aus «Oral Turbinabol» (Dehydrochlormethyltestosteron), Oxandrolon und Methylandrosterndiole. Steroide wurden in Alkohol aufgelöst (Whisky Chivas für Sportler und Martini Vermouth für Sportlerinnen). Die Sportler sollten den Mund mit der Flüssigkeit nachspülen, um den Doping besser durch die Wangenschleimhaut aufzunehmen, und diese spucken. Die Forschungen von Doktor Rodtschenkow haben gezeigt, dass die zu jenem Zeitpunkt vorhandenen Labortechnologien die Steroide im Cocktail nach 3-5 Tagen nicht mehr nachweisen könnten. Nach den Olympischen Spielen in London wurde das Steroid «Oral Turbinabol» im Cocktail durch das Steroid «Trenbolone» ersetzt, weil es einfacher wurde die langhaltigen Metaboliten von «Oral Turbinabol» festzustellen. Obwohl **der Cocktail von Doktor Rodtschenkow fantastisch scheinen kann**, wurde es vom Wissenschaftsberater bestätigt, dass die Steroide im Alkohol besser als im Wasser aufgelöst werden. Die Einnahme der Steroide, absorbiert durch Wangenschleimhaut, verkürzt die Nachweisperiode im Gegenteil zur Injektion und zum Schlucken. **Doktor Rodtschenkow zeugt davon, dass er diesen Cocktail erfunden hat, aber nicht produziert und nicht verbreitet hat**. Irina Rodionova, die im CSP gearbeitet hat, einer Organisation mit der Zuordnung zum Sportministerium, hat den Cocktail in verschiedenen Sportföderationen verbreitet. Rodionova hat den Cocktail «Duchesse» nach dem russischen Traditionsgetränk genannt. Doktor Rodtschenkow zeugt davon, dass vor den Olympischen Spielen in London mehrere russische Spitzensportler diesen Cocktail eingenommen haben» (S. 49–51).

Man muss die verbale Balancierkunst im Bericht von McLaren nicht außer Acht lassen, mit deren Manipulationstechnik er den Rodtschenkow unschuldig zeigen versucht. In Wirklichkeit ist der Autor-Erfinder der gesetzwidrigen Maßnahme und der gesetzwidrigen Technologie, offensichtlich der Mitschuldige rechtswidriger Handlung und nicht ein unschuldiger fremder Mann, wessen Ideen dem negativen Zweck unbewusst gedient haben. Außerdem war die «Erfindung» solches «Cocktails» von G. Rodtschenkow ohne diesen «Cocktail» in der Praxis zu machen und zu erproben unmöglich.

Übrigens widerspricht der Bericht von McLaren sich selbst, in dem er dem Leser berichtet, dass Rodtschenkow ein Näheverhältnis zur Verbreitung von diesem Cocktail hatte (es ist unrichtig unter dem Begriff «verbreiten» nur eine persönliche Übergabe des Cocktails einem Sportler zu verstehen) und die Verbreitung unterstützt hat:

«Außer Realisation des obengenannten Systems, hat Direktor **Rodtschenkow das Sportministerium in einer sehr niedrigen Erfassungswahrscheinlichkeit von leistungssteigernder Substanz während**

der Olympischen Spiele in London **überzeugt. Man ließ die Sportler vor den Olympischen Spielen in London den Steroidcocktail von Direktor Rodtschenkow** bestanden aus Oral Turbinabol, Oxadrolon und Methylandrosterndiole nehmen. (S. 77).

2. Laut dem Bericht von R. McLaren hat G. Rodtschenkow absichtlich die Dopingproben vertuscht. Er hat seine Dienststelle gesetzwidrig genützt und missbraucht, hat die von ihm entwickelten (oder weiterentwickelten) Technologien verwendet und hat an der gesetzwidrigen Tätigkeit anderer Personen unmittelbar teilgenommen.

«**Rodtschenkow** und die Mitarbeiter vom Labor haben in den reinen Urin den Salz **hinzugefügt** oder mit dem Wasser verdünnt» (S. 44).

«Diese Vorkontrollmaßnahmen bestanden aus der Versorgung der Sportler mit den leistungssteigernden Substanzen durch den Cocktail von Direktor Rodtschenkow, aus dem **Vertuschen vom Labor** (Labor von Rodtschenkow! – Bemerkung vom Berichtsteller) **aller positiven Dopingproben** und aus der Verfügbarkeit von einer Menge des sauberen Urins für den Ersatz» (S. 65–66).

«Bei der klassischen **Konzeption der Verfälschung von den Dopingprobenergebnissen**, wird die Dopingvorkontrolle vor dem Wettkampf gemacht, damit die positive Dopingprobe im kommenden Wettkampf festgestellt werden kann und der Sportler in diesem Fall zu Hause bleiben konnte. Solche Dopingvorkontrollen werden nicht in die offiziellen Flaschen gesammelt, und die Ergebnisse werden nicht an ADAMS oder andere Anti-Dopingkommissionen vermittelt... Aber während der Olympischen Spiele in London wurde eine modifizierte Konzeption der Verfehlung gebraucht, deren Ziel war gleich. Vor den Olympischen Spielen in London wurde eine Dopingkontrolle durchgeführt und die Proben wurden in offizielle Flaschen für Dopingproben gesammelt. **Moskauer Labor** hat die Wahrscheinlichkeit analysiert, welche Sportler positiven Dopingproben während der Olympiade bekommen können. **Direktor Rodtschenkow hat diese Wahrscheinlichkeit in drei Gruppen geteilt: Rote Gruppe – Dopingprobe vom Sportler wird während der Spiele positiv, deswegen soll dieser Sportler ersetzt werden, Gelbe Gruppe – die Probe enthält die Spuren der leistungssteigernden Substanzen, aber bis zum Spielanfang wird sie sauber** und Grüne Gruppe – saubere Probe, der Sportler kann an den Spielen teilnehmen» (S. 76–77).

«Die Sportler haben gemäß dem Vorschrift Proben gesammelt, die für saubere Urinproben gelten könnten, unter der Ausnahme der Abflussphasen aller Stoffe, die sie eingenommen haben. Rodionova hat diese Proben von den Sportlern bekommen und in dem Tiefkühlraum des CSP aufbewahrt. **Direktor Rodtschenkow hat beliebige saubere Urinproben getestet, um sicherzustellen, dass sie wirklich negativ sind...** Die Rolle von Doktor Rodtschenkow in diesem System der Urinersetzung bestand darin, dass die neue Probe der Information über die Dichte, die im ursprünglichen Protokoll der Dopingkontrolle in den Olympischen Spielen in Sotschi angegeben ist, entsprechen sollte. Die Dichte wurde durch die Salzzugabe oder durch das Verdünnen mit destilliertem Wasser angepasst. Das Salz erhöhte die Dichte der Probe und das Wasser verdünnte die Probe, damit sie maximal nah der Zahl in dem Protokoll der Dopingkontrolle entspricht... Die Methode der Probenverfälschung in Sotschi war eine einzigartige Situation» (S. 13, 15).

«**Doktor Rodtschenkow hat eine Liste aus 37 Sportlern vorbereitet, deren Proben potenziell problematisch sein könnten, wenn ein anderes zertifiziertes Labor ihre Proben testen wird. Während eines Treffens mit dem Stellvertretenden Minister Nagornyj wurde eine für das Labor gefährliche Situation besprochen, die entstehen konnte, wenn die ausgewählten Proben im Labor bewahren bleiben würden. In der Folge von diesem Treffen hat Nagornyj entschieden die «Zauberer» zu dieser Aufgabe einzubeziehen. In dieser Nacht hat Inlandsgeheimdienst FSB das Labor besucht und am nächsten Tag waren die Probenröhrchen mit Urinproben ohne Deckel» (S. 16-17).**

«Nachdem der Urin der gedopten Sportler durch den «sauberen» Urin der geschützten Sportler ersetzt und die Deckel von den B-Proben abgesetzt wurden, hat **Direktor Rodtschenkow und seine Mitarbeiter mit den Proben spät in der Nacht, wenn fast niemand mehr im Labor war, gearbeitet. Der Urin von den gedopten Sportlern wurde verschwunden...** Nach allen Manipulationen mit den sauberen Proben, wurden die Deckel auf den B-Fläschchen gewechselt und dann wurden die Fläschchen mit den A- und B-Proben von jedem Sportler durch Kanalisationsöffnung in der Wand übergeben. Die Fläschchen wurden im Raum für die Aliquoten gelagert. Danach hatten die ersetzten Proben eine Standardprozedur im Labor bestanden wie alle anderen Proben» (S. 71-72).

Bericht von Pound-McLaren

1. Laut dem Bericht von Pound-McLaren hat G. Rodtschenkow absichtlich die Dopingproben vertuscht. Er hat seine Dienststelle gesetzwidrig genützt und missbraucht, hat die von ihm entwickelten (oder weiterentwickelten) Technologien verwendet und hat an der gesetzwidrigen Tätigkeit anderer Personen unmittelbar teilgenommen

«**Unabhängige Kommission hat auch festgestellt, dass Herr Rodtschenkow Direktor des Moskauer Anti-Doping-Labors Organisator der Verfehlung von positiven Dopingproben ist. Er hat nicht nur das Schmiergeld angenommen, sondern auch das Geld für das Vertuschen der positiven Dopingproben gefordert» (S. 13, 202, 279).**

«**Herr Rodtschenkow war ein untrennbarer Bestandteil von einem Konspirationsschema...des Vertuschens von positiven Dopingproben» (S. 15, 213, 280).**

«Die Amtspersonen von WADA und Mitglieder der Unabhängigen Kommission haben 2 Treffen mit dem Herrn Rodtschenkow am 26. März 2015 und 30. Juni 2015 durchgeführt. Während der beiden Treffen hat Herr Rodtschenkow die absichtliche Zerstörung von 1417 Proben anerkannt. Das Ziel war die Beschränkung vom WADA-Audit und die Senkung der potenziell negativen Ergebnisse der nachfolgenden Analysen, wenn sie von einem anderen von WADA akkreditierten Labor durchgeführt werden» (S. 13).

«**Es gibt bestätigte Fakten, dass das Moskauer Anti-Doping-Labor (von G. Rodtschenkow - Bemerkung vom Berichtersteller) war in die Verfehlung von positiven Dopingproben einbezogen» (S. 15).**

«**Es gab eine geheime Abstimmung zwischen dem Direktor von ARAF und dem Direktor des Labors Rodtschenkow über das Vertuschen von**

positiven Dopingproben, wobei die Proben der bewusst gedopten Sportler durch die «sauberen» im Moskauer Labor ersetzt wurden...» (S. 25, 212, 291).

«Zusammenfassung der Unabhängigen Kommission: 3. **Grigorij Rodtschenkow, Direktor des Moskauer Labors war direkt als eine Hilfsperson und ein Bestimmungstätter im System des Dopingkonsums genannt**» (S. 12, 116, 278).

«Die Untersuchungsbeamten der Unabhängigen Kommission haben mit einem vertraulichen Zeugen 2 gesprochen, der eine hohe Stelle im russischen Sport hat und regelmäßig mit den russischen Elitesportler und Trainer kontaktiert. Während dieser Kontakte, hat der KZ2 genug Information über den Doping in Russland bekommen... Diese Vorgehensweise funktioniert wie eine Schweizer Uhr. Jemand im Labor ist korrupt...KZ2 meint, **dass diese korrupte Person im Labor Grigorij Rodtschenkow ist**» (S. 200 -201).

2. Laut dem Bericht von Pound-McLaren beging G. Rodtschenkow korrupte Verbrechen, abnötigte und bekam Bestechungen. Das Ziel vom Verstoß der Dopingvorschriften war das illegale Einkommen.

«**Herr Rodtschenkow war ein untrennbarer Bestandteil von einem Konspirationsschema der Gelderpressung von den Leichtathleten für das Vertuschen der positiven Dopingproben**» (S. 15, 213, 280);

«Unabhängige Kommission hat außerdem festgestellt, dass **Herr Rodtschenkow Direktor des Moskauer Anti-Doping-Labors Organisator der Verfehlung von positiven Dopingproben ist. Er hat nicht nur das Schmiergeld angenommen, sondern auch das Geld für das Vertuschen der positiven Dopingproben gefordert. Er war auch für die Situationen verantwortlich, als die Trainer und die Beamten die Leichtathleten unter Druck gesetzt haben, obwohl er selbst über manche Erpressungen nicht wusste**» (S. 13, 202, 279).

«**Direktor des Moskauer Anti-Doping-Labors (G. Rodtschenkow – Bemerkung vom Berichtsteller) hat das Schmiergeld von einem Träger der operativen Information für das Vertuschen der Dopingprobe bekommen, und der Sportler hat absichtlich unter der Dopingwirkung am Wettkampf teilgenommen. Zwischenperson, die das Geld bekommen hat, ist ein bekannter Dealer von den verbotenen Mittel**» (S. 14).

«**Es gab eine geheime Abstimmung zwischen dem Präsidenten von ARAF und dem Direktor des Labors Rodtschenkow über die Verfehlung von positiven Dopingproben, wobei die Proben der gedopten Sportler durch die «sauberen» im Moskauer Labor ersetzt wurden. Die Leichtathleten haben sowohl dem Präsidenten, als auch dem Direktor diese Leistungen bezahlt**» (S. 25, 212, 291).

«Stepanova hat angefangen auch eine Reihe anderer verbotenen leistungssteigernden Substanzen anzunehmen... Mochnev hat ihr empfohlen, sich an den Direktor des Moskauer Labors Grigorij Rodtschenkow zu wenden. **Es wurde eine Vereinbarung getroffen, dass für 30 000 russischer Rubel Rodtschenkow den positiven Dopingtest vertuschen wird. Das Geld wurde direkt von Stepanova einem der Freunde von Rodtschenkow übergeben...** Stepanova hat der unabhängigen Kommission berichtet, dass an demselben Tag nach der Bezahlung Rodtschenkov Mochnev angerufen hat und gesagt, dass Stepanova sich keine Sorgen über die positive Dopingprobe machen muss» (S. 141-142).

«Stepanova hat auch einen Inzidenzfall beschrieben, als man ihr mitgeteilt hat, dass sie eine positive Dopingprobe für den Erythropoetin während des russischen leichtathletischen Nationalwettkampfes hat... Dabei hat man Stepanova mitgeteilt, dass **ihre Probe nicht an die RUSADA übergeben wird, wenn sie dem Direktor des Moskauer Labors Grigorij Rodtschenkow 30 000 Rubel bezahlt**. Im August 2010 hat Stepanova auf Anlass vom Trainer Mochnev dem Mittäter von Rodtschenkow 30 000 Rubel bezahlt... Stepanova hat der unabhängigen Kommission bestätigt, dass die positive Dopingprobe nie an die RUSADA gegangen war» (S. 199).

«Der vertrauliche Zeuge Nr. 1, ein russischer Elitensportler, hat der unabhängigen Kommission die Information darüber vorgestellt, dass es eine **Abstimmung zwischen dem Präsidenten von ARAF Valentin Balachnitshev, dem Direktor des Moskauer Labors Rodtschenkow und anderen** mit dem Ziel der Verfehlung von positiven Dopingproben gab... **Rodtschenkow hat die «A-Proben» im Labor ersetzt**. KZ1 hat auch berichtet, dass **die Sportler 20 000 Rubel der ARAF und 30 000 Rubel Rodtschenkow für das Vertuschen der positiven Dopingproben bezahlt haben**» (S. 200).

3. Laut dem Bericht von Pound-McLaren kann G. Rodtschenkow lügen, missleiten, nicht glaubwürdige Erklärungen abgeben.

«Die **Unabhängige Kommission hat beschlossen, dass die Aussagen von Direktor Rodtschenkow zum Thema Zerstörung der Dopingproben nicht glaubwürdig sind**» (S. 13, 204, 279).

Dreimal wird im Bericht von Pound-McLaren dasselbe wiederholt, wenn auch in einem bestimmten Fragenkreis.

Schlussfolgerungen

Auf diese Weise wird im Bericht von McLaren und im Bericht von Pound-McLaren G. Rodtschenkow Verdreher, Korruptierter-Schmiergeldnehmer und Erpresser, «Hilfsperson und Bestimmungstäter» im Verstoß der Dopingvorschriften gezeigt und genannt (Begründetheit und Bewiesenheit solcher Abschätzung von G. Rodtschenkow gehörte nicht zur Forschungsaufgabe).

Aus dem Bericht von R. McLaren folgt, dass G. Rodtschenkow ganz absichtlich, systematisch und initiativreich gehandelt hat. Und solche Handlungsabwägungen von G. Rodtschenkow werden glaubhaft und eindeutig im Bericht von Pound-McLaren bestätigt.

Im Bericht von R. McLaren gibt es keine triftigen Beweise, dass die Amtsträger den G. Rodtschenkow unter Druck gesetzt haben. Im Bericht von Pound-McLaren ist gesagt, dass «**unabhängige Kommission hat beschlossen, dass es eine Drohung und Einwirkung seitens Staatlichen Behörden an die Arbeit des Moskauer Anti-Doping-Labors vorgekommen war**» (S. 14), aber es wurden keine Beweise von dieser Behauptung vorgestellt, als auch keine Erklärung, wie das die Absicht von G. Rodtschenkow in seinen mehreren Verstößen beeinflusst hat. Es ist auch nicht klar, wie das seine korrupten Handlungen freispricht.

Aber gleichzeitig wird im Bericht von R. McLaren G. Rodtschenkow als ein goldehrlicher Mensch vorgestellt, der vertrauenswürdig ist: «Rodtschenkow

hat mir wahrheitsgemäß und ungelogen Aussagen gemacht... in Besprechung mit mir war er ehrlich» (S. 21), «**Rodtschenkov** im Rahmen des Auftrages der Untersuchung von unabhängiger Person **war ein zuverlässiger und ehrlicher Mensch**» (S. 23), R. McLaren erklärt über G. Rodtschenkow, seine Aussagen und Unterlagen: «Deswegen bin ich **unbedenklich** zur Schlussfolgerung gekommen, dass **im Sinne dieser Untersuchung im Rahmen meines Auftrages, er ein ehrlicher und glaubhafter Mensch ist**» (S. 21); «In dem, was die untersuchte Frage im Bereich der Kompetenz von der unabhängigen Person betrifft, war Doktor **Rodtschenkow eine ehrliche und zuverlässige Person**» (S. 86).

Daraus folgt, dass es nicht behebbare kritische innere logische Widersprüche im Bericht von R. McLaren bezüglich der Bewertungen von G. Rodtschenkow vorhanden sind. Diese Widersprüche werden vom Bericht von Pound-McLaren noch verschärft. Diese Unstimmigkeiten, verstärkt durch die negativen Bewertungen in obengenannten Unterlagen von G. Rodtschenkow, verwandeln sachlich die von G. Rodtschenkow vorgestellten Angaben und Unterlagen in eine Vorspiegelung.

In dieser Schlussfolgerung vorgelegte Zitate entkräften die Beweise im Bericht von R. McLaren (und auch der Amtlichen Personen der internationalen Sportorganisationen, die einige oder andere Entscheidungen auf Grund des Berichtes von McLaren getroffen haben), dass die von G. Rodtschenkow vorgestellten Angaben und «Unterlagen» glaubwürdig und echt sind und selbst G. Rodtschenkow «zuverlässiger und ehrlicher Mensch» ist und auch, dass G. Rodtschenkow keine Schuld darin hat, weil er von einem gewissen staatlichen System gezwungen wurde.

Daraus folgt, dass es keinen Grund gibt, den G. Rodtschenkow für eine Quelle der objektiven und zuverlässigen Information für die Untersuchung oder Darstellung des realen oder ausgedachten Verstoßens der Dopingvorschriften im russischen Sport zu betrachten. Und der Bericht von R. McLaren im Teil seiner Begründetheit auf den Angaben und Unterlagen von G. Rodtschenkow ist wahrheitswidrig und muss als solcher erklärt werden.

Den 30. August 2016

Vladimir Konstantinovitsch Botnev, Doktor habil. der Rechte, Leiter des Lehrstuhls für Staatliche und Kommunale Verwaltung des Instituts für Staatsdienst und der Verwaltung der Russischen Akademie für Volkswirtschaft und Staatsdienst beim Präsidenten der Russischen Föderation

* * * * *

Слободчиков В.И. Заключение (мнение специалиста) от 14.09.2016 по фильму «Секретное дело Допинг: День X для России» («Geheimsache Doping: Showdown für Russland») немецкого телеканала ARD

Вводная часть

Предмет исследования

В настоящем заключении изложены результаты исследования содержания и направленности фильма *«Секретное дело Допинг: День X для России»* («*Geheimsache Doping: Showdown für Russland*») немецкого телеканала ARD, транслировавшегося указанным телеканалом в ночь на 9 июня 2016 г. (далее – фильм). Авторы фильма: Хайо Зеппельт, Флориан Ризевик и Феликс Бекер (00:55 – 00:57).

Сцены исследуемого фильма и высказывания его персонажей фиксировались по внутреннему хронометрическому счётчику компьютерной программы воспроизведения видеозаписи (видео-файла фильма). Так, запись «12:12» означает, что отсылка произведена к сцене в фильме или высказыванию его персонажа в момент, приблизительно соответствующий 12 минутам и 12 секундам от начала воспроизведения фильма. При этом возможны расхождения показанной хронометрической фиксации (показаний внутреннего хронометрического счётчика) на несколько долей секунды или 1–2 секунды, в том числе – в зависимости от конкретной используемой компьютерной программы воспроизведения видеозаписи (видеофайла).

За основу взят и использован текст перевода речевого сопровождения фильма на русский язык, представленный в субтитрах к фильму (авторство перевода не уточнялось), а затем текст перевода был выверен и выправлен по аудиозаписи звукового сопровождения фильма на немецком языке.

Представленные для исследования материалы

Для исследования фильма *«Секретное дело Допинг: День X для России»* («*Geheimsache Doping: Showdown für Russland*») немецкого телеканала ARD были представлены 2 файла: аудиовидеозапись указанного фильма (компьютерно-читаемый видео-файл формата MP4) и файл субтитров к этому фильму (компьютерно-читаемый файл формата SRT).

Данные о специалисте

Слободчиков Виктор Иванович – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования» (стаж научной деятельности – 47 лет, стаж экспертной деятельности – 27 лет).

Исследование проводилось в рамках следующих поставленных вопросов:

1. Какой образ российских спортсменов и спортивных организаций формируется фильмом «*Секретное дело Допинг: День X для России*»? Каковы обоснованность и объективность изложенных в нём суждений, оценок и выводов? Приводятся ли в фильме документально подтверждённые факты, являющиеся убедительным обоснованием утверждений в авторской речи (комментариев) в фильме?

2. Имеются ли в фильме «*Секретное дело Допинг: День X для России*» какие-либо элементы и особенности, свидетельствующие о применении в нём манипулятивных приёмов, направленных своим воздействием на адресата (зрителя)?

Анализ фильма осуществлялся по обоим вопросам и ответы на оба этих вопроса давались в рамках общего исследования.

Методы, применённые при проведении исследования и при подготовке по его итогам заключения

При проведении исследования и подготовке по его итогам настоящего заключения были задействованы методы психолого-лингвистического, психо-семантического анализа, контент-анализа и другие исследовательские методы⁶⁸. В описаниях исследования в рамках ответов на вопросы исследовательские методы повторно не выделялись.

Основная часть. Исследование

Исследуемый фильм начинается с коммуникативного послания, задающего его содержательную направленность и психологические установки восприятия фильма его адресатом (зрителем): [Закадровый текст⁶⁹.:] «*Крупнейшее спортивное событие в мире – Олимпиада. Уже скоро, в августе. На старт в Рио выйдут представители более 200 стран. Однако одна нация, возможно, будет отсутствовать. Россия на грани отстранения от участия в Олимпиаде. Обвинение: государственная система по применению допинга в самой большой по территории стране мира*» (00:06 – 00:41).

Употребление слова «обвинение» в данном случае призвано сформировать у адресата (зрителя) убеждённость в том, что реально существуют (выдвинуты в установленном порядке) официальные обвинения в адрес России в существовании государственной системы обеспечения и сокрытия применения допинга, обоснованные значимыми

⁶⁸ Методы изложены, в частности, в следующей специальной литературе: Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 3-е изд. – М.: Эксмо, 2010. – 480 с.; Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М., 1999; Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. – М., 1980; Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. – М., 1998; и др.

⁶⁹ В задачи автора настоящего заключения не входила сверка голоса, читающего закадровый текст, и голоса одного из авторов фильма – Х.Зеппельта. Поэтому, когда таковой демонстрируется в кадре, он и обозначается персонально. Когда в кадре отсутствует читающее закадровый текст лицо, оно просто обозначается как «закадровый текст».

доказательствами, в том числе реальными фактами. Употребление лексической конструкции «*государственная система по применению допинга*» (то есть речь идёт о системе, имеющей государственные статус, поддержку и масштаб) направлено на трансляцию авторами фильма идей-утверждений о существовании такой криминальной системы в России с непосредственным участием в ней государства, на внушение этих идей и обеспечение их интроекции⁷⁰ адресатом (зрителем). Такому восприятию способствует и сам масштаб инвектив авторов фильма в адрес всей российской системы подготовки спортсменов. Учитывая современное общественное сознание и правосознание большинства европейских граждан, у адресата (зрителя) формируется мнение, что столь серьёзные публичные обвинения не могли бы быть публично выдвинуты без наличия веских доказательств, и, по этой логике, если сообщается, что обвинения кем-то выдвинуты, то, значит, для этого есть основания.

[Закадровый текст:] «*В декабре 2014-го года разразился один из крупнейших спортивных скандалов в мировой истории. Его вызвал фильм ARD про допинг в России*» (01:01 – 01:15).

Ссылка авторов исследуемого фильма на себя же как на достоверный фактический источник (на свои предыдущие фильмы) – это реализация известного манипулятивного приёма. Утверждение о мировых масштабах реакции на свой же собственный первый фильм (ранее вышедший) как «*один из крупнейших спортивных скандалов в мировой истории*», помимо очевидной саморекламы, призвано привлечь («зацепить») и усилить интерес и внимание адресата (зрителя), как и следующая фраза: [Закадровый текст:] «*Русские инсайдеры решили заговорить. Они предлагают потрясающие доказательства*» (01:18 – 01:28).

Анализ фильма свидетельствует об отсутствии указаний на реальные убедительно подтверждённые факты и значимые доказательства представленных авторами фильма оценок и выводов, но при этом присутствует многократное использование разного рода манипулятивных приёмов (совершенно некорректных, с точки зрения журналистской этики и общепринятых норм морали). И ниже это будет показано.

Высказывание легкоатлетки Ю.Степановой: «*Для России я буду, скорее всего, врагом номер один*» (01:35 – 01:38) совмещено со следующим закадровым комментарием: «*Они живут в постоянном страхе. И, в конце концов, сбегают из России*» (01:39 – 01:41). Таким нагнетающим психологическое напряжение коммуникативным посланием (указанный закадровый комментарий звучит на фоне демонстрируемой в кадре Ю.Степановой с маленьким ребёнком на руках) создатели фильма создают положительный образ Ю.Степановой и формируют устойчивое негативное представление адресата (зрителя) о наличии гнетущей атмосферы постоянного страха, в которой пребывают российские спортсмены (обозначенные местоимением «они»), как имманентной характеристике сложившейся ситуации в российском спорте. Реализация

⁷⁰ Интроекция – включение индивидом в свой внутренний мир воспринимаемых им взглядов, мотивов и установок других людей уже как своих взглядов, мотивов и установок (Современный словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1999. С. 244).

такого приёма направлена не только на достижение выявленной основной цели исследуемого фильма, но и на усиление значения выражаемых в фильме инвективных заявлений ряда лиц. При этом такое воздействие на эмоциональную сферу адресата (зрителя) через показ атмосферы страха и опасности способствует настрою адресата (зрителя) на не критическое восприятие дальнейшей информации, облегчая достижение замысла его авторов убедить в существовании в Российской Федерации «государственной системы по применению допинга», не привлекая факты для доказательства столь серьёзных инвектив.

Далее звучит высказывание: [Закадровый текст:] *«Проводится официальное расследование»* (01:46 – 01:47) – с одновременной демонстрацией в кадре первого листа Отчета комиссии под руководством Р.Паунда от 09.11.2015. А затем идут кадры, на которых показано, как один из членов указанной комиссии заявляет на пресс-конференции: *«Наша рекомендация: отстранить Российскую Федерацию от международных соревнований»* (01:48 – 01:51). Встраивание данного высказывания члена указанной комиссии между закадровым текстом авторов исследуемого фильма обеспечивает трансфер (переход) посылы «наша рекомендация» в статус вывода непосредственно самих авторов фильма. А также обеспечивается контаминация (смешение) отдельного тенденциозно подобранного высказывания представителя комиссий международной спортивной организации с позициями авторов фильма. Высказывания и оценки авторов исследуемого фильма являются не более чем их субъективными мнениями, не имеющими референций к действительным фактам и не подтверждаемыми таковыми непосредственно в фильме. Создатели фильма не могут этого не понимать и вынуждены посредством манипулятивных приёмов обеспечивать такое смешение.

С самого начала фильма его авторы посредством манипулятивных приёмов формируют соответствующий эмоциональный настрой адресата (зрителя), способствующий не критическому восприятию транслируемых в нём коммуникативных посланий. На это направлены транслируемые две ключевые идеи-утверждения, создающие установки и фон восприятия всей последующей подаваемой в фильме информации, за счёт применения указанных приёмов адресату (зрителю) внушаются эти идеи и обеспечивается их интроекция адресатом (зрителем):

1) в России тайно действует государственная система обеспечения и сокрытия применения спортсменами допинговых средств, факт чего подтверждается неким *«официальным расследованием»*;

2) эта система обеспечивается спортивными функционерами и государственным репрессивным аппаратом («спецслужбами») (02:02 – 02:03) для запугивания и расправы с теми, кто пытается публично сказать правду об этом ([Закадровый текст:] *«Они живут в постоянном страхе. И, в конце концов, сбегают из России»* (01:39 – 01:41)).

Вопросы статуса и юридического значения упоминаемого в фильме *«официального расследования»* (комиссии под руководством Р.Паунда) не входили в предмет настоящего заключения, однако подчеркнём, что данный фильм презентуется его создателями как независимое самостоятельное журналистское расследование системы обеспечения применения спортсменами допинговых средств в России.

Следующий манипулятивный приём в исследуемом фильме реализуется посредством подачи «калейдоскопического» набора видео-цитат из сообщений различных телекомпаний разных стран мира (например: 02:04 – 02:06). Такие видео-цитаты тенденциозно подобраны в целях подкрепления утверждений авторов фильма и формирования убеждённости адресата (зрителя) в полной объективности проведенного авторами фильма расследования. Здесь применён приём трансфера (перевода, трансформации) адресанта (источника коммуникативного послания) из группы авторов фильма в неопределённый круг лиц (авторов других материалов о допинге в России). То есть манипулятивно формируется мнение адресата (зрителя), что высказываемые в фильме оценки и выводы признаются всеми в цивилизованном мире, а потому не требуются дополнительные доказательства (которые у создателей фильма, судя по всему, отсутствуют), в итоге создается мнение адресата (зрителя) в достаточной убедительности преподносимых авторами фильма идей, оценок и выводов.

Далее говорится: [Закадровый текст:] *«Дополнительные проверки старых допинг-тестов – поймано ещё несколько россиян. А тут ещё и новые обвинения: сокрытие применения допинга с помощью спецслужб»* (01:52 – 02:03).

Выше уже отмечалось употребление в фильме слова «обвинение» как реализация манипулятивного приёма подмены факта мнением. Важно подчеркнуть, что никаких юридически состоятельных и обоснованных обвинений в адрес российских спортивных и государственных организаций в том, что существует государственная система применения допинга, что государство её поддерживает и покрывает, не выдвигалось, были лишь голословные инвективные заявления ряда лиц в адрес российского спорта, российских спортсменов и российских спортивных организаций. Применение приёма подмены (официальное обвинение – частные заявления) призвано ввести адресата (зрителя) в заблуждение.

Одновременно указанный выше приём подмены усиливается (а результаты его закрепляются) посредством применения следующего манипулятивного приёма, условно называемого «наклеивание ярлыка»: [Закадровый текст:] **«Русские, как обычно, видят во всём заговор Запада против России»** (02:07 – 02:10), направленного на то, чтобы дискредитировать русских, ложно приписывая им неадекватное восприятие, и обесценить их любые последующие контрдоводы в защиту и в оправдание российского спорта, российских спортсменов и спортивных организаций. Кроме того, этот пример наглядно демонстрирует негативное и предвзятое отношение авторов фильма **ко всем русским как национальной общности** – им всем приписывается неадекватность восприятия в качестве особенности национального сознания – *«видеть во всём заговор Запада против России»*, что не может соответствовать действительности. Это грубейшее нарушение журналистской этики, одной из причин которого, возможно, является предвзятое негативное отношение авторов фильма к русским и к Российскому государству.

Далее создатели фильма ещё раз используют этот приём. [Закадровый текст:] *«Впервые за долгое время я снова приехал в Россию. Репортажи ARD о допинге в России многим тут очень не понравились. В*

том числе и российским властям. Сейчас я впервые лично встречаюсь с российским министром спорта. До этого я много раз безуспешно просил Виталия Мутко об интервью. **Ещё недавно он вообще утверждал, что обвинения в применении допинга – это, якобы, заговор Запада** (02:32 – 03:12).

В фильме демонстрируется, как Х.Зеппельт берет интервью у министра спорта России В.Мутко (03:20 – 03:56), в котором министр рассказывает о предпринятых российскими властями мерах по наведению порядка в сфере противодействия применению допинга в спорте.

А далее в фильме заявляется, что сделанные в ходе указанного интервью заявления В.Мутко будут подвергнуты проверке (03:57 – 03:59). Эта «проверка» представляет непосредственный интерес для ответа на вопрос об объективности и непредвзятости авторов данного фильма, проведённого ими «расследования» и самого фильма.

[Закадровый текст:] *«Один россиянин, назовем его “Сергей”, поможет мне в моих изысканиях. Он пожелал сохранить свою анонимность. “Сергей” уже помогал мне при съемках фильма, вышедшего в марте. Например, чтобы найти вот этого человека [в кадре демонстрируется мужчина на спортивной трибуне]. Юрий Гордеев – **предположительно**, один из распространителей допинга. И я тогда решил проверить эти **предположения**»* (04:03 – 04:22).

Отметим двукратное употребление в этой цитате слова «предположение» («предположительно»), мы ещё вернёмся к этому моменту.

Далее демонстрируется экран ноутбука с интерфейсом включённой программы IP-телефонии, за кадром два мужских голоса – разговор неких лиц. Услышать, что они говорят, идентифицировать их голоса невозможно из-за перебивающего их закадрового голоса комментатора.

[Закадровый текст:] *«“Сергей” сыграл роль приманки. Он говорит: “Нам нужен оксандролон и примобулан”. Гордеев отвечает: “Нет проблем”. – А у вас есть ещё и чистый тестостерон? – Да. – И всё это есть у Вас в наличии? – Ну, конечно. Но давайте всё-таки прекратим обсуждать такие вещи по телефону»* (04:23 – 04:39).

По существу, перед адресатом (зрителем) разыграна постановочная сцена. Крайне сложно себе представить, чтобы торговец запрещёнными допинговыми средствами стал бы откровенничать по телефону с посторонним, неизвестным ему лицом. Верифицировать факт этого разговора и его содержание, а равно участие в нём именно обозначенных лиц по фильму невозможно. Адресат (зритель) слышит лишь диалог, вещаемый закадровыми голосами на немецком языке. Полагаем, что сыграть подобную сцену не составляет никакого труда.

Но даже в случае, если сказанное выше про Ю.Гордеева как торговца допингом является правдой, то это не имеет никакого отношения к опровержению или, напротив, подтверждению сказанного министром спорта России В.Мутко в его интервью Х.Зеппельту о принимаемых государством мерах по противодействию применению допинга в спорте. Кроме того, сам факт наличия в стране конкретного лица, совершающего указанные противоправные действия и ещё не пойманного правоохранительными органами, не является доказательством того, что

такое лицо действует с ведома и при содействии представителей органов государственной власти в сфере спорта.

Также ничего не говорит факт нахождения этого лица, как акцентируется в фильме, «*прямо на трибуне, во время проведения чемпионата России по легкой атлетике*» (04:41–04:45). При этих словах демонстрируются полупустые трибуны. Факт нахождения на спортивной трибуне человека, в отношении которого некто высказывает какие-то предположения, свидетельствует только о том, что он там находится и больше ни о чём.

Отметим, что в этом и в ряде других эпизодов фильма крайне сложно (если вообще возможно) верифицировать хронологическую корректность выстраивания и маркировки показываемых действий и событий в фильме. То есть не представляется возможным быть уверенным в том, что сцены, описываемые как произошедшее «позже», в действительности, происходили позже. Наличие в фильме множества выявленных манипуляций не позволяет доверять таким утверждениям его авторов. В данном случае в закадровом тексте говорится, что предполагаемый торговец допингом находится на спортивной трибуне во время проведения чемпионата России по легкой атлетике, но проверить достоверность этого высказывания невозможно.

Далее в фильме заявляется, что будут «проверены» заявления президента Федерации легкой атлетики России Д.Шляхтина о том, что Ю.Гордеев больше не имеет никакого отношения к российскому спорту, что он отстранен (05:03 – 05:25).

«Проверка» состоит в следующем: [Закадровый текст:] «*Но стоит ли верить всем этим заявлениям? Моему российскому контакту пора собираться в дорогу. “Сергей” едет в один из основных городов, где российские легкоатлеты готовятся к Олимпиаде. Кисловодск. 1500 километров к югу от Москвы. Недалеко от границы с Грузией. “Сергей” проводит рекогносцировку в пригородной парковой зоне и снимает всё на скрытую камеру. Тут повсюду легкоатлеты со своими тренерами. В том числе – и члены национальной сборной. И вдруг он замечает ЕГО. Человек в синих штанах – это Юрий Гордеев. Само собой разумеется, он всё ещё обслуживает российских легкоатлетов. Судя по всему, Гордеев чувствует себя здесь уверенно. Человек, торговавший допингом прямо во время чемпионата России в феврале. И как теперь оценивать всю эту ситуацию?» (05:37 – 06:43).*

Чуть ранее в фильме говорилось, что вовлечённость Ю.Гордеева в торговлю допинговыми средствами – это всего лишь предположение: [Закадровый текст:] «*Появились предположения, что Юрий Гордеев – один из распространителей допинга. И я тогда решил проверить эти предположения*» (04:16 – 04:19). А чуть более чем через минуту в фильме уже уверенно сообщают о факте торговли Гордеевым «*допингом прямо во время чемпионата России в феврале*» (06:34 – 06:38). Но об этом факте ничего ранее в фильме не было сказано, не говоря уже о каких-то убедительных доказательствах. Отметим, что такой приём (отождествления домысла с фактом) авторами фильма реализуется не раз в этом фильме.

При этом в кадре демонстрируется какой-то совершенно обычный, ничем не примечательный и не похожий на спортивный объект парк (или лесопарк с пешеходными дорожками), в котором, очевидно, могут заниматься спортом или просто прогуливаться все, кто захочет. Демонстрируется, как посреди этого парка просто одиноко стоит Ю.Гордеев (или лицо, похожее на него) (06:13 – 06:38), что выдается за одно из свидетельств того, что Ю.Гордеев *«всё ещё обслуживает российских легкоатлетов»* и *«чувствует себя здесь уверенно»* (06:19 – 06:28).

Далее закадровый голос патетически восклицает: *«И как выглядит ситуация теперь?»* (06:42–06:43).

Не ясно, про какую ситуацию здесь спрашивают, – ту, что Ю.Гордеев (или лицо, похожее на него) прогуливается в парке, а рядом мимо него пробежали несколько спортсменов? Очевидно, что этот эпизод не может свидетельствовать о том, что Ю.Гордеев продолжает работать в какой-то спортивной организации, продолжает заниматься с легкоатлетами. Нет никаких оснований для оценки продемонстрированного как подтверждающего выполнение Ю.Гордеевым каких-то полномочий.

На основании этой сцены прогуливающегося где-то Гордеева авторы фильма пытаются сформировать у адресата (зрителя) мнение о том, что Ю.Гордеев продолжает «обслуживать спортсменов», а президент Федерации легкой атлетики России Д.Шляхтин солгал об отстранении Гордеева. Но такой вывод, очевидно, остаётся в фильме голословным.

Надо полагать, что отсутствие реальных убедительных доказательств побуждает авторов фильма включать в него совершенно бессодержательные и бездоказательные эпизоды.

Далее. [Закадровый текст:] *«Допинг-контроль в самой большой стране мира. Десятки тысяч спортсменов. Многие из которых надеются на медали. И всего несколько сотен допинг-тестов, взятых в год проведения Олимпиады»* (07:58 – 08:06).

В этом фрагменте формируется убежденность адресата (зрителя) в том, что не более чем несколько процентов спортсменов в России ведёт себя дисциплинированно и сдаёт положенные пробы. При этом совершенно игнорируется известное фактическое обстоятельство, что пробы должны сдавать только те спортсмены, которые обязаны это делать по установленным правилам в связи с их участием в официальных спортивных соревнованиях. Никакие другие лица делать это не обязаны, ни в России, ни в Германии, нигде в мире, кроме нормативно установленных случаев. Обоснованно сравнивать число лиц в конкретном государстве, сдающих допинг-пробы перед международным спортивным мероприятием, с количественными показателями лиц, сдающих такие допинг-пробы в других государствах, спортсмены которых так же принимают в нём участие, но никак не с общим числом спортсменов в стране. В данном случае реализован манипулятивный приём подмены тезиса (предмета обсуждения).

Отдельного внимания заслуживает сюжетная линия, посвящённая описанию попытки взять допинг-пробу у спортсмена в закрытом административном территориальном образовании (ЗАТО) «город Трёхгорный», въезд в который в соответствии с законодательством Российской Федерации, ограничен:

[Закадровый текст:] *«При этом, когда иностранные инспекторы пытаются провести допинг-тесты россиян, они часто натываются на неожиданное сопротивление. Как, например, в Трёхгорном – в запретной военной зоне на Урале. Тут расположен центр по исследованию атомного оружия. И именно здесь почему-то тренируются и российские легкоатлеты. Кёльн. В Кёльне я встречаюсь с женщиной, которая в мае попыталась протестировать одного из таких спортсменов. Ангелика Визман рассказала мне, что её выпроводили из города прямо при въезде. И лишь несколько часов спустя ей всё-таки удалось встретиться с требуемым спортсменом и, в конце концов, провести допинг-тест. Но только с огромными сложностями»* (08:07 – 08:42).

[А.Визман:] *«Примерно через 10 минут пришли три представителя российских спецслужб из российской версии КГБ – ФСБ, потребовали от нас показать все документы и заявили нам прямым текстом, что нам вообще-то нечего делать в этом городе»* (08:43 – 08:59).

[Х.Зеппельт:] *«Что Вы тогда чувствовали?»* (08:59 – 09:00).

[А.Визман:] *«Ну, я была сильно напугана. Просто не знаю, как это по-другому описать. Потому что эти люди, они же ещё, кроме всего прочего, были вооружены. И они особо подчеркнули, что в радиусе 80 километров от этого города мне уже запрещено появляться. В противном случае, они вышлют меня из страны и аннулируют мою визу»* (09:00 – 09:19).

[Х.Зеппельт:] *«А этих людей, что, вообще не заинтересовало, что Вы – международный допинг-инспектор и должны провести допинг-тест?»* (09:19 – 09:24).

[А.Визман:] *«Нет, ни капельки. Я такого ещё никогда не видела за всю мою карьеру»* (09:24 – 09:27).

[Закадровый текст:] *«Трёхгорный. Запретная военная зона. Строжайшие ограничения на въезд. Сюда вообще практически невозможно попасть. А допинг-контроль – крайне затруднен. И почему же спортсмены должны тренироваться именно в таком недоступном городе?»* (09:30 – 09:45).

Необоснованная и беспредметная, совершенно гиперболизированная драматизация единичного случая («сгущение красок») призвана сформировать убеждённости адресата (зрителя) в системности таких случаев, когда российские спортсмены намеренно скрываются от международного допинг-контроля на каких-то охраняемых объектах, куда спецслужбы не пускают допинг-инспекторов, и что это является одной из схем сокрытия фактов употребления допинга российскими спортсменами.

Данный эпизод, в котором реализовано сразу два манипулятивных приёма – подмены тезиса и подмены факта мнением, как и предыдущие эпизоды, ничего не доказывает в плане наличия государственной системы обеспечения и сокрытия применения допинга. Причём выводы комментатора в фильме – откровенно абсурдны. Охрана защищённого режимом государственной тайны объекта всегда вооружена – и в Германии, и в США и в других государствах. Это разумно, логично и вполне ожидаемо и объяснимо. Артикулирование образа советского КГБ, который

преподносится как источник страха, – это элемент указанных манипуляций, поскольку КГБ давно не существует и совершенно не имеет никакого отношения к данной ситуации. Обоснованно складывается впечатление, что этот конфликт Ангеликой Визман был затеян и устроен намеренно. Въезд без официального разрешения на территорию ЗАТО, нарушая тем самым законодательство, свидетельство о недостаточной квалификации допинг-инспектора либо о преднамеренной попытке провокации. Следует подчеркнуть, что при этом речь в фильме идёт об одном единственном спортсмене, ради взятия допинг-пробы которого А.Визман пыталась прорваться на закрытый и охраняемый объект. Подчеркнём, никакого отказа сдать пробу со стороны спортсмена не было, и, как сказано в самом фильме, А.Визман пришлось подождать всего лишь несколько часов. В течение этого срока невозможно повлиять на состояние спортсмена, поэтому для результатов допинг-пробы эта задержка была ничтожной.

Поведение сотрудников охраны при этом было вполне ожидаемым. В США за аналогичную попытку проникновения на охраняемый и защищённый режимом государственной тайны, военной тайны объект А.Визман могла бы быть привлечена к уголовной или административной ответственности. В данном случае все её неудобства свелись к ожиданию в течение нескольких часов и к выслушиванию предупреждения сотрудников ФСБ о недопустимости нарушения законодательства Российской Федерации.

Патетическое восклицание: *«И почему же спортсмены должны тренироваться именно в таком недоступном городе?»* – не имеет смысла, если закономерно поставить вопрос по-иному: Почему спортсмен, родившийся, выросший и проживающий в этом населённом пункте, не вправе в нём тренироваться, почему должны быть территории, запретные для занятия спортом, – исключительно исходя из мнения авторов фильма? А.Визман получила возможность взять у спортсмена допинг-пробу, и, как мы видим, ожидание в течение нескольких часов не стало существенным препятствием для этого.

Далее в фильме воспроизводятся краткие рассказы супругов Юлии и Виталия Степановых (10:13 – 10:27; 10:53 – 11:07), которых авторы фильма именуют как *«коронных свидетелей применения допинга в России»* (09:58 – 10:01).

[Закадровый текст:] *«Оба этих человека считают, что за всем этим стоит государственная система»* (09:48 – 09:51).

За чем именно, обозначенным словом «этим», по словам Степановых, «стоит государственная система», уяснить из фильма невозможно, так как перед данным эпизодом в фильме было показано много других малосодержательных и невразумительных эпизодов, были реализованы откровенные манипуляции. Неужели, государственная система стоит за тем, что Ю.Гордеев прогуливается в лесу или что Ю.Гордеев сидит на трибуне? Ведь совершенно ничего содержательного и конкретного, что доказывало бы озвученные авторами фильма ключевые идеи, в фильме не показано.

Оценка высказываний В.Степанова (10:13 – 10:27) и Ю.Степановой (10:53 – 11:07) на предмет выяснения меры их достоверности не входила в задачи автора настоящего заключения. Однако отметим, что ничего

конкретного нового и предметного по отношению к предыдущим эпизодам фильма и основной его содержательной линии они не сказали.

Характерно следующее высказывание В.Степанова: *«В нашей ситуации у нас не осталось другого выхода, кроме как сбежать в другую страну. Потому что появились тысячи постов в социальных сетях и на форумах СМИ, где Юлии не советовали возвращаться на Родину и грозилось её убить»* (10:15 – 10:27). При этом в фильме не приводится никаких подтверждений, что такие угрозы действительно были, что таковые были вызваны именно заявлениями Степановых о допинге в российском спорте, а не какими-то иными причинами, что эти угрозы делались российскими гражданами, а не гражданами других стран по каким-то мотивам. Этой содержательной линии (01:39 – 01:41; 10:15 – 10:27; 11:56 – 12:26) авторами фильма придаётся очень высокое значение, поскольку она призвана транслировать и внушить адресату (зрителю) мысль о том, что тот, кто посмеет рассказать публично о якобы существующей масштабной государственной системе распространения и применения спортсменами допинга в России, вынужден бежать из страны или умирает при загадочных обстоятельствах.

К этой же сюжетной линии относится эпизод фильма, посвящённый бывшему исполнительному директору Российского антидопингового агентства (РУСАДА) Никите Камаеву, способствующий убеждению адресата (зрителя) в действительном существовании масштабной противоправной деятельности по распространению и употреблению допинговых средств в российском спорте при участии в этом государства. В этом эпизоде делается попытка сформировать мнение адресата (зрителя) о том, что Н.Камаев умер внезапно при загадочных обстоятельствах, что наталкивает на предположение о том, что его убили с целью воспрепятствовать написанию и публикации им некоей сенсационной разоблачающей российский спорт книги:

[Закадровый текст:] *«Летом 2014-го года я посетил Российское антидопинговое агентство и впервые лично встретился там вот с этим человеком. Никита Камаев тогда возглавлял РУСАДА и на камеру отрицал любые возможные манипуляции»* (11:26 – 11:41). [Н. Камаев:] *«Что лаборатория подменяет тесты или РУСАДА выборочно берет спортсменов, или, вообще, берет с них деньги (взятки), – всё это странное или смешные для профессионала истории»* (11:42 – 11:56).

[Закадровый текст:] *«Вскоре после этого, после разоблачений ARD, Никита Камаев был вынужден покинуть свой пост. Наши дни. Камаев – мертв [в кадре демонстрируется кладбище, захоронение Н.Камаева]. Он совершенно неожиданно умер в феврале 2016 года. Официальный диагноз: сердечный приступ. Он, вроде бы, работал над какой-то книгой, которая обещала стать бомбой. По крайней мере, ходили такие слухи. Имеет ли это всё какое-то отношение к его неожиданной кончине, нам остаётся только строить догадки»* (11:56 – 12:26).

[Министр спорта России В.Мутко:] *«Это абсолютный абсурд – все эти обвинения или намёки... Если бы он даже какую-то книгу и написал, сенсаций бы там никаких не было»* (12:30 – 12:43).

[Закадровый текст:] *«За несколько месяцев до своей смерти Камаев установил контакт с одним из датских исследователей допинга. И написал, что готов рассказать всё, что знает о допинге в России. “У меня достаточно материалов для книги, которая вызовет массу дискуссий. А многих ещё и шокирует”. Обмен e-мэйлами с этим датским исследователем допинга продолжался несколько недель» (12:46 – 13:13).*

Данный текст сопровождается не демонстрацией в кадре переписки Н.Камаева, которую можно было бы верифицировать, а постановочной демонстрацией того, как руки некоего человека в момент съемки печатают какой-то текст. Если переписка между указанными лицами, действительно, продолжалась несколько недель, то это можно было бы убедительно подтвердить демонстрацией фрагментов из неё, но ничего этого в фильме нет.

[Закадровый текст:] *«Оденсе, Дания. Я собираюсь встретиться с человеком, который так долго и доверительно общался с Камаевым. Профессор Вернер Мёллер рассказал мне, что он вёл с Камаевым долгие разговоры по Скайпу. Также и обмен письмами становился всё конкретней и конкретней. А в скором времени они собирались встретиться и лично» (13:17 – 14:38).*

В этой сцене демонстрируется экран монитора компьютера с интерфейсом электронной почтовой службы, демонстрируется якобы письмо Н.Камаева В.Мёллеру, даже есть надпись «*Re[2]: Nikita Kamayev RUSADA*», но собственно электронный почтовый адрес Н.Камаева на экране не высвечен, что не позволяет верифицировать, действительно ли это электронное почтовое сообщение было отправлено с личного или рабочего почтового адреса Н.Камаева, а не сфальсифицировано или не смоделировано кем-то иным в каких-либо целях.

[Надпись на экране:] *«Вернер Мёллер – исследователь допинга, университет Аархуса» (13:41).*

[В.Мёллер:] *«У него была масса информации и документов, которые просто потрясли бы мир. У него были доказательства существования секретных лабораторий, которые снабжали спортсменов допингом. И не только в России. Он утверждал, что располагает доказательствами того, что такое происходит и в других странах. Мы собирались встретиться лично, и тогда он был готов поделиться со мной всем этим массивом информации» (14:39 – 14:03)*

[Закадровый текст:] *«Вот что рассказывает о своих контактах с Камаевым этот датский исследователь. Это должна была быть книга, содержащая инсайдерскую информацию, собранную за десятилетия. И она, возможно, могла бы стать опасной не только для России. Камаев уже даже составил список глав. Согласно ему, среди прочего, он собирался рассказать всю правду о транспортировке допинга. О спортивной “фармакологической программе” бывшего Советского Союза. И о том, что на самом деле происходило на Олимпийских Играх в Сочи» (14:04 – 14:35).* При повествовании о якобы составленном Н.Камаевым списке глав его будущей книги демонстрируется лист с печатным текстом, на котором нет никаких идентифицирующих

знаков и по которому невозможно установить его реальное авторство – действительно ли это написал Н.Камаев?

[В.Мёллер:] *«Когда я одному из своих коллег рассказал о своих беседах с Никитой и о том, что я серьёзно собираюсь вплотную заняться его книгой, то он сказал мне: “Звучит фантастически! И чертовски интересно! Но не забывай, что это ещё может быть и опасно”. И я тогда ему ответил: “Да ты просто пересмотрел шпионских фильмов!”»* (14:36 – 15:08).

Вышеописанный эпизод призван сформировать убеждённость адресата (зрителя) в том, что Н.Камаева убили, чтобы не допустить разглашения им каких-то фактов, которые могли навредить тем, кто организовал систематическое применение допинга спортсменами в России.

Утверждение о том, что Н.Камаев планировал написать книгу о связанной с допингом преступной деятельности в России, – это ничем не подтверждённые в фильме заявления его авторов и В.Мёллера, поскольку никаких убедительных доказательств этого не приводится. Умершему лицу можно голословно приписать вообще любые слова, и опровергнуть это будет затруднительно, если вообще возможно. Это – один из известных манипулятивных приёмов. Одновременно также реализован приём подмены факта мнением. То есть мнение В.Мёллера о том, что книга Н.Камаева, которую он собирался написать и издать, была бы направлена на разоблачение связанной с допингом преступной деятельности в России, выдается авторами фильма за факт, подтверждающий их утверждение о существовании **государственной системы** обеспечения и сокрытия применения допинга в России. И это притом что из слов В.Мёллера явно следует, что он лично не видел непосредственно ни проекта книги Н.Камаева, ни каких бы то ни было материалов, которые легли или могли быть положены в её основу (несмотря на то что *«обмен письмами становился всё конкретней и конкретней»* (13:33 – 13:34)). Такое воздействие на адресата (зрителя) было подкреплено оценками некоего третьего лица (названного как «один из коллег»), призванными подтвердить и усилить формируемое мнение за счёт эмоциональной окрашенности его оценок, но, в особенности, за счёт того, что этот названный В.Мёллером как «один из коллег» выступает неким независимым третьим лицом, с которым адресату (зрителю) легко отождествить самого себя. Чтобы повысить эффект от этого приёма, дополнительно выстроен длинный ряд сцен с созданием атмосферы таинственности, шпионской семантики и т.п., соответствующий видеоряд – для того, чтобы сформировать убеждённость адресата (зрителя) в правдивости излагаемых предположений и их фактическом значении. Некоторая видимость достоверности этого коммуникативного послания дополнительно придаётся за счёт распространения суждений о применении допинга на другие неназванные страны (не только на Россию).

К концу рассматриваемого эпизода адресат (зритель) уже успевает забыть, что вначале говорилось про Н.Камаева, что он *«вроде бы, работал»*, что *«ходили такие слухи»: «Он, вроде бы, работал над какой-то книгой, которая обещала стать бомбой. По крайней мере, ходили такие слухи»* (12:21–12:24). Полагаем, что авторы фильма, понимая, что строят свои утверждения на основе слухов (о чём и сами проговариваются)

и произвольных домыслов, попытались защитить себя этими оговорками и в последующем «наслаивают» на них всё новую информацию, добываясь при помощи таких манипулятивных приёмов трансфера в субъективном восприятии адресата (зрителя) этого «слуха» в статус факта: **«Это должна была быть книга, содержащая инсайдерскую информацию за десятки лет»** (14:09 – 14:11). От слухов, что Н.Камаев намеревался написать какую-то книгу, до твёрдой уверенности, что она должна была появиться, создатели фильма прошли менее чем за пару минут. Но в фильме нет никаких убедительных доказательств того, что Н.Камаев, действительно, собирался написать какую-то книгу, вместо доказательств – лишь слухи и домыслы.

О связи смерти Н.Камаева с его книгой сами авторы фильма изначально заявляют, что это всего лишь их предположение: **«нам остаётся только строить догадки»** (12:25 – 12:26). К концу данного эпизода создатели фильма добиваются при помощи применения указанных манипулятивных приёмов трансфера в этого «предположения» в субъективном восприятии адресата (зрителя) в статус факта. На усиление воздействия этого приёма на адресата (зрителя) направлена неоднократная демонстрация видов кладбища и захоронения Н. Камаева (12:02 – 12:29; 15:08 – 15:14; то есть совокупно – более полуминуты!).

Далее идёт эпизод, посвящённый бывшему руководителю московской антидопинговой лаборатории Григорию Родченкову (15:22 – 20:28 и др.). Представлено множество рассуждений, оценивать которые не входило в задачи настоящего заключения. Отметим, что никаких доказательств звучащих утверждений не приводится, всё остаётся на уровне мнения.

При этом характерна попытка связать деятельность Г.Родченкова с министром спорта России В.Мутко: [Закадровый текст:] **«Гениальная уловка от Григория Родченкова, чтобы прикрыть мошенников от спорта. Но имеем ли мы дело с криминальным злодеем-одиночкой? Или он действовал по команде сверху? По распоряжению министра спорта?»** (18:14 – 18:27). Воздействие слов усиливается демонстрируемой «для доказательства» фотографией, на которой В.Мутко запечатлен рядом с Г.Родченковым (18:26 – 18:28).

[Министр спорта России В.Мутко:] **«Ну, как я могу влиять? Какое влияние мы можем оказать на работников антидопинговой организации? Государство не влияет, мы уже и так ушли, государство, со всего поля спорта»** (18:29 – 18:42).

За счёт того, что эпизод фильма, рассказывающий (вполне убедительно) о противоправной деятельности Г.Родченкова, намного более содержателен и имеет существенно большую длительность, чем фрагмент, где министр спорта России В.Мутко пытается что-то объяснить, В.Мутко искусственно ставится в заведомо проигрышные полемические условия. Сообщённая В.Мутко в интервью телеканалу ARD информация о мерах государства по борьбе с допингом, в том числе – о принятых в связи с выявленной противоправной деятельностью самого Г.Родченкова по распространению и содействию применению допинга, даётся в несоразмерно меньшем объёме и, в силу этого, не способствует формированию у адресата (зрителя) объективной картины действий

государства, а напротив – способствует принятию адресатом (зрителем) озвученной авторами фильма идеи-утверждения о связи В.Мутко с Г.Родченковым. Далее этот приём ещё и закрепляется прямым обвинением В.Мутко во лжи, причём с использованием культурно сниженной лексики: [Закадровый текст:] **«Никакого влияния? То, что министр спорта России в этот день, по всей вероятности, лгал..., мне ещё только предстояло выяснить в ходе моего расследования»** (18:42 – 18:54). Данное высказывание реализует манипулятивный приём подмены факта мнением.

В подтверждение указанных высказываний в фильме приводится (18:57 – 19:46) часть видеозаписи подробного рассказа Г.Родченкова (слышен лишь немецкий перевод) о реальной или мнимой системе распространения запрещённых допинговых средств в спорте и сокрытия фактов их употребления, но его заявления остаются в фильме лишь мнением, без приведения каких-либо фактов.

Отметим также, что имеются сомнения в адекватности и точности интерпретации смыслов высказываний (прямого семантического, контекстного и/или коннотативного значения) российских фигурантов, поскольку в большинстве эпизодов фильма их речь полностью не воспроизводится. Когда начинается воспроизведение вполне распознаваемой русской речи героев фильма, то реплики на русском языке полностью не воспроизводятся, через несколько секунд громкость их воспроизведения уменьшается, и они заглушаются закадровым текстом (комментарием или переводом) на немецком языке. Поэтому затруднительно или практически невозможно проверить точность и достоверность высказываний, приписываемых российским фигурантам закадровым текстом (переводом) на немецком языке.

Заявляется: [Закадровый текст:] *«Оригиналы видео- и аудиозаписей Родченкова находятся в распоряжении антидопинговой редакции ARD... Родченков, прежде чем покинуть Россию, подробно описал, как именно функционирует вся эта система по сокрытию допинга. Перечислил всех, кто принимает в этом участие. И заверил своей подписью»* (19:49 – 19:53).

Отметим, что в этом эпизоде демонстрируется (20:15 – 20:21) лист с печатным текстом, содержащий внизу рукописную надпись «Dr. Grigory Rodchenkov». В тексте перечислен ряд фамилий российских и иностранных граждан, но эта информация вновь является только высказыванием самого Г.Родченкова. Никаких доказательств не приводится, если не считать самостоятельным и самодостаточным доказательством заявления Г.Родченкова, который, подчеркнём, крайне негативно оценивается авторами фильма, поскольку в нём говорится, что Г.Родченков на посту руководителя московской антидопинговой лаборатории много лет занимался противоправной деятельностью.

Далее со слов Г.Родченкова высказывается ряд инвективных оценок в адрес «советника министра спорта РФ по антидопинговым вопросам» Натальи Желановой (20:22 – 21:09), в частности, ей вменяется взяточничество (20:54 – 21:02). Затем применяется манипулятивный приём: созданный негативный образ Н.Желановой (выяснение адекватности и обоснованности формируемого фильмом образа Н.Желановой не входило

в предмет настоящего заключения) искусственно связывается с образом министра спорта РФ В.Мутко.

[Закадровый текст:] **«Вместе с Мутко она оказывала давление на президента ВАДА, чтобы сорвать антидопинговое расследование против России»** (21:04 – 21:09).

Лексическая конструкция «чтобы сорвать расследование против России» не имеет ясного и чёткого самостоятельного значения. Понятие «сорвать» (в отношении какого-либо действия или мероприятия) является просторечным и акцентированно субъективным. Этим словом можно обозначить широкий спектр действий, в том числе – любые правомерные попытки защищаться, любые возражения. В отношении В.Мутко ничего, подобного сказанному в отношении Н.Желановой, в фильме не говорится, но за счёт соединения этих персон в утверждении о совместном совершении ими указанных действий («давление»), получающих в фильме негативную коннотативную окраску, достигается перенос (трансфер) негативного образа, созданного в рассматриваемом фильме в отношении Н.Желановой, на министра В.Мутко. Закрепляется эффект реализации этого приёма выводом в вопросительной форме: **«Так что же, получается, что министр спорта замешан во всём этом лично?»** (21:10 – 21:12).

Обращаем внимание на то, что использованное словосочетание **«во всём этом»** (в чём «лично замешан» министр спорта) крайне неопределённо по содержанию, и если его толковать буквально, то получится, что авторы фильма утверждают, что министр спорта сам лично замешан, то есть был участником противоправных действий по содействию применению допинга в России, о которых заявляется в фильме.

Таким образом, использование некорректных манипуляций и произвольных домыслов, при отсутствии в фильме убедительных доказательств сказанному Г.Родченковым, призвано обеспечить звучащие инвективы в адрес министра спорта России В.Мутко о том, что он лично и непосредственно замешан во всём, что показано в фильме про применение допинга в России.

Далее в фильме идёт эпизод о В.Чёгине, официально отстранённом, по словам министра спорта России В.Мутко, от спорта (выяснение адекватности и обоснованности формируемого фильмом образа В.Чёгина не входило в предмет настоящего заключения). В этом эпизоде так же содержатся голословные инвективы, не подкрепляемые доказательствами, а кроме того – реализуется очередная попытка авторов фильма манипулятивно сформировать образ министра спорта России как лжеца.

Логика и цель авторов фильма при этом очевидны: доказать, что министр спорта России неоднократно лгал в мелочах, наклеив ему, тем самым, ярлык «лжеца», а потом логично заявить, что он лжёт и тогда, когда говорит о необоснованности обвинений всего российского спорта в массовом употреблении допинговых средств российскими спортсменами при прямом содействии государства, и посредством этого добиться создания видимости достоверности всего фильма телеканала ARD.

[Закадровый текст:] **«Но за все эти дни от Виктора Чёгина – никаких следов. Неужели я купился на обманку? Может, хоть на этот раз министр спорта, действительно, не солгал?»** (24:15 – 24:26). То

есть заявляется, что министр спорта России В.Мутко постоянно лжёт, а тут единственный раз выражается надежда, что это не так.

[Министр спорта России В.Мутко о В.Чёгине:] *«Не работает нигде ни тренером, ни директором. Он вообще уже в спорте не работает. Да, он не имеет права. В спортивной отрасли он не имеет права работать. И надеюсь, что он больше работать не будет»* (24:29 – 24:42).

«Опровержение» этих слов В.Мутко подаётся следующим образом: [Закадровый текст:] *«А вскоре после интервью... у меня зазвонил телефон. Это одна из российских легкоатлеток. У неё есть для меня новые подказки. Становится очевидно, что я просто искал не в том месте.... Но она советует мне поискать вблизи от границы с Абхазией, рядом с Сочи. В небольшом городке Адлере в 2014 году было проведено немало олимпийских стартов. А теперь тут тренируются российские ходоки. Ведущие спортсмены. Многие из них – бывшие подопечные Чёгина, у которых только-только закончилась дисквалификация из-за допинга... Все они в один голос уверяют, что больше не работают с Чёгиным. 27-е апреля. Внезапно появляется какой-то серый микроавтобус. Сергей всё снимает с безопасного расстояния. Наблюдает, как спортсменов сопровождает полицейская машина. А микроавтобус всё время едет рядом с ними. **Боковые стекла – затемнены.** А на заднем сиденье, за водителем, **практически неразличимо, какое-то белое пятно.** Надо бы рассмотреть эти видеозаписи повнимательней. И действительно, на заднем сиденье автомобиля явно сидит какой-то человек. Уж не Виктор Чёгин ли там прячется – наш пожизненно отстраненный тренер?»* (24:44 – 24:45; 24:54 – 25:03; 25:07 – 25:38; 26:09 – 27:12).

Последнее высказывание сопровождается показом некой компьютерно-программной реконструкции полупрофиля человеческого лица. Действительно ли это – результат сложной компьютерно-программной обработки изображения или же представлен результат производной дорисовки (фальсификации), из фильма уяснить не представляется возможным (это и не входило в задачи автора настоящего заключения). Однако отметим, что факт проезда В.Чёгина (если предположить, что это правда) на машине вблизи спортсменов не свидетельствует о том, что В.Чёгин обязательно продолжает свою тренерскую или административную деятельность в сфере спорта и, тем более, что это делается с ведома или с разрешения министра спорта России В.Мутко. Отметим, что убедительных доказательств, что в указанном эпизоде фильма (27:08 – 27:15) это был именно полупрофиль лица В.Чёгина, в фильме не представлено.

Далее в фильме представлен ещё ряд сцен, призванных подтвердить утверждения о том, что В.Чёгин продолжает работать в спортивной сфере, но все они выглядят необубедительными. В частности, сомнительными считаем показанные манипуляции Фридриха Рёзинга, представляемого в качестве *«известного эксперта по распознаванию лиц»* (27:48 – 27:56), который, как сказано, *«работает по строгим международным стандартам»* (28:28 – 28:30). Ф.Рёзинг, как заявлено в фильме (28:05 – 29:40), подверг анализу указанный абрис полупрофиля и смутные черты лица (если это было лицо). Но при этом вызывает вопросы

и сомнение сам процесс получения этого изображения (абриса полупрофиля лица, приписываемого в фильме В.Чёгину), который он описал так: «*я оптимизировал изображение этой затенённой фигуры*» (28:19), и последующие результаты применения Ф.Рёзингом компьютерных методов. Представляется вообще некорректным демонстрируемое в кадре сопоставление Ф.Рёзингом абриса полупрофиля с прорисовкой абриса более ранней причёски (!) на другой фотографии, где лицо дано в анфас; это говорит о дефектности такой методики. Впечатляет и заявляемое Ф.Рёзингом значение вероятности совпадения лица на четкой фотографии и предположительного лица в виде размытого пятна, доходящее, как он говорит, до 99 % (29:29 – 29:31), – тут просто без комментариев.

Далее в фильме предпринята ещё одна попытка по формированию образа министра спорта России В.Мутко как лжеца: [Закадровый текст:] **«Можно ли вообще верить господину министру? Человеку, который и после всех этих многочисленных случаев допинга в России упорно продолжает повторять:»** (30:05 – 30:13) [Министр спорта России В.Мутко:] **«Наши успехи основаны не на допинге»** (30:13 – 30:15).

В доказательство звучащего в фильме утверждения о том, что министр спорта России лжёт, заявляется: **«Около 250 официально отмеченных случаев допинга с 2013-го года»** (30:24 – 00:29). Если государство самостоятельно поймало на допинге и дисквалифицировало указанное количество спортсменов за указанный срок, то эту фразу можно трактовать и как то, что государство эффективно борется с допингом в спорте. Если же их выявило ВАДА, то это тоже мало что доказывает, поскольку в других государствах мира количество дисквалифицированных за незаконное употребление допинга спортсменов тоже весьма велико. Следовательно, приведённое в фильме высказывание ничего не доказывает в части существования «государственной системы применения допинга», а только отражает, что были выявлены случаи незаконного употребления спортсменами запрещённых допинговых средств.

Процитированное выше высказывание подаётся под музыкальное сопровождение русской песни «Калинка» и одновременно демонстрируется целый ряд изображений (предположительно – российских) спортсменов, которые, судя по контексту, обличаются в употреблении допинговых средств (30:20 – 30:40).

Далее говорится: [Закадровый текст:] **«Собственно, я думал, что фильм уже закончен. Но истинная роль во всём этом министра спорта Мутко всё не шла у меня из головы. Он действительно ничего не знает? Или знает и сознательно лжёт?»** (30:42 – 30:53). Этим высказыванием, во взаимосвязи с предшествовавшими сценами схожего содержания, с применением при этом манипулятивных приёмов, транслируется и внушается адресату (зрителю) идея-утверждение о том, что министр спорта России всё знает об организации массового применения допинга в России, покрывает это и лжёт, отвечая на вопросы об этом.

Выводы

Проведённый анализ фильма Х.Зеппельта «*Секретное дело Допинга: День X для России*» («*Geheimsache Doping: Showdown für Russland*») немецкого телеканала ARD, включая анализ содержания и направленности отдельных сцен и эпизодов указанного фильма, применённых в фильме коммуникативных приёмов, посредством которых осуществляется психологическое воздействие фильма на адресата (зрителя), дал основания для вывода о том, что основной коммуникативной целью (изначально заложенной и достигнутой) этого фильма (а равно основной целью создания и публичной трансляции этого фильма) явилось формирование крайне негативного, дисфорически (с особой нетерпимостью и неприязнью) и пейоративно (уничажительно, издевательски) денигративного (очерняющего) образа российского спорта, российских спортсменов и спортивных организаций, а равно создание аналогичного образа деятельности Российского государства в области, связанной с противоправным употреблением допинговых средств в спорте, что осуществлено посредством использования в фильме ряда манипулятивных приёмов и трансляции следующих не нашедших убедительных подтверждений в фильме, ложных идей-утверждений, их внушения адресату (зрителю) и обеспечения их интроекции адресатом (зрителем):

- что российские спортсмены массово употребляют запрещённые допинговые средства;
- что Российское государство (в лице органов власти) грубо проигнорировало свои обязанности по обеспечению борьбы с употреблением допинга в спорте, более того – де-факто создало и поддерживает государственную систему содействия массовому употреблению российскими спортсменами запрещённых допинговых средств, включая организацию сокрытия таких фактов, а министр спорта России В.Мутко покрывает эту противоправную деятельность соответствующих лиц, являясь тем самым её соучастником;
- что российские граждане, критикующие такую систему и пытающиеся публично обнародовать имеющиеся у них сведения о её существовании и функционировании, подвергаются угрозам физической расправы и вынуждены бежать из страны, так как их жизни находятся в реальной опасности.

Обоснованность и объективность изложенных в этом фильме суждений, оценок и выводов относительно существования государственной системы обеспечения и сокрытия применения спортсменами допинга в России крайне сомнительны или явно ничтожны. В фильме не приводятся документально подтверждённые факты, являющиеся убедительным обоснованием утверждений в авторской речи о существовании государственной системы обеспечения и сокрытия применения допинга в России.

В исследованном фильме выявлены многочисленные свидетельства применения в нём манипулятивных приёмов, направленных своим воздействием на адресата (зрителя).

Выявленные в фильме и описанные выше случаи применения манипуляций, искажений информации, использования произвольных домыслов и ложной информации призваны скрыть и замаскировать отсутствие убедительных доказательств многочисленным инвективам, содержащимся в фильме, главной из которых является недоказанное утверждение о существовании государственной системы обеспечения и сокрытия применения спортсменами допинга в России.

Сопоставление фильма Х.Зеппельта «*Секретное дело Допинг: День X для России*» с другими, ранее вышедшими на немецком телеканале ARD, фильмами Х.Зеппельта о российском спорте даёт основания для вывода о том, что совокупность этих фильмов реализует скоординированную кампанию ложной дискредитации российских спортсменов и спортивных организаций, российского спорта, России в целом.

При создании фильма Х.Зеппельта «*Секретное дело Допинг: День X для России*» осуществлялся крайне тенденциозный подбор сюжетных вставок (сцен), аудиовизуальных фрагментов и текстовых вставок. Выявлена явно прослеживаемая в фильме цель его создателей: создание ложного крайне негативного образа российского спорта и представителей российского государства, занимающихся вопросами спорта, и под эту цель осуществлялся подбор и интерпретация материалов.

Слободчиков Виктор Иванович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования»

* * * * *

Slobodtchikov V.I. Critical analysis (expert opinion) of the “Doping – Top Secret: Showdown for Russia” (“Geheimsache Doping: Showdown für Russland”) documentary of the German television channel ARD

Introduction

Subject of the analysis

This critical analysis addresses the results of analyzing the contents and focus of the *“Doping – Top Secret: Showdown for Russia”* (*“Geheimsache Doping: Showdown für Russland”*) documentary of the German television channel ARD, aired by this television channel in the early hours of June 9, 2016 (hereinafter – documentary). The authors of the documentary are Hajo Seppelt, Florian Riesewieck and Felix Becker (00:55 – 00:57).

The scenes of this documentary and the remarks of its characters were recorded by the internal chronometric counter of the video recording playback software (the documentary’s video file). Thus, “12:12” means that the reference is made to the scene in the documentary or its character’s remark at the moment which approximately corresponds to 12 minutes and 12 seconds from the start of the documentary playback. At the same time, the difference by a few fractional seconds or 1–2 seconds from the shown time (readings of the internal chronometric counter) is possible, including, depending on the specific software used for video recording playback (video file).

The voice-over text for the documentary, translated into Russian (the translator was not mentioned), taken from the documentary subtitles, was used. The translated text was later proofread and corrected according to the audio recording of the documentary’s voice-over in German. It was also taken into account the English translation of the documentary under consideration⁷¹.

Case file materials provided for analysis

To analyze the documentary *“Doping - Top Secret: Showdown for Russia”* (*“Geheimsache Doping: Showdown für Russland”*) of the German television channel ARD, 2 files were provided, audio and video recording of the documentary (a computer readable MP4 video file) and a subtitle file (computer readable SRT file).

Information about the expert

Viktor I. Slobodtchikov, Doctor of Psychology, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Education, Chief Researcher of the Institute for the Study of childhood, family and education of the Russian Academy of Education (seniority in scientific activities – 47 years, record of expert activities – 27 years).

⁷¹ Doping - Top Secret: Showdown for Russia // <<https://vimeo.com/170280671>>.

The analysis was carried out within the scope of the following questions:

1. What image of the Russian athletes and sports organizations is created by the “Doping - Top Secret: Showdown for Russia” documentary? What are the validity and objectiveness of the documentary’s opinions, judgments, and conclusions? Are the well-documented facts, which convincingly prove the author’s statements (commentary), available in the film?

2. Are there any elements and specific features, confirming that manipulative ‘tricks’, aimed to influence the audience (viewer), are used in the “Doping - Top Secret: Showdown for Russia” documentary?

The documentary was analyzed in terms of both issues, and the answers to both of these questions were given as part of the general analysis.

Methods used in the analysis and in preparing the expert opinion based on its results

In performing the analysis and preparing this expert opinion based on its results, the psychological and linguistic analysis, psycho-semantic, content analysis and other research methods were used⁷². The research methods were not repeatedly emphasized in research descriptions within the scope of answers to the above questions.

Main Findings. Critical Analysis

The analyzed documentary starts with a message setting its main focus and psychological patterns of the way it should be perceived by the audience (viewer): [Voice-over narration:] *“The world’s largest sporting event - the Olympics. Soon again, in August. More than 200 countries will compete in Rio. One nation, however, could be absent. Russia is facing exclusion from the Olympics. The charge - state system of doping use in the world’s largest country”* (00:06 – 00:41).

The use of the word “charge” in this case aims to create the audience’s (viewer’s) belief that there actually exist the official charges (duly brought) against Russia that there is a state system of doping use and concealment, based on significant evidence, including actual facts. Using the lexical structure *“state system of doping use”* (that is, the system with a state status, support, and scale) is aimed to communicate the ideas-assertions about the existence of such criminal system in Russia with the direct involvement of the government, to inculcate these ideas and ensure their introjection⁷³ upon the audience (viewer). This perception is encouraged by the scale of the invectives made by the documentary authors towards the entire Russian athlete training system. Considering today’s public perception and legal awareness of most Europeans,

⁷² The research methods are provided, in particular, in the following literature: *Petrenko V.F.* The Basics of Psychosemantics. 3rd ed. – Moscow: Eksmo, 2010. – 480 p.; *Kudryavtsev I.A.* Comprehensive Forensic Physiological and Psychiatric Examination. Moscow, 1999; *Kochenov M.M.* Introduction to the Forensic Physiological Examination. – Moscow, 1980; *Safuanov F.S.* Forensic Physiological Examination in the Criminal Procedure. – Moscow, 1998; etc.

⁷³ Introjection means including the outside views, motives and mindsets of other people by an individual into one’s own inner world as one’s own views, motives and mindsets (Contemporary foreign vocabulary dictionary. – Moscow: Russkiy yazyk, 1999. – P. 244).

the audience's (viewer's) opinion is generated, that these grave public charges could not have been publicly brought without strong evidence, and, following this logic, if it is reported, that the charges were brought by somebody, there must be a reason for this.

[Voice-over narration:] *“December 2014. One of the biggest sports scandals in history comes to light, triggered by an ARD film about doping in Russia”* (01:01 – 01:15).

The fact that the film's authors refer to themselves (to their previous films) as a reliable actual source, is an implementation of a notorious manipulative “trick”. The statement about the global scale of response to their own first film (earlier released) as *“one of the biggest sports scandals in history”*, apart from the obvious personal promotion, aims to attract (“pick up”) and heighten the audience's (viewer's) interest and attention, just as the following phrase: [Voice-over narration:] *“Russian whistleblowers **come clean**”. They provide **shocking evidence**”* (01:18 – 01:28).

The documentary's analysis shows the lack of actual convincingly confirmed facts and significant evidence of the opinions and conclusions provided by the filmmakers. However, various manipulation techniques are used many times (absolutely inappropriate from the point of view of journalism ethics and universal moral principles). This will be confirmed in what follows.

A comment by the track-and-field athlete Yu. Stepanova *“In Russia I'll become the enemy number one”* (01:35 – 01:38) is combined with the following offscreen commentary *“They live in fear. They flee from Russia”* (01:39 – 01:41). By this communicative message, building up psychological tension (this offscreen commentary is heard as Yu. Stepanova is shown on-screen holding a baby in her arms), the filmmakers create a positive image of Yu. Stepanova, and form a strong negative view of the audience (viewer) about the oppressive environment of continual fear, in which Russian athletes live (pronoun “they” is used), as an immanent characteristic of the current situation in the Russian sport. Using this technique is not only aimed at reaching the main goal of the analyzed documentary, but also to enhance the effect of invective statements made by various persons in the film. At the same time, such impact on the audience's (viewer's) emotions by showing the climate of fear and danger encourages the audience's (viewer's) mindset of uncritical perception of the following information, which helps the authors to more easily convince the viewers that the “state doping use system” is available in the Russian Federation, without using facts to prove these grave accusations.

Then the following statement is heard: [Voice-over narration:] *“Official investigations”* (01:46 – 01:47) as the front page of the Report compiled by the Commission headed by R. Pound dated 09.11.2015 is shown. This is followed by the footage showing one of the commission's members at a press conference saying: *“Our recommendation is that the Russian Federation be suspended from international competitions”* (01:48 – 01:51). Inserting this statement, made by the commission's member, between the voice-over narration, provides a transfer of the message “our recommendation” to the status of a conclusion made by the filmmakers themselves. Blending (mixing) of a separate tendentiously chosen remark by a member of an international sports organization commission with the filmmakers' viewpoint, is also ensured. The statements and opinions of the authors of the analyzed documentary are merely their own subjective viewpoints,

which do not have any references to the actual facts, and are not confirmed by such in the film. The filmmakers cannot but understand this, and have to use manipulation techniques to ensure this mixing.

From the very beginning of the film, its authors use manipulative “tricks” to create the appropriate emotional attitude of the audience (viewer), encouraging uncritical perception of the reported messages. This is the purpose of the communicated two key ideas-assertions, creating the attitude and background for perception of all of the following information. Using these techniques, these ideas are inculcated upon the audience (viewer) and introjected by them:

1) there is a secret state system of doping use by the athletes and concealment of this doping use in Russia, which is confirmed by some “*official investigation*”;

2) this system is provided by the sporting officials and the repressive state apparatus (“secret service”) (02:02 – 02:03) to frighten and crackdown on those trying to publicly tell the truth about it ([Voice-over narration:] “*They live in fear. They flee from Russia*” (01:39 – 01:41)).

The status and legal effect of the “*official investigation*” (R. Pound’s commission), mentioned in the documentary, were out of this opinion’s scope. However, we would like to point out, that this film is presented by their authors as an independent journalistic investigation of the system of athlete doping use in Russia.

The next manipulative “trick” in the documentary is implemented by showing a kaleidoscopic number of video quotes from the news reports of various television channels from all around the world (for example, 02:04 – 02:06). These video quotes are tendentiously selected to support the filmmakers’ statements and create the audience’s (viewer’s) conviction in complete objectivity of the authors’ investigation. Here, an approach of transferring (transforming) the addressee (communication source) from the filmmakers group into an uncertain number of persons (authors of other materials about doping in Russia) is applied. That is, the audience’s (viewer’s) opinion is formed in a manipulative way, that the judgments and conclusions, presented in the documentary, are recognized by everybody in the civilized world, and, therefore, no additional evidence (which seem to be unavailable to the filmmakers) is required. As a result, the (viewer’s) opinion that the ideas, judgments and conclusions made by the documentary’s authors, are sufficiently convincing, is generated.

It is later said: [Voice-over narration:] “*Retrospective doping tests. Numerous Russians are found guilty. New suspicion – cover-ups with the help of the secret service*” (01:52 – 02:03).

We have already mentioned using the word “accusation” in the film as an implementation of the manipulative ‘trick’ of replacing fact with opinion. It is important to note, that no legally valid and well-founded charges against Russian sports organizations and government organizations that there is a state doping use system, supported and concealed by the government, were brought. There were only unsubstantiated invective statements by a number of persons about the Russian sport, athletes and sports organizations. Using the replacement technique (official accusation – individual statements) aims to confuse the audience (viewer).

At the same time, the above replacement technique is enhanced (and its results are confirmed) by applying the following manipulation technique, conventionally called “labeling”: [Voice-over narration:] **“Russians, as usual, suspect a conspiracy of the West”** (02:07 – 02:10). This technique aims to discredit Russians by falsely imputing them with inappropriate perception, and devalue any counterarguments in defense and vindication of the Russian sport, athletes and sports organizations. In addition, this example clearly demonstrates negative and biased attitude of the filmmakers towards **all Russians as a nation**. All of them are imputed with inappropriate perception as a specific feature of the national mentality i.e. «suspecting a conspiracy of the West», as usual, which cannot be true. This is a gross violation of the journalism ethics. One of the reasons for it is, probably, a biased negative attitude of the documentary’s authors to Russians and the Russian state.

Then the filmmakers use this technique once again. [Voice-over narration:] *“For the first time in a long while I’m in Russia once again. The ARD reports about doping in Russia have not pleased many people in this country. Among them, the Russian government. I will meet the sports minister for the first time. On many occasions previously, I tried to get an interview with Vitaliy Mutko. Only a short time ago he had claimed that the doping allegations were a conspiracy of the West”* (02:32 – 03:12).

The film shows H. Seppelt interviewing the Russia’s Sports Minister V. Mutko (03:20 – 03:56), where the minister talks about the measures undertaken by the Russian government on getting the doping misconducts under control.

Then it is said in the documentary that the statements made by V. Mutko in the interview will be checked (03:57 – 03:59). This “check” is of immediate interest to answer the question about objectivity and impartiality of the authors of the documentary, their “investigation” and the film itself.

[Voice-over narration:] *“A Russian, let’s refer to him as Sergey, is helping me with the research. He would like to remain incognito. “Sergey” already provided me with support on my last film in March. For example, in finding this man [a man in the sports stands in shown on-screen]. Yuriy Gordeev, **apparently**, a man pulling the strings among doping. At that time, I decided to check these **assumptions**”* (04:03 – 04:22).

Let us note, that the words “apparently” and “assumption” are used together in this one quote. We will come back to that later.

Then, a laptop screen with an interface of the IP-telephony software is shown. Two male voices are offscreen, some people are talking. It is impossible to hear what they are saying, identify their voices because of the narrator’s offscreen voice interrupting them.

[Voice-over narration:] *“Sergey” played the role of the decoy. He said: “We need oxandrolone and primobolan”. Gordeev replies: “That’s no problem”. “Have you also got pure testosterone?” – “Yes”. – “And have you everything in stock?” – “Yes, of course. But let’s really not talk about it on the phone”* (04:23 – 04:39).

Basically, a staged act is put on in front of the audience (viewer). It is extremely hard to imagine that the seller of the prohibited doping substances would confide to a stranger on the phone. It is impossible to verify the fact that this conversation took place, as well as its contents and the participation of the persons referred to in the film. The audience (viewer) only hears the dialogue in

German spoken by the off-screen announcers. We believe, that putting on this act is an easy job.

However, even if the above description of Yu. Gordeev as a doping seller is true, this has nothing to do with rebuttal or, on the contrary, confirmation of the information, given to H. Seppelt by the Russia's Sports Minister V. Mutko in his interview, about the measures taken by the government against using doping in sport. Moreover, the fact that a certain person exists in the country, who performs these illegal acts, and who has not yet been captured by the law enforcement agencies, does not prove, that this person acts with the knowledge and in association with the government authority representatives in sports.

The fact that this person, as pointed out in the documentary, is *"right in the grand stand of the Russian athletics championships"* (04:41–04:45) means nothing either. Half-empty stands are shown as the comment is made. The fact that the person, in respect of whom some person makes some allegations, is in a sports stand, only means that he is there, nothing more.

Let us note, that in this and number of other episodes it is very difficult (if at all possible) to verify the chronological correctness of sequencing and marking if the actions and events shown in the documentary. That is, it is impossible to be sure that the scenes described as happened "later" actually took place later. Multiple manipulations found in the documentary, do not allow trusting these statements made by its authors. In this case, according to the voice-over, the alleged doping seller is in the grand stand of the Russian athletics championships. However, it is impossible to check whether this statement is true.

Later in the documentary it is said that the statements made by the president of the Russian Athletics Federation Dmitry Shlyakhtin, that Yu. Gordeev has nothing to do with the Russian sport anymore, that he is suspended, will be "checked" (05:03 – 05:25).

"The check" is the following: [Voice-over narration:] *"But can it be believed? My Russian contact hits the road. "Sergey" travels to one of the central locations for the Olympic preparations of the Russian track and field athletes Kislovodsk, 1,500 kilometers south of Moscow, close to the border with Georgia. "Sergey" takes a look around him in part of the forest on the edge of the town with the camera concealed. Everywhere athletes are to be seen with their coaches, also athletes from the national team. **And then he finds HIM. The man with the blue pants is Yuriy Gordeev.** As if it is simply a matter of course, **he's apparently still coaching Russian athletes. Gordeev appears to feel safe here. The doping dealer from the Russian Championships in February. And what is the situation now?"*** (05:37 – 06:43).

A little earlier in the film it was mentioned that Yu. Gordeev's involvement in doping dealing is only an assumption: [Voice-over narration:] *"Yuriy Gordeev, **apparently**, a man pulling the strings behind doping. At that time, I decided to check these **assumptions**"* (04:16 – 04:19). While over a minute later the fact that Gordeev was selling *"doping at the Russian Championships in February"* (06:34 – 06:38) was presented with confidence. Yet this fact has not been stated earlier in the film, not to mention any substantial evidence. It should also be noted that such a technique (presenting speculation as fact) is being used repeatedly by the filmmakers in their documentary.

While this as being said the camera shows a perfectly ordinary, average-looking park (or an urban forest with foot paths) that does not look like a sporting venue, in which park, as is evident, anyone can do sports or simply take a walk. It is being shown that Yu. Gordeev (or a person that looks like him) is standing alone in the middle of that park (06:13 – 06:38) which is being presented as one of the proofs that Yu. Gordeev is “*still coaching Russian athletes*” and “*feels safe here*” (06:19 – 06:28).

Then the voice-over reader makes a dramatic exclamation: “*And what is the situation now?*” (06:42–06:43).

It is not clear which situation is being referred to, - the one in which Yu. Gordeev is taking a walk in the park while a few athletes have been running past him? This episode, evidently, cannot prove that Yu. Gordeev continues to work in a sports organization, and continues to coach track and field athletes. There is no basis at all to interpret the shown footage as evidence of Yu. Gordeev performing any official functions.

On the evidence of this episode showing Mr. Gordeev taking a walk somewhere the filmmakers seek to form an opinion in the audience (viewer) that Yu. Gordeev continues to “coach athletes”, while the President of the All-Russia Athletic Federation is lying about Mr. Gordeev’s suspension. Yet such a conclusion evidently remains unsupported in the film.

It is to be supposed that lack of real compelling evidence induces the filmmakers to include perfectly shallow and speculative episodes in their film.

Continuing. [Voice-over narration:] “*Doping controls in the largest country in the world. Tens of thousands of athletes, many medal winning hopes. Yet only a few hundred tests in Olympic year*” (07:58 – 08:06).

This episode is designed to persuade the audience (viewer) that no more than a few per cent of athletes in Russia are fair and disciplined and submit the samples prescribed. On the other hand, the filmmakers completely ignore the well-known fact that samples should be submitted only by those athletes who are obliged to do so under the established rules in connection with their participation in official athletic competitions. No other persons are obliged to do so, neither in Germany, nor in Russia or anywhere in the world, apart from cases defined by the regulations. It is reasonable to compare the number of persons in a specific country who submit doping test samples before an international competition with the quantitative indicators of the persons submitting doping test samples in other countries whose athletes also participate in such competitions, but by no means to the overall number of athletes in a country. In this case a manipulative technique of the argument (point at issue) substitution has been used.

Special mention should be made of the storyline created to describe the attempt to take a doping test sample from an athlete in the closed administrative-territorial formation (ZATO) of “the city of Tryokhgorny”, the entry to which is restricted under Russian Federal legislation.

[Voice-over narration:] “*And if foreign controllers want to test Russians they often find themselves faced with resistance. For instance, in Tryokhgorny, a restricted military area in the Urals with an atomic weapon research center. In this, of all places, Russia’s top athletes are training. In Cologne I meet a woman who wanted to control one of them in May. Angelika Wiesmann tells me that she had been turned away on the outskirts of the town. Only hours later she*

managed to meet the athlete and make the doping test. However, there were many complications". (08:07 – 08:42).

[A. Wiesmann:] "*In about 10 minutes three persons of the Russian version of the KGB secret service, the FSB, arrived and demanded to see our papers and told us in no uncertain terms that we really had no business being here in this town*". (08:43 – 08:59).

[H. Seppelt:] "*How did you feel in that situation?*" (08:59 – 09:00).

[A. Wiesmann:] "*For me it was a very **uncomfortable situation** because the people really were armed and pointed out specifically to me that I may never stay within 80 kilometers away from that town, otherwise they would deport me and cancel my visa.*" (09:00 – 09:19).

[H. Seppelt:] "*Didn't they care that as an international doping controller you had tests to do?*" (09:19 – 09:24).

[A. Wiesmann:] "*No, not at all. I have never experienced anything like that in my career.*" (09:24 – 09:27).

[Voice-over narration:] "*Tryokhgorny, the restricted military zone, strict access limitations. Hardly anyone is allowed to enter. Doping controls scarcely possible. Why do athletes train in areas like this?*" (09:30 – 09:45).

Unreasonable and purposeless, perfectly hyperbolized dramatization of a single episode ("overcoloring, exaggeration") is intended to persuade the audience (viewer) in the consistency of such cases when Russian athletes deliberately avoid international doping controls in some restricted areas where the secret services deny access to doping controllers, and that it is one of the schemes to cover-up the facts of the use of doping by Russian athletes.

This episode, by combining two manipulative techniques – argument substitution and replacing fact with opinion – much like the previous ones, does not prove anything as far as the existence of a state-run system of doping procurement and cover-up. Moreover, the conclusions of the commentator in the film are blatantly absurd. The security guards of the areas under state secret protection are always armed – be it in Germany, in the USA, or in other countries. It is sensible, logical and to be altogether expected and reasonable. Articulating the image of the Soviet KGB, which is presented as a source of fear, is one of the elements of the abovementioned manipulations, as the KGB had long ceased to exist and has absolutely nothing to do with the situation in hand. One is getting a well-founded impression that this conflict was planned and carried out by Angelika Wiesmann deliberately. Entry in the restricted area (ZATO) without official permission, thereby violating the legislation, is evidence of insufficient qualification on part of the doping controller or of a deliberate attempt at provocation. It should be emphasized, that the film deals with one single athlete for the purpose of obtaining a doping test sample from whom A. Wiesmann made an attempt to enter the restricted area. Once again, there was no refusal to submit a test sample on the part of the athlete, and, as was admitted in the film, A. Wiesmann only had to wait a few hours. During this period it was impossible to interfere with the condition of the athlete, which is why, as far as the doping test results are concerned, this delay was highly insignificant.

The behavior of the security guards, on the other hand, was quite in line with what would be expected. A similar attempt to enter a restricted area protected under a state secret, or a military secret, in the USA could have led to

criminal or administrative charges against A. Wiesmann. In this case, all her inconveniences amounted to a few hours' wait and hearing a warning from the FSB guards regarding the unacceptability of the violation of the Russian Federal legislation.

The dramatic exclamation: "*Why do athletes train in areas like this?*" – is pointless if it is reasonable to rephrase the question: Why does an athlete who was born, grew up and lives in this community have no right to train there, why should there be any areas prohibited for doing sports – solely because the filmmakers would think so? A. Wiesmann had the opportunity to obtain a doping test sample from an athlete, and, as we can see, a few hours' wait proved to be no substantial obstacle for doing so.

The film then goes on to show footage of short statements of the spouses Yuliya Stepanova and Vitaliy Stepanov (10:13 – 10:27; 10:53 – 11:07), whom the filmmakers call "*the star witnesses on the doping system in Russia*" (09:58 – 10:01)

[Voice-over narration:] "*These two believe that **there is a state system behind all this.***" (09:48 – 09:51)

Behind what, exactly, as defined by the word "this", according to Stepanovs' statement, there is "a state system" is impossible determine from the film as before this episode many other inconsequential and incomprehensible episodes, and numerous blatant manipulations have been used. Can it be believed, that there is a "state system" behind Yu. Gordeev taking a walk in the forest or Yu. Gordeev sitting on a grand stand? As there is absolutely nothing substantial or specific in the documentary to prove the key ideas presented by the filmmakers.

It was not within the scope of the present critical analysis to examine the statements of V. Stepanov (10:13 – 10:27) and Yu. Stepanova (10:53 – 11:07) with regard to the measure of reliability thereof. We should, however, note that they did not say anything specific, new and substantial to add up to the foregoing episodes of the documentary and its principal line of argument.

The following statement of V. Stepanov is characteristic: "*In our situation we had to go to a different country because there are thousands of messages in social networks and in media forums that just tell her: don't come back, you might be killed*" (10:15 – 10:27). On the other hand, no evidence is given in the film that such threats did take place, that those were caused specifically by the statements made by the Stepanovs regarding the doping in the Russian sports, and not by other reasons, that those threats were made by Russian citizens and not by citizens of different countries for different reasons. The filmmakers consider this line of argument (01:39 – 01:41; 10:15 – 10:27; 11:56 – 12:26) very important as it is designed to convey to the audience (viewer) the idea – and lead them to believe it – that anyone who dares to openly speak about the alleged existence of a large-scale state system of doping distribution and doping abuse by the athletes in Russia has to flee from the country or dies under mysterious circumstances.

The same storyline incorporates the episode of the film which tells the story of Nikita Kamaev, former Director General of the Russian Anti-Doping Agency (RUSADA). This episode is intended to persuade the audience (viewer) of the existence of large-scale illegal activities of distributing and using the doping substances in the Russian sport, all this with the government

involvement. This episode attempts to form in the audience (viewer) the opinion that N. Kamaev died suddenly under mysterious circumstances, which would suggest that he was killed to be stopped from writing and publishing some sensational book exposing the Russian sport:

[Voice-over narration:] *"In summer, 2014, I visited the Russian Anti-Doping Agency and met this man for the first time. The former chief executive Nikita Kamaev. In front of the camera he denied any form of manipulation"* (11:26 – 11:41). [N. Kamaev:] *"The fact that samples were swapped and that RUSADA selected the athletes arbitrarily or even accepted bribes for the conduct of tests, these stories are simply laughable for professionals"* (11:42 – 11:56).

[Voice-over narration:] *"Shortly afterwards, following the ARD revelations, Nikita Kamaev had to give up his job. Today Kamaev is dead [the film continues with the footage of the cemetery, the grave of N. Kamaev]. He died very suddenly in February, 2016. Official diagnosis: heart failure. **He'd been working on a highly explosive book, it is said. Whether his death also had anything to do with that is a topic for speculation"*** (11:56 – 12:26).

[V. Mutko, Russian Sports Minister:] *"That is absolutely absurd, these accusations or the references to it... If he had written any kind of book, then there would not have been any sensations in it"* (12:30 – 12:43).

[Voice-over narration:] *"Only a few months before his death, Kamaev contacted a Danish scientist. He wanted to reveal everything about doping in Russia. He writes: **"I have enough material for a book that should be controversial and shocking"**. The e-mail correspondence with the Danish doping researcher went on for weeks"* (12:46 – 13:13).

This text is accompanied not by the footage of N. Kamaev's correspondence that could have been verified, but by stage footage of some person's hands typing some text while being shot by a camera. If the correspondence between the mentioned persons had actually lasted for weeks, this could have been convincingly confirmed by the footage of the extracts thereof, but the film contains nothing like that.

[Voice-over narration:] *"Odense in Denmark. I want to meet the man with whom Kamaev had corresponded for so long and so confidentially. Professor Verner Møller reports to me that he had conducted long discussions with Kamaev via Skype. Also the written correspondence had become increasingly concrete. They wanted to meet soon"* (13:17 – 14:38).

This episode shows footage of a computer screen with the interface of an electronic postal service, and allegedly shows an e-mail from N. Kamaev to V. Møller, there is even an inscription *"Re[2]: Nikita Kamaev RUSADA"*, but N. Kamaev's e-mail address itself is not displayed on the screen, which makes it impossible to verify whether this e-mail had been sent from N. Kamaev's private or office e-mail address, and was not fabricated or simulated by a third party for some purpose or other.

[Caption:] *"Verner Møller, Doping researcher at the University of Aarhus"* (13:41).

[V. Møller:] *"**He had a lot of information and he had evidence to back up this information that would shock the world. He had evidence of secret labs that worked for athletes to dope. And that was not only in Russia. He said he had evidence that this happened in other countries as well. And he wanted to***

give me all the massive information that he had when we met in person" (13:39 – 14:03).

[Voice-over narration:] "*That is how the Danish scientist remembers it. It should be a book that contained inside knowledge collected over decades. It could have been dangerous, not only for Russia. Kamaev had already even put together a table of contents. According to it, among other things, he wanted to make revelations about the transport of doping products, about the former pharmacological support of the USSR athletes and about what really happened at the Winter Games in Sochi*" (14:04 – 14:35). During the narrative of the table of contents allegedly put together by N. Kamaev for his future book we are shown the footage of a sheet of paper with a printed text that bears no identification marks and that cannot be used to identify its actual authorship – did N.Kamaev actually write this?

[V. Møller:] "*When I mentioned to one of my colleagues that I had had this conversation with Nikita, that I was considering, seriously considering starting the book project with him, he said: 'Well, this sounds absolutely fantastic! Interesting. But beware, it might also be dangerous'. And I thought, I said to him: 'Well, you may have seen too many spy films!'"* (14:36 – 15:08).

The episode described above is intended to persuade the audience (the viewer) that N.Kamaev was killed to stop him from revealing some facts which could have harmed those behind the extensive use of doping by athletes in Russia.

The statement that N.Kamaev planned to write a book about doping-related criminal activities in Russia is the allegations made in the documentary by the filmmakers and V. Møller that are not backed by anything as no convincing evidence to this point has been provided. Any statement at all can be attributed to a dead person, and it would be difficult indeed, if at all possible, to refute it. This is one of the well-known manipulative techniques. On the other hand, the technique of replacing fact with opinion has also been used here. That is, V. Møller's opinion that N.Kamaev's book which he was planning to write and publish would be intended to expose doping-related criminal activities in Russia is presented by the filmmakers as fact supporting their argument of the existence of the **state system** of procurement and cover-up of the use of doping in Russia. Moreover, V. Møller's words clearly imply that he himself never saw neither the actual project of N.Kamaev's book, nor any materials on which it was, or could have been, based (despite the fact, that "*the written correspondence had become increasingly concrete*" (13:33 – 13:34)). Such attempt to influence the audience (viewer) was supported by an evaluation of a third person (referred to as "one of his colleagues") intended to support and strengthen the desired opinion by resorting to the emotional aspect of his evaluation, but, above all, due to the fact that this person referred to by V. Møller as "one of his colleagues" is presented as some independent third party with whom it is easy for the audience (viewer) to identify themselves. To further increase the effect of this technique, a long sequence of scenes has additionally been designed to create an atmosphere of mystery, espionage semantics, etc., the accompanying footage – to convince the audience (viewer) of the truthfulness of the presented assumptions and their factual value. A certain appearance of truthfulness of this message is further enhanced by extending the statements of doping use to other unnamed countries (not only to Russia).

Towards the end of the episode under consideration the audience (viewer) already forgets the initial statement concerning N. Kamaev, that he “*he’d been working ... it is said*”, that “*there had been rumours*”. “*He’d been working on a highly explosive book, it is said*” (12:21–12:24). We believe that the filmmakers, knowing that they build their assumptions on the basis of rumours (which they inadvertently admit) and arbitrary speculations, tried to protect themselves with those disclaimers and go on to “pile up” more and more information on top of that, achieving, through the use of such manipulative techniques, to transfer this “rumour” into the “fact” status in the subjective perception of the audience (viewer): *It should be a book that contained inside knowledge collected over decades* (14:09 – 14:11). In less than a couple of minutes the filmmakers have traveled the whole distance from the rumours that N. Kamaev was going to write some book to the firm belief that it would be published. Yet the film provides no convincing evidence that N. Kamaev really planned to write any book, giving only rumours and speculations instead of evidence.

The connection between N. Kamaev’s death and his book is originally presented by the filmmakers merely as their own assumption: “*it is a topic for speculation*” (12:25 – 12:26). Towards the end of this episode the filmmakers manage – by using the abovementioned manipulation techniques – to transfer this “assumption” into the “fact” status in the subjective perception of the audience (viewer). Repeated footage of the cemetery and N. Kamaev’s grave (12:02 – 12:29; 15:08 – 15:14; that is, over half a minute in total!) is intended to boost the effect of this trick on the audience (viewer).

This is followed by an episode, focusing on the former head of the Russian Anti-Doping Agency Grigoriy Rodchenkov (15:22 – 20:28, etc.). Many arguments are presented, the evaluation of which lies beyond the scope of this opinion. It should be noted, that no evidence of the given statements is provided, everything remains merely an opinion.

However, the attempt to link G. Rodchenkov’s activity to the Russian Sports Minister V. Mutko is indicative: [Voice-over narration:] “*Grigoriy Rodchenkov’s tricks to cover-up cheats in sport. Is he the criminal super-brain for his own account, or does he act on instructions from above? On instructions from the Sports Minister?*” (18:14 – 18:27). The verbal influence is strengthened by the footage – presented here “for evidence” – of a photograph on which V. Mutko is captured with G. Rodchenkov (18:26 – 18:28).

[Russian Sports Minister V. Mutko:] “*How can I exert influence, then? What influence can we exercise on the personnel of the anti-doping organizations? The state has in any case already withdrawn from the playing field of sport.*” (18:29 – 18:42).

Due to the fact that the documentary’s episode reporting (quite convincingly) G. Rodchenkov’s unlawful activities is far more informative and of substantially larger duration than the footage of the Russian Sports Minister V. Mutko trying to give some explanations, V. Mutko is deliberately put in obviously disadvantageous polemical conditions. The information reported by V. Mutko in the interview to the ARD with regard to the government’s anti-doping measures, including those taken in relation to the revealed unlawful activities of the distribution of, and assistance in, the use of doping undertaken by G. Rodchenkov himself, is given in a disproportionately smaller amount and,

therefore, does not contribute towards creating the audience's (viewer's) objective image of the government actions, but on the contrary – it encourages the audience (viewer) to accept the idea-assertion that there is a connection between V. Mutko and G. Rodchenkov as presented by the filmmakers in their documentary. This technique is further supported by directly accusing V. Mutko of lying by resorting to the use of derogatory vocabulary: [Voice-over narration:] ***“No influence? That the Russian Sports Minister had very probably lied to me on this day in Moscow I would find out in the course of this research.”*** (18:42 – 18:54). This statement relies on the manipulative ‘trick’ of replacing fact with opinion.

In support of the statements the documentary provides (18:57 – 19:46) footage of G. Rodchenkov's detailed narrative (only the German translation is audible) about the actual or imaginary system of the distribution of the prohibited doping substances in sport and suppression of facts of their use, but his statements in the documentary remain only an opinion, no facts have been provided.

It should also be noted that it is doubtful whether the meanings of the statements (direct semantic, contextual, and/or connotative meanings) made by the persons involved on the Russian side have been interpreted adequately and accurately since in the majority of the episodes of the documentary their speech is not fully reproduced. When the playback of quite recognizable Russian speech of the film characters begins, the remarks made in the Russian language are not fully reproduced, in a few seconds the playback sound volume is lowered, and they are dampened by the voice-over narration (a comment or translation) in German. Therefore it is difficult, or almost impossible, to check the accuracy and reliability of the statements, attributed to the persons involved on the Russian side by the voice-over narration (translation) in German.

An announcement is being read: [Voice-over narration:] *“Pictures and sound of Rodchenkov are in the possession of the ARD in their original form ... A long time ago Grigory Rodchenkov had noted down precisely how this doping cover-up functioned, and who was involved. And all this confirmed with his signature.”* (19:49 – 19:53).

It should be noted, that in this episode the footage of a sheet of paper with a printed text – and a handwritten inscription «Dr. Grigory Rodchenkov» at the bottom of it is provided (20:15 – 20:21). There is a number of names of Russian and foreign citizens listed in the text, but this information is, again, no more than merely G.Rodchenkov's own statement. No evidence has been provided unless one accepts G.Rodchenkov's statements as independent and self-sufficient pieces of evidence, and G.Rodchenkov, as should be emphasized, has been portrayed by the filmmakers in an extremely negative way, since it is said in the documentary that G. Rodchenkov had been for many years involved in unlawful activities as the head of the Moscow anti-doping laboratory.

Then, according to the oral testimony provided by G. Rodchenkov, a number of invective evaluations is expressed towards the “anti-doping adviser to Russian Sports Minister” Natalia Zhelanova (20:22 – 21:09), in particular, she is imputed with bribery (20:54 – 21:02). This is followed by a manipulative technique: the created negative image of N. Zhelanova (examination of the adequacy and validity of N. Zhelanova's image pictured in the documentary was

out of the scope of this analysis) is being artificially linked to the image of the Russian Sports Minister V. Mutko.

[Voice-over narration:] “***She and Mutko put pressure on the WADA president to hinder and destroy doping investigations***” (21:04 – 21:09).

The phrase “*to hinder and destroy doping investigations against Russia*” does not have a clear and distinct meaning of its own. The concept “to hinder” (concerning some kind of action or event) is colloquial and conspicuously subjective. This word can denote a wide range of actions, including any rightful attempts to defend oneself, any objections whatsoever. Nothing similar to what has been said in the documentary about N. Zhelanova is said about V. Mutko, but by means of mentioning those persons together in the statement about their cooperation in the abovementioned actions (“pressure”), which get a negative connotative coloring in the documentary, a shift (transfer) of the negative image – created in the documentary under consideration with regard to N. Zhelanova – to Minister V. Mutko is achieved. The effect of the actualization of this “trick” is secured by a conclusion expressed in the interrogative form: “So, ***is the sports minister involved in all that?***” (21:10 – 21:12).

It should be emphasized, that the phrase used – “*in all that*” (in what the Sports Minister is “personally involved”) – has a very vague meaning, content-wise, and if it were to be construed literally, it would appear that the filmmakers claim that the Sports Minister himself is personally involved, that is to say, he was a participant in the unlawful activities to facilitate the use of doping in Russia which were presented in the documentary.

The use of undue manipulations and arbitrary speculations, for lack of convincing evidence to support G.Rodchenkov’s allegations in the documentary, is therefore intended to lay the foundation for the invectives articulated towards the Russian Sports Minister V. Mutko about his personal and direct involvement in everything that is shown in the documentary about the use of doping in Russia.

The film continues with an episode about V. Chegin, officially suspended, according to Russia’s Sports Minister V. Mutko, from sports (the analysis of the adequacy and validity of V. Chegin’s image as formed by the documentary was out of the scope of this analysis). This episode also contains unfounded invectives, not supported by evidence, and, on top of that, the filmmakers make yet another attempt to manipulatively create the image of the Russian Sports Minister as a liar.

The filmmakers’ logic and objectives, however, are obvious: to prove that the Russian Sports Minister had repeatedly lied in minor issues, labeling him, in doing so, a “liar”, and then go on to claim, that he also lies when speaking of the unjustified nature of the accusations of the Russian sport as a whole of the sheer use of doping substances by Russian athletes with direct government support, thus lending the appearance of truthfulness to the whole ARD documentary.

[Voice-over narration:] “***But throughout this period no sign whatsoever of Viktor Chegin. Am I on the wrong trail? May be the Sports Minister did not lie?***” (24:15 – 24:26). In other words, it is claimed that the Russian Sports Minister V.Mutko always lies, and now it is hoped that this case would be the only one when he does not.

[Russian Sports Minister V.Mutko about V. Chegin:] “*Chegin is no longer working, neither as a coach, nor as a director. He no longer works in sport at all.*”

Yes, he has no rights anymore, and I hope he will no longer work in the future.” (24:29 – 24:42).

The “rebutter” of this statement of V. Mutko’s is presented in the following manner: [Voice-over narration:] «*Shortly after this interview... I got a call from a female Russian athlete, with new evidence. Apparently, we were simply searching in the wrong place But I should take a look around at the Abkhazian border, near Sochi. Many Olympic competitions were held in the small town of Adler in 2014. Right now many Russian walkers train here. Top athletes, many former Chegin’s protégées, whose doping suspensions have just expired... All claim that they do not work with Chegin today. It is the 27th of April. Suddenly, a gray bus appears. Sergey films it from a safe distance, observes, how a police car escorts the athletes. The bus is always directly alongside the athletes. **The side windows are dark. And, behind the driver, barely visible, a bright spot. I must take a closer look. It’s true. There is a man in the back of the car. Could it be that Viktor Chegin is hiding here, the coach suspended for life?**” (24:44 – 24:45; 24:54 – 25:03; 25:07 – 25:38; 26:09 – 27:12).*

The final statement is accompanied by the footage of some computer-generated reconstruction of a half of the profile of a human face. Whether it is really the result of complicated computer processing of an image or an arbitrary graphic enhancement (fabrication), is impossible to make out from the documentary (such task was not within the scope of the author of this analysis). Let us note, though, that the fact of V. Chegin’s car ride (if we assume that it is true) alongside the athletes does not automatically testify that V. Chegin continues his coaching or administrative activities in the field of sports and, still less, that it is done with the knowledge or permission from the Russian Sports Minister V. Mutko. It should be noted, that the filmmakers provide no conclusive evidence that the face in the said documentary episode is, indeed, the half-profile of V. Chegin’s face (27:08 – 27:15).

The documentary continues with a number of scenes designed to confirm the statements about V. Chegin continuing to work in sports, yet all of them have little substance. For instance, we consider doubtful the shown manipulations of Friedrich Rösing, introduced as “a renowned expert in facial recognition” (27:48 – 27:56), who, as it is said, “applies the strictest international standards” (28:28 – 28:30). It is stated in the documentary (28:05 – 29:40), that F. Rösing had analyzed the said half-profile contour and blurred facial features (if it was a face). But the very process of obtaining this image (the half-profile face contour attributed to V. Chegin in the documentary), as well as subsequent results of the computer techniques used by F. Rösing, raises questions and doubts. F. Rösing himself had described this process as follows: «*I have optimized the image of this shadowy figure*» (28:19). F. Rösing’s comparison of the half-profile contour with contour rendering of an earlier hairstyle (!) on another – frontal – photograph, seems highly inappropriate; it reveals the fundamental imperfection of such method. The matching probability factor of the face on a clear photo and a hypothetical face in the shape of a blurred spot, as declared by F. Rösing, is also very impressive - up to 99 %, according to him (29:29 – 29:31). No comments.

The documentary continues with yet another attempt to create an image of the Russian Sports Minister V. Mutko as a liar: [Voice-over narration:] “**Is the minister credible? A man who, after all the known cases of doping in**

Russia, keeps saying:” (30:05 – 30:13) [Russian Sports Minister V.Mutko:] “*Our success is not built on doping*” (30:13 – 30:15).

As proof of the statement, as presented in the documentary, that the Russian Sports Minister is lying, it is announced: “*Around 250 doping offenders officially since 2013*” (30:24 – 00:29). If the government itself caught on doping and disqualified the quantity of athletes specified over the period indicated, then this phrase can be also interpreted in the way that the government has been effectively fighting against doping in sport. And if those athletes were identified by WADA, it also hardly proves anything, since in other countries of the world the number of athletes, disqualified for illegal use of doping, is also very large. Therefore, the statement quoted in the documentary proves nothing with regard to the existence of the “*state system of doping use*”, but only reflects the fact that there were identified cases of illegal use of the prohibited doping substances by the athletes.

The statement quoted above is accompanied by the background music of the Russian song “Kalinka” while the footage of a whole gallery of images of athletes (presumably – Russian) is being shown, and, judging by the context, those athletes are being exposed as doping offenders (30:20 – 30:40).

A further statement follows: [Voice-over narration:] “*Actually, I believed this film was finished. But I could not get **the role of the Sports Minister Mutko** out of my head. **Was he an innocent? Or a cover-up expert?***” (30:42 – 30:53). By means of this statement, taken in conjunction with the previous episodes of similar content, and backed by manipulative techniques, the following idea-assertion is transmitted and implanted into the audience (viewer): the Russian Sports Minister knows everything about organization of large-scale use of doping in Russia, covers it up and lies when answering questions about it.

Conclusions

The undertaken critical analysis of H. Seppelt’s documentary “*Doping – Top Secret: Showdown for Russia*” («*Geheimsache Doping: Showdown für Russland*») of the German television channel ARD, including the analysis of the content and focus of specific scenes and episodes of the said documentary, and of the communicative methods used in documentary to exert psychological impact on the audience (viewer), provided evidence for the following conclusion: the main communicative goal (originally set and achieved) of this documentary (as well as the main goal of producing and broadcasting this documentary publicly) is to form an extremely negative, dysphorically (with distinct intolerance and antipathy) and pejoratively (derogatory, mocking) denigrative (slandering) image of the Russian sports, Russian athletes and sports organizations, as well as to create a similar image of the activities of the Russian government in the field of illegal use of doping substances in sports. This goal was achieved by means of using a range of manipulative techniques in the documentary and by transmitting the following false ideas-assertions not supported by any convincing evidence in the documentary, their inculcation to the audience (viewer), and ensuring their introjection by the audience (viewer):

- that Russian athletes massively use prohibited doping substances;
- that the Russian state (as represented by the government authorities) blatantly ignored its duties concerning the assurance of the control of the use of

doping in sports, further still – that it de facto created and supports a state system of facilitating the massive use of prohibited doping substances by Russian athletes, including the arrangements to cover-up such facts while the Russian Sports Minister V.Mutko conceals these unlawful activities of the respective individuals, which makes him an accomplice in such offenses;

- that Russian citizens, who criticize this system and try to publicly disclose any information available to them concerning the existence and functioning of such system, are exposed to the threat of physical violence and forced to flee from the country, since their lives are in real danger.

The validity and credibility of the opinions, judgments, and conclusions concerning the existence of the state system of doping use and concealment in Russia, as presented in the documentary, is extremely dubious or overtly insignificant. The film provides no documented facts which would constitute convincing evidence for the statements presented in the author's speech on the existence of state system of doping use and concealment in Russia.

The documentary under consideration reveals multiple pieces of evidence for the use of manipulative techniques directed at the audience (viewer).

Cases of manipulation, misrepresentation of information, arbitrary speculations and false information, identified in the documentary and listed above, are designed to conceal and disguise the absence of conclusive evidence for numerous invectives presented in the documentary, the most important of which is the unproven statement about the existence of the state system of doping use and concealment in Russia.

The comparison of H. Seppelt's documentary "*Doping – Top Secret: Showdown for Russia*" with H. Seppelt's other documentaries about Russian sports previously issued by the German television channel ARD allows one to conclude that those documentaries collectively pursue an orchestrated campaign to falsely discredit Russian athletes and sports organizations, the Russian sports, and Russia as a whole.

The process of selecting episodes (scenes), audio fragments, footage and text insertions for the production of H. Seppelt's documentary "*Doping – Top Secret: Showdown for Russia*" was extremely biased. The following clearly pronounced guidelines observed by the filmmakers have been identified in the documentary: to create a false and extremely negative image of the Russian sports and representatives of the Russian government, involved in the field of sports; selection and interpretation of information was performed in such a way as to achieve this aim.

14.IX.2016

Viktor I. Slobodtchikov, Doctor of Psychology, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Education, Chief Researcher of the Institute for the Study of childhood, family and education of the Russian Academy of Education

* * * * *

Научное издание

**Юридический анализ докладов ВАДА
против российского спорта 2015–2016 гг.**

**Juridical analysis of the WADA reports
against the Russian sports in 2015–2016**

**Analyse juridique des rapports de l'AMA
contre le sport russe en 2015–2016**

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 01.11.2016. Формат 60x90 1/16.

Гарнитура «Arial». Печ. л. 14,37.

Тираж 200 экз.

Заказ № 9611.

Отпечатано в типографии издательства «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

